В.В. Крашенинников

Из истории Жуковского района

Брянск

2025

УДК 821.161.1-14
ББК 84

Крашенинников В.В. Из истории Жуковского района : книга / Крашенинников В. В. — Брянск : Изд-во «Аверс», 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-6055355-4-6

Книга издаётся в авторской редакции

Книга, посвящённая истории Жуковского района, основана преимущественно на многих почти не известных большинству читателей материалах и впервые публикуемых архивных сведениях, и может быть полезной преподавателям школ и других учебных заведений, студентам-историкам, архивным, библиотечным и музейным работникам, журналистам, краеведам и всем, кто по-настоящему интересуется историей Отечества и своей малой родины.

В оформлении книги использованы репродукции с картин В.В. Лаворько «Земля Вщижская», Н.В. Гущинского «Весенний пейзаж», братьев С.П. и А.П. Ткачёвых «Весна 1945 года» и фотографии Б.М. Копырнова «Парк в Овстуге»

ISBN 978-5-6055355-4-6

©В.В. Крашенинников, 2025

Слово к читателям

Каждому думающему человеку присуще хотя бы изредка, отрешась от повседневных дел, забот и развлечений, размышлять о смысле жизни, о своём месте среди сменяющих друг друга на родной земле людских поколений. В этих раздумьях приходят на память или оживают мысленно родители, деды и прадеды – словом, те, кто раньше жил и трудился на этой земле, защищал её в годы военного лихолетья, а потом сам стал её частью. Неизбывное чувство близкого родства с теми местами, где жили предки, где прошли детство и юность, словом, со своей малой родиной, присуще (часто – неосознанно) почти всем живущим. Незримое притяжение малой родины, добрая память о простых людях, близких с детства, – вот та основа, которая определяет отношение большинства к нашему Отечеству – России не с позиции официальной державной патриотичности, а просто как любовь к матери – Родине, радуясь её успехам, огорчаясь её трудностями и неудачами. Но осознанная любовь к Отечеству невозможна без исторической памяти, без понимания всех пережитых народом в разные периоды истории бед и побед, какие выпали на его долю. Именно объективное, приближающееся к правде, а не просто следующее мифам и обычной пропаганде представление о прошлом может дать человеку способность трезво оценивать настоящее и будущее, не забывая своих исторических корней.

Для многих тысяч людей, родившихся на Брянщине, их малой родиной была и остаётся территория современного Жуковского района. Хотя история района не насчитывает ещё и сотни лет, реальное прошлое живших здесь людей исчисляется тысячелетиями. Конечно, в глубинах истории многое туманно, предположительно и не поддаётся убедительному истолкованию. Даже хронология большинства давних событий определяется лишь примерно. Первые документальные известия, связанные с Жуковской землёй, появились в летописях только с середины XII в., но и они, и очень редкие вплоть до XVII в. сведения кратки и обрывочны.

Впрочем, и в более близкое к нашим дням время информация о небольших территориально-административных объединениях типа уезда или района встречается в исторической литературе не часто. Поэтому и представление об уездно-провинциальной жизни как медленно и вяло текущей и, следовательно, малоинтересной, является довольно живучим. Так что одна из целей настоящей книги в том и состоит, чтобы показать на примере истории Жуковского района, как менялась на протяжении веков жизнь различных

сословий и социальных групп российской «глубинки» – жизнь хозяйственная, бытовая, культурная, общественная, заслуживающая внимания и своим многообразием, и судьбами многих примечательных людей.

Подтолкнули автора к созданию этой книги некоторые существенные обстоятельства. Во-первых, в течение 20 лет (с 1962 до 1982 г.) я работал в Жуковском районе: два года завучем и учителем истории в Речицкой восьмилетней школе, 15 лет – директором Олсуфьевской средней школы, а затем – заведующим отделом пропаганды и агитации Жуковского райкома КПСС. Здесь я встретил свою будущую жену – учительницу Нину Ивановну Моисеенко, на Жуковской земле родились наши дети: сыновья Александр и Константин и дочь Надежда. Именно в эти годы я убедился, что не только школьникам, но и большинству других жителей очень немногое известно об истории своей малой родины. В лучшем случае сохранялась память о времени Великой Отечественной войны, а о том, что было раньше, знали мало или предпочитали не распространяться. Дело не в том, что, выражаясь словами А.С. Пушкина, «мы ленивы и не любопытны». Скорее, напротив – у многих школьников тех лет проявлялся живой интерес к любой информации, выходящей за рамки учебников. Сказывалась бедность (и количественная, и качественная) историко-краеведческих публикаций. Да и люди старших поколений предпочитали не вспоминать о насильственной коллективизации, массовых политических репрессиях, уничтожении храмов и о многом другом, что было в период ломки прежнего уклада российской жизни после революционных потрясений 1917 г.

В годы работы в школах Жуковского района и была осознана мною необходимость поиска, систематизации и критического осмысления исторических материалов, связанных с Брянщиной. Сначала это была работа в Брянской областной библиотеке и Государственном архиве Брянской области (ГАБО), а затем, во время отпусков, – в библиотеках и архивах Москвы и Орла. Одновременно активно пополнялась личная библиотека, которую я начал собирать ещё в московские студенческие годы. Таким образом, время работы в Жуковском районе стало периодом накопления того историко-краеведческого материала, который лёг в основу моей книги «Взгляд через столетия. Очерки по истории Брянского края» (1990), а затем использовался в последующих работах краеведческого характера.

Во-вторых, и в названной монографии, и в других, изданных позже книгах, а также во многих статьях, основанных преимущественно на докладах и сообщениях, прозвучавших на более чем 70 научных конференциях,

неоднократно встречались сведения, связанные с историей Жуковского района. Но, поскольку они «рассеяны» по многим изданиям, что серьёзно затрудняет знакомство с ними, то собрать их воедино и привести в определённую систему легче всего, разумеется, самому автору. Конечно, в этом случае не обойтись без существенных дополнений, но, поскольку в авторском архиве сохранилось немало интересных сведений, ещё не ставших достоянием читателей, то эту задачу, в принципе, можно решить. Однако я не беру на себя заведомо невыполнимого – создать полноценную «Историю Жуковского района». Для подготовки такого труда требуется длительная и кропотливая работа не только в ГАБО, но и в архивах Москвы, Петербурга, Орла, Смоленска, Подольска, что по силам лишь будущим исследователям, а не ветерану исторического краеведения, чей возраст перевалил за 87 лет.

Что касается известной читателям Жуковского района книги недавно скончавшегося Николая Ивановича Русакова «История земли Жуковской» (в реальности – в соавторстве с В.В. Миненко, Н.М. Борзыкиным и другими), то, отдавая должное трудам авторов, её вряд ли можно назвать удачной и соответствующей громкому названию. Это всё-таки не история, а скорее фрагменты из неё, к тому же с немалым количеством неточностей и ошибок, которые будут исправлены далее.

В лучшую сторону отличается небольшая книга «Калинов куст». Основная часть жизни её автора, В.Ф. Золотёнкова (1941-2013), прошла в Жуковке: был заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии, директором детского дома, учителем истории в Жуковской средней школе №1. Будучи творческой личностью (это всегда ощущалось в многолетнем дружеском общении с Виктором Филипповичем), он не ограничивался рабочими обязанностями. Уже в 1970-е гг. появились его первые интересные газетные публикации; им была создана хорошая экспозиция в школьном краеведческом музее. Позже он вернулся к журналистике, и его материалы, опубликованные в «Брянском рабочем», вызывали явное недовольство местной власти, но по-доброму встречались читателями. Благодаря поддержке «Брянского рабочего» и была издана в 2013 г. книга В.Ф. Золотёнкова «Калинов куст», в которой есть и добротный исторический материал о партизанском движении в Жуковском районе, и интересные очерки о судьбах заслуживающих доброй памяти людей, которых объединили слова: «война» и «Жуковская земля».

Обращение к истории Жуковского района связано у автора этой книги ещё с одним частным обстоятельством. В сентябре 1943 г. среди бойцов 3-ей армии генерала А.В. Горбатова, освобождавшей район от немецко-фашистской оккупации, был мой родной брат ефрейтор Николай

Михайлович Никифоров, хотя наши фамилии и отчества не совпадают. Дело в том, что моя мать, Юлия Гавриловна Никифорова, умерла, когда мне не было и года, и я был взят на воспитание сестрой матери Евдокией Гавриловной Крашенинниковой и её мужем Виктором Дмитриевичем, которые работали учителями. Вскоре Виктора Дмитриевича направили на курсы младших командиров и с лета 1941 г. он оказался на фронте. Во время оккупации Севского района умер мой родной отец, Михаил Зиновеевич Никифоров. Вскоре после войны Евдокия Гавриловна официально усыновила меня, а приёмным отцом был записан Виктор Дмитриевич. К тому времени пришло извещение, что он пропал без вести, но приёмная мать продолжала надеяться на его возвращение (лишь совсем недавно из опубликованных немецких документов я узнал, что В.Д. Крашенинников умер в январе 1945 г. в лагере для военнопленных близ г. Нюрнберга). Возвращаясь к судьбе брата, Николая Никифорова, упомяну, что летом 1941 г. сразу после окончания Севского педагогического техникума он был призван в армию, осенью 1943 г. после боёв на севере Брянщины участвовал в освобождении Белоруссии и погиб в октябре 1943 г. во время тяжёлых боёв у с. Слобода близ Могилёва (о них упоминал в своих воспоминаниях генерал А.В. Горбатов). Пусть же настоящая книга станет знаком светлой памяти о погибших приёмном отце и брате Николае, их боевых товарищах, павших, защищая Родину, а также о тех примечательных уроженцах и жителях Жуковской земли, ныне покойных, с кем автору довелось не раз общаться в 1960-е годы и позже.

Предлагаемая вниманию читателей книга «Из истории Жуковского района» будет не очень большой по объёму и не повествующей с достаточной полнотой о жизни населения на этой территории. Больше внимания в ней уделено малоизвестным или замалчиваемым событиям и фактам, истории старинных жуковских сёл и деревень, повседневной жизни их обитателей, а также сведениям о примечательных людях, родившихся и живших на Жуковской земле.

Поскольку история любого региона не изолирована от соседних территорий, то в ряде случаев содержащиеся в книге сведения касаются районов Брянщины, соседних с Жуковским, близких территорий Калужской и Смоленской областей, а также в целом Брянщины и России, без чего само понимание некоторых событий невозможно. По техническим причинам книга издаётся без иллюстраций, что можно считать существенным недостатком. В конце книги приведен список основных использованных автором исторических источников и литературы (помещённый в книге Н.И. Русакова список литературы составлен не профессионально).

1. Из глубины веков

Жизнь древнейших людей, изучением которых занимается история первобытного общества, вряд ли можно рассматривать как достоверную историю. В лучшем случае – это пра-история, некоторые представления о которой дают материалы археологии, антропологии, климатологии, лингвистики, топонимики, фольклористики, этнографии; в последнее время к ним добавились сведения ДНК-генеалогии, – словом, тех наук, где есть нтресные факты и гипотезы, но не предлагается целостного знания об изучаемой эпохе. Поэтому вполне понятно, что мнения специалистов, изучавших это древнейшее время, носят обычно вероятностный, предположительный характер и заметно отличаются и по хронологии, и по общим оценкам жизни первоначального населения Восточной Европы, которое появилось здесь, по-видимому, примерно 120-100 тысяч лет назад.

Эту же датировку использовал в книге «История Жуковской земли» и автор главы «Древнейшее прошлое Жуковской земли» археолог В.В. Миненко – человек, профессионально увлечённый своей наукой и стремящийся донести до массового читателя информацию с достаточной полнотой и убедительностью (отсюда – утвердительный, а не вероятностный характер сведений). Однако не со всеми мнениями В.В. Миненко можно полностью согласиться. Вряд ли верно утверждение, что «на территории д. Неготино известно древнейшее на Брянщине местонахождение древнего человека (не менее 120 тысяч лет)», а также мнение, что «жизнь древнейшего населения отличалась оседлостью» (используя при этом название «посёлок»). Время пребывания на Восточно-Европейской равнине первобытных людей (палеолит, или древнекаменный век) условно делится на ранний, или нижний палеолит (свыше 100 тыс. лет назад), средний палеолит или мустьерский период (100-40 тысяч лет назад) и поздний, или верхний палеолит (примерно до 12 тыс. лет назад). Жизнь первых появившихся здесь людей (неандертальцев), уже умевших изготавливать простейшие орудия труда и охоты из камня и кости, во многом определялась природными условиями, в частности – двумя известными в мустьерское время оледенениями. Вероятно, с последним из них и связана гибель неандертальцев (примерно 40 тысяч лет назад) как отдельного биологического вида, не сумевшего приспособиться к изменившимся условиям. Находиться на территории Брянщины неандертальцы, не строившие постоянных жилищ и лишь начинавшие «приручать» огонь, могли только в межледниковые периоды, так что мнение нескольких московских специалистов, что в

мустьерские времена «бассейн Десны ещё только «посещался» первобытными охотниками», представляется резонным. Не случайно пункты пребывания неандертальцев называют «местонахождениями» или «стоянками», но не «посёлками».

При определении времени существования Неготинского местонахождения стоит учесть мнение известного брянского археолога Ф.М. Заверняева, открывшего и исследовавшего в Брянском районе древнее местонахождение близ с. Хотылёво. Первую работу о нём археолог назвал «Хотылёвское нижнепалеолитическое местонахождение» (1961), но позже относил его, вместе со стоянкой Бетово и Неготинским местонахождением, близкими по характеру изученных материалов, к мустьерскому времени. Такими же были мнения и ряда других специалистов. Лишь Л.М. Тарасов, проводивший исследования в Неготино в 1975-1981 гг., в статье «Мустьерские стоянки Верхней Десны» (1995) высказал осторожное предположение, что «архаичность кремнёвого инвентаря допускает возможность датировать» Неготино «и домустьерским временем». В 2006 г., основываясь на материалах, полученных в ходе новых изысканий, брянские археологи А.А. Чубур и В.В. Миненко вернулись к мнению о нижнепалеолитическом характере местонахождений в Хотылёво-I и Неготино. Однако рассматривавшие этот вопрос специалисты из Петербурга и Москвы пришли к выводу, что археологический материал, который «датируется как наиболее ранний, имеющий нижнепалеолитический возраст, в бассейне Средней Десны … не обладает тем минимальным количеством доказательств, которые необходимы для его признания. Нижнего палеолита на Средней Десне нет» (2012). Разумеется, любой исследователь имеет право на собственную точку зрения, но она не должна носить категорического характера – в частности, при определении возраста Неготинского местонахождения. К тому же оно не было древнейшим на Брянщине – ему должно было предшествовать Хотылёвское местонахождение (ведь первобытные охотники, осваивая эту территорию, двигались с юга к северу, а не наоборот).

Неандертальцы, как одно из звеньев в эволюции раннего человечества, не имели, вероятно, достаточного потенциала для развития - в отличие от сменивших их в пору позднего палеолита кроманьонцев, первых представителей другого биологического вида – Homo sapiens («человек разумный»), к которому относятся и нынешние жители Земли. На территории Жуковского района позднепалеолитических стоянок не обнаружено, но они есть поблизости: Хотылёво-II, Супонево, Добрунь (Брянский район), Елисеевичи (Жирятинский район), а самая известная Юдиновская стоянка – в Погарском районе. Раньше других существовала

Хотылёвская стоянка (около 25-21 тысяч лет назад – по данным радиоуглеродного анализа), а возраст остальных – от 17 до 12 тысяч лет назад.

Жизнь кроманьонцев, обитавших на этих стоянках, была трудной из-за последнего великого оледенения. Примерно 30-25 тысяч лет назад ледник, тяжёлым панцирем прикрывавший Скандинавию, Финляндию, Кольский полуостров и весьма влиявший на климат Восточно-Европейской равнины, стал продвигаться к юго-востоку и в период пика холодов (около 20 -18 тысяч лет назад) покрыл территорию современных Эстонии, Латвии, север Литвы и Белоруссии, а также северо-запад европейской России. Обитатели Хотылёвской стоянки были вынуждены её покинуть, а жизнь на других стоянках началась лишь после отступления ледника к северу, когда климат стал немного мягче.

Необходимыми условиями выживания древних людей в те времена были: устройство жилищ полуземляночного типа с перекрытым верхом; поддержание в этих жилищах тепла с помощью постоянных очагов; изготовление одежды и обуви из шкур добытых животных. Постепенное таяние ледников и смягчение климата привели к переменам в окружавшей людей фауне: вымерли мамонты и шерстистые носороги; из-за перемещения к северу тундровых ландшафтов откочевали туда северные олени. Во вновь появившихся лесах главными объектами охоты стали лоси, кабаны, косули, медведи, бобры, зайцы, которые давали и мясо, и шкуры. Появление лука и стрел с кремнёвыми или костяными наконечниками увеличило количество добываемой пернатой дичи. Тем не менее к концу позднего палеолита жизнь на названных ранее стоянках прекратилась, а новых, по-видимому, не появилось. Начавшийся период мезолита (среднекаменного века) оказался для Брянщины бедным археологическими находками, что позволяет говорить о малочисленности обитавших здесь жителей, которые нигде подолгу не задерживались. Связано это было, вероятнее всего, с нестабильностью природных условий. Большие потоки воды от интенсивно таявших ледников; обширные заболоченные пространства; проседания и провалы почвы из-за оттаивания многовековой мерзлоты – всему этому требовалось немалое время, чтобы устояться и обрести твёрдость земной поверхности, благоприятной для человеческой жизнедеятельности.

Для периода неолита (новокаменного века), начавшегося примерно 7 тысяч лет назад, таких находок заметно больше, но они зачастую как бы «перекрыты» более поздними археологическими материалами. В целом главным занятием жителей Брянщины в период неолита оставалась охота, которая совершенствовалась за счёт улучшения

устройства копий, луков, использования разных ловушек. Появление лодок и сетей повысило роль рыболовства. Первая лепная глиняная посуда после просушивания и обжига на огне была хрупкой и неказистой, но постепенно керамические изделия становились качественнее, разнообразнее по форме, а также по наносимому на них орнаменту.

В конце 3-го - начале 2-го тысячелетий до н.э. в средней полосе Восточной Европы расселились племена, обычно именуемые племенами боевых топоров (или шнуровой керамики). Наиболее известны из них так называемые «фатьяновцы», но на Брянщине основные археологические находки связаны с близкими фатьяновцам племенами среднеднепровской культуры. Они были знакомы с выплавкой меди и бронзы, изготавливали из них некоторые изделия (чаще – украшения), и поэтому время с конца 3-го тысячелетия до начала 1-го тысячелетия до н.э. называют обычно бронзовым веком. Но основным материалом для изготовления орудий труда, охоты и оружия оставался камень, в обработке которого среднеднепровские, фатьяновские и близкие им племена достигли совершенства. Особенно выделялись шлифованные и сверлёные боевые каменные топоры, ставшие главным опознавательным знаком для этих племён. Наиболее значительный археологический памятник среднеднепровской культуры – Белынецкий курганный могильник на левом берегу Десны севернее села Вщиж, где с конца 1940-х до начала 1970-х гг. московскими и киевскими археологами было раскопано и исследовано более 20 курганов и обнаружен богатый археологический материал. Поблизости, в урочище Лунёво на левом берегу Десны севернее д. Дятьковичи, был исследован ещё один курганный могильник со сходными по характеру находками, но в меньшем количестве. Однако наиболее важным для будущего развития хозяйственной жизни Брянщины был тот факт, что среднеднепровские племена стали на её территории первыми земледельцами и скотоводами.

Значительный интерес представляет ещё одно обстоятельство. В середине 2-го тысячелетия до н.э. фатьяновцы и близкие им племена переселились (возможно, частично), скорее всего, в бассейны рек Вислы и Одры, т.е. на территории, которые многими специалистами по славянской археологии считаются одним из вероятных районом первоначального расселения славянства. Если же учесть, что генетические характеристики основной части славян практически совпадают с аналогичными характеристиками тех племён, которые наследовали культуру боевых топоров, то резонно сделать вывод, что в её носителях можно видеть пращуров будущих славянских племён.

Примерно в XV в. до н.э. среднеднепровскую культуру на Брянщине сменила сосницкая культура, сформировавшаяся в преемственной связи с прежней. Просуществовала она примерно до IX в. до н.э. Одно из достижений носителей этой культуры – начало выплавки железа из болотной железной руды. Общество вступало в ранний железный век. Находок, связанных с сосницкой культурой, на территории Жуковского района немного, и они чаще всего - на многослойных археологических памятниках. Помимо керамики, это различные изделия из камня. Металлических изделий почти нет – месторождений медных и оловянных руд на Брянщине не найдено, а получение железа из болотной руды лишь начинало осваиваться. Наиболее известное курганное захоронение сосницкого времени обнаружено и исследовано на левом берегу Десны у озера Бесец недалеко от Ржаницы.

Примерно в VII в. до н.э. на территории Среднего Подесенья появились племена, которые относят к юхновской культуре. Живший в V в. до н.э. знаменитый древнегреческий историк Геродот, описывая жизнь и быт скифов, населявших степи к северу от Чёрного и Азовского морей, упомянул и некоторые народности, бывшие северными соседями скифов. Позже многие историки пытались соотнести перечисленные Геродотом названия с племенами, что оставили археологические следы в средней полосе Восточно-Европейской равнины. В частности, юхновские племена связывали либо с будинами (такое мнение высказывали академик Б.А. Рыбаков и ведущий археолог Брянщины Е.А. Шинаков), либо с меланхленами («людьми в чёрной одежде»). Однако легендарность известий Геродота о соседях скифов даёт мало оснований для полноценных гипотез.

Поселения юхновских, а также близких им днепро-двинских племён, обитавших севернее, чаще всего укреплялись оборонительными сооружениями и поэтому получили название «городищ». На юге Брянщины в них могли укрываться общины юхновцев от нападений отрядов скифов, а позже – сарматов, но от кого защищали такие «городища» в лесах севера Брянщины – не очень ясно. На территории Жуковского района остатки юхновских городищ известны близ сёл Овстуг и Речица, а обнаруженное неподалёку от п. Олсуфьево городище могло быть и юхновским, и днепро-двинским. Наиболее вероятно, что в этническом отношении юхновцы были близки к восточным балтам, но возможно и влияние на них ираноязычных племён.

В I веке до н.э. на территории Подесенья юхновцев сменили племена зарубинецкой культуры, а с I до VII веков н.э. здесь, сменяя друг друга, жили племена, относимые к почепской, киевской и колочинской культурам (самое северное

селище колочинской культуры не очень давно обнаружено у д. Косилово). Изменения в составе населения, вероятно, носили мирный характер: следов пожарищ не обнаружено; городища больше не укреплялись и превратились в селища, нередко – довольно обширные, и жизнь на некоторых из таких селищ шла без больших перерывов веками.

Этнический состав населения Подесенья в I тысячелетии н.э. до сих пор остаётся предметом дискуссий. Вероятнее всего, можно говорить о его смешанном характере: на восточно-балтскую основу волнами наслаивались, начиная с VI века, славянские переселенцы, но могли, вероятно, появяться и группы сармато-алан и угро-финнов.

Ведь период с IV до IX в. н.э. был временем «великого переселения народов», в которое оказались вовлечёнными большие массы людей от юга Сибири, Центральной и Средней Азии, Кавказа и дальше на запад – вплоть до Франции, Пиренейского полуострова и севера Африки. Причины этого – не только в заметных изменениях климата, заставивших кочевников искать новые пастбища для своих табунов и отар, но и в тех «пассионарных взрывах» (используя термин известного этнолога, историка и географа Л.Н. Гумилёва), которые подталкивали энергию предводителей отдельных племенных групп и народностей к захвату чужих территорий. Если рассматривать лишь пространства от Волги до нижнего и среднего Дуная и Карпат, то здесь прокатились волны готов, гуннов, аваров («обров»), болгар, печенегов, венгров («угров»), не считая меньших по численности. Массовые перемещения затронули различные племена и народности. Наибольшие лишения времена «великого переселения» принесли жителям степей и лесостепей, которые, стремясь избежать гибели или плена, пытались укрыться в лесной зоне. Там население увеличилось, но стало более «пёстрым» в этническом отношении. В это время славянские родовые общины начали постепенно преобразовываться в территориальные, так что ассимиляция в них «чужаков» была, вероятно, не очень редкой.

Длительный процесс освоения славянами Брянщины, включая Среднее Подесенье, можно представить лишь предположительно. Начался он, по-видимому, не ранее середины первого тысячелетия н.э. с территории Среднего Поднепровья. Свидетельство этому - название реки Десна, по всей вероятности, славянское, производное от слова «десница», т.е. «правая рука». Для славян, плывших вверх по Днепру, Десна и была первой крупной рекой справа. Правомерность такого мнения можно подтвердить, если продолжить движение вверх по Десне – на севере Брянщины в неё впадает река Снопоть, а, двигаясь вверх по этой реке, первым значительным её притоком слева будет Шуица, т.е. «левая

рука». Но оба этих названия станут «говорящими» лишь при движении вверх по течению, а не наоборот. Так что попытки объяснить название Десны, исходя из балтских языков, вряд ли близки к истине, хотя балтских гидронимов на Брянщине, действительно, немало.

Славянское население среди жителей Подесенья стало, по всей вероятности, существенной частью с VI-VII веков, а в IX-X веках оно уже преобладало на большинстве территорий Брянщины. Среди тех славянских племенных союзов, которые расселились в Восточной Европе, с нашими местами связаны кривичи, радимичи, северяне, вятичи. В качестве важного уточнения нужно принять недавно высказанные А.А. Горским и Е.А. Шинаковым мнения, что названия «племена» и «племенные союзы» для времени расселения в Восточной Европе славянских объединений не являются верными - кровнородственные связи в них сменились территориальными общностями с начавшимся социальным расслоением и образованием первых «вождеств».

Многочисленные кривичи заняли территории будущей Полоцкой земли, Псковщину, Смоленщину, а также некоторые другие территории, в том числе – северо-восток Брянщины. Радимичи расселились на востоке Белоруссии (в бассейне реки Сож) и на соседних землях Брянщины. Территорией первоначального расселения вятичей стал бассейн реки Оки (на Брянщине – некоторые места по левым притокам Десны). А северяне, помимо северо-востока современной Украины, занимали территории в соседних землях России, в том числе – на юго-востоке и частично в других местах Брянщины.

И кривичи, и радимичи, и северяне оставили следы проживания в Жуковском районе. Встречены кое-где и одиночные вятичские находки, не исключающие вероятности кратковременного пребывания здесь вятичей. Вполне возможно, что даже в конце первого тысячелетия н.э. в глухих лесных местах Жуковской земли оставались небольшие группы восточных балтов, в частности – племени голядь, последние упоминания о котором в русских летописях относятся к XII веку и связаны с территорией современной Калужской области. А на северо-востоке Брянщины есть несколько топонимов, имеющих явное отношение к голяди: с. Голяжье (ныне – Отрадное) в Брянском районе, д. Колядчино и исчезнувшая д. Головожо в Дятьковском районе, практически обезлюдевшая д. Взголяжья Слобода в Рогнединском районе..

Однако рассматривать последующие судьбы славянских объединений, имеющих непосредственное отношение к истории Жуковской земли, целесообразнее в связи с новым этапом их развития в период формирования Древнерусского государства.

2. В княжеские времена

В 1862 г. в Российской империи с большой торжественностью отметили 1000-летие России, а в Новгороде был воздвигнут в честь этого события величественный памятник (автор – М.О. Микешин). Что же послужило основанием для такого юбилея?

В середине IX в., по сведениям летописей, хазары (о них – чуть позже) «взимали дань ... с полян, и с северян, и с вятичей», а «варяги из заморья» со словен ильменских, кривичей и с финноязычных племён «чуди» и «мери» (более вероятно, что вместо последнего следовало назвать «нерева» – племя, оставившее о себе память в названиях реки Нарва и одного из главных районов древнего Новгорода – «Неревский конец»). Однако вскоре у подвластных варягам племён началось недовольство, и варяги были изгнаны. Но успокоения это не принесло. «И вста род на род», начались новые усобицы. Тогда старейшины этих племён решили «поискать себе князя, который владел бы нами и судил по праву». Их послы отправились «за море, к варягам, к руси, что так звались те варяги – русь». «И избрались три брата со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к словенам первым, и сел в Ладоге старейший Рюрик, а другой – Синеус – на Белоозере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля». Вот это известие, помещённое в древних летописях под 862 годом в нескольких отличных друг от друга вариантах, и стало основанием для упомянутого юбилея, тем более что почти все князья, правившие позже в разных городах Руси, были Рюриковичами. Вскоре умерли Синеус и Трувор, «принял всю власть один Рюрик», сделавший своей столицей Новгород и раздававший волости и города приближённым. Умер Рюрик в 879 г., передав власть и заботу о малолетнем сыне Игоре «родичу» Олегу.

Хотя о времени Рюрика и Олега есть немало исследований, но большинство главных вопросов (не говоря уже о частных) остаётся неясным и вызывает самые разные мнения. Это относится и к личностям Рюрика и Олега, и к роли окружавших их варягов в становлении Русского государства (её не стоит преувеличивать), и к отождествлению варягов с русью (русами) и распространением этого названия на подвластные варягам славянские союзы. Последние утверждения вызвали немало обоснованных возражений. В частности, Л.Н. Гумилёв, базируясь на сведениях восточных авторов, чётко отделял русов и от варягов, и от славян. Но с покойным автором трудно согласиться, когда он Киевское княжество в земле полян именует «Русским каганатом» (подобное отождествление изредка бывало и у древних

авторов). Всё-таки государства у славян управлялись не каганами, а князьями. «Русский каганат» действительно существовал в первой половине IX в., но находился он не на Днепре, а в междуречье Дона и Северского Донца.

Может быть, и не обязательно было упоминать об этом удалённом от Брянщины и не известном большинству государстве, но кое-какие сведения о нём представляют интерес. Ранее уже отмечалась зависимость населявших Брянщину славян от хазар. Сами тюркоязычные хазары, населявшие низовья Терека и Волги с прилегающими территориями и создавшие здесь Хазарский каганат, большой угрозы для славян не представляли. Но в начале IX в. в каганате произошёл государственный переворот, в результате которого каган фактически превратился в пленника, а реальную власть захватила небольшая, но хорошо организованная еврейская община, достаточно богатая и имевшая связи с другими странами. Официальной религией был объявлен иудаизм, а для содержания наёмного войска, бывшего опорой нового режима, нужны были средства – значит, и захваты новых территорий и подданных. Однако главным препятствием на пути этих захватов оказался Русский каганат с его разноязычным населением. Жили здесь и русы, и аланы, близкие по языку иранцам, и тюрки – «чёрные болгары», оставшиеся на старом месте после ухода большинства соплеменников либо на среднюю Волгу и нижнюю Каму, где возникла Волжская Булгария, либо на Балканы, смешавшись там с местными славянами; были в числе жителей Русского каганата и славяне. Для защиты от нападений войск Хазарского каганата русы построили ряд крепостей на юго-востоке своей территории, парализовав примерно на четверть века агрессивные устремления иудейской верхушки каганата. Но около 840 г. хазарским правителям удалось привлечь в качестве союзников многочисленные полчища венгров и с их помощью захватить крепости русов и разгромить Русский каганат. Многие местные жители погибли, другие были вынуждены покориться новым властителям, но часть населения предпочла покинуть прежние места и переселиться - преимущественно к соседним славянам: северянам, полянам и вятичам. Были в их числе и славянские жители Русского каганата, и русы, позже слившиеся со славянами. Здесь пригодились и их военные навыки, и ремесленные умения (особенно – кузнецов и оружейников), и градостроительные знания. Однако и на новых территориях уйти от хазарской зависимости переселенцам не удалось. Вскоре хазарская правящая верхушка сумела навязать даннические отношения и полянам, и северянам, и вятичам, и радимичам (чуть позже).

Раньше других сбросили хазарскую власть поляне. Связано это было с прибывшими в Киев князьями Аскольдом и Диром. Сведения о них немногочисленны и противоречивы. Версия, что они были варягами, направленными в Киев Рюриком, крайне сомнительна. Более вероятно, что они «по родству» продолжили местную княжескую династию, идущую от Кия (но мнение Б.А. Рыбакова об «эпохе Кия», якобы ставшего основателем нового государства около 1500 лет тому назад, не имеет веских оснований).

В 860 г. русско-славянское войско киевских князей совершило успешный поход к Константинополю (Царьграду), затем были походы на болгар (где у Аскольда был убит сын), на полочан и смоленских кривичей, что наверняка осложнило отношения с правившими севернее варягами. К тому же есть известие о бегстве от Рюрика в Киев некоторых «новгородских мужей» (скорее всего, после убийства Рюриком Вадима Храброго и его «многих советников»). В 874 г. был второй поход на Византию, оказавшийся неудачным. Довелось Аскольду и Диру вести военные действия и против союзных хазарским правителям венгров, и против печенегов. И ещё один малоизвестный факт – Аскольд был первым русским князем, принявшим христианство. Впрочем, это не усилило, а ослабило власть князя, поскольку дружинники и местное население оставались язычниками.

В 882 г. правивший в Новгороде князь Олег, собрав большое войско из варягов, словен, подвластных финноязычных племён, а также кривичей (скорее всего, тех, что жили на Псковской земле), двинулся на юг. Сначала он «занял» Смоленск, где посадил своего наместника; затем - город Любеч. Подойдя к Киеву, Олег с помощью обмана и вероломства убил правивших там Аскольда и Дира и сам «сел княжить в Киеве», назвав город «матерью городам русским». С этого времени Олег, по словам летописца, установил сбор дани пушниной, мёдом и другими припасами с подвластных племён в пользу князя, его дружины и «мужей», а также особую денежную дань в пользу варягов – своей главной военной опоры. В 883 г. Олег воевал против древлян, подчинил их и также заставил платить дань. В следующем году дань была возложена и на покорённых северян, ранее плативших её хазарским правителям (для этого потребовалось нанести ещё раньше поражение хазарам). В 885 г. без сопротивления признали власть князя Олега радимичи, начавшие с этого времени платить дань ему, а не хазарам. «И владел Олег полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами», которые стали вместе со словенами, кривичами и их финноязычными соседями населением Древнерусского государства, часто называемого Киевской Русью.

Но процесс формирования единой древнерусской народности на основе восточнославянских племенных объединений и части соседних этносов был не простым и не быстрым. Так, в летописном сообщении о войске, собранном киевским князем Игорем в 944 г. для похода на Византию, перечислены варяги, русь, поляне, словене, кривичи, тиверцы (к тому времени - подчинённые Киеву), а также наёмники – печенеги. Но в этом перечне отсутствуют древляне, радимичи, северяне, вятичи. Отсутствие вятичей объяснимо – они ещё не были подчинены киевскими князьями, хотя и участвовали ранее в подобном походе князя Олега (возможно, как наёмники). Древляне вскоре после смерти Олега прекратили выплачивать дань Киеву, и в 914 г. князь Игорь пошёл на них войною и, победив, возложил на древлян дань больше прежней. Отсюда – неприязнь в отношении к князю племенной древлянской знати. Так что убийство древлянами Игоря в 945 г. при его попытке собрать дополнительную дань сверх ранее собранной можно назвать закономерным.

О причинах неучастия радимичей и северян в упомянутом походе Игоря на Византию русские летописи не сообщают. Объяснение следует искать в тех событиях, сведения о которых (пусть и отрывочные, и не всегда ясные) есть у иностранных авторов. В 941 г. хазарское наёмное войско под предводительством Песаха вторглось на территорию Киевской Руси, разорило некоторые места и фактически вынудило князя Игоря признать зависимость от правителей Хазарского каганата. С этого времени радимичи и северяне подчинялись уже не Киеву, а хазарам, которые вновь собирали с них дань. О зависимости политики Киева от правителей Хазарии свидетельствует и морской поход русско-славянского войска на Каспий в 943-944 гг. Поход этот, совершенно не нужный Киевской Руси (кроме желания пограбить), проводился не только с согласия хазарских властей, но и при их поддержке и подстрекательстве. Он сопровождался жестоким разорением территорий на юго-западном побережье Каспия и завершился бесславно. Победителями в нём вполне могли считать себя хазарские правители: чужими руками был нанесён военный и хозяйственный урон противникам Хазарии в Закавказье, а гибель тысяч славяно-русских воинов также существенно ослабила потенциальных противников хазар. В связи с этим походом вызывает недоумение весьма высокая оценка Е.А. Шинаковым действий «морской пехоты» русов, продемонстрировавших, по его словам, «непревзойдённые качества ... и при штурме, и при обороне, и при отходе с боями». Эта оценка явно контрастирует с тем фактом, что из похода вернулась на Русь меньшая часть воинов, хотя и с немалой добычей.

После гибели князя Игоря его наследником стал сын Игоря Святослав, бывший ещё ребёнком, а реальную власть в Киеве возглавила (хотя и не сразу) вдова погибшего княгиня Ольга. Прежде всего княгиня «рассчиталась» с мятежными древлянами: сначала хитростью заманила и ликвидировала их племенную верхушку, потом уничтожила в пожаре столицу – г. Искоростень, а после разгрома древлянского ополчения вновь подчинила их Киеву. Затем княгиня Ольга начала упорядочивать сбор «даней» и «оброков», определяя их размер, взимаемый с отдельных «волостей» (в ту пору это были большие территориально-административные единицы), по всей вероятности, в зависимости от наличия в них различных «угодий». Местом сбора дани были либо города, либо специально устраиваемые «погосты». Постепенно такой порядок распространился на все подвластные Киеву территории вместо прежних «полюдий». Любопытно, что принадлежавшие самой княгине Ольге охотничьи угодья были, по словам летописца, и где-то «на Десне».

В 959 г. (по другим сведениям – в 957 г.) княгиня Ольга совершила поездку в Константинополь, где приняла православное крещение. С этого времени существовавшая в Киеве православная община получила её покровительство и стала заметно расти. Но попытка княгини приобщить к православию своего совершеннолетнего сына Святослава встретила у того отрицательное отношение. Храбрый воин, но неумелый правитель, Святослав предпочитал проводить время не в стольном Киеве, а в боевых походах, перепоручив руководство государством матери и её советникам.

Осенью 964 г. Святослав со своим войском выступил в поход против хазар, но не кратчайшим юго-восточным путём через земли подвластных хазарам северян и через донские степи, где наверняка был бы встречен хазарской конницей, а на землю вятичей. Здесь войска Святослава остановились на зимовку, использованную для постройки ладей, на которых и продолжили свой путь в 965 г. вниз по течению Оки и Волги. Войско кагана было разгромлено; столица каганата, г. Итиль, захвачена войсками Святослава. Судьба кагана и окружавшей его иудейской верхушки осталась неизвестной. Затем войска Святослава продолжили поход на Терек, Кубань и нижний Дон, не встретив серьёзного сопротивления: зависимые ранее от хазар племена и народности, да и рядовые хазары не склонны были защищать рухнувший режим.

Вскоре после возвращения в Киев Святослав совершил поход на вятичей и заставил их платить дань. Но ни стольный Киев, ни соседние славянские земли не привлекали князя, и спустя недолгое время он со своим войском отправился на Дунай и во Фракию, где с переменным успехом воевал против

болгар и греков. Воспользовавшись уходом русского войска, большие силы печенегов в 968 г. осадили Киев, где в это время находились княгиня Ольга и сыновья Святослава. Лишь пришедшие на помощь киевлянам с левого берега Днепра (не подконтрольного Киеву) дружинники воеводы Претича спасли город от захвата и разорения, а подошедшие позже войска Святослава окончательно оттеснили печенегов в степь. Киевляне справедливо сетовали Святославу, что князь «ищет чужой земли и о ней заботится», а «свои отчины» не бережёт. Это признавал и сам Святослав: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей».

Когда в 969 г. умерла княгиня Ольга, князь Святослав поручил управление Киевом старшему сыну Ярополку, второго сына Олега послал в землю древлян, младшего сына Владимира вместе с его опекуном Добрыней – в Новгород, а сам, собрав войско, вновь отправился на Дунай. Последняя военная кампания Святослава была трудной и кровопролитной, но удержать придунайские городки не удалось и после мирного соглашения с византийским императором пришлось возвращаться. Некоторые действия князя Святослава в это время (в частности, репрессии против собственных дружинников-христиан) трудно объяснить, как и военные ошибки, допущенные при возвращении. В итоге князь и находившиеся с ним дружинники погибли в битве с печенегами близ днепровских порогов в 972 г.

Мирные отношения между сыновьями Святослава были недолгими, сменившись с середины 970-х гг. междоусобной враждой. В результате Олег и Ярополк были убиты, а победителем стал Владимир. Опираясь на наёмников-варягов и поддержку новгородцев, он сначала захватил Полоцк, где убил княжившего там Рогволода и двух его сыновей, а княжескую дочь Рогнеду насильно взял в жёны. В 980 г. Владимир захватил Киев. Годы киевского княжения Владимира Святославича (980-1015) были насыщены и военными походами, и другими событиями, но перечислять их нет необходимости. Главными деяниями князя стали принятие им православия, крещение в 988 г. киевлян и последующее распространение православия на остальные территории Руси. Именно за эти очень важные для будущей судьбы Русского государства и русского народа деяния Владимир Святославич позже был наречён Святым. Но в отличие от княгини Ольги, которая приняла православие, стремясь приобщиться к истинной вере, князь Владимир руководствовался, вероятно, политической целесообразностью, увидев в православии ту духовную силу, которая способна сблизить разобщённые ранее языческие славянские и другие племена, вошедшие в состав Киевской Руси.

От боевых походов, братоубийственных усобиц и прочих событий жизни древнерусских князей, обратимся к жизни рядовых славян, которые населяли в то далёкое время Брянщину, в том числе – территорию будущего Жуковского района. Ранее уже были названы крупные славянские союзы, которые расселялись на севере Брянщины: кривичи, радимичи, вятичи, северяне. Наиболее многочисленны были кривичи. В середине I тысячелетия н.э. они выделились из западных славян – венедов и, покинув прежнее местожительство (где-то между Вислой и Неманом), начали вместе с частью балтского племени пруссов расселяться на северо-восток. Одна из больших групп кривичей обосновалась в бассейне реки Великой и позже именовались «псковскими кривичами», другая группа («полочане») расселилась в среднем течении Западной Двины на севере современной Белоруссии, а основная часть племенного союза («смоленские кривичи») осела в верхнем течении Днепра и с территории Смоленщины постепенно расширяла регион своего проживания на северо-восток и частично на юго-восток, в северную часть современной Брянщины. Материалы исследований недавнего времени позволили уточнить примерные границы расселения здесь кривичей, занимавших в XI-XII вв. весь Рогнединский район, большую часть Дубровского и север Дятьковского районов, а в Жуковском районе – междуречье Десны и Ветьмы.

Расселявшиеся южнее и частично юго-восточнее кривичей радимичи, северяне и вятичи, по словам летописей, имели одинаковые обычаи, вызывавшие у монахов-летописцев неприязнь («живяху зверинским образом»), а бытовавшие у этих племён языческие «игрища», пляски и песни в летописях названы «бесовскими». Перечисленные племенные союзы были не только близки по своим обычаям и обрядам, но, вероятно, имели и давние родственные связи. Об этом свидетельствует тот факт, что височные кольца (типичные украшения славянских женщин) у радимичей, северян и вятичей близки по форме и заметно отличаются от подобных украшений у других славян. По-видимому, в середине I тысячелетия н.э. эти племена жили где-то на территории позднейшей Польши (отсюда – сведения летописей, что радимичи и вятичи – «от ляхов»). Раньше других, вероятно, начали перемещаться на восток будущие северяне. Затем они оказались сначала в лесных, а затем и в лесостепных местах днепровского левобережья, где соседствовали, вероятно, с частью уцелевших славян-антов, с русами, позднесарматским племенем савиров, ираноязычными аланами, а также с тюркоязычными «чёрными болгарами».

Вот из этих разнородных групп населения и сложился примерно к началу VIII в. союз северян – славянский в своей

основе, но со следами влияния иных этносов и в укладе жизни, и в языке. Само название «северяне» связано, возможно, с иранским словом «seu» - «чёрный», но нельзя исключать предположения, что на территорию своего проживания они прибыли из более северных мест. По словам летописей, северяне расселились по Десне, по Сейму и по Ворскле, заняв таким образом северо-восток современной Украины и прилегающие территории Брянской, Курской и Белгородской областей. Именно здесь и сформировалась роменская археологическая культура (VIII-XI вв.). Находки, связанные с этой культурой, были и на территории Жуковского района. В его северной части (близ бывшего п. Борча и д. Гришиной Слободы), где встречалась роменская керамика, северяне появлялись не надолго, а затем их сменили радимичи и кривичи. На юге района пребывание северян было более заметным: следы их селищ есть на Благовещенской горе близ Вщижа и южнее Ржаницы в урочище Витховка. На Благовещенской горе были также обнаружены и исследованы Б.А. Рыбаковым останки языческого святилища, сначала – балтского, а затем – северянского. Как отмечалось ранее, в разные периоды северяне платили дань то хазарским каганам, то киевским князьям, но в реальности в X – начале XI вв. они подчинялись черниговским князьям, не относившимся к Рюриковичам. Об этих князьях в древних русских летописях сведений нет. Впрочем, иногда и молчание бывает красноречивым. Даже Святослав Игоревич и Владимир Святославич ни разу не совершали походы на Чернигов или на подконтрольные ему земли. Когда в начале XI в. Владимир рассаживал своих сыновей на княжение в разных городах Руси, вплоть до недавно завоёванной Тьмутаракани, он никого не послал в Чернигов, поскольку город был ему не подвластен.

В 1019 г., практически сразу после смерти князя Владимира Святого, началась междоусобная борьба между его сыновьями, в ходе которой были убиты князья Борис, Глеб, Святослав, а затем и основной виновник их гибели Святополк. Главная же борьба за власть на Руси развернулась между Ярославом (значительно позже был назван Мудрым), княжившим в Новгороде, и Мстиславом Храбрым (его назвали так после убийства в поединке касожского князя Редеди), правившим в Тьмутаракани. В 1024 г. близ местечка Листвен (между Черниговом и Любечем) братья-противники встретились в решающей битве. В войске Ярослава ударной силой был значительный отряд наёмников-варягов. Мстислав, пришедший в Чернигов и занявший этот город, привёл с собою из Тьмутаракани, помимо славянской дружины, конные отряды северокавказских касогов и ясов, а также хазар (не иудеев, а православных и язычников). Вошли в его войско и

ополченцы-северяне. Именно северянам, находившимся в центре войска Мстислава, довелось выдержать натиск варягов, имевших лучшее вооружение и боевую выучку, но северяне проявили недюжинную стойкость и, хотя понесли большие потери, удержали позицию. Тем временем конница южан прорвалась по флангам и окружила войска Ярослава, потерпевшие полное поражение. Сам Ярослав с частью варягов и дружинников сумел бежать.

Но спустя два года по инициативе Мстислава конфликт закончился миром, по которому Новгород, Киев и земли к западу от Днепра оставались за Ярославом, а Чернигов и земли восточнее Днепра – за Мстиславом. Фактически Мстислав оказался правителем тех территорий, которыми владел Хазарский каганат в период своего могущества. Братья жили дальше в мире и согласии, а когда в 1036 г. Мстислав, не имевший наследников, умер, его держава перешла к Ярославу, что обернулось недобрыми последствиями для северян. Сведения об этом не нашли места в летописях, но археологические материалы показывают, что власть Ярослава на земле северян утвердилась не без сопротивления, о чём свидетельствовало разорение их поселений - многие северские городища завершаются следами пожарищ. Такова была «расплата» князя Ярослава (в данном случае не Мудрого, а злопамятного) с виновниками его поражения под Лиственом. Разгром северянского союза (примерно в 1040-е гг.) стал одновременно и концом роменской культуры. Но потомки северян («севрюки») сохраняли особенности своего уклада жизни ещё не менее 500 лет.

Радимичи и вятичи были последними «волнами» переселения славян в Восточную Европу, и их путь оказался довольно длинным. Радимичи поселились по реке Сож и её притокам, а затем постепенно продвигались на восток. Первоначальным местом расселения вятичей стало верхнее и среднее течение Оки, так что следы их пребывания на Брянщине есть в основном к востоку от Болвы и по левобережным притокам Десны. Вскоре после своего появления на новых местах и радимичи, и вятичи были вынуждены признать себя данниками Хазарского каганата, но с 885 г. радимичи начали платить дань захватившему власть в Киеве Олегу. Вятичи долго оставались данниками каганата, и лишь в 966 г. после похода Святослава стали платить дань Киеву. Впрочем, смиряться с ролью киевских данников ни вятичи, ни радимичи не хотели, и в период начавшейся после смерти Святослава межкняжеской распри выплату дани прекратили. Поэтому князю Владимиру пришлось дважды (в 981 и 982 гг.) ходить походом на вятичей, а в 984 г. – на радимичей. Во время последнего похода радимичское

ополчение было разбито у речки Пищани отрядом воеводы по прозвищу Волчий Хвост. В исторической литературе место этого боя обычно определяют близ речки Пищани на севере современной Могилёвской области. Ещё в 1990 г. автор этой книги высказал другое предположение, что сражение радимичей с отрядом Волчьего Хвоста могло быть близ места впадения в Десну соседних речек Песковки и Щанки на территории современного Выгоничского района. Это предположение было оспорено Е.А. Шинаковым, высказавшим мнение, что удар по радимичам мог быть нанесён из Смоленска. Но Евгений Александрович, видимо, оставил без внимания сведения летописи, что отряд Волчьего Хвоста был передовой частью шедшего следом (наверняка не из Смоленска) войска князя Владимира. Радимичи позже уже не решались противостоять киевским князьям, а вятичей, напротив, пришлось неоднократно усмирять вплоть до середины XII в. Дольше других среди славян вятичи противились и принятию христианства, а примерно в 1130-1140-е гг. (либо даже позже) убили киево-печерского монаха Кукшу, пытавшегося приобщить их к православию. Дело не в особой «дикости» вятичей, о которой порой пишут, а в том, что, оказавшись на востоке славянской территории, они имели в качестве соседей несколько финноязычных племён, среди которых языческие верования имели особо глубокие корни, а местные жрецы и шаманы пользовались немалым влиянием. Постепенная ассимиляция вятичами части этих племён, вероятно, повлияла на живучесть язычества и у самих вятичей.

Возвращаясь к радимичам, можно отметить, что помимо «ядра» племенной территории, которое и в пору формирования древнерусской народности продолжало именоваться «Радимичи» (на Брянщине к нему относились бассейны рек Беседь и Ипуть), есть немало следов пребывания в наших местах групп радимичского населения. Это и археологические древности (от Дубровского района на севере до Трубчевского района на юге), и топонимические данные – названия селений в тех же районах (с. Радичи – Дубровский, сёла Радутино, Радчино, д. Радинск – Трубчевский). О возможном появлении радимичей на левом берегу Десны свидетельствует название речки Радица, впадающей в Болву близ Брянска, а также радимичские находки в курганах близ с. Батогово (Брянский район). Но особую пищу для размышлений о роли радимичей на Брянщине даёт современный Трубчевский район, где на небольшой территории правобережья Десны оказались рядом и места с большим количеством находок радимичских древностей близ Кветуни, и три упомянутых селения с корнем «рад». Добавить к этому можно и ещё один любопытный факт. Уже в начале XX

в. лингвисты, изучая «трубчевские говоры», установили их заметную связь с белорусским языком, хотя в течение нескольких последних веков белорусы близ Трубчевска не жили. Вероятно, что когда с XIV в. основная часть радимичей, а также дреговичи и полочане начали объединяться в белорусскую народность с общим языком, часть радимичей, оставшаяся на территории правобережья Десны, смешалась с местными жителями и вошла в состав русского народа, а некоторые особенности радимичского наречья уцелели и перешли в «трубчевские говоры».

На территории современного Жуковского района радимичи расселялись на правобережье Десны, занимая междуречье её правых притоков Белизны и Угости и доходя, вероятно, вдоль Десны до Вщижа. Кто жил тогда на крайнем юге района – неясно (возможно, смешанное население). Нет материалов и для характеристики жителей лесистого левобережья Ветьмы, где могли ещё сохраняться отдельные группы восточных балтов – в частности, голяди. В этом случае следует учесть мнение известного историка и археолога П.Н. Третьякова, считавшего, что «при расселении славян ... местное балтское население в массе оставалось на своих старых землях, веками жило чересполосно с пришельцами-славянами и мало-помалу смешалось с ними». Не случайно балтские названия рек Болва, Надва, Лутна, Госама и некоторых других не были позже изменены славянами – свидетельство отсутствия вражды между прежними и новыми поселенцами. В названии реки Ветьма также есть «балтский след», но в целом оно остаётся не очень ясным.

Главное содержание жизни древних славян и их соседей определялось не боевыми походами князей, междоусобными распрями и другими военными и политическими событиями, а повседневной трудовой деятельностью рядовых общинников, традициями семейно-бытового житейского уклада, где нелёгкие будни изредка сменялись праздниками (сначала – языческими, затем – православными, но с заметными пережитками древних обрядов). Именно эта «бессобытийная» жизнь, изобиловавшая многими трудами и опасностями, была той питательной почвой, на которой рождались, росли и набирали силы новые поколения славян, а затем – сынов и дочерей русского народа.

По словам одного из виднейших русских историков В.О. Ключевского, «Великороссия со своими лесами, топями и болотами на каждом шагу представляла поселенцу тысячи мелких опасностей, непредвидимых затруднений и неприятностей, с которыми приходилось поминутно бороться. Это приучало великоросса следить за природой, «смотреть в оба», по его выражению, ходить оглядываясь и ощупывая

почву, не соваться в воду, не поискав броду, развивало в нём изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями».

Северная часть Брянщины, включая территорию Жуковского района, была в ту давнюю пору сплошным лесным массивом, кое-где заболоченным. Свободны от лесов были лишь речные долины да «росчисти», освобождённые прежними поселенцами для своих жилищ и пашен. И хотя славянам приходилось «воевать» с лесами, чтобы освободить новые площади для посевов, в реальности лес был для них главным помощником. Он давал материал для строительства жилья и надворных построек, для хозяйственных поделок (сохи, бороны, грабли, вилы, сани, телеги, бочки были деревянными), смолу, дёготь, нужное для обработки кож ивовое и дубовое корьё, лыко (из него плели лапти), бересту для изготовления домашней утвари, лучину для освещения и т.д. Для отопления использовали обычно сухостой, валежник, хворост. Леса Брянщины, богатые в ту пору промысловыми зверями и боровой дичью, были для славянских охотников основным местом их промысла, который пополнял продовольственные запасы жителей, давал им шкуры и пушнину. Основными объектами охоты были лоси, кабаны, медведи, волки, лисы, зайцы, белки, куницы, реже – косули, благородные олени. Помимо пушнины, важными видами дани, которую собирали со славян, являлись мёд и воск, получаемые от занятия бортничеством. Борть – это дерево с дуплом, населённым дикими пчёлами. И борти, и участки леса, где было по нескольку бортных деревьев («бортные ухожьи») помечались особыми знаками. Находились в лесу дела и для славянской детворы: собирать грибы, ягоды, орехи, дикорастущие плоды и съедобные травы. Немало пользы получали славяне и от полноводных тогда рек и других водоёмов. Добываемая здесь рыба была важным продуктом питания; здесь же охотились на водоплавающую и болотную дичь, а также на бобров и выдр. Наверняка познакомились славяне и с расположенными в пойме Десны озёрами, где обильно росли водяные орехи – чилим.

Но как ни важны были для славян-общинников охота, рыболовство и другие перечисленные занятия, главное место в их хозяйственной деятельности занимали земледелие и скотоводство. Первоначально преобладала подсечно-огневая система земледелия, при которой лес подрубался, засыхал на корню, а затем сжигался. После этого на участке выкорчёвывали и сжигали пни, почва взрыхлялась сохой, ралом или суковаткой, выравнивалась и, удобренная золой, была в состоянии дать хороший урожай. Тем временем нужно было готовить таким же образом новый участок земли, так как

через 3-4 года урожайность на прежнем заметно падала. Постепенно подсечная система начала уступать место переложной (залежной), при которой освобождённый из-под леса участок эксплуатировался 3-4 года, затем оставлялся «отдыхать», пока столько же время обрабатывался другой участок, а потом они менялись ролями. Из залежной системы позже возникла двухпольная, где участки «под паром» и пахотный чередовались через год. А затем на Руси основной системой земледелия утвердилось трёхполье, когда треть земли занимали озимые, треть – яровые, а треть оставалась под паром. Дожила эта система в России до XX века. Одно поле занимали, как правило, под главную хлебную культуру – озимую рожь. На яровом поле сеяли овёс, ячмень, гречиху, просо, горох, лён, реже – пшеницу, яровую рожь («ярицу»), полбу (разновидность крупяной пшеницы), а также репу – основную в те времена овощную культуру. Выращивали и коноплю для получения пеньки и растительного масла, но под неё отводили отдельные участки, где почву удобряли навозом. Использовался навоз и на огородах, близких к жилью. Там основными овощными культурами были капуста (кочанная и листовая), лук, чеснок; другие овощи (свёклу, морковь, редьку, хрен) выращивали меньше.

Главным рабочим скотом, без которого невозможно было вести хозяйство, являлась лошадь, причём для нормальной жизни большой патриархальной семьи требовалось не менее 2-3 лошадей (к тому же они были нужны и в ратном деле). Из продуктивного скота основным являлся крупный рогатый скот, затем – свиньи и овцы, значительно реже – козы. Помощницей в охоте была собака. Появились и домашние птицы: куры, утки, гуси.

В условиях натурального хозяйства большое место в жизни славян занимали различные домашние ремёсла. Строительство и ремонт жилья и хозяйственных помещений; прядение и ткачество из льна, конопли и шерсти; первичная обработка кож, шкур пушных животных, овчин; изготовление лепной глиняной посуды – всеми этими делами занималась практически каждая славянская семья. Постепенное совершенствование орудий и навыков труда приводило к тому, что отдельные общинники, не порывая связи с сельским хозяйством, всё больше времени работали на заказ, для сбыта изготовленной продукции. Раньше других начали специализироваться гончары, кузнецы, оружейники, кожевники, бондари и некоторые другие ремесленники. Однако окончательное выделение ремесла как существенной части хозяйства было связано уже не с селениями, а с городами – центрами административной и торгово-ремесленной жизни Древней Руси. Первым из них в русских летописях на

территории Среднего Подесенья назван в 1142 г. Вщиж, ныне небольшое село в Жуковском районе.

Для современных жителей Жуковской земли, хотя бы немного знакомых с отечественной историей, название «Вщиж» символизирует связь их малой родины с героическими и трагическими временами былой жизни в эпоху Древнерусского государства. Психологически понятно стремление людей, интересующихся историей своего края, расцветить её, сделать более значительной и привлекательной. Нужно лишь не терять чувства меры. Вот почему нельзя согласиться с названием второй главы в книге «История земли Жуковской» – «Вщиж – центр древнерусской культуры» (автор – Н.М. Борзыкин). Центром древнерусской культуры однозначно был Киев (независимо от того, нравится это кому-то в нынешние времена или нет). Именно из Киева распространялось на остальные территории Древней Руси православное культурное и духовное влияние (письменность, летописание, первые школы, каменное храмовое зодчество и т.д.). Постепенно к Киеву стали приближаться по своему политическому и культурному значению ещё около десятка древнерусских городов, ставших центрами отдельных земель, но Вщижа среди них не было. Так что наиболее корректно было бы название – «Вщиж как один из примечательных центров древнерусской государственности и культуры».

Первое косвенное известие о Вщиже относится ко второй половине XI в. Известный русский историк В.Н. Татищев, основываясь на утраченных позже летописях, упомянул в своей «Истории Российской» князя Бориса Счижского, т.е. Вщижского, погибшего в 1078 г. Этим князем мог быть только Борис Вячеславич, сын Вячеслава Смоленского, внук Ярослава Мудрого. Князь Вячеслав Ярославич, недолго управлявший Смоленском, умер в 1057 г.; его вдова, Ода Леопольдовна, графиня Штаденская, после смерти мужа уехала к родителям в Германию вместе с малолетним сыном Борисом и дочерью Вышеславой (позже – женой польского короля Болеслава I Смелого). В 1077 г. Борис вернулся на Русь, но отцовского княжения в Смоленске не получил (там княжил в это время Владимир Всеволодович, известный как Владимир Мономах). Тогда, видимо, и было предложено князю-изгою Борису возглавить Вщижское княжество, но это его не устроило. Пытаясь утвердиться в Чернигове, князь Борис вступил в междоусобную борьбу с другими князьями и погиб в битве на Нежатиной Ниве в октябре 1078 г.

Согласно первому летописному известию о Вщиже, в 1142 г. великий киевский князь Всеволод Ольгович решил «рассадить» своих беспокойных двоюродных братьев Изяслава

и Владимира Давидовичей подальше от Киева, дав им соответственно Берестье (Брест) и Дорогичин, Вщиж и Ормину (последнее название, скорее всего, связано с селом Вормино Мглинского района). Вероятно, что именно во Вщиже в конце 1144 г. или в начале 1145 г. у недавно женившегося князя Владимира Давидовича появился наследник – сын Святослав Владимирович, с именем которого и были позже связаны самые известные страницы истории Вщижского княжества. Что касается самого Владимира Давидовича, то князь со своей дружиной продолжал постоянно участвовать в боевых походах и в междоусобных войнах. Так, в конце 1146 - начале 1147 гг. он вместе с великим киевским князем Изяславом Мстиславичем, своим братом Изяславом Давидовичем и некоторыми другими князьями выступил в поход против новгород-северского князя Святослава Ольговича, вынужденного с семьёй и дружиной покинуть Новгород-Северский. В связи с этой междоусобной войной в летописях впервые в январе 1147 г. названы Севск, Карачев, Брянск (начальная хронология этих городов, нередко относимых по старой традиции к 1146 г., требует уточнения), а чуть позже – Воробиин (ныне – с. Воробейня Почепского ройона). Не касаясь большинства событий этой войны, заметим лишь, что после встречи в марте 1147 г. в Москве (первое упоминание будущей столицы России) со своим тестем, князем Юрием Владимировичем Долгоруким, Святослав Ольгович, получив военную помощь от тестя, а также от половцев, начал контрнаступление. Основная часть войск Святослава Ольговича заняла Мценск и окрестные территории; другая часть (русско-половецкие отряды), пройдя вдоль Болвы, заняла, и, вероятно, разорила Дебрянск (древний Брянск в то время находился в районе городища «Чашин курган»), а затем дошла «до Воробиины». Владимир и Изяслав Давидовичи запросили мира и возвратили Святославу Ольговичу ранее занятую территорию Новгород-Северского княжества.

Но вскоре междоусобные войны, затронувшие Брянщину, разгорелись с новой силой – с 1149 г. в борьбу за великое киевское княжение вступил суздальский князь Юрий Долгорукий, который не раз овладевал Киевом, но затем терял. В 1151 г. в одной из битв погиб Владимир Давидович, бывший последнее время союзником Юрия Долгорукого. Сыну Владимира Давидовича Святославу не было тогда ещё и 7 лет, а, когда его овдовевшая мать вышла замуж за половецкого хана Башкорда, опекать фактически осиротевшего племянника («сыновца») стал Изяслав Давидович, который поселил Святослава в г. Берёзый близ Чернигова. Юный княжич, по всей вероятности, в физическом, умственном и военном возмужании заметно опережал свой возраст, и в 1156 г., поссорившись со своим дядей, ушёл из Берёзова во Вщиж и

«занял» всё Подесенье (так называлась обширная волость Черниговской земли на правобережье Десны). Следовательно, у Святослава Владимировича, не достигшего ещё и 12 лет, уже была своя дружина с опытными военачальниками. Вскоре дядя и племянник помирились, и в последующих междоусобных войнах, которые постоянно вёл Изяслав Давидович, его племянник со своей дружиной стал одним из главных союзников князя. Когда осенью 1160 г. Изяслав Давидович из Вщижа вместе с союзными половцами начал поход на южную часть Смоленской земли, а затем «в Вятичи», противники Изяслава решили разгромить его союзника, Святослава Владимировича Вщижского.

Дружины князей Святослава Ольговича, Святослава Всеволодовича, Рюрика Ростиславича (названы лишь те, кто в разное время были великими киевскими князьями) и ещё нескольких, подошли в конце 1160 г. ко Вщижу и осадили город. Но пятинедельная осада «детинца» (деревянного кремля) и «окольного города», также окружённого деревянной стеной и глубоким рвом, оказалась безрезультатной. Гибли горожане, которых хоронили возле крепостных стен и на дворах; сгорело много построек (об этом свидетельствовал слой пепла, датированный примерно серединой XII в.), но защитники Вщижа продолжали мужественно держаться. Вряд ли это могло быть без мобилизующей воли юного князя Святослава Владимировича, который, по всей вероятности, при первых вестях о подготовке похода на Вщиж принял меры по укреплению «детинца» и «окольного города»; привлёк туда, кроме своей дружины, боеспособное население окрестных мест с оружием и припасами, а затем грамотно организовал оборону. Тем временем князь Изяслав Давидович, находившийся в земле вятичей, направил представителей к своему могущественному союзнику – владимиро-суздальскому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому с предложением выдать замуж дочь за вщижского князя Святослава Владимировича, а пока оказать ему военную помощь. По приказу Андрея Боголюбского ко Вщижу были направлены ростовские и муромские полки. Пошёл на помощь племяннику и князь Изяслав Давидович. Когда помощь была уже близка, осаждавшие Вщиж князья «даша мир» Святославу Владимировичу и покинули Вщижское княжество. А вскоре сюда прибыла дочь Андрея Боголюбского Мария и состоялась её свадьба с вщижским князем. Был ли на свадьбе у племянника Изяслав Давидович – неизвестно, так как он погиб в марте 1161 г. во время очередной междоусобной войны.

О последних годах короткой жизни Святослава Владимировича Вщижского сведений нет. Вероятно, он был занят восстановлением нормальной жизни во Вщиже,

значительно пострадавшем во время осады 1160 г., а затем строительством в «окольном городе» каменного храма – одного из первых подобных на Брянщине. Мнение некоторых специалистов, что вщижский храм был построен в конце XII - первой половине XIII в., явно не учитывало реальной истории Вщижа, а основывалось только на архитектурных канонах. Нет больше сведений и о вщижской княгине Марии Андреевне. Последнее летописное известие о Вщиже, с сообщением о смерти князя Святослава Владимировича и о направлении туда одного из сыновей черниговского князя Святослава Всеволодовича, относится к 1167 г. В этой связи нужно внести коррективы в некоторые даты и цифры, содержащиеся в публикации Н.М. Борзыкина. Вщиж упоминается в летописях с 1142 по 1167 гг., т.е. 25 лет, а отнюдь не 96 лет (о разорении города в 1238 г. никакие летописи не сообщают). Княжил во Вщиже Святослав Владимирович не 17 лет (1150-1167), а 11 лет (1156-1167). Непонятно, на чём основывался Н.М. Борзыкин, называя «период высшего расцвета средневекового города – 25 лет». Какие годы имелись в виду, и правомерно ли с точностью до года определять «период расцвета» древнего города?

Ни в летописях, ни в княжеских родословных нет сведений о потомках князя Святослава Владимировича Вщижского. В недавно изданной книге М.Б. Елисеева «Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь» (2017) есть упоминание о его сыне, Владимире Святославиче, будто бы княжившем во Вщиже в 1181-1201 гг. и имевшем четырёх сыновей, но достоверность этой информации весьма сомнительна. Можно предположительно говорить о князе Владимире Святославиче, появлявшемся во Вщиже в 1167 г., но это мог быть только сын Святослава Всеволодовича, посланный туда черниговским князем (сын Владимир у него действительно был, но в немногих летописных известиях в связи с Подесеньем не упомянут; умер в 1201 г., не имея наследников). Словом, М.Б. Елисеев в своей заметно беллетризованной книге не только использовал версии других авторов, но добавил к ним и свои домыслы: об обороне Вщижа в 1238 г. четырьмя княжескими дружинами и отрядом, присланным черниговским князем Михаилом Всеволодовичем. Эти бездоказательные сведения нет никаких оснований воспринимать как достоверные.

Значительно вероятнее, что Вщиж, бывший при Святославе Владимировиче хорошо укреплённым городом с трёхчастным делением («детинец», «окольный город», «посад»), к началу XIII в., как показывают последние археологические работы, заметно «сжался» – стал двухчастным (посад переместился на место прежнего «окольного города»). В княжеские времена в городе вместе с

князем жили бояре, дружинники и обслуживающая их челядь (их дома находились в «детинце» и «окольном городе»), а ремесленники (плотники, кузнецы, оружейники, ювелиры, гончары и прочие), торговцы, рыболовы и простой люд размещались на территории посада. Могли посещать Вщиж и заезжие «гости» (купцы из других городов и государств), но крупным торговым центром Вщиж никогда не был, так как находился в стороне от основных торговых путей (мешала этому и почти постоянная напряжённость в отношениях с соседним Смоленским княжеством).

К 1167 г. относится ещё одно летописное известие, косвенно связанное с Жуковской землёй. Великий киевский князь Ростислав Мстиславич, будучи в родном городе Смоленске, тяжело заболел и велел везти себя в Киев. 14 марта того же года, находясь «в селе Рогнедине в Зарубе», он скончался (село принадлежало сестре князя Рогнеде, которая его сопровождала). Затем тело князя доставили в Киев, где и похоронили. Путь из Заруба (Рогнедина) к Киеву пролегал через Вщижское княжество, но был ли в это время там князь или нет – неизвестно. Отмеченное ранее сокращение территории города и его населения было свидетельством отсутствия там княжеской власти с конца XII в. (вероятно, ещё раньше). В этих случаях в города назначались наместники, при которых находились небольшие воинские отряды. Если же учесть, что деревянные стены, башни и другие оборонительные сооружения, имевшиеся во Вщиже, требовали постоянного ремонта и периодического обновления, то поддерживать их в должном порядке наместникам было значительно труднее, чем князьям. Поэтому вероятно, что в 1230-е гг., в пору монгольского нашествия, вщижская крепость уже не была столь надёжной, как при Святославе Владимировиче. Нет сведений и о количестве защитников города. Заметим лишь, что в первой трети века погодные условия на Руси часто были неблагоприятными. Это приводило к неурожаям и существенному сокращению населения, ибо, по словам летописей, «бысть глад и мор».

О захвате и уничтожении Вщижа монголами писали многие: историки и археологи, краеведы и литераторы, хотя летописных и других документальных данных об этом нет. Так что большинство подобных сведений - отнюдь не истина. Ведь порой неточности встречались даже у маститых авторов. Например, покойный академик М.Н. Тихомиров в своей книге о древнерусских городах отметил запустение Вщижа «после его разорения, вероятно, в 1237 г.» (в реальности город был разорён либо в конце марта, либо в начале апреля 1238 г.). Да и мнение академика, что Вщиж находился в «стране вятичей», не подтверждается археологами.

Не стремясь пополнить копилку бездоказательных домыслов (типа «Трое суток шли сражения за город», «погибли князь, его семья, бояре» и т.п.), выскажем лишь некоторые общие суждения. После разорения Рязанской и Владимиро-Суздальской земель основная часть монгольских войск переместилась к западу. Здесь в начале марта 1238 г. произошла главная битва на реке Сить – победа оказалась на стороне монгол, но досталась им ценой потери значительной части войска. Немалые жертвы были у них и при осаде и штурме Торопца. Большие людские потери, а также проблемы с продовольствием заставили хана Батыя отказаться от похода на Новгород и повернуть на юг и юго-восток, чтобы, пройдя «большой облавой» по ещё не разорённым русским территориям и уничтожая встречающиеся на пути города и селения, одновременно захватывать скот, а также зерно и другие припасы. Путь войск самого Батыя лежал от Торопца и Твери к Козельску, а отнюдь не «от Козельска», как об этом писал М.М. Борзыкин. Встать на пути монгольских захватчиков Вщиж не мог - он находился намного западнее.

Откуда же возле него появились монгольские войска? Ответ на это даёт «Слово о Меркурии Смоленском». Во время «большой облавы» один из монгольских отрядов численностью около 2 тыс. человек, двигавшийся западнее всех, приблизился к Смоленску. В городе в это время не было князя с боевой дружиной, но нашлись энергичные и сведущие в военном деле люди, которые в ночное время совершили неожиданное нападение на монгольский лагерь. В ночной битве монголы понесли заметные потери (погиб и их предводитель), но погиб и возглавлявший смолян Меркурий, позже канонизированный как святой. После этой неудачи монгольский отряд пошёл от Смоленска на юг, наиболее вероятно – по Десне. Весна в 1238 г. была поздней и затяжной, так что лёд на реке был ещё крепким, и это позволяло монголам двигаться быстрее, чем по лесным дорогам. Вероятнее всего, отряд, «наученный» опытом неудачи под Смоленском, двигался далее осторожно и сумел незамеченным подойти к Вщижу, а затем неожиданно для жителей города ворваться в него. О внезапности вторжения свидетельствует тот факт, что часть жителей вщижского посада вместо того, чтобы укрыться за крепостными стенами «детинца», пытались спастись в небольшом каменном храме – значит, либо в «детинец» уже ворвались первые группы монгольских воинов, либо путь туда был отрезан. О том, что жители Вщижа были застигнуты врасплох, свидетельствовали и некоторые археологические материалы, собранные и изученные будущим академиком Б.А. Рыбаковым во время раскопок в 1940 и 1948-1949 гг. (позже учёный многократно возвращался в своих

книгах и статьях к истории жизни и гибели древнего Вщижа). Погибли и защитники города (вероятно, не очень многочисленные), и мирные жители, не успевшие покинуть Вщиж. Не удалось спастись и тем, кто пытался укрыться в каменном храме, который был окружён деревянной галереей. От подожжённой галереи пожар перекинулся внутрь храма, а затем обрушился церковный купол, погребя под собой находившихся в храме людей. «Вщижское побоище» было, вероятно, не долгим – не более нескольких часов. Награбив в домах горожан нужные им припасы, монгольские воины сжигали жилища. Был сожжён и «детинец», хотя, если бы защитникам города удалось в нём укрепиться, монголы вряд ли стали бы его осаждать или штурмовать. Им нужно было, не теряя времени, быстрее двигаться дальше, пока ещё не вскрылись реки. При благоприятном исходе монгольский отряд мог по Десне, Болве и Жиздре выйти в окрестности Козельска, где находилась основная часть войск Батыя, а мог и бесследно сгинуть в дремучих Брянских лесах. В начале мая 1238 г. монголы после многонедельной осады взяли штурмом героически оборонявшийся Козельск, который Батый назвал «злым городом». Не задерживаясь больше на Руси, войска хана уходили на юго-восток, в степи. Но, как оказалось, – ненадолго. В 1239 г. ими был захвачен и сожжён Чернигов, в следующем году та же участь постигла и Киев.

Спустя недолгое время после того, как монгольский отряд покинул разорённый Вщиж, сюда наверняка вернулись немногие уцелевшие жители древнего города, чтобы совместно с соседями из ближних селений предать земле останки родных, знакомых и земляков. Лишь те из жителей Вщижа, кто находился в обрушившемся каменном храме, оставались непогребёнными ещё 600 долгих лет. В 1842 г. владевшая вщижским имением Вера Михайловна Зиновьева (в замужестве – Фомина) вместе со священником Никитой Митропольским начали работы по раскопкам засыпанных землёй развалин вщижского храма. Рядом с алтарём был обнаружен склеп с останками мужчины богатырского вида. Чести упокоиться близ алтаря мог удостоиться только строитель храма, т.е. князь Святослав Владимирович Вщижский. Несомненно, что затем его останки (как и тех, кто погиб в храме) перезахоронили, но место погребения не было отмечено памятным знаком и осталось, к сожалению, неизвестным. А ведь Святослав Владимирович был весьма примечательной личностью, сумевшей за очень короткий срок (он не прожил и четверти века) проявить себя и в военном деле, и в духовной жизни. Построив каменный храм, но не успев завершить его внутреннее благоустройство, князь наверняка завещал храму значительные средства для приобретения

хорошего церковного имущества. Вот почему все наиболее ценные находки, сделанные во Вщиже, были обнаружены в храме во время раскопок 1842 г., продолженных затем В.М. Фоминой и её мужем, подполковником (позже – генерал-майором) М.М. Фоминым. В их числе: бронзовый и медный подсвечники, изготовленные в Вестфалии (Германия) и Лиможе (Франция) в конце XII - начале XIII вв.; медная лампада и две ажурные бронзовые арки, уцелевшие от хороса – осветительного храмового устройства (в них явно заметен стиль византийского художественного ремесла); бронзовый водолей (вероятно, русской работы). Вся эта дорогостоящая храмовая утварь могла быть приобретена настоятелями храма во Вщиже лишь благодаря щедрым пожертвованиям князя Святослава Владимировича. В 1860-е гг. все перечисленные и некоторые другие находки были переданы М.М. Фоминым Московскому археологическому обществу и ныне находятся в Государственном Историческом музее в Москве. Главный инициатор открытия этого музея А.С. Уваров стал также автором первого исторического исследования о древностях Вщижа. А об упомянутых раскопках 1940 г. есть интересный рассказ в книге археолога Г.Б. Фёдорова «Дневная поверхность» (1977).

В помещённом в «Истории земли Жуковской» очерке Н.М. Борзыкина о названии Вщиж нельзя согласиться с весьма произвольными утверждениями о времени зарождения древнего города. Есть в нём и явная ошибка – будто бы византийский император Константин Багрянородный впервые упомянул Вщиж в своём трактате «О народах» (в реальности ни в каких сочинениях императора такого упоминания нет и быть не могло, поскольку в X в. не было ещё самого города). К этому же сюжету обратился недавно и известный краевед А.И. Поддубный в статье «Взбираясь на Вщиж. Разгадка названия» (2016). Статья содержит большой лингвистический и топонимический материал, но принимать на веру выводы автора (ныне – покойного) или нет – дело читателей.

Вполне возможно, что жизнь во Вщиже после разорения города монголами прерывалась ненадолго. Косвенно об этом свидетельствует сделанная в 2001 г. находка на дне Десны близ Вщижа, где была обнаружена и поднята часть древнерусской дубовой ладьи (ныне – в Брянском краеведческом музее). Возраст ладьи, по данным радиоуглеродного анализа, около 850 лет. Следовательно, где-то в середине XIII в. плывшие в этой ладье люди обнаружили неполадки и были вынуждены причалить к берегу возле Вщижа. Не исключено, что они знали это место ещё по прежним плаваниям, когда Вщиж был городом. Вероятным конечным пунктом незавершённого плавания по Десне мог быть Брянск, ставший с середины XIII в.

столицей обширного Брянского княжества, куда вошла и территория бывшего Вщижского княжества.

Первым брянским князем был Роман Михайлович, сын погибшего в Золотой Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича, позже канонизированного русской православной церковью. Именно при Романе Михайловиче Брянск «переместился» на Покровскую гору, где был построен «детинец» с рублеными стенами и башнями, а потом город стал разрастаться, включив территорию и соседней Петровской горы. Хотя летописные сведения о Брянском княжестве немногочисленны, всё же два из них могут быть косвенно связаны с территорией Жуковского района. В 1263 г., когда в Брянске у князя Романа Михайловича шло свадебное торжество (дочь князя Ольга выходила замуж за князя Владимира Васильковича Волынского), пришло сообщение о нападении на территорию княжества войска литовского князя Миндовга (Миндаугаса). Прервав свадебный пир, Роман Михайлович собрал брянское войско и выступил против неприятеля. В летописях не указано место произошедшего сражения (скорее всего, где-то северо-западнее Брянска), в котором князь Роман был ранен, но «показа мужество своё» и вернулся «в Бряньск с победою и честью великою». А в 1285 г. Роман Михайлович «приходил ратью к Смоленску и позже пригород и отыде». Брянское войско, двигавшееся к Смоленску и обратно, не могло миновать Жуковской земли. В 1288 г. князем Романом Михайловичем был основан юго-западнее Брянска, где в Десну впадает речка Свинь, Свинский Успенский монастырь (в XVIII в. не совсем благозвучное название монастыря было изменено на Свенский). Точный год смерти князя неизвестен; по некоторым сведениям, он был убит в Золотой Орде. Его наследником (и как брянский князь, и как великий черниговский князь) стал сын Олег Романович, но правил он недолго, а затем ушёл в основанный им на окраине Брянска Петропавловский монастырь. По сведениям церковной литературы, «князь инок Василий (Олег) скончался строгим подвижником» в 1307 г. (в некоторых родословных иноческое имя князя – Леонтий). Оба монастыря позже играли значительную роль в духовной и хозяйственной жизни Брянщины.

В XIV столетии Жуковская земля оставалась частью обширного Брянского княжества, где вместо прежних черниговских Ольговичей начали править смоленские Ростиславичи. Хотя сведения о княжестве фрагментарны, явно заметно, что социально-политическая жизнь в Брянске была напряжённой и порой выплёскивалась через край. В 1309 г. брянцы пожаловались на притеснения своего князя Василия Александровича его дяде – князю Святославу Глебовичу. Тот

попытался примирить стороны, но, не добившись успеха, выгнал своего племянника из города и сам стал княжить в Брянске. Князь Василий отправился с жалобой в Золотую Орду и в следующем году вернулся вместе «с татарской ратью». «И бысть мятеж велий во граде во Брянске». Находившийся в городе митрополит Пётр советовал Святославу решить дело миром или покинуть город. Но князь, понадеявшись на мужество своей дружины и поддержку горожан, не послушал митрополита, вышел из города «ратью великою в силе мнозе», и «бысть сеча зла». Но «брянцы же выдаша князя Святослава ..., и стяги пометаша, и сами побегоша». Князь, продолжавший биться вместе с дружинниками, последним «убиен бысть в полку». Случилось это в апреле 1310 г. Брянск и его окрестности были разграблены татарами. Князем в Брянске вновь стал Василий, но ненадолго (умер в 1314 г.).

Спустя некоторое время жители Жуковской земли также увидели татарские войска. Было это зимой 1333-1334 гг., когда «прииде ратью с татары князь Дмитрий Брянский к Смоленску на князя Ивана Александровича и бившеся много, взяша мир». Летописцы почему-то не называли брянского князя Дмитрия по отчеству (судя по родословным, он мог быть Романовичем). Летописи не сообщают и об обстоятельствах появления в Брянске вместо Дмитрия другого князя – Глеба Святославича, сына погибшего в 1310 г. Святослава Глебовича. Но это княжение было кратким и окончилось трагически: в декабре 1340 г. «сшедшеся вечем, брянцы убиша своего князя Глеба Святославича», причём сделали это, «выведя его из церкви», и даже заступничество находившегося в Брянске митрополита Феогноста не смогло остановить расправы – видимо, слишком «допёк» горожан князь своим самоуправством. Вскоре в город вернулся князь Дмитрий. Из событий ближайших лет примечательна женитьба в Брянске звенигородского (позже – великого московского) князя Ивана Ивановича Красного (Красивого) на дочери князя Дмитрия Брянского. Родившийся в 1350 г. в этом супружестве сын позже получил известность как великий московский князь Дмитрий Иванович Донской.

Новое обострение напряжённости в Брянском княжестве произошло в 1350-е гг. К этому времени Великое княжество Литовское, значительно расширившиеся при Гедимине (при нём в ВКЛ вошли почти все русские княжества, располагавшиеся на территории современной Белоруссии и северо-западной Украины), продолжало усиливаться при его сыне Ольгерде. Осенью 1356 г. Ольгерд попытался захватить Смоленск и Брянск, но сделать этого не смог, несмотря на частные успехи («у князя Василия Смоленского полонил сына»). Это летописное известие требует пояснений. В Смоленске в это время продолжал княжить отец упомянутого

Василия – Иван Александрович, так что для смолян Василий был не князем, а «княжичем». Но, по всей вероятности, он незадолго до этих событий был послан отцом в Брянск в качестве князя, так что «воевал» Ольгерд с князем Василием уже где-то около Брянска. Затем Василий Иванович поехал в Золотую Орду, откуда вернулся в 1357 г. с ханским ярлыком «на княжение в Брянске», но вскоре умер, прокняжив «только осмь недель». Вот тогда-то и «бысть в Брянске мятеж от лихих людей, и замятня велиа, и опустение града». А «потом нача обладати Брянском» великий литовский князь Ольгерд, хотя слово «потом» довольно неопределённое – по сведениям «Рогожского летописца», произошло это в 1359 г. Вполне возможно, что во время брянского похода Ольгерда пострадали и жители Жуковской земли.

Слова летописца о «великой замятне» в Брянске имели в виду, вероятнее всего, внутренний раскол среди жителей города: одни выступали за сохранение независимости Брянского княжества от посягательств иноземных захватчиков; другие считали лучшим мирный переход под власть более сильного правителя. К тому же литовские князья и их наместники на присоединённых территориях правили «по старине», не вводя новых законов, налогов и повинностей, не ущемляя православной веры и языка местных жителей (даже делопроизводство в ВКЛ велось на старорусском языке, на котором говорило большинство населения).

Да и на чью поддержку могли рассчитывать сторонники сохранения независимости? Киевское и Черниговское княжества, хотя и продолжали именоваться «великими», в реальности давно потеряли своё значение, и вскоре Ольгерд присоединил их земли к своему государству. Та же участь немного позже была и у Смоленска. Наиболее влиятельные на северо-востоке Руси Тверь, Москва и Рязань были довольно далеко и в середине XIV в. были больше заняты спорами (порой – военными) между собой и со своими соседями. О ближайших княжествах (Карачевском, Козельском, Новосильском и т.д.) нечего было и думать – все они были слабыми и продолжали дробиться на мелкие уделы.

А отмеченное в летописях «опустение града» не следует понимать буквально: Брянск не обезлюдел, хотя некоторая часть жителей покинула его. Это относилось, в первую очередь, к социальной верхушке горожан: бывшие брянские бояре уезжали из города, не надеясь сохранить своё положение при новых властях. Покинул Брянск и позже оказался в Рязани боярин Софоний, получивший известность как один из авторов знаменитой «Задонщины». Уехали из города брянские бояре Александр Пересвет и Андрей (в монашестве - Родион) Ослябя, на некоторое время задержавшиеся в г. Любутске, а

затем прибывшие в Москву. Вместе с родителями приехал в Москву Михаил Бренок (Брянок, Брянской), вскоре ставший сотоварищем князя Дмитрия Ивановича в детстве и юности. Брянский княжич Иван Васильевич, сын умершего в 1357 г. князя Василия Ивановича, ранее попавший в плен к литовцам, побывав князем Вяземским, позже, по сведениям родословных, «приехал служить к Москве, к великому князю Дмитрию Донскому». В 1370-х гг. оказался в Москве и князь Роман Михайлович Брянский (Младший) – так его называли, чтобы отличать от княжившего в Брянске в XIII в. Романа Михайловича (Старого). Вероятнее всего, Ольгерд пригласил этого потомка князей черниговских, чтобы «оторвать» Брянск от Смоленска, но надёжного вассала в лице Романа (Младшего) не получил. В конце 1370-х гг. в Москве на службе у князя Дмитрия Ивановича оказались даже два сына Ольгерда: Андрей Полоцкий, княживший некоторое время в Пскове, и Дмитрий, именуемый обычно князем Брянским и Трубчевским. Среди литовских князей, попавших в Москву (скорее всего – через Брянск), был волынский князь Дмитрий Михайлович Боброк, женившийся на Анне, старшей сестре Дмитрия Ивановича, и ставший при московском князе одним из виднейших воевод. Большинство из перечисленных в сентябре 1380 г. участвовало в битве на Куликовом поле, а некоторые (Дмитрий Михайлович Боброк, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Роман Михайлович) были в числе главных русских воевод. Сложили свои головы в этой битве Михаил Брянок, Александр Пересвет и сын Андрея Осляби Яков. В конце этой битвы погиб и один из главных русских воевод князь Глеб Брянский, но сведений о нём практически нет (возможно, что он был из князей смоленских, в генеалогии которых много неясного).

Куликовская битва, где полчища Мамая были разбиты объединёнными силами дружинников и ополченцев из разных городов и княжеств Русской земли, стала прологом их будущего политического объединения в составе Русского государства, возглавляемого Москвой. Но путь к достижению этой цели оказался долгим и трудным и сопровождался многими суровыми испытаниями. История как бы проверяла крепость духа русских людей и их способность окончательно сбросить чужеземное владычество.

Жуковская земля, как и вся Брянщина, ещё более века оставалась в составе Великого княжества Литовского. В этом литовско-русском государстве после смерти в 1377 г. Ольгерда великим литовским князем стал один из его младших сыновей Ягайло. Не останавливаясь на начавшейся на территории ВКЛ борьбе за власть между Гедиминовичами, отметим лишь, что в 1386 г. Ягайло, женившийся на польской королеве Ядвиге, был

избран королём Польши под именем Владислава I, а великим литовским князем вскоре стал его двоюродный брат Витовт Кейстутович. Хотя с образованием унии Польши и Литвы на территории ВКЛ начало усиливаться польско-католическое влияние, пока особых ущемлений русского православного населения здесь не было. Не случайно вскоре после разорения в 1382 г. Москвы и окрестных городов войсками хана Тохтамыша некоторые православные литовские князья, находившиеся на службе у великого московского князя Дмитрия Ивановича, вернулись обратно. Дмитрий Ольгердович получил княжение в Брянске и Трубчевске и погиб в 1399 г. в битве против татаро-монгол на реке Ворскле, как и его брат Андрей Ольгердович. Предположение, что там погиб и волынский князь Дмитрий Михайлович Боброк, сомнительно (более вероятно мнение о его пострижении в монашество). А князь Роман Михайлович Брянский, направленный Витовтом в Смоленск наместником, был в 1401 г. вместе с брянскими боярами убит восставшими смолянами.

Но в целом жизнь большинства русского населения в ВКЛ протекала без больших осложнений, о чём свидетельствовало появление значительного числа новых городов и селений. Только на Брянщине в конце XIV - XV вв. появились города Мглин, Почеп, Попова Гора (ныне – п. Красная Гора), Дроков (сейчас – с. Старый Дроков Суражского района). Что касается Брянска и окрестных мест, то здесь вскоре после гибели Дмитрия Ольгердовича княжил его младший брат Свидригайло. Летом 1408 г. Свидригайло, не поладивший с Ягайло и Витовтом, вместе с некоторыми северскими князьями, боярами брянскими, стародубскими, рославльскими, а также черниговским архиепископом, уехал к московскому великому князю Василию I, сыну Дмитрия Ивановича. Свидригайло и его окружение были приняты «с честью» и получили «в кормление» города Владимир, Переславль-Залесский и некоторые другие, но в конце того же года эти города, как и окрестности Москвы, были разорены войсками золотоордынского эмира Едигея, так что в 1409 г. Свидригайло счёл за лучшее вернуться назад. Он пытался организовать заговор против Витовта, за что и попал в тюрьму, где провёл 8 лет, а вскоре после освобождения получил в управление Брянск и некоторые северские города. Здесь он княжил в 1419-1430 гг. После смерти Витовта Свидригайло активно участвовал в феодальной войне, развернувшейся вскоре в Польше и Литве, но непосредственно с Брянским краем он больше связи не имел.

Примерно тогда же, во второй четверти XV в., ещё одна феодальная война разразилась на северо-востоке Руси, на территории Московского и соседних княжеств. На исходе этой

войны в 1454 г. князь Иван Андреевич Можайский, внук Дмитрия Донского, двоюродный брат и один из главных конкурентов великого московского князя Василия II Васильевича, бежал в Литву, где получил в вотчину Стародуб и Гомель. В 1465 г. к владениям князя добавился Брянск с округой также в вотчину, но с некоторыми ограничениями: судить по старине, не отнимать имений у прежних владельцев, «пошлин новых не уводить». Однако Иван Андреевич не раз нарушал эти правила: отнял у местных бояр их имения в сёлах Княжичи и Жирятино и отдал своим боярам, обязал жителей Брянска исполнять некоторые новые повинности. Это привело к жалобам и конфликтам. Вскоре после его смерти «князь Андрея княжа Иванова сына свели» с брянского княжения (вероятно, по требованию местных жителей), а сын Андрея Ивановича Фёдор погиб – «убили его брянчане». Все эти события происходили в первой половине 1480-х гг., а затем Брянском и Брянским поветом управляли литовские наместники. Другой сын Ивана Андреевича Можайского, Семён Иванович, после смерти отца княжил в Стародубе и Гомеле и к концу века именовался чаще князем Семёном Стародубским.

И внутренние, и межгосударственные военные конфликты на территории ВКЛ вряд ли обходили стороной территорию Подесенья, включая Жуковскую землю, но достоверных сведений об этом ни летописи, ни другие документы, ни актовые материалы «Литовской метрики» (опубликованные пока лишь малой частью) не содержат. В то же время в «Литовской метрике» впервые названы некоторые селения на территории будущего Жуковского района.

В этих документах, относящихся к середине XV в., упоминается, что «сельцо Речица» было пожаловано некоему Адашку Толоконьскому. Село Белоголовль, первоначально именуемое как «двор в Брянском повете, на имя Белоголовль», было владением брянского боярина Ивана Романовича, но затем его отнял князь Иван Андреевич Можайский. В конце века имение было возвращено племяннику покойного Ивана Романовича брянскому боярину Семёну Александровичу и его сыну Михаилу. В 1487 г. к великому литовскому князю и королю Польши Казимиру Ягайловичу обратился «дворянин Федько Колонтаев» с просьбой пожаловать ему «селище во Брянском повете Митковщину», объясняя, что «тое селище пусто и наследка к нему нет, а здавна … тое было село боярское», которое «Митько держал». Просьба была удовлетворена, и на месте селища появилась деревня Митьковщина, названная так по имени прежнего владельца и, вероятно, основателя (в XX в. деревня слилась с соседней д. Дятьковичи). К самому концу XV в. относится новое

упоминание о Вщиже. Село в это время было «королевским имением», т.е. принадлежало великому литовскому князю и польскому королю Александру Казимировичу. Жившие в селе «ущижские рыболовы» давали владельцу в качестве годовой дани «по два бобры и кадь рыбы, а за орехи водяные ... сорок грошей». В 1498 г. Александр Казимирович дал «тых рыболовов Ущижских ... со всеми тыми датными» своему дворянину Бокею. В данном случае слово «дворянин» означает не социальную принадлежность (для этого в Литве и Польше использовался термин «шляхетство»), а службу при дворе великого литовского князя. Бокеевы были давней брянской боярской фамилией. Ещё в 1430-е гг. Сигизмунд Кейстутович «дал в Брянску село Чернетово» Елфимию Бокееву, а в первой половине XVI в. Бокеевы продолжали служить в Литве.

В опубликованных документах «Литовской метрики» упомянуты немногие из существовавших в XV в. селений Жуковской земли. Попытаемся расширить этот перечень. Во-первых, должно быть названо село Хвощна (позже – Фошня), упоминаемое в документах начала XVI в. как центр волости (сведения об относившихся к Брянску в XVI-XVII вв. волостях – в следующей главе). Наверняка существовал тогда и Овстуг, о чём свидетельствует найденный на территории села клад польских монет XIV в. Почти несомненно, что упоминаемые в документах с начала XVII в. сёла Быковичи и Крыжино обязаны своими названиями основателям и первым владельцам – брянским боярам XV в. Быковским и Крижиным, позже с Брянщиной не связанным. С уверенностью можно отнести к старинным селениям Жуковской земли, появившимся ещё в литовские времена, деревни Месковичи (позже – Старые Месковичи), Нешковичи, Ходиловичи, упоминаемые в документах начала XVII в. Как правило, подобные названия появлялись, если первопоселенцами (или первыми владельцами) были братья или близкие родственники с одинаковыми фамильными прозвищами или отчествами, завершавшимися на –ич. В «Литовской метрике», к примеру, названы образованные таким путём сёла Княжичи, Страшевичи, Рековичи, Давыдчичи (из наиболее близких к жуковским селениям). В ВКЛ фамильные прозвища и отчества на –ич были общераспространёнными, а вот в Московском государстве они являлись привилегией только для самых знатных княжеских и боярских фамилий. Помимо Брянщины, подобные названия селений (позже некоторые из них стали городами) наиболее распространены в Белоруссии, есть они также на Смоленщине и на Калужской земле.

Именно на территории соседней с Брянщиной Калужской земли произошло несколько важных политических и военных событий последней четверти XV в. Крупнейшее из

них - «стояние на Угре» осенью 1480 г. Здесь русскому воинству великого московского князя Ивана III Васильевича удалось блокировать все попытки татарских войск хана Большой орды Ахмата прорваться к Москве. Вынужденный отход войск Ахмата означал окончательное прекращение зависимости Руси от татарских ханов, хотя выплата им дани была прекращена несколькими годами ранее.

Иван III именовал себя в это время не только великим московским князем, но и «Государем всея Руси». Новым титулом он обозначил свои претензии как на сохранявшие самостоятельность некоторые земли северной и северо-западной Руси, так и на русские земли соседнего Великого княжества Литовского. В первую очередь это относилось к «Верховским княжествам». Так называли небольшие удельные княжества, находившиеся в верховьях Оки и по её притокам: Белёвское, Воротынское, Мезецкое (Мещовское), Мосальское, Одоевское, Перемышльское, которые в XV в. оказались в вассальной зависимости от великих литовских князей. Под власть Литвы попал и Козельск, но князей там уже не было, а находились литовские наместники. Реальной силы отстаивать свою самостоятельность «верховские» князья не имели (лишь у отдельных из них были небольшие воинские отряды), так что их зависимость от соседней Литвы вполне объяснима.

Заметное усиление Московского государства при Иване III (в 1480-е гг. к Москве были присоединены Тверское княжество и Вятская земля, а ещё раньше – обширная Новгородская земля) способствовало политическому переориентированию ряда «верховских» князей в сторону московской Руси. Но они не переезжали в Москву с семьями и окружением, а переходили вместе со своими владениями, что привело к войне между Литвой и Московским государством в 1492-1494 гг., в которой войска отдельных «верховских» князей действовали вместе с московскими ратниками. В частности, отряд князя Д.Ф. Воротынского участвовал в разорении некоторых волостей Брянского повета (наверняка при этом пострадали и селения Хвощенской волости). По подписанному весной 1494 г. «вечному миру» к Московскому государству отходили Перемышль, Воротынск, Одоев, Белёв, Козельск с окрестными землями и половина Мезецка (Мещовска). Знаком примирения двух неоднократно воевавших друг с другом соседних держав стала свадьба великого литовского князя Александра Казимировича и дочери Ивана III Елены.

3. В составе Московского государства (XVI-XVII вв.)

«Вечный мир», однако, оказался очень недолгим. В апреле 1500 г. князья Семён Иванович Можайский (Стародубский) и Василий Иванович Шемячич (их отцы были в числе главных участников феодальной войны в Московской Руси, а затем перебрались в Великое княжество Литовское, где получили обширные владения) перешли на службу к Ивану III вместе с пожалованными городами и волостями. Поводом такого перехода они объявили якобы начавшиеся в ВКЛ притеснения в православной вере. В реальности эти князья уже имели тайную договорённость с московским государем о совместных военных действиях против войск ВКЛ.

3 мая большое московское войско под командованием Якова Захарьича (Кошкина) выступило к Брянску. Этот быстрый поход был неожиданным для литовских властей. Брянский наместник Станислав Бартошевич спокойно выехал в с. Вщиж, где и был вскоре пленён московским отрядом. Сведения об этом эпизоде в «Истории земли Жуковской» изобилуют ошибками и домыслами. По словам авторов, «несколько веков народ вёл борьбу против литовских и польских захватчиков». Во-первых, Брянский уезд был в составе ВКЛ менее полутора веков; во-вторых, отношения местных жителей и литовских властей были спокойными – никаких сведений о борьбе в документах нет, так что слова о выступлении московских войск «на помощь Брянску» - историческая несообразность. А «польских захватчиков» тут в ту пору вообще не было. Продолжим цитировать «Историю…»: «В начале XVI века (?) Брянск и Жуковский край принадлежали литовскому князю С. Борташевичу», который в мае 1500 г. «находился во Вщиже с небольшим отрядом, где был разбит и взят в плен местным населением». В реальности С. Бартошевич не был князем, никогда не владел Брянском, а лишь управлял этой территорией как наместник. А слова о бое во Вщиже с местными жителями – просто выдумка.

Брянск был взят московскими войсками без сопротивления, и «жители Брянска все присягнули служить великому князю Московскому». К «крестному целованию» были приведены жители Почепа, Стародуба, Новгорода-Северского и других городов, либо относившихся к владениям Семёна Ивановича и Василия Шемячича, либо занятых ими и войсками Якова Захарьича. Признали власть Москвы и князья Трубецкие, так как Трубчевск с окрестными землями оказался окружённым московскими владениями. Любопытен факт: вскоре после включения Брянска в состав Московского государства большинство брянских бояр, ранее присягнувших великому московскому князю, перебралось в ВКЛ.

Крупнейшее сражение в начавшейся литовско-московской войне произошло в июле 1500 г. на реке Ведроше (западнее Дорогобужа и севернее Ельни). Здесь литовско-русское войско под командованием князя Константина Острожского встретилось с московским войском князя Данилы Васильевича Щени, к которому присоединились пришедшие с юга войска Якова Захарьича и князей Семёна Ивановича и Василия Шемячича. Многочасовая ожесточённая битва завершилась разгромом литовцев. Последующий ход войны был для Москвы менее удачным. Осенью 1501 г. на территорию северских княжеств вторгся хан Заволжской орды Ших-Ахмат, который, по словам «Хроники Быховца», «землю Северскую ... всю, почти до самого Брянска, заполнил бесчисленным воинством». У князей Семёна Ивановича и Василия Шемячича оказалось недостаточно воинских сил для отражения нападения, татары захватили Рыльск и Новгород-Северский, так что Москве пришлось посылать туда своих воевод «со многими людьми». В 1502 г. войска Ших-Ахмата отошли в степи, где были разбиты крымским ханом Менгли-Гиреем. Попытки московских войск захватить Смоленск, Полоцк и некоторые другие города оказались безуспешными, но окрестные волости были разорены. Великая княгиня Елена Ивановна, упрекая отца, Ивана III, в нарушении «вечного мира», писала об этом: «От твоих людей упад великий стался, городы и волости пожжены, а иные позасеканы и бесчисленный люд в полон поиман». В марте 1503 г. воюющие стороны подписали перемирие на 6 лет. Помимо владений князей Семёна Стародубского, Василия Шемячича, Семёна Бельского, Трубецких и Мосальских, к Москве отходили Брянск, Карачев, Мглин, Путивль и некоторые другие города, а также подчинённые им волости.

Относящиеся к Брянску волости перечислены в тексте перемирия и в составленной в 1504 г. духовной грамоте Ивана III, где московский государь определил, что он завещает каждому из своих пяти сыновей. Брянск с волостями (а также Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу и Серпейск) получил второй сын Ивана III – Юрий Иванович (1480-1536), обычно именуемый Дмитровским. Итак, в начале XVI в. к Брянску относились следующие волости: Вороница, Жарынь, Всеславль, Покиничи, Пацынь, Фёдоровское, Сухарь, Осовик, Соловьяничи, Прикладни, Хвощна, Батогово, Пьяново, Волконск. Стоит отметить, что 8 волостей, названных первыми, размещались близко друг к другу (в основном – на территории современного Рогнединского района). Объяснить подобное можно лишь тем обстоятельством, что эти восемь сёл, названных волостными центрами, до 1500 г. относились не к Брянскому, а к Смоленскому повету, но во время войны были

заняты московскими войсками и подчинены Брянску. Подтвердить «законность» такого подчинения и должно было их включение как волостных центров, относящихся к Брянску, в текст мирного договора 1503 г. В реальности волостными центрами среди названных селений были только Пацынь (ныне – село в Рогнединском районе) и Вороница (в XVII в. село слилось с соседней деревней Епишево и получило позже её название – сейчас на крайнем юге Смоленской области).

Оба государя, подписавшие договор 1503 г., не дожили до конца перемирия: Иван III умер в 1505 г., Александр Казимирович – в 1506 г. Их преемниками стали Василий III Иванович и Сигизмунд (Жигимонт) Казимирович. Новые правители не отличались миролюбием: один стремился вернуть Литве недавно потерянные Северские земли, другой хотел присоединить к Московскому государству Смоленск и его округу. Военные действия начались ещё до окончания срока перемирия и продолжались с весны 1507 г. до осени 1508 г., не принеся успеха ни одной из воюющих сторон. В октябре 1509 г. был подписан новый «вечный мир», по которому Литва признала потерянные ранее земли частью Московского государства. Но и этот «вечный мир» продлился недолго, сменившись новой войной, продолжавшейся с 1512 г. до 1522 г. В ходе начавшейся войны московские войска трижды осаждали Смоленск, но лишь во время третьей осады летом 1514 г. смоляне открыли ворота города. Однако этот успех был омрачён крупным поражением московского войска под Оршей в сентябре 1514 г. Война продолжалась ещё долго, но, к счастью для жителей Брянска и окрестных мест, боевые действия напрямую их не затрагивали и разграбления селения Жуковской земли не испытывали. Лишь расположенные южнее Брянска Пьяновская и Волконская волости иногда подвергались нападениям, но не литовцев, а крымских татар.

При Иване III крымский хан Менгли-Гирей был союзником Московского государства, но затем эти отношения ухудшились. В 1507 г. отряды крымских татар совершили нападение на Белёвские, Одоевские и Козельские земли, однако посланные с ратными людьми воеводы успели их настигнуть и отбить захваченный татарами полон. В мае 1512 г. многочисленные крымские отряды, возглавляемые двумя сыновьями хана, разорив часть Северской земли, опять появились в тех же местах, что и в 1507 г., а также на соседних территориях. Их попытка переправиться через Оку около Калуги была отбита, но большую добычу (включая пленников) татары увели. Позже подобные набеги, с которыми вели борьбу также северские князья Василий Шемячич и Василий Семёнович Стародубский, сын умершего Семёна Ивановича, стали почти ежегодными.

Порой их действия были удачными, однако в 1515 г. во время совместного похода литовских и крымских войск Северская земля подверглась разорению, а захваченный здесь «огромный полон» превысил 50 тысяч человек. В том же году умер Менгли-Гирей, а его преемником стал Мехмет-Гирей, враждебно настроенный к Московскому государству. В качестве условий поддержания мирных отношений он потребовал передать Крыму 8 городов: Новгород-Северский, Стародуб, Почеп, Радогощ (город на месте современного Погара), Путивль, Рыльск, Карачев и Брянск, а также вернуть Смоленск Литве. Правительство Василия III, разумеется, на это не пошло, и набеги крымских татар продолжались. Особенно тяжёлые последствия имел состоявшийся летом 1521 г. поход Мехмет-Гирея, который большими силами опустошил многие южные и центральные районы Московского государства, включая окрестности Москвы, и захватил «огромный полон». Одним из виновников событий 1521 г. Василий III счёл Василия Шемячича, не оповестившего Москву о начавшемся крымском походе. Князя пригласили в Москву, где его в 1523 г. торжественно встретили, а затем заточили в тюрьму, в которой тот и умер. Его владения были присоединены к землям московского государя. Ранее после смерти князя Василия Стародубского были присоединены к Москве и другие Северские земли (с 1519 г. в Стародубе находился московский наместник). Ещё прежде к Московскому государству были присоединены Псковская земля (1510 г.) и Рязанское княжество (1517 г.). Так при Василии III завершилось объединение великорусских земель под властью Москвы. Некоторая самостоятельность оставалась лишь у младших братьев московского государя: Юрия Ивановича Дмитровского, владевшего также Брянском, и Андрея Ивановича Старицкого. Их судьбы оказались схожими: вскоре после смерти в декабре 1533 г. Василия III оба его брата, приглашённые в Москву, были заключены в тюрьму и уморены голодом. Было это во время новой литовско-московской войны 1534-1537 гг., которую обычно называли Стародубской.

Воспользовавшись ослаблением московской власти (сыну Василия III, Ивану IV Васильевичу, не исполнилось и 4 лет, а делами управляли его мать Елена Глинская и её фаворит, князь Иван Овчина-Телепнёв-Оболенский), власти ВКЛ начали войну, чтобы вернуть потерянные ранее территории. Их союзником оставалось Крымское ханство. Летом 1534 г. крымские татары и литовские войска разорили окрестности северских городов, а также южную часть Брянского уезда. Но главные события войны произошли летом 1535 г., когда литовские войска осадили Стародуб и после месячной осады, взорвав часть городской стены, штурмом взяли город после

кровопролитной битвы. В плен попало до 15 тысяч осаждённых. Победители «иных воевод с собою свели и детей боярских, а иных детей боярских и чернь побиша безчисленно много». Но сил развить дальше этот успех у литовцев не нашлось. В 1537 г. было подписано перемирие, по которому Литве возвращались Гомель и Любеч с окрестными территориями, а остальные земли продолжали оставаться за Москвой.

После окончания Стародубской войны около четверти века отношения между Московским государством и Великим княжеством Литовским были мирными. Вообще для жителей Подесенья годы царствования Ивана Васильевича IV (1547-1584), прозванного на Руси Грозным, а в европейских странах – Ужасным, оказались менее тяжёлыми, чем для населения других российских территорий. Почти беспрерывные войны, которые вела в это время Россия, с большими людскими потерями, а также с хозяйственным разорением многих мест, к счастью, обошли наш край стороной и поэтому здесь не рассматриваются. Это же относится к жестокому опричному террору, развязанному в 1560-1570-е гг. во многих районах центральной и северо-западной России, где Иван IV и его опричное войско фактически вели войну против собственного народа. Города Брянщины были небольшими и довольно бедными; крупных феодальных вотчин, которые могли бы привлечь опричников возможностью пограбить, здесь не было; последнее удельное княжество (Трубчевское) отошло к Москве ещё в 1530-е гг., сами князья Трубецкие служили при московском дворе, а некоторые из них вошли в число опричников. Так что опричнина затронула Брянский край, скорее всего, только казнями некоторых городовых воевод или наместников, бывших в разные годы в Брянске, Карачеве, Почепе. В их числе были князь Петр Семёнович Серебряный (особо отличившйся в 1569 г. при отражении похода турецких и татарских войск на Астрахань), а также князья Михаил Петрович Репнин (ему посвящена известная баллада А.К. Толстого), Иван Дмитриевич Дашков, Владимир Константинович Курлятев и немногие другие.

Несколько подробнее стоит остановиться на русско-крымских отношениях. Временный союз между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем не мог быть долгим и прочным из-за особенностей жизни Крымского ханства. Это было паразитическое государство, существовавшее не за счёт сельского хозяйства, ремесла или торговли, а за счёт захватов у соседей военной добычи, в первую очередь – пленников, «живого товара», продававшегося затем на невольничьих рынках. Поскольку «живой товар» раскупался довольно быстро, то нужны были новые захватнические набеги на земли соседей, в первую очередь – Русского государства. Поэтому все

попытки московского правительства договориться с крымскими ханами о мирных отношениях не имели успеха, особенно с учётом претензии Крымского ханства считать себя наследником Золотой Орды и настаивать на передаче Крыму присоединённых к Русскому государству Казани и Астрахани, а также на уплату ежегодной дани («поминок»).

До середины XVI в. русские войска, чтобы не допустить прорыва крупных сил крымских татар в центральные уезды, обычно располагались к северу от Оки близ Калуги, Серпухова, Коломны, Рязани, а также в некоторых более южных городах (Тула, Одоев, Белёв, Козельск, Мценск, Карачев). Крайними юго-западными форпостами были Путивль и Рыльск. С середины 1550-х гг. Москва от оборонительных действий перешла к наступательным, вплоть до высадки отряда окольничего Данилы Адашева в Крыму, где русские войска заняли столицу ханства – Бахчисарай, освободили многих пленников, а хан Девлет-Гирей был вынужден скрываться. Однако Иван IV не воспользовался благоприятной ситуацией для решающего ослабления крымского военного потенциала, а начал Ливонскую войну, длившуюся четверть века, принёсшую большие потери и завершившуюся бесславно. Российский царь не предвидел, что его войскам будет противостоять не слабый Ливонский орден, а Польша и Литва, объединившиеся в одно государство – Речь Посполитую, а также Швеция.

Направление основных воинских сил на северо-запад ослабило обороноспособность южных русских рубежей. Пытаясь «ублаготворить» Девлет-Гирея и побудить его воздержаться от новых набегов, Иван IV даже возобновил доставку в Крым «поминок», но русских посланцев упрекали, что «поминки» малы и следующий раз надо привезти больше. Мирная передышка и военная помощь от Османской империи позволили Девлет-Гирею подготовить и провести в 1571 г. самый опустошительный набег на русские земли. Татары, обойдя русские заслоны на Оке, вышли к Москве и подожгли примыкавшие к городу слободы. При сухой погоде и сильном ветре за несколько часов сгорела вся Москва. В огне и дыму погибли тысячи москвичей, а также готовых защищать столицу ратных людей. Девлет-Гирей распустил своё войско для грабежа окрестных территорий, в результате около 60 тысяч мирных жителей было убито и ещё примерно столько же пленено. В числе мест, подвергшихся «погрому», Брянский край в летописях и документах не упомянут.

В следующем году Девлет-Гирей решил повторить поход с ещё более амбициозными целями. По словам «Пискарёвского летописца», крымский хан «прииде ... с великими похвалами и с многими силами на Русскую землю, и расписав всю Русскую землю, кому что дати, как при Батые».

Русская сторожевая служба своевременно известила о приближении татарского войска, но Иван IV, как и год назад, покинул Москву. Лишь мужество и стойкость русских воинов и полководческий талант главного воеводы князя Михаила Ивановича Воротынского принесли им победу над значительно более многочисленным войском хана Девлет-Гирея в продолжавшейся несколько дней кровопролитной битве близ подмосковной деревни Молоди в августе 1572 г. Потеряв в этой битве сына, внука, а также многих видных военачальников, крымский хан спешно ушёл. В лице князя М.И. Воротынского многие видели спасителя Москвы и России. Свою «награду» князь получил и от Ивана Грозного: в 1573 г. он был замучен по приказу царя. Тогда же мучительной казни подвергся и соратник М.И. Воротынского по Молодинской битве – князь Никита Романович Одоевский.

Прежде чем продолжить рассказ о русско-крымских отношениях, несколько слов об окончании Ливонской войны. Не раз начинавшиеся переговоры о прекращении военных действий между Россией и Речью Посполитой срывались из-за неуступчивости Ивана Грозного, а его упрёки новому королю Речи Посполитой Стефану Баторию в пролитии крови христиан получили ответную отповедь: «Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не так, как над людьми!» Основные военные события 1581 г. были связаны с Псковом, героическая оборона которого (ею руководил князь И.П. Шуйский) позволила русским дипломатам подписать в январе 1582 г. перемирие на не очень тяжёлых условиях, без территориальных потерь и контрибуции. Тогда же, ещё не зная о подписании перемирия, один из литовских отрядов совершил неожиданное нападение на Брянск и сжёг городские укрепления. Были разорены не только многие горожане, но и жители окрестных селений, а также Свинский Успенский монастырь. Не исключено, что могли пострадать и селения будущего Жуковского района. В 1583 г. было подписано перемирие со Швецией, а в марте следующего года скончался царь Иван IV, «ненавидимый всеми жителями» – по словам Пискарёвского летописца, но с таким мнением позже соглашались не все.

Возвращаясь к набегам крымских татар на русские земли, нужно остановиться на сторожевой и станичной службе на южных русских рубежах. Успех в отражении быстрых и неожиданных нападений отрядов крымских татар во многом зависел от раннего выявления и оповещения об их приближении. Разведывательную и пограничную службу на «крымской украйне» несли сторóжи и станичные отряды. Сторóжа – постоянная застава, за которой закреплялось 30-50 вёрст границы. Обычно на одной сторóже несло службу около

десятка сторожей. Часть их стояла дозором в удобном для наблюдения месте, а остальные по двое ездили по окрестностям. Если крымцам удавалось незаметно проскользнуть мимо дозора, следы крымской конницы – «сакму» – обнаруживали разъезды. При выявлении опасности гонцы со сторóж немедленно извещали воевод ближних городов, чтобы те успели принять необходимые меры. Первые сторóжи начали устраиваться с 1540-х гг. южнее Брянска, Карачева, Мценска, Тулы и некоторых других городов, обращённых к южным рубежам. Когда в 1560-е гг. были построены города Кромы, Орёл, Данков, Ряжск, Шацк, восстановлена разорённая татарами Новосиль, сторóжи переместились южнее этих городов. Более глубокую разведку в степи вели станичные отряды, которые непрерывно ездили в «диком поле», отыскивая татарские «сакмы». Одним из районов их наблюдения были степи близ Северского Донца (на территории будущих Харьковской и Луганской областей). Ближайшие города, Путивль и Рыльск, находились за сотни вёрст, а более близкий Белгород появился в самом конце XVI в.

До 1570-х гг. документа, определявшего порядок сторожевой и станичной службы, не было, но в конце 1570 г. его подготовку поручили князю М.И. Воротынскому, имевшему большой опыт воеводской службы на «крымской украйне». Князь, после совета с не раз бывавшими в «диком поле» служилыми людьми, и подготовил утверждённый в феврале 1571 г. «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». В нём были расписаны порядок несения этой службы, обязанности сторожей и станичников. Было определено, что за каждый участок границы, где находилось по нескольку сторóж и станиц, нёс ответственность станичный голова, в распоряжение которого выделялись отряды из детей боярских и городовых казаков. Назначались станичными головами и брянские дворяне, хотя близ Брянска сторóж уже не было. Раньше других в документах упомянут в октябре 1565 г. Роман Семичев, бывший станичным головой, приписанным к Путивлю. В 1571 г. станичный голова Семейка (Семён) Исупов подвергся нападению литовского отряда (в 1584 г. он продолжал служить в Брянске). В документах 1578 г. в качестве станичных голов были названы «брянчане» Игнатий Тютчев, Афанасий Панютин (оба оставались станичными головами и в конце 1580-х гг.), Иван Семичев, Фёдор Толочанов, в подчинении которых были дети боярские из Брянска, Стародуба, Карачева, Болхова и городовые казаки из Орла и Новосили. Все названные дворянские фамилии были позже среди помещиков Брянского уезда.

Намного больше фамилий брянских дворян и детей боярских приведено в списке служилых людей, относящемся к

1584 г. Далее из этого списка (помимо названных ранее) приведём фамилии лишь тех, кто получил за свою ратную службу поместья, сохранявшиеся у большинства и позднее, в селениях современного Жуковского района или соседних с ним: Алымовы, Безобразовы, Бородавицыны, Вепрейские, Глебовы, Глотовы, Голенищевы, Деревнины, Зиновьевы, Козёлкины, Коломнины, Кректышевы, Кузенёвы, Лавровы, Львовы, Мачехины, Мясоедовы, Небольсины, Потресовы, Саловы, Сорневы, Сумороцкие, Тургеневы, Тухачевские, Челюсткины, Чемодуровы, Щербовы. Упомянут в этом списке и Иван Морачёв, с фамилией которого наверняка связано название села Морачёво (сейчас – в Жирятинском районе, но входило и в Жуковский район). В других документах конца века среди брянских помещиков и вотчинников упоминались князья Волконские и Мещерские.

Именно во второй половине XVI в. в основном сложился тот сословный уклад, который продолжал без больших перемен существовать и в XVII в. Учитывая положение Брянска и его уезда, важнейшей частью их населения были служилые люди («по отечеству» и «по прибору»). К служилым людям «по отечеству» относились дворяне и дети боярские, обязанные с 15 лет нести военную службу. За это они получали поместья (земли с жившими там крестьянами). Дворянские поместья были обычно довольно большими – от 500 до 250 «четей» («четь» или «четверть» - половина десятины), поместья детей боярских – от 200 до 100 «четей». Были и беспоместные дети боярские, получавшие денежное жалованье. Служилые люди «по прибору» (по набору): стрельцы, пушкари, городовые казаки и некоторые малочисленные группы (затинщики, городовые плотники и кузнецы), получали денежное и хлебное жалованье, а также пахотные и сенокосные угодья. Крупных боярских вотчин на Брянщине не было, а с учётом дробления поместий среди наследников здесь преобладали среднепоместные и мелкопоместные владельцы, которым нередко принадлежала лишь часть селения.

Документы 1589-1603 гг. позволяют назвать наиболее заметных брянских помещиков и вотчинников (их имена и отчества приведены в современной форме): братья Афанасий, Алексей и Леонтий Фёдоровичи Зиновьевы – 700, 550 и 500 четей; братья Афанасий и Игнатий Андреевичи Тютчевы, а также Афанасий Иванович Панютин – по 500 четей, Елизарий Семёнович Безобразов и Роман Гаврилович Слизнев – по 450 четей, Семён Иванович и Лазарь Семёнович Безобразовы, Пётр Жукович Зиновьев, Семён Гаврилович Исупов, князь Афанасий Васильевич Мещерский, Андрей Никитич Панютин, Дмитрий Иванович Семичев, Михаил Фёдорович Толочанов – по 400 четей, Пётр Андреевич, Роман Гаврилович и Третьяк

Васильевич Безобразовы, Никита Иванович и Степан Юрьевич Исуповы, Пётр Иванович Коломнин, Третьяк Иванович Мачехин, Артемий Иванович и Фёдор Никифорович Мясоедовы, братья Дмитрий и Пятой Андреевичи, а также Алексей Юрьевич Небольсины, братья Пороша и Семён Ивановичи Тютчевы – по 300 четей (список вряд ли полный).

Другие группы населения: посадские люди, духовенство (чёрное и белое), приказные служители, «гулящие люди», бобыли – были немногочисленными. Крестьянство большей частью жило на землях помещиков, но были и государственные («дворцовые»), и монастырские. Все они в XVI в. ещё имели право перехода на другое место жительства, но постепенно со времён Ивана Грозного такие переходы стали ограничиваться, пока не завершились окончательным закрепощением большинства крестьян в XVII в.

Итогом правления Ивана Грозного стало, по словам псковского летописца, «запустение велие Русской земли». Спасаясь от военного разорения, от опричного террора и царской «лютости», люди бежали: кто в литовские земли, кто на Дон, Яик, Терек, кто ближе к Уральским горам. Резко сократилось население многих городов, обезлюдели сотни селений, многие пашни перестали обрабатываться, превращались в «пустоши» и зарастали лесом. Именно в деспотическом царствовании Ивана IV – предпосылки того «смутного времени», которое поразило Русь в начале XVII в. (в частности, значительно возросшая «шатость» в настроениях и поведении людей).

Время правления «милостивого» царя Фёдора Ивановича (1584 – 1598) оказалось почти обойдённым вниманием историков. Отчасти это объясняется отношением к личности царя Фёдора, в котором многие видели не политического деятеля, а чрезмерно религиозного, чуть ли не «блаженного» человека.

Предлагаем объективно оценить следующие факты. При царе Фёдоре, лично возглавлявшем русское войско, города близ реки Невы (Ивангород, Ям, Копорье), потерянные при Иване Грозном, были освобождены и по позднейшему миру со Швецией возвращены России. В 1591 г., когда русско-шведская война ещё не завершилась и значительная часть русских войск находилась на северо-западе, возникла серьёзная угроза с юга. Крымский хан Казы-Гирей, собрав большое войско, двинулся к Москве. Царь Фёдор, в отличие от своего отца, не покинул столицу и личным примером настраивал воевод и рядовых ратников проявлять твёрдость и мужество. Убедившись в решимости московского войска защищать столицу, а также ощутив силу русской артиллерии, подвергшей обстрелу

позиции крымских татар, Казы-Гирей счёл за лучшее отступить и в последующие годы новых походов не совершал.

При царе Фёдоре было успешно продолжено начатое походом Ермака Тимофеевича присоединение к России Западной Сибири: исчезло Сибирское ханство, многие местные князьки признали власть Москвы и начали платить дань (ясак) мехами; построенные в эти годы городки-острожки Тюмень, Тобольск, Берёзов, Тара и другие стали центрами дальнейшего продвижения России на восток. И ещё один факт – при царе Фёдоре в Москве появился свой патриарх, что заметно повысило положение русской церкви среди других православных епархий. В целом время царствования Фёдора Ивановича было одним из благоприятных для жителей России, большинство которых с огорчением восприняло его смерть в январе 1598 г.

Начало царствования Бориса Годунова также было спокойным, но в 1601 г. страну постиг страшный неурожай, повторившийся и в следующем году. Голод, охвативший с осени 1601 г. большинство российских территорий и продолжавшийся до лета 1603 г., воспринимался многими как «ужасный гнев Божий». По мнению одного из современников, тогда «вымерла треть царства Московского голодною смертью». В эти же годы многие крестьяне и выгнанные своими хозяевами холопы, спасаясь от голодной смерти, начали объединяться в отряды и промышлять разбоями, достигшими большого размаха с начала 1603 г. и ставшими предвестниками «Смутного времени» или просто «Смуты», как часто называли всё, что происходило в Российском государстве в ближайшее десятилетие.

Множество событий и ещё большее число деятелей, различным образом проявивших себя в этот исторически небольшой период, представляют такую пёструю мозаику, в которой легко перепутать светлое с тёмным, правду с ложью. Тысячи русских людей, шедших за первым и вторым Лжедмитриями, Лжепетром и прочими самозванцами, за авантюристами Иваном Болотниковым, Иваном Заруцким и им подобным, были «отуманены» всякими ложными слухами. Эти слухи распространялись и некоторыми связанными с «верхами» отечественными честолюбцами, и их западными подстрекателями, в первую очередь – кругами, близкими к папству и к правителям Речи Посполитой. Был тогда и ложный патриарх – Филарет (Фёдор Никитич Захарьин-Юрьин-Романов), которого Лжедмитрий I из рядовых монахов произвёл в митрополиты, а Лжедмитрий II в 1609 г. возвёл в сан патриарха – при действующем патриархе Гермогене, твёрдо стоявшем на патриотических позициях.

Многие события первых этапов «Смуты» были тесно связаны с Брянским краем и окрестными территориями, а Лжедмитрий I (Юрий Отрепьев), Иван Болотников, Лжепётр (Илейка Муромец), Лжедмитрий II (еврей Богданко из г. Шклова) бывали на Брянщине. Но систематическое рассмотрение этих событий и лиц нецелесообразно – желающие могут познакомиться, помимо многих обзорных монографий, с достаточно подробными сведениями в первом томе «Истории Севска и окрестных мест» (этот двухтомник есть во всех районных и городских библиотеках области). Поэтому больше внимания будет уделено тем не использованным в указанной работе сведениям, которые напрямую касались Брянска и его округи.

Когда в ноябре-декабре 1604 г. отряды Лжедмитрия I безуспешно осаждали г. Новгород-Северский, в числе защитников города были и брянские служилые люди: головы Андрей Слизнев, Нечай Небольсин, сотники Иван Безобразов, Софрон Тютчев, Иван Панютин, Глеб Алымов, а также около 60 брянских детей боярских. В основном они относились к фамилиям, уже упомянутым в списке 1584 г., но были и некоторые новые: Бахтины, Бовыкины, Поярковы, Толбузины (все они поимённо названы в жалованной царской грамоте). В апреле 1605 г. Борис Годунов скоропостижно скончался (не исключена версия отравления), и жители Москвы и окрестных мест присягнули новому царю – молодому Фёдору Борисовичу Годунову. Присягнули ему и воеводы войск, находившихся в Северской земле и противостоявших отрядам Лжедмитрия I, но, «прельщённые» письмами самозванца, «переметнулись» на его сторону. Тем временем в Москве агентам Лжедмитрия удалось ворваться в Кремль, схватить царя Фёдора Борисовича и его мать, вскоре убитых, и в июне самозванец прибыл в столицу, где торжественно венчался на царство как «царь Дмитрий Иванович». Однако вскоре обнаружились явный отход нового царя от православных канонов, его зависимость от наехавших в Москву вместе с Мариной Мнишек поляков, что вызвало недовольство москвичей и привело к восстанию в мае 1606 г., во время которого Лжедмитрий был убит. Новым царём избрали князя Василия Ивановича Шуйского, фактического руководителя произошедших событий.

Но в южных русских городах, жители которых активно поддержали самозванца, за что получили от «царя Дмитрия» немалые льготы (отменённые Василием Шуйским), восприняли случившееся, как убийство законного царя. Поэтому «в Северских городах люди смутились и заворовали, креста царю Василию не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить». Против мятежников были направлены правительственные войска, в том числе – в

Брянск отряд воеводы Е.В. Бутурлина. Но справиться с ситуацией им не удалось.

Более того, с лета 1606 г. в связи с распространением слуха, что «царь Дмитрий» сумел спастись, начался новый этап «Смуты», основными «зачинщиками» которого стали путивльский воевода князь Г.П. Шаховской и прибывший из-за рубежа Иван Болотников, назначенный главным воеводой собранного в Путивле войска, двинувшегося к Москве. Восстанием был охвачен и север Брянщины: здесь «имали на бою», а затем казнили брянского воеводу Е.В. Бутурлина и карачевского воеводу князя С.Д. Щербатого. Даже поражение войска И. Болотникова в декабре 1606 г. и его бегство в Калугу не привело к прекращению развернувшейся в стране войны (в советское время её называли крестьянской, но в реальности тогда шла гражданская война). В конце 1606 г. в Путивле появился «царевич Пётр Фёдорович», и вскоре «осел тот Пётр Северскую землю по Брянский лес и городы поимал». Среди городов, признавших его власть, были Брянск и Рославль, так что жители селений будущего Жуковского района могли подвергаться поборам и казаков «царевича Петра», и союзных Лжепетру польско-литовских наёмников.

Позже И. Болотников со своим отрядом перешёл из Калуги в Тулу, куда ещё раньше подошли войска Лжепетра. Правительству Василия Шуйского удалось консолидировать силы дворян и других служилых людей центральных уездов и летом 1607 г. осадить тульских мятежников. Осаждённые длительное время упорно держались, но начавшийся голод заставил их в октябре сложить оружие. Сведения о Брянске и окрестных местах, относящиеся к 1607 г., отрывочны и немногочисленны. В апреле-мае в окрестностях Брянска действовали правительственные войска окольничего князя Г.Б. Долгорукого, которому удалось ненадолго занять город. Написанная в июне царская грамота сообщала, что «изо Брянска приехал к нам окольничей наш князь Григорий Долгорукой да Елизарей Безобразов, а с ними многие дворяне и дети боярские всех Северских городов». Сам же Брянск вновь в это время «был в смуте за вором» Лжепетром. Туда в августе был направлен правительственный отряд дворянина Е. Бартенева, который город «взял взятьем», но в сентябре был вынужден отойти к Козельску.

В это время в Стародубе появился новый самозванец, объявивший себя спасшимся царём Дмитрием (реальными зачинщиками авантюры были некоторые круги польской шляхты). Стародубцы поддержали Лжедмитрия II, начавшего рассылать грамоты в соседние города, и жители их «к тому воровству приташа и начаша к нему збиратися». По словам одного из польских современников, «московитяне толпами

стремились к царику, одни из преданности, считая его своим государем, другие из ненависти к Шуйскому, третьи для своеволия». Собрав 8-тысячное войско (более половины в нём составляли польские шляхтичи), Лжедмитрий II 10 сентября выступил из Стародуба; 15 сентября был в Почепе, встреченный местными жителями «с радостью», а 20 сентября войско самозванца выступило к Брянску, жители которого готовились к приходу «царя Дмитрия» и «изо Брянска все люди вышли ... на встречу». Этим воспользовался конный отряд правительственных войск под командованием брянчанина Елизария Безобразова, которому удалось сжечь городскую крепость. Далее путь Лжедмитрия II лежал к Карачеву, Козельску, а в середине октября войска самозванца заняли г. Белёв, но после известия о падении Тулы начали спешно отступать. Вскоре Лжедмитрий II вновь оказался в Стародубе. Тем временем в Брянск прибыли с ратными людьми воеводы князь М.Ф. Кашин и А.М. Ржевский, которые стали срочно восстанавливать городские укрепления. Получив сведения, что Василий Шуйский распустил свою армию, чтобы дать ратным людям отдохнуть, Лжедмитрий II и его окружение воспрянули духом, тем более что их силы пополнились несколькими крупными польскими отрядами.

В начале ноября самозванец начал свой новый поход и вскоре его войска опять появились под Брянском, но с хода взять город не удалось. Началась осада, в ходе которой войска самозванца «тесноту Брянску великую зделаша». Силы Лжедмитрия тем временем пополнились новыми польско-литовскими отрядами, запорожскими и донскими казаками, «придоша к нему многие воровские люди» из северских городов. Наверняка вся эта многотысячная масса кормилась за счёт ограбления селений Брянского уезда, включая и крестьян на территории будущего Жуковского района. В середине декабря на помощь защитникам Брянска, уже изнемогавшим от голода, подошли посланные правительством отряды князей В.Ф. Литвинова-Масальского и И.С. Куракина, которые смогли пробиться к городу и доставить туда «многи запасы». Лжедмитрий, не задерживаясь больше под Брянском и пройдя мимо Карачева, остановился на зимовку в Орле, а затем, после победы над московским войском под Болховом, подошёл в июне 1608 г. к Москве и расположился в селе Тушино. «И к тому тушинскому вору множество русских людей приложишася ... изо всяких чинов».

Восстание охватило и многие селения Брянщины. В 1608 г. в Москву прибежали из Брянского, Карачевского и соседних уездов более тысячи местных землевладельцев, «токмо телеса и души свои принесоша, оставиша матери свои, и жёны и дети в домах и в сёлах своих». Это подтверждает и

одна из грамот Василия Шуйского, что «пришли к нам северских всех городов дворяне и дети боярские, ... разорены до основания от изменников и от воров». Речь не только о пришлых «изменниках и ворах», но и о местных крестьянах и холопах: «Рабы же их ... господарей своих побиваша». Многие из оказавшихся в Москве брянских дворян и детей боярских вскоре приняли участие в защите столицы от войск самозванца и позже отличившиеся из них были пожалованы вотчинами в Брянском уезде «за царя Василия Московское осадное сидение» (некоторые получили пожалования за погибших или умерших вскоре отцов и братьев). Вот отдельные примеры из селений, наиболее близких к Жуковской земле: Афанасий Зиновьев стал вотчинником в селе Госама, Афанасий Толочанов – в деревне Хоробровичи, Дмитрий Тургенев – в селе Бетово, Иван Коломнин (за отца Петра) – в селе Крыжино, Андрей Панютин – в селе Речица (за брата).

Осенью 1609 г. положение России стало ещё более сложным. Началась открытая интервенция Речи Посполитой. Польская армия во главе с королём Сигизмундом III начала осаду Смоленска. Город мужественно оборонялся воинским гарнизоном, возглавляемым боярином Михаилом Борисовичем Шеиным, и местными жителями. В числе защитников Смоленска были и более 50 брянцев. Имена некоторых из них сохранились в документах. Владевший селом Белоголовль Митрофан Соломин был «в Смоленску забит, а жена и сын там же померли». Был «забит» во время обороны Смоленска один из владельцев Овстуга Осип Мясоедов. Леонтий Тютчев и его братья владели деревней Кабаличи (Кобыличи), и «тые дети боярские в Смоленску в осаду померли». Среди руководивших обороной смоленских башен были брянчане Михаил Ближевский, Кузьма Повадин, Тимофей Потресов, Николай Львов (двое последних – из фамилий брянских детей боярских). Интервенция захватила и Брянский край. В октябре 1609 г. один из отрядов запорожских казаков, пришедших на службу к Сигизмунду, совершил нападение на Брянск и Почеп и разорил окрестные места.

В феврале 1610 г. находившийся на службе у Лжедмитрия II польский полковник А. Млоцкий был вынужден оставить Брянск, когда к городу «пришли на лыжах 2000 людей Шуйского». Однако ушёл он не к самозванцу, а к находившемуся около Смоленска Сигизмунду III. К этому времени тушинский лагерь «воровского царя» начал распадаться, и ему пришлось отойти к Калуге. И хотя подконтрольные самозванцу территории уменьшились (в марте находившиеся на службе у Сигизмунда запорожские казаки и поляки захватили Стародуб и Почеп), жители южных городов и уездов «все были к Калуге и слушали вора». Но

Брянск не удалось захватить ни польскому отряду Я. Запорского, ни «вольным» казакам самозванца, а окрестные селения разоряли и те, и другие.

Нашлись, однако, среди брянских служилых людей дворяне и дети боярские, фактически признавшие власть Сигизмунда, о чём свидетельствовал их приезд под Смоленск, чтобы получить у польского короля грамоты на владение поместьями в Брянском уезде. Первыми подобные грамоты в марте 1610 г. получили Пётр, Семён и Алексей Безобразовы, причём последний «выпросил», сверх собственного имения, ещё несколько других: принадлежавшее ранее Фёдору Темирову сельцо Шишковичи (позже – небольшая деревушка, включённая в состав соседней д. Нешковичи Жуковского района), а также село Речица с деревнями Проща, Козасов, Юриничи и Любин. Впрочем, уже в конце года А. Безобразов потерял эти имения: Шишковичи были пожалованы Петру Коломнину, а Речица с деревнями вернулась к прежним владельцам, Андрею и Ивану Панютиным. Что касается деревень, названных вместе с Речицей, то в позднейших документах они не упоминаются: либо обезлюдели в годы смуты, либо слились с селом. Второе вполне возможно, если учесть «разбросанность» территории Речицы, а также тот факт, что в XVII-XIX вв. по количеству жителей Речица превосходила все другие селения на территории будущего Жуковского района. В мае-июне 1610 г. несколько имений Сигизмунд пожаловал в Брянском уезде бывшему рославльскому воеводе Ивану Строкину, в том числе сёла Хвощна и Липово «с деревнями и с починки, с лесами и бортными уходы». Хвощна (позже – Фошня) была центром обширной Хвощенской волости, включавшей всю территорию Брянщины между реками Десна и Болва. К Хвощенской волости относилось и село Липово (позже – в Брянском районе), исчезнувшее более полувека назад. Но Строкины в Брянском уезде не прижились.

Возвращаясь к политическим событиям 1610 г., упомянем лишь наиболее заметные. В июле боярско-дворянские заговорщики свергли царя Василия Шуйского и формально установили власть «семибоярщины», но реальной поддержки населения у неё не было, скорее – наоборот. Страх перед Лжедмитрием II, чьи отряды вновь подошли к Москве, подтолкнул членов «семибоярщины» пригласить на царский престол 15-летнего Владислава, сына короля Сигизмунда III, – тем более, что к Москве приближались польские войска гетмана С. Жолкевского. В августе прошла церемония принятия присяги Владиславу, но многие москвичи, включая часть служилых людей, отказались присягать «латинянину». Власти снарядили большое посольство к осаждавшему

Смоленск Сигизмунду (одним из руководителей посольства был «патриарх» Филарет). Среди «городовых» дворян в составе посольства были брянчане Василий Толбузин и Фёдор Парфентьев, а в числе охраны – 88 брянских детей боярских. Все они в ноябре – декабре 1610 г. получили от Сигизмунда грамоты на владение поместьями в Брянском уезде.

Вот лишь некоторые примеры, связанные с селениями будущего Жуковского района и наиболее близкими к ним. Фёдор Парфентьев, помимо своих прежних имений, получил ещё несколько селений в Хвощенской волости, в частности деревни Бацкина и Любегощь, а также «сельцо Зыково», вскоре обезлюдевшее (вероятно, на этом месте возникла позднее деревня Саково), – ранее они принадлежали Ивану Похвисневу («а тот Иван убит в воровстве»). Сын боярский Иван Коломнин получил часть («жеребий») выморочного имения Богдана Деревнина в с. Встуге (Овстуге) и д. Молвитиной (Молотино). Братьям Афанасию и Дмитрию Небольсиным было дано поместье «по зяте их Осипе Мясоедове, в с. Встуге 90 четвертей, … да изменничье Микиты и Любимки Днепровских … в с. Встуге, в с. Новосадках (Новосёлках), всего 200 четвертей, а тые Днепровские в измене, в воровстве». Интересно, что один из братьев Небольсиных, Афанасий Алексеевич, ещё при Василии Шуйском получил небольшую вотчину в Батоговской волости, а в 1612 г. это пожалование подтвердили князья Д. Трубецкой и Д. Пожарский, в войске которых А. Небольсин находился. Василию Неклюдову Сигизмундом была пожалована д. Митьковщина, ранее – поместье Епифана Днепровского, «а тот Епифан умер». Брянскому дворянину Семёну Игнатьеву сыну Тютчеву была дана грамота «на старое отца его поместье … с. Хотилово (Хотылёво) с деревнями», в том числе – Глинищево, Летошники, Давыдчичи. Иван Семёнов сын Зиновьев получил грамоту на прежнее поместье отца (с. Вщиж, деревни Бобылёва и Чудинова), а также «тётки его» (сельцо Касилово).

Тем временем в Москве росло недовольство политикой боярского правительства, которое, опасаясь народного возмущения, дало согласие С. Жолкевскому ввести польские войска в столицу. Сам гетман вскоре уехал к королю, захватив с собой в качестве пленника бывшего царя Василия Шуйского. Командовать польскими отрядами в Москве стал полковник А. Гонсевский, который вёл себя как «хозяин»: арестовал некоторых бояр, а затем и патриарха Гермогена, который не смирился с польской оккупацией и рассылал грамоты с призывами выступить против захватчиков. Последующие судьбы Василия Шуйского, не согласившегося «добровольно» объявить своим преемником на московском царстве Владислава, и Гермогена, до конца стоявшего на

патриотических позициях, оказались одинаковыми: оба, вероятно, были уморены голодом в 1612 г. в Варшаве и Москве.

Ещё раньше, в декабре 1610 г., в Калуге был убит Лжедмитрий II. Позже появлялись и Лжедмитрий III, и другие самозванцы, но им уже мало кто верил. В стране не было больше ни законного, ни «воровского» царя, если не считать Владислава, но его отец, Сигизмунд, не собирался отпускать сына в Москву, поскольку сам был не прочь овладеть «Московией». А польские войска на русской территории вели себя подобно захватчикам, и это вызывало ответную реакцию. В стране началось национально-освободительное движение, в котором участвовали разные социальные силы. Раньше других выступили посадские и служилые люди северных городов: Вологды, Костромы, Галича, Ярославля, затем – Нижнего Новгорода, Рязани и других. Они отказались присягать Владиславу и вели борьбу с отдельными польско-литовскими отрядами, грабившими местных жителей. Не признало Владислава и большинство «вольных» казаков и других бывших сторонников Лжедмитрия II. Руководителями этого калужско-тульского воинства стали И.М. Заруцкий и князь Д.Т. Трубецкой, а также возглавлявший отряд рязанских дворян Прокопий Ляпунов. Участники формировавшегося первого русского ополчения «крест целовали ... за Московское царство ... со всею землёю стояти вместе заодно и с Литовскими людьми битись до смерти». Бывший в то время брянским воеводой В.П. Шереметев занимал патриотическую позицию и в 1611 г. начал «ссылатися с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким ... как бы Московское государство от иноверных очистити». Весной 1611 г. смоленские служилые люди, бывшие ранее в войске Василия Шуйского, прибыли в Брянск, а оттуда в Рославль, «хотяще в Смоленск проходом скрозь королевские полки пройти, и Смоленску помощь учинити». Однако 2 июня войскам Сигизмунда удалось захватить Смоленск (раненый воевода М.Б. Шеин попал в плен), и отряд смолян вернулся в Брянск, где по указанию воеводы «брянчаня кормы и запасы смольянам даша».

Тем временем первое ополчение подошло к Москве, чтобы блокировать там польский гарнизон. Были в его составе и брянчане – сын боярский Яков Исупов, например, в войсках князя Д.Т. Трубецкого «был без съезду и ранен». Но разногласия между руководителями ополчения привели к его распаду летом 1611 г. Однако и после отъезда большинства дворян остававшиеся под Москвой «казачьи таборы», блокируя захватчиков в Москве, создавали благоприятные возможности для второго ополчения, начавшего формироваться в Нижнем Новгороде, во главе с Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

Первоначально отношения между вторым ополчением и подмосковными полками не были дружественными, но постепенно главные общие цели – изгнание поляков из Москвы и создание русского правительства, способного возглавить борьбу против интервентов и стабилизировать внутреннее положение, – сближали тех и других. В результате в сентябре руководители второго ополчения и подмосковных полков «по челобитию и по приговору всех чинов людей» договорились об объединении своих сил, чтобы «Российскому государству во всём добра хотеть без всякой хитрости». Предводителями объединённых сил были избраны князья Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский и «выборный человек» Кузьма Минин. 26 октября 1612 г. польский гарнизон в Кремле капитулировал, а в феврале 1613 г. Земской собор избрал новым царём Российского государства Михаила Фёдоровича Романова, 16-летнего сына упомянутого ранее Филарета. Но до окончательного завершения смуты было ещё далеко.

Из последующих событий назовём лишь те, что относились к Брянскому и соседним уездам. В начале 1614 г. отряд под командованием брянского воеводы князя А.М. Львова совершил поход к Кричеву, где «многой полон поимали и воевав здорово пришли во Брянск». С конца 1614 г. положение ухудшилось. Польско-литовский отряд подошёл к Брянску и осадил город. На помощь брянцам был направлен мценский воевода князь Ю.И. Шаховской, начавший собирать ратных людей в Карачеве. Но поляки и литовцы, «пришедши из-под Брянска к Карачеву безвестно», захватили город, пленив самого воеводу. Тогда же, в конце 1614 - начале 1615 гг., в Брянском и Карачевском уездах отряды ногайских татар разорили многие селения и захватили большой полон.

Но особую опасность в 1615 г. представлял польско-литовский отряд полковника Александра Лисовского, известного военачальника в годы смуты, сначала поддержавшего Лжедмитрия II, а затем служившего Сигизмунду. В середине марта отряд А. Лисовского «пришол подо Брянск изгоном безвестно» и осадил город. Попытки захватить Брянск приступом окончились для поляков неудачей, и А. Лисовский временно отошёл к Карачеву, а в конце июня вернулся «и приступал ко Брянску всеми людьми с нарядом (т.е. с пушками – В.К.) жестокими приступы, и во Брянску воевода Пётр Воейков и дворяне и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые и жилецкие люди ... на приступех многих польских и литовских людей побили», отстояв город от захватчиков, которые вновь отошли к Карачеву. В августе 1616 г. брянские воеводы князь И. Дашков и В. Протопопов сообщили, что «приходили ко Брянску крымские люди, и они, укрепя осаду, против крымских людей выходили и многих

побили и языки поимали и от города отбили, и посадов жечь не дали». Воеводы «за татары посылали голов с сотнями, ... и головы, сшод татар на реке на Десне на перевозе, многих побили и полону отполовинили с пятьсот человек». Немалый ущерб жителям Брянского уезда был и от появлявшихся здесь в 1616-1617 гг. отрядов «вольных казаков», состоявших в основном из беглых крестьян и холопов.

В 1618 г. королевич Владислав попытался овладеть московским царским престолом, и осенью возглавляемое им польско-литовское войско подошло к Москве. Сюда же прибыли и руководимые гетманом П. Конашевичем-Сагайдачным отряды запорожских казаков. Однако попытка штурмовать Москву окончилась для наступавших неудачей. Запорожцы вскоре вернулись в Малороссию, а войска Владислава попытались овладеть Троице-Сергиевым монастырём, но были отбиты и там. Начавшиеся затем переговоры завершились 1 декабря 1618 г. подписанием в д. Деулино перемирия сроком на 14 с половиной лет. По условиям перемирия Смоленская земля (в том числе близкий к Брянску Рославльский уезд), а также большая часть Северской земли, включая Стародуб, Почеп, Трубчевск, отошли к Речи Посполитой. Польские представители настаивали также на передаче в состав Речи Посполитой Брянска с уездом, но эти претензии удалось отклонить. В 1619 г. в Москву вернулся задержанный ранее поляками отец царя Михаила Фёдоровича Филарет, который вскоре церковным собором был объявлен патриархом, а затем стал соправителем сына и вплоть до своей кончины в 1633 г. был в реальности главным «государем».

Горькие следы оставило смутное время во многих районах Московского государства. Не был исключением и Брянский уезд, где запустело немало селений, заметно уменьшилась численность жителей. По подсчётам брянского историка-краеведа В.П. Алексеева, анализировавшего писцовые книги 1626-1628 гг., «38% всех населённых пунктов Брянского уезда пришло в запустение». Многие крестьяне, потерявшие лошадей, продуктивный скот и инвентарь, были разорены и превратились в бобылей. Не имели собственных хоэяйств также «задворные» и «деловые» люди. Первые жили «за двором» помещика и обслуживали его дом и хозяйство. «Деловые» люди чаще всего занимались какими-либо промыслами и ремёслами.

Даже во второй половине века число обитавших в селениях жителей было очень невелико, и порой в полученных служилыми людьми поместьях некому было работать. Около половины пахотных земель перестали обрабатываться и зарастали лесом. Подтверждают эту безрадостную картину и церковные сведения. Из храмов на территории Жуковской

земли в годы «смуты» были сожжены или ограблены и подолгу стояли «пусты без пения» церкви в сёлах Белоголовль, Быковичи, Вщиж, Крыжино, Овстуг, Речица, и лишь в с. Фошня церковь уцелела и в ней продолжались богослужения.

Постепенно жизнь возвращалась в обычную колею, но мирная передышка оказалась недолгой. В 1632 г., ещё до окончания срока Деулинского перемирия, воспользовавшись смертью Сигизмунда III, московское правительство начало войну с Речью Посполитой за возвращение утраченных ранее земель. Поскольку главные военные действия развернулись близ Смоленска, к которому подошла русская армия боярина М.Б. Шеина, война получила название Смоленской. Участвовали в войне и жители Брянска и Брянского уезда. В ноябре отряд служилых людей во главе со вторым брянским воеводой Н.В. Аладьиным овладел Почепом. Позже отряд Н.В. Аладьина вместе с другими русскими войсками осаждал, а затем занял Стародуб. Другой отряд брянских служилых людей, возглавляемый головой А. Зиновьевым, участвовал в осаде и взятии Трубчевска.

Одной из особенностей военных действий было значительное участие в них «охочих людей». Отряды «вольницы» участвовали в осаде отдельных городов (в том числе Трубчевска и Стародуба), совершали рейды на подконтрольные Речи Посполитой земли, захватывая «языки», но главной их целью была военная добыча, поскольку жалованья от правительства они не получали. Кроме того, «вольные» отряды «кормились» за счёт жителей тех мест, где временно находились.

Привлекая «охочих» людей, правительство надеялось увеличить численность своего войска, но реальность оказалась другой. Порядки, царившие в отрядах «вольницы» (наиболее многочисленным был отряд Ивана Балаша, проделавший в конце 1632 - начале 1633 гг. путь из-под Смоленска к Рославлю, а затем через Брянский уезд к Стародубу), являлись для многих привлекательнее дисциплины в войсках М.Б. Шеина и других воевод. Об этом свидетельствовала царская грамота от января 1633 г.: «Дети боярские ... из полков многие пошли в воровство, а донские казаки пошли к тем же ворам и ходят со Балашем, и в уездах жгут и грабят».

Сам И. Балаш умер в Стародубе в апреле 1633 г., но многие его сотоварищи, именовавшие себя «балашовцами», были причастны к событиям в Брянском уезде с осени 1633 г. до февраля 1634 г. В это время некоторые дети боярские, солдаты, а также донские и яицкие казаки оставили армию М.Б. Шеина, осаждавшую Смоленск, и начали скапливаться в районе Рославля. В октябре 1633 г. брянские помещики и церковники в своей челобитной к царю писали, что «из

Рославля приходят в Брянский уезд, ... наши вотчины и поместьишки грабят ... и нас побивают, и хлеб наш нашими же крестьянами везут к себе». К тому же, как добавляли авторы челобитной, «люди наши и крестьяне многие заворовали, побрали животы (имущество – В.К.) наши, лошадей и всякую рухлядь, и стрельцы из Брянска бегают из воровства, и что было у нас людей, и те... выбежали в Рославль».

Там к началу 1633 г. собралось около 5 тысяч «всяких людей», и правительство решило направить к ним воеводу, которому поручалось привести всю эту «вольницу» в Можайск в состав армии князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского. Формально признав воеводу И. Наумова, рославльское войско выступило в феврале 1634 г. – но вместо Можайска к Брянску.

По словам новой челобитной, посланной в Москву, «вольные казаки, как шли в Брянск, и во Брянском уезде у дворян и детей боярских по сёлам и по деревням крестьян жгли и ломали, и животы их пограбили, и дворянских и детей боярских жён и детей в полон имали». В середине февраля казацко-крестьянское войско встретилось в д. Береcток (ныне почти опустевшая деревня находится на юге Дубровского района) с отрядом атамана А. Чертопруда, ездившего в Москву с «языками». Атаман самовольно собрал «круг» и повёл мятежное войско «на воровство». В Брянске и окрестных слободах мятежники грабили имущих жителей, захватывали лошадей и застрелили нескольких стрельцов, пытавшихся воспрепятствовать бесчинствам. Затем путь мятежников лежал в Карачевский и Козельский уезды, а позже часть их ушла на Дон, часть – рассеялась.

Тем временем Смоленская война завершалась. У армии М.Б. Шеина не было достаточно сил ни для блокады Смоленска, ни для штурма смоленской крепости. Осенью 1633 г. новый король Речи Посполитой Владислав IV, уже упоминавшийся сын покойного Сигизмунда, подошёл к Смоленску с польско-литовской армией, и её отряды сумели перерезать дороги, по которым снабжались войска Шеина. Царь Михаил Фёдорович был оповещён о трудном положении русской армиии под Смоленском, но московское боярское правительство не оказало ей нужной помощи, а находившаяся в Можайске вторая русская армия так и не получила приказа выступить к Смоленску. Голод и начавшиеся болезни ещё более усугубили положение войск М.Б. Шеина, и воевода был вынужден в феврале 1634 г. принять предложенные Владиславом условия: русская армия пропускалась в Москву с оружием, но без знамён и большинства пушек, которые становились трофеями королевской армии. В Москве М.Б. Шеин, фактически спасший остатки своей армии от гибели и плена, был арестован, объявлен изменником и по боярскому

приговору, утверждённому царём, казнён. Подобная несправедливость объяснима: полководец-патриот был как бельмо на глазу почти всех из боярского царского окружения, чьё поведение в годы «смуты» можно назвать предательством. Да и сам Михаил Романов, будучи тогда подростком, вместе с отцом Филаретом и матерью целовал крест на верность московскому царю Владиславу. Неприязнь, близкая к ненависти, – вот что определило такое позорное решение.

В мае 1634 г. представителями Московского государства и Речи Посполитой был подписан Поляновский мир. По его условиям Владислав отказался от прав на московский престол, а границы двух государств в основном остались прежними. Через 10 лет условия Поляновского мира были дополнены Виленским миром 1644 г., по которому Русское государство и Речь Посполитая стали союзниками в борьбе с крымскими татарами, чьи частые набеги продолжали наносить немалый ущерб южным территориям обоих государств. Кроме того, по Виленскому миру Трубчевск с уездом возвращался в состав Московского государства, что и произошло в 1645 г.

Из большого количества военных и социально-политических событий середины и второй половины XVII в. непосредственное отношение к положению в Брянском уезде имели лишь немногие. О них в основном и пойдёт далее речь, но без некоторых сведений более широкого характера всё-таки не обойтись.

В 1648 г. в Малороссии, входившей в состав Речи Посполитой, началось возглавляемое гетманом запорожских казаков Богданом Хмельницким антипольское восстание, к которому примкнули и многие другие жители. В этой войне у восставших были и успехи, и неудачи, но шансов победить только своими силами практически не было. Поэтому Богдан Хмельницкий и основная часть казацкой старшины пыталась найти поддержку у крымского хана, турецкого султана, в то время как большинство простого населения связывало основные надежды с близкой по православной вере и языку Россией. Это не могло не учитываться гетманом и его окружением и побуждало их просить помощи у Москвы.

Но правительство нового (с 1645 г.) московского царя Алексея Михайловича не спешило вмешиваться в малороссийские события. Во-первых, поддержка Богдана Хмельницкого привела бы к новой войне с Речью Посполитой, отношения с которой в это время развивались благоприятно. Во-вторых, союзником Богдана Хмельницкого и запорожцев были крымские татары, что не могло не настораживать московские власти. Наконец, социальная обстановка в самой России была тревожной, о чём свидетельствовали произошедшие в 1648-1650-х гг. в Москве, Новгороде, Пскове и

нескольких южных городах восстания, а мятежный дух запорожских казаков мог спровоцировать новые подобные проявления.

Поэтому, несмотря на неоднократные обращения Богдана Хмельницкого, первая косвенная поддержка ему была оказана только в 1651 г., когда литовский гетман Я. Радзивилл начал собирать войска на юго-востоке Белоруссии для наступления на подконтрольные казакам территории. Помешать этому должно было намеченное наступление казацких войск на Рославль и далее на восток Белоруссии, чтобы поднять восстание местных крестьян в тылу войск Я. Радзивилла. Казацкий отряд сосредоточился северо-восточнее Почепа в районе деревень Ишово и Кашово; сюда же подошёл и отряд крымских татар. Но путь к Рославлю лежал через территорию Брянского уезда. Получив соответствующую просьбу, московские власти направили в Брянск грамоту, что если «порубежных городов черкасы учнут бить челом ..., чтоб им идти к Рославлю Брянским уездом», то «тех черкас ... к Рославлю пропустить».

После получения этой грамоты брянский воевода князь Д.С. Великогагин послал дворян И. Юрасова, Р. Мачехина и В. Бородавицына «съехаться на рубеж с руководителями казаков и предупредить, чтоб они Брянским уездом «шли смирно, и никаким людям дурна никакого не учинили». Через неделю брянский воевода направил «за рубеж» дворян М. Семичева, М. Похвиснева, А. Тютчева и П. Потресова, которым поручалось объявить полковнику Ивану Шохову, командовавшему отрядом казаков, что «государевою землёю» они могут идти, но «смирно» и без крымских татар. Те же дворяне сопровождали 4-тысячный отряд И. Шохова в его пути по Брянскому уезду: через с. Высокое, д. Леденёво, д. Берестоκ, с. Клечетово, т.е. по территории современных Жирятинского, Жуковского, Дубровского и Рогнединского районов. В ночь на 6 июня Рославль был взят казаками, но последующие военные события были неудачными для войск Богдана Хмельницкого. По подписанному в 1652 г. мирному договору с Речью Посполитой оговаривались права польских землевладельцев возвращаться в свои имения в Малороссии и требовать от местных крестьян выполнения всех повинностей. Это привело к массовому возмущению и началу переселения жителей на соседние земли в Московском государстве. Гетман Богдан Хмельницкий был вынужден лавировать: сначала искать покровительства у турецкого султана, а потом опять обратиться к русскому царю.

Новая просьба была рассмотрена Земским собором, который согласился «Богдана Хмельницкого и всё Войско Запорожское с городами и землями их принять под высокую

царскую руку». 8 января 1654 г. в г. Переяславе состоялась рада, где находились гетман Богдан Хмельницкий, казацкая старшина, «великое множество всяких чинов людей», а также московское посольство во главе с боярином В.В Бутурлиным. Здесь и было решено признать власть «православного великой Руси государя царя и великого князя Алексея Михайловича», что подкреплялось присягой, хотя запорожские казаки и их старшина сделали это с явной неохотой.

Решение Переяславской рады обычно именуют «воссоединением Украины с Россией», но такое название не является исторически корректным. Во-первых, слово «украина» в то время означало окраинную землю и применялось не к Малороссии, или Южной Руси, как тогда именовали нынешнюю Украину, а к приграничным русским уездам. Лишь на некоторых польских картах это название относилось к Запорожской Сечи как к окраине Речи Посполитой, а с современной Украиной оно стало связываться только с XIX века. Во-вторых, правильнее говорить не о «воссоединении», а о включении основной части Малороссии в состав Московского государства, что привело к началу новой войны между Россией и Речью Посполитой.

Главные военные действия развернулись на Смоленщине и в Белоруссии. Участвовали в боях и брянские служилые люди в составе войск князя А.Н. Трубецкого, прибывших в мае из Москвы в Брянск, где завершалось формирование этой армии. Летом 1654 г. войска князя А.Н. Трубецкого заняли Рославль, Мстиславль и нанесли поражение литовским войскам Я. Радзивилла близ г. Борисова. Вскоре русские армии заняли Смоленск, Витебск, Полоцк, Вильно, но война приняла затяжной характер и с небольшими перерывами продолжалась до 1667 г.

Во многом это было связано с почти постоянной политической нестабильностью в Малороссии. Продолжались «шатания» Богдана Хмельницкого - даже в конце жизни (он умер в августе 1657 г.), а затем последовали прямые измены присягавших Москве других гетманов: Ивана Выговского, Юрия Хмельницкого, Ивана Брюховецкого, Петра Тетери, Петра Дорошенко вместе со значительной частью казацкой старшины. Призывая на помощь крымских татар, польско-литовские и турецкие войска, мятежные гетманы не раз начинали военные действия против русских ратных людей и собственных соотечественников, остававшихся верными присяге. Это привело к расчленению Малороссии на части. Но непосредственно жителей Брянского уезда военные действия коснулись лишь однажды, когда в начале 1664 г. войска литовского гетмана Х. Паца, двигавшегося на соединение с

находившейся близ Севска армией короля Яна Казимира, разорили многие селения.

В годы войны обострилось положение и в селениях, принадлежавших брянским помещикам. В 1650-х гг. братья Небольсины, владевшие имениями в селе Берёзовичи и деревнях Тарасова и Починок (эти селения относились позже к Жуковскому, либо к Жирятинскому районам), обратились с жалобой, что из принадлежавших им селений бежало 30 крестьянских семей «со всеми животы», а перед побегом они «дворишки наши разорили и людишек наших, которые с ними не похотели идти, ... и животы все и статки, лошади и коровы и овцы и свиньи и всякую животину с наших дворишек загнали с собою, и из ям хлеб всякой вывезли». Попытки помещиков вернуть беглых окончились трагически. В 1660 г. пришедшие «из Черкаских городов» беглые дворовые и крестьяне Ивана Небольсина «с женою и с людьми и с животы заперли в хоромах, сожгли». Были и другие подобные примеры.

Ранее уже перечислялись волости Брянского уезда в XVI в., но без их характеристики. Документы, относящиеся к XVII в., позволяют сделать это, а заодно и внести некоторые дополнения. Во-первых, помимо волостей, в состав Брянского уезда входили два стана: Подгородный (Городской) и Подывотский. Во-вторых, в 1580-е гг. две южных волости (Пьяновская и Волконская) были объединены в Комарицкую волость, подчинявшуюся Приказу большого дворца. Волость сначала относилась к Брянскому уезду, но с 1627 г. была передана в состав Севского уезда. С этого времени Брянский уезд состоял из двух станов и 5 волостей.

Наиболее населённым был Подгородный стан, в основной части которого на правобережье Десны западнее Брянска перечислены в документах XVII в. более 120 селений, относившихся в XX в. к Брянскому, Выгоничскому, Жирятинскому и Жуковскому районам. Ещё одна часть Подгородного стана находилась на левом берегу Десны к югу от реки Снежети. Здесь в XVII в. упоминались 9 селений (ныне в Навлинском районе). На территории Жуковского района к Подгородному стану относились: сёла Белоголовль, Быковичи, Вщиж, Крыжино, Овстуг, Речица, деревни Леденёва, Летошники, Нешковичи, Песочня, Стипково, Шамордина, а также обезлюдевшие или слившиеся с соседними селениями в XX в. деревни Дорогинь, Дуброславичи, Митьковщина, Спиньши (Спинка), Ситковичи, Токарёва, Чудинова, Шишковка (Шишковичи).

С севера к Подгородному стану примыкал небольшой по территории Подывотский стан (название – от реки Ивот, правого притока Десны). Здесь в XVII в. было одно село Голубея и 13 деревень (они находились в южной части

Дубровского района, к настоящему времени пять из них обезлюдели). Поблизости от Голубеи расположены также с. Рековичи и д. Вязовск, но они были отнесены к Пацынской волости, находившейся севернее и включавшей 12 сёл и около полусотни селец и деревень, позже входивших в Рогнединский и частично в Дубровский районы. К настоящему времени более 30 из этих селений исчезли. Западнее Пацынской волости располагалась Вороницкая волость, в которой было 45 селений (основная территория бывшей волости ныне находится на юго-востоке Смоленской области и лишь небольшая часть – на северо-западе Дубровского района).

К северу и северо-востоку от Брянска находились две обширные волости: Батоговская и Хвощенская. Из 33 селений Батоговской волости позже лишь 6 входили в состав Брянского и Дятьковского районов, основная же часть находилась в соседней Калужской области. А Хвощенская волость занимала всю левобережную задеснянскую часть Жуковского района, почти весь Дятьковский район, часть территорий Брянского и Рогнединского районов и немногие соседние земли Калужской области. Населённость Хвощенской волости была совсем небольшой. В конце 1670-х гг. здесь находилось «за помещиками и за вотчинниками шесть дворов людских, людей в них двадцать два человека; сто девяносто четыре двора крестьянских, людей в оных шестьсот сорок человек; сто шестьнадцать дворов бобыльских, людей в них триста сорок один человек». Судя по числу изб «людских», где жили дворовые, во всей Хвощенской волости было в это время не более шести дворянских усадеб. Ещё 90 крестьяпских и бобыльских дворов были расположены в селениях, принадлежавших монастырям.

На Жуковской земле, помимо села Хвощны (позже – Фошни, ныне обезлюдевшей), находились деревни Касилова, Лавшина (Старое Лавшино, ныне исчезнувшее), Месковичи (Старые Месковичи) и Ходиловичи. Ещё около 40 селений находились на соседних территориях. Самая малая по числу селений волость – Прикладненская состояла из двух частей: северная с 4 селениями на территории современного Клетнянского района и южная, примыкавшая к дворцовой Комарицкой волости.

О степени населённости отдельных частей Брянского уезда можно судить и по числу дворов (сведения 1678 г.). В селениях Подгородного стана было в это время 1845 дворов, в Пацынской волости – 815, в Вороницкой волости – 488, в Хвощенской волости – 406, в Батоговской волости – 397 дворов. В небольшом Подывотском стане и количество дворов было наименьшим – 237. Самое большое число сельских жителей было в основной части Подгородного стана на

правобережье Десны (включая значительную часть Жуковского района) и в Пацынской волости, а в наиболее обширной Хвощенской волости селения были редкими и малолюдными (в среднем менее 10 дворов на селение).

Хотя подробных описаний хозяйственной деятельности помещиков и крестьян Брянского края в XVII в. нет, но некоторые частные сведения, содержащиеся в документах и исследованиях, позволяют сделать определённые выводы. В Брянском уезде не было боярских вотчин. Из брянских дворянских фамилий, связанных службой с Москвой, но имевших поместья или вотчины в Брянском уезде, наиболее примечательны Толочановы. Семён Фёдорович Толочанов, бывший в конце XVII в. окольничим, являлся крупнейшим светским вотчинником в уезде – ему принадлежало 194 крестьянских двора, в которых числилось более тысячи душ м.п. Относились эти дворы и души к двум имениям: основному в с. Голубея с примыкавшими деревнями Подывотского стана, а также к соседней с Овстугом и позже входившей в Овстугскую волость деревней Хоробровичи, ныне обезлюдевшей. Следовательно, слово «имение» было многозначным – в него могли входить и несколько соседних селений, и одно (даже – часть селения). Имения брянских помещиков были чаще всего невелики и не очень благоустроены. Даже дома помещиков мало выделялись среди крестьянских изб – были лишь просторнее и чище. Ведь помещики, занятые воинской службой, жили в них временами, а постоянно проживали старики, женщины, дети да немногие дворовые. Так что жизнь тогдашних помещиков была довольно примитивной и особым достатком не отличалась. Да и откуда было ему взяться при малом количестве крепостных, которые зачастую еле-еле сводили концы с концами и были не в состоянии улучшить материальное положение своих господ.

Вот почему некоторые из мелкопоместных детей боярских, не сумевшие привлечь в свои имения дополнительных жителей или же потерявшие прежних, были не в состоянии нести воинскую службу, лишались поместий и переводились в число однодворцев. Теперь им самим приходилось заниматься крестьянским трудом на полученных от государства земельных наделах. К брянским однодворцам относились выходцы из некоторых дворянских фамилий (Глебовы, Кузенёвы, Суморокие, Щербовы) или из находившихся на московской службе рославльских детей боярских, новые поместья которых были невелики. К примеру, в небольшом селе Быковичи получили владения восемь «рословцев» из шести фамилий (Боборыкины, Будаевы, Вавулины, Гавриловы, Скалозубовы, Тюпины), которые следов в жизни Брянского уезда почти не оставили. Лишь у Будаевых

и Гавриловых небольшие имения были иногда и позже. «Рословцами» были и однодворцы Каплины. Память о них осталась в названии д. Старое Каплино в Жирятинском районе.

Уклад крестьянской жизни мало менялся с течением времени и во многом определялся природными условиями. При благоприятной погоде в период основных сельских работ (с апреля до сентября) крестьянин имел возможность, рассчитавшись с помещиком частью урожая в качестве натурального оброка, обеспечить свою семью необходимым прожиточным минимумом до нового урожая. Но случись засуха, длительные дожди, падёж скота или пожар – и крестьянская семья оказывалась на грани голодной смерти; в лучшем же случае перемещалась в число бедноты. Средняя «населённость» крестьянского двора в центральной части России составляла на рубеже XVII-XVIII вв. примерно 7-8 человек. Больше по численности были зажиточные семьи (10-15% крестьян), к «середнякам» относилось 50-55%, а сельская беднота составляла около одной трети. И цифры эти почти не менялись за всё время существования крепостного права.

Для крестьянской семьи возможности повысить своё благосостояние в условиях крепостной зависимости и господства натурального хозяйства были затруднительными. В северной части Брянщины (включая Жуковский район) преобладают малоплодородные подзолистые и супесчаные почвы. При трёхпольной системе земледелия такие земли не успевали «отдыхать», чтобы восстановить плодородие, и поэтому урожайность зерновых в обычные годы составляла «сам-2», «сам-3» (т.е. из посеянных на десятину 8-10 пудов зерна собирали 20-30 пудов, а то и меньше). Повысить урожайность можно было лишь при удобрении почвы навозом, но для большинства крестьян добиться заметных результатов было не по силам.

В среднем по достатку крестьянском дворе находились 1-2 лошади, корова, несколько голов мелкого скота, так что количество получаемого навоза было невелико, особенно с учётом полуголодного рациона скота в стойловый период. Только крепкие крестьянские семьи, где было несколько мужских рабочих рук, могли содержать не менее 3-4 лошадей, что позволяло в лучшие сроки выполнить все полевые работы и оставляло время заготавливать сено и для скота. Именно многолюдные и многолошадные семьи могли сверх своей надельной земли возвращать в хозяйственный оборот участки заброшенных ранее «росчистей» и пустошей, которые заросли мелколесьем. После повторного «окультуривания» на этих участках в течение ряда лет получали и более высокие урожаи зерна, и солому, бывшую важной частью корма для скота в зимнее время (лишь для овец заготавливали «веточный корм»

– сушёные веники). Для большинства же крестьян шансов улучшить своё положение было немного. Отсюда и известная русская поговорка: «Не до жиру – быть бы живу».

Однако некоторые перемены в сельском хозяйстве всё же замечались. От XVII в. сохранились сведения о развитии на Брянщине огородничества и садоводства. К примеру, проезжавшего в 1655 г. через Севск антиохийского патриарха Макария и его спутников угощали, кроме всяких напитков, чёрного и белого хлеба, рыбы разных сортов, также огурцами и редиской. В 1672 г. полковник П. Гордон, назначенный командиром одного из драгунских полков в Комарицкой волости, построил в Севске дом, при котором заложил обширный сад, где, кроме 96 яблонь, росли вишни, сливы, рябины, кусты крыжовника и белой смородины. В это же время был сад в Спасо-Чолнском монастыре близ Трубчевска. В нём росли яблони и вишни, а вот получившие позже известность трубчевские сорта груш позднего срока созревания появились там, вероятно, не ранее конца XVII в.

Но сады были и в более северных уездах. Из Брянского уезда, по сведениям документов, яблоки, груши и сливы поставлялись в свежем и мочёном виде к столу царя Алексея Михайловича, возглавлявшего Московское государство в 1645-1676 гг. Среди жителей Брянска начала 1670-х гг. упомянуты два «государевых садовника» – значит, были и «государевы» сады (скорее всего, они находились в примыкавших к Брянску «посопных» слободах).

Дополнить эти сведения могут некоторые записи о «брянчанах», сделанные в 1694 г. в Московской таможенной избе. Далее они приведены не в виде дословных цитат, а в более удобной для читателей форме: имя и фамилия предъявителя товара, сведения о товаре, объявленная продавцом цена. Итак: стрелец Иван Каверзин – бочка слив солёных – 8 рублей; Козьма Васильев – полтора воза яблок и 3000 «дуль» - 10 рублей; Василий Преженцев – 3 воза яблок садовых и «куль семян белых» (тыквенных) – 9 рублей; Афанасий Козьмин – воз яблок – 4 рубля.

Разумеется, эти примеры дают лишь косвенное представление о развитии садоводства и огородничества, но об определённых изменениях в хозяйственнй жизни они свидетельствуют. В то же время несомненно, что упомянутые перемены были связаны чаще всего с жителями городов, пригородных слобод и монастырей и в очень малой степени приживались в крестьянских хозяйствах. Да и в помещичьих имениях садоводство и новые виды овощеводства стали шире распространяться только в следующем, XVIII веке.

4. В составе Российской империи во времена крепостного права

Превращение Московского государства в Российскую империю связано с именем младшего сына царя Алексея Михайловича - Петра I, чьи разнообразные преобразования в первой четверти XVIII в. во многом изменили жизнь страны. Обилие литературы, посвящённой жизни и деятельности Петра I, позволяет не останавливать внимания на этой выдающейся, но во многом противоречивой личности. Заметим лишь, что и современники, и позднейшие исследователи и писатели были очень разноречивы в своих оценках – от наименования Петра Великим, «отцом Отечества» до прозвища «антихриста». При этом и у тех, и у других было немало оснований для подобных оценок. Объединив проведенные при Петре I преобразования в одно слово «реформа», В.О. Ключевский отмечал, что «реформа с самого начала вызвала глухое противодействие в народной среде тем, что она была обращена к народу только двумя самыми тяжёлыми своими сторонами:

1) она довела принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения и
2) представлялась народу непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада жизни, освящённых временем народных привычек и верований».

Тяжёлым бременем ложились на народ и военные кампании, которые при Петре I Россия вела практически беспрерывно с середины 1690-х гг. почти 30 лет. Из них главной была Северная война против Швеции – и по длительности (с 1700 до 1721 г.), и по важности достигнутых результатов (получение широкого выхода к Балтийскому морю). Хотя непосредственно военные действия обошли Брянский уезд стороной, дважды (в 1706 и 1708 годах) они затронули жителей брянских селений. В 1706 г. армия шведского короля Карла XII вступила на территорию Белоруссии, входившей в состав Речи Посполитой (она была тогда союзницей России), и нанесла поражение одному из русских отрядов. Опасаясь возможного продвижения шведской армии к западным границам, Пётр I своим указом обязал начать оборонительное строительство от Смоленска до Брянска и далее к югу. Было приказано «делать засеку в лесах, ... все дороги малыя засечь на 300 сажен [сажень – 2,16 м.- В.К.] широтою, а оставить болшия, без которых быть невозможно», но и при них устроить оборонительные сооружения. Организация этих работ была поручена К.А. Нарышкину и В.Д. Корчмину, которые мобилизовали для этого тысячи местных крестьян, а также их лошадей. Однако

вторжения шведской армии на русскую территорию не последовало, и к концу лета работы, начавшиеся с марта, были приостановлены.

Оборонительное строительство возобновилось в сентябре 1708 г., когда войска Карла XII приблизилась к границам России. Только на участке от села Гобья (позже – с. Троицкое в Рогнединском районе) до села Голубея ежедневно работало более тысячи крестьян из окрестных селений. Велись такие работы и севернее, и южнее названного участка близ Десны, но в октябре они были прекращены, поскольку шведская армия начала движение не на Смоленск или Брянск, а в Малороссию, по мглинско-стародубскому направлению. Тогда же основная русская армия под командованием фельдмаршала Б.П. Шереметева из-под Рославля проделала нелёгкий (из-за раскисших от дождей дорог) путь к Почепу и далее на север Малороссии. Значительная часть этого пути проходила по территории Брянского уезда (современных Дубровского, Жуковского и Жирятинского районов). В частности, в письме Б.П. Шереметева Петру I от 2 сентября названо село Быковичи, где находилась дивизия генерала Аллерта. Через эти же места спустя три недели проехал из Рославля в Брянск и далее на юг и царь Пётр.

Помимо оборонительных работ, обременительной для крестьянских хозяйств была подводная повинность, поскольку для перевозки грузов надолго изымались не только главные работники, но и лошади. К примеру, в сентябре 1708 г. брянскому воеводе И.А. Ржевскому предписывалось собрать в уезде подводы, на которых «посылать из наличного провианту сухари к Почепу, или где будет обретатись ... Фельдмаршал с ратными людьми, ради пропитания оных». Одновременно приказывалось имевшуюся в Брянске рожь молоть на мельницах и на ручных жерновах и «переделывать в сухари».

Ни Почеп, ни Стародуб шведскими войсками заняты не были, а общий итог военной кампании Карла XII в 1708-1709 гг. оказался для шведского короля плачевным – после жестокого поражения под Полтавой лишь самому Карлу с жалкими остатками армии да гетману-изменнику И. Мазепе с немногими казаками удалось избежать гибели или плена. Но последовавший вскоре Прутский поход чуть не обернулся катастрофой для русской армии и самого Петра, так что быстрого завершения Северной войны не произошло.

Преобразования в российской армии (переход от отдельных временных наборов «даточных людей» к ежегодным рекрутским наборам с пожизненным сроком службы); насильственные мобилизации людей на строительство военно-морского флота, новой столицы империи – Санкт-Петербурга, десятков промышленных

мануфактур, где свободные ранее мастеровые были превращены в крепостных «работных людей»; постоянный рост налогов (к концу правления Петра I они выросли примерно втрое), а также насильственные преобразования в быту – всё это отрицательно воспринималось большинством населения. Следствием стали многие антиправительственные вооружённые выступления (стрелецкое восстание 1698 г., Астраханское восстание 1705-1706 гг., казацко-крестьянское движение под руководством Кондратия Булавина в 1707-1708 гг. и некоторые другие), которые подавлялись с большой жестокостью. В последующие годы народное сопротивление приняло характер массовых побегов – к концу правления Петра I число беглых превысило 200 тысяч человек. Бежали не только крепостные крестьяне, но и горожане, поскольку «купецкие и ремесленные тяглые люди во всех городах ... едва ли не все разорены» (цитата из официальной справки Главного магистрата от 1721 г.). Значительно позже подобное мнение в заострённой форме выразил в своём дневнике В.О. Ключевский: «Пётр так разорил Россию, как этого не смог бы сделать любой завоеватель». Конечно, обнародовать такую мысль в царской России, где первый император официально именовался Петром Великим, было невозможно, да и ныне такое утверждение не встретит поддержки у большинства современных россиян. Впрочем, и позднейшие объективно мыслящие историки признавали, что «разорение явилось следствием хронического перенапряжения народного хозяйства». Что же касается преобразований в просвещении, науке и культуре, то они первоначально охватывали небольшую часть дворянства (к тому же нередко проявлялись не в положительной, а в довольно уродливой форме) и лишь постепенно привели к русскому «веку Просвещения».

Тем не менее созданная в годы правления Петра I Российская империя, при всех сопровождавших её создание трудах и муках, стала сильным в военном отношении государством, с которым были вынуждены считаться её соседи и неприятели, а российское общество и в условиях крепостнической абсолютной монархии сохранило и заметно увеличило потенциал для дальнейшего развития.

Изменения затронули и дворянское землевладение (поместья были фактически приравнены к вотчинам), что привело затем к формированию во второй половине XVIII в. такого понятия, как «русская дворянская усадебная культура».

Обратимся непосредственно к Брянскому уезду. К 1700 г. на его территории находилось 206 поместных и вотчинных дворянских владений, в которых числилось более 13 тысяч крепостных душ мужского пола. Принадлежали они представителям примерно 100 фамилий, среди которых

преобладали мелко- и среднепоместные владельцы. Наибольшим количеством душ в это время владели дворяне из следующих фамилий: Толочановы – 1089 (2 – здесь и далее в скобках число имений), Зиновьевы – 977 (7), Безобразовы – 792 (18), Похвисневы – 758 (9), Небольсины - 515 (5), Алымовы – 477 (5), Потресовы – 392 (15), Семичевы – 392 (11), князья Волконские – 369 (6), Тухачевские – 326 (7), Панютины – 324 (5), Бахтины – 324 (2), Тютчевы – 302 (2), Толбузины – 266 (7), князья Мещерские – 261 (3), Бородавицыны – 252 (1), Вепрейские – 236 (6), Колычёвы – 225 (3), Мясоедовы – 221 (4). Упомянем также князей Голицыных – 185 (1), Васильчиковых – 180 (1), Исуповых – 173 (6), Лавровых – 153 (5), Кректышевых – 153 (4), Пушкиных – 158 (1), Радищевых – 151 (1), князей Барятинских – 144 (2), но представители трёх последних фамилий были среди брянских помещиков недолго.

По третьей ревизии 1762 г. в Брянском уезде насчитывалось около 45 тысяч душ м.п. крепостных крестьян и дворовых, свыше 15 тысяч душ монастырских и церковных крестьян (после секуляризации 1764 г. они стали одной из групп государственных крестьян) и 3 тысячи душ посессионных (приписанных к частным заводам), однодворцев и ямщиков. Любопытны изменения, произошедшие среди основных землевладельцев уезда. Исчезла фамилия Толочановых (её последний представитель, уже упоминавшийся С.Ф. Толочанов, умер, не имея мужских наследников, а его обширные владения перешли к князьям Голицыным – С.А. Голицын получил их как приданое за внучкой Толочанова). Намного сократились брянские владения Панютиных, Тухачевских, Колычёвых. Теперь первые полтора десятка фамилий главных владельцев выглядели так: Тютчевы – 3055 душ м.п. (5 имений), князья Голицыны – 2876 (2), Безобразовы – 2450 (14), Алымовы – 1979 (1), князья Мещерские – 1849 (5), Бахтины – 1820 (6), Похвисневы – 1361 (9), Небольсины – 1352 (15), Мясоедовы – 1302 (11), Семичевы – 1189 (25), Зиновьевы - 1153 (8), Бородавицыны – 968 (4), Потресовы – 911 (14), князья Волконские – 834 (5), Вепрейские – 803 (6).

Среди представителей последней из перечисленных фамилий особого внимания заслуживает Никита Борисович Вепрейский. В 1720-е годы он, будучи ландратом (чиновником с широким кругом полномочий) города Бахмута и получив сведения от Сергея Чиркова об открытом поблизости «земляном угле», организовал работу по его добыче. В отправленной в Камер-коллегию в январе 1723 г. «отписке» Н. Вепрейский и С. Чирков сообщали, что присланные из Белгородской губернии работные люди (около 200) «оное уголье окапывали в горе по мере: в длину пятнадцать сажен, в

вышину десять сажен», и что «оное земляное уголье употребляется ныне на бахмуцкие соляные заводы и казённые кузницы». Это было первое документальное известие о начале освоения Донецкого каменноугольного бассейна. Наверняка родоначальник добычи угля не мог и подумать, что через 300 лет в этих местах украинские националисты будут убивать мирных жителей только за их желание остаться русскими.

Сведения о самом Н.Б. Вепрейском немногочисленны. Из документов XVII в. среди дворян Брянского уезда известны его дед, Дмитрий Никитич, а также сыновья Дмитрия: Борис и Михаил. Они упоминались среди владельцев поместий в селе Новосёлки Подгородного стана. Были владения в Новосёлках и у Никиты Борисовича, но «вопче с пасынками его Василием да Андреем Небольсиными», которые в 1720-е гг. служили в Нижегородском полку. Однако Новосёлки не стали для него основным имением. Им было, по всей вероятности, село Берёзовичи (в XX в. оно входило в разное время в Жуковский и Жирятинский районы, а ныне обезлюдело). В 1704 г. Н.Б. Вепрейский перевёз из с. Болдыж деревянную церковь, которую установил на новом месте в с. Берёзовичи вместо старого обветшавшего храма. Рядом с этой церковью он и был похоронен. На могиле Н.Б. Вепрейского ещё в начале XX в. сохранялась надгробная плита, но на ней почему-то не были указаны даты рождения и смерти (вероятно, они уже были забыты теми, кто установил плиту).

Некоторые сведения об упомянутых «пасынках» Вепрейского. Майор, затем – статский советник Василий Александрович Небольсин прожил долгую жизнь, зримой памятью о которой остаётся построенный им в Новосёлках в 1750-1760-х гг. каменный Никольский (позже – Казанский) храм. Его брат, надворный советник Андрей Александрович, умер в 1769 г. Наследником покойного стал его сын поручик Павел, первоначально главным имением которого было сельцо Литовники (ныне – почти обезлюдевшая деревня в Жирятинском районе), а после смерти бездетного дяди В.А. Небольсина - один из основных помещиков в Новосёлках. Умер Павел Андреевич в 1816 г., успев оставить о себе зримую память в виде каменной колокольни, пристроенной к храму, который был переосвящён и стал именоваться Казанским. Из четырёх сыновей П.А. Небольсина упомянем двух: Николая Павловича и Петра Павловича, имевших прямое отношение к некоторым жуковским селениям. Поручик Н.П. Небольсин (1777-1848) жил в Новосёлках, где имел благоустроенную усадьбу, отличался гостеприимством и патриархальной изысканностью в разговорах и обхождении. Всё это было отмечено Ф.И. Тютчевым, посетившим в 1846 г. своего старшего уважаемого соседа. Но через два года, во время

разразившейся в России холерной эпидемии, Николай Павлович, а также его братья Иван, Константин и сестра Мария умерли. Их имения с землями и крепостными отошли к единственному уцелевшему представителю этой ветви рода Небольсиных – Павлу Петровичу. Так среднепоместный дворянин сразу превратился в одного из крупнейших землевладельцев Брянского уезда.

Что известно об этом человеке? Родился П.П. Небольсин, вероятно, в 1779 г.; начал воинскую службу с 1799 г., но по состоянию здоровья вышел в отставку в 1806 г. в звании поручика. В 1811 г. поступил на гражданскую службу, оставив её через десяток лет в чине коллежского асессора. Позже жил в Литовниках, занимался благоустройством имения, избирался (как и его братья) брянским уездным предводителем дворянства. Женился поздно – во второй половине 1830-х гг., имел трёх сыновей: Иосафа, Николая и Александра. По сведениям 1851 г. имел в 16 селениях Брянского уезда более 1700 крестьян обоего пола и 135 дворовых (владел он также землями и крестьянами в других уездах и губерниях). Были у Небольсина крестьяне и в жуковских селениях: Речице (около 20), Ситковичах (более полусотни) и Дятьковичах (более 60). Большинство дворовых жили в Новосёлках, куда переехал Пётр Павлович с семьёй, и в Литовниках. Став богатым человеком, П.П.Небольсин продолжил благотворительные традиции предков и в первой половине 1850-х гг. построил в Новосёлках рядом с Казанским храмом ещё одну каменную церковь – Петропавловскую. При ней храмостроитель устроил склеп для своего будущего захоронения. Скончался Пётр Павлович в преклонных летах не ранее 1869 г. А построенные им церковь и усыпальница были разорены в советское время.

Прежде чем перейти к сведениям о других жуковских селениях и их владельцах, не будет лишним кратко упомянуть о тех переменах, которые были характерны для среднерусской деревни в XVIII в. Хозяйственная и бытовая жизнь крестьян менялась медленно и во многом не в лучшую сторону. По-прежнему низкой оставалась урожайность – для зерновых она редко превышала сам-3, а в неурожайные годы не удавалось собрать и семян. Особенно трудно приходилось, если неурожаи продолжались несколько лет подряд. Для Брянщины такими были 1721-1724, 1732-1735, 1747-1750, 1765-1768, 1783-1788 годы. Однако правительственных мер помощи голодающим почти не оказывалось. Вот как оценивал ситуацию известный историк и общественный деятель того времени князь М.М. Щербатов: «Никакого распоряжения… не сделано о прокормлении бедного народу, того народу, который составляет силу империи… Отдалённый стон народный не слышим среди роскоши, а правительство глухо и слепо». Но благосостояние

крестьян определялось не только погодой или стихийными бедствиями. Развитие хозяйства сдерживали значительное усиление налогового бремени после введения подушной подати, многочисленные рекрутские наборы и расширение прав дворянства при полном бесправии крепостных.

Но, если условия труда и быта большинства крестьян менялись чаще в худшую сторону, то жизнь многих помещиков, особенно после опубликования указа о вольности дворянства (1762) и «Жалованной грамоты дворянству» (1785), изменилась коренным образом. Поскольку военная или гражданская служба для дворян стала не обязательна, то значительная их часть, выходя в отставку в невысоких чинах, селилась в своих имениях и начинала их благоустраивать. Помещики стали строить дома улучшенной планировки с большим количеством комнат, с двойными остеклёнными окнами, иногда двухэтажные с колоннами, мезонинами и балконами. Дома отапливались печами, порой украшенными изразцами, появились и камины. Часто в комнатах стала встречаться красивая мебель; не были редкостью картины (в том числе – портреты), музыкальные инструменты (обычно клавесины и семиструнные гитары), книги, журналы, настольные игры. Всё это создавало обстановку определённой просвещённости и культуры, но в то же время требовало немалых расходов, что оборачивалось для крестьян новыми тяготами.

К дому обычно примыкали хозяйственные постройки, огороды, сады, иногда – пруды и парки. Сады, появившиеся у многих помещиков, изредка называли «регулярными». имевшими чёткую планировку с дорожками, аллеями, цветниками, беседками. Чаще они были «иррегулярными плодовитыми», дававшими хозяевам плоды и ягоды. В садах плодоносили яблони, груши, сливы, вишни, красная и чёрная смородина, крыжовник, малина, реже – барбарис.

Из сортов яблонь русской народной селекции до сих пор сохранились «антоновка», «белый налив», значительно реже – «коричное полосатое», «боровинка», «грушовка московская» а вот «бабушкино», «розовый налив», «коробовка», «добрый крестьянин», «титовка», «лозовка», ещё встречавшиеся в старых садах Брянщины в середине прошлого века, теперь уже вряд ли где можно обнаружить. Ассортимент груш был меньше («бессемянка», «спасовка», «ильинка», «баба», «лимонка», несколько сортов «трубчевок»), но любопытно, что в документах XVIII в. в зависимости от формы плодов отдельно назывались «груши», «дули» и «гливы». У некоторых помещиков были устроены и оранжереи, где выращивались апельсины, лимоны, персики.

Значительно разнообразнее, чем на крестьянских огородах, был в помещичьих имениях набор овощных культур.

Кроме обычных капусты, лука, чеснока, репы, редьки, моркови, свёклы, хрена, здесь выращивали огурцы, тыкву, фасоль, бобы, редис, мак, ревень, горчицу, укроп, петрушку, пастернак и другие пряные растения. Именно на помещичьих огородах в конце XVIII в. появился картофель, а крестьяне начали его сажать лишь с середины следующего века.

Помимо конюшен, скотных дворов, птичников (в них иногда встречались индейки и даже цесарки), у отдельных помещиков были довольно многочисленные псарни, поскольку псовая охота была одним из любимых дворянских развлечений. Были среди помещиков и любители ружейной охоты. Что касается крестьян, то они охотились с помощью рогатин, ловчих ям, петель, капканов, и лишь позже у дворовых, сопровождавших помещиков на охоте, также появились ружья. Рыбной ловлей среди дворян увлекались единицы, а в основном рыба к помещичьему столу доставлялась их крестьянами, равно как и мёд (бортничество постепенно уступало место пчеловодству – первоначально не в ульях, а в колодах), грибы, лесные ягоды и орехи. Натуральный оброк в виде зерна, мяса, масла, яиц, холстов и других продуктов и изделий, получаемых в крестьянских хозяйствах, с середины XVIII в. постепенно заменялся денежным оброком, который и стал главным. В 1780-е гг. он обычно составлял 3-4 рубля с души в год, к концу века – около 5 рублей, а позже продолжал увеличиваться. Но в большинстве имений на территории будущего Жуковского района преобладала не оброчная, а барщинная система, при которой крепостные находились «на изделье», т.е. трудились на барской пашне и других видах помещичьих работ (барщина, впрочем, не отменяла натуральных поборов). До 1797 г., когда появился указ Павла I о трёхдневной барщине, объём крестьянских работ никак не регламентировался, а стремление помещиков повысить доходность своих имений (ведь с ростом товарных отношений росли и расходы дворян) толкало их к поискам новых источников обогащения.

Одним из таких новшеств с середины XVIII в. стало появление крепостных мануфактур, где для получения промышленной продукции использовался бесплатный труд крестьян. Во второй половине века крепостные мануфактуры жуковских помещиков отмечены в лесопилении («пильные мельницы») и винокурении, сырьём для которого было зерно. Использовался труд крепостных также на водяных мукомольных мельницах и небольших кирпичных заводах.

Благоустроенные помещичьи имения, получившие позже название «дворянских гнёзд», появились во второй половине XVIII в. в большинстве районов Российской империи, где господствовало крепостное право. В Брянском уезде они не

отличались особым богатством и почти не оставили зримых до настоящего времени следов в отличие от усадеб Подмосковья и некоторых других мест. Но их положительное влияние на развитие хозяйственной и культурной жизни не вызывает сомнений. Сказывалось оно и на обитателях «дворянских гнёзд» – членах семей помещиков, и на немалой части крестьян, в первую очередь – дворовых.

Однако не стоит идеализировать жизнь дворянских усадеб даже в пору распространения идей просветительского гуманизма. Грубость нравов значительной части дворянства в условиях практической вседозволенности в отношениях к крепостным приводила к неоправданно жестоким наказаниям за любую провинность и вызывала ответную реакцию, наиболее ярко проявившуюся в период крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачёва (1773-1775). Есть примеры крестьянского сопротивления в пору «золотого века» российского дворянства и на территории Брянского уезда. В 1763 г. в д. Княгинино (обезлюдевшая ныне деревня находилась близ Рогнедино) была убита крестьянами после предварительного сговора местная помещица Прасковья Ивановна Безобразова. В июле 1773 г. служитель князя А.Н. Засекина, владевшего селом Давыдчичи, сообщил, что из села одновременно бежали «з жёнами и детьми, оставя дворы свои» 10 крестьян. Когда вскоре один из бежавших вернулся, он при допросе показал, что в разных селениях (в основном на востоке Белоруссии) жило около 100 беглых давыдчичских крестьян. В июле 1775 г. в том же селе был «умышленно зажжён сарай», отчего помещичий дом «и протчее всё без остатку згорело и от чего последовало убытку ... на пятнадцать тысяч рублёв». Подозрение пало на крестьянина Ивана Селиванова, который отличался «чинимыми продерзостями, в возмущении крестьян непослушанием, за что несколько раз был и наказыван». Вина Селиванова не была доказана, но по желанию помещика его сослали в Сибирь. В 1776 г. в деревне Шумоветка (Невер) близ Дятькова был застрелен из ружья помещик Н.Г. Слизнев. В убийстве подозревались либо беглые крестьяне, скрывавшиеся «недалеко», либо крестьянин Герасим Мосеев, которого немногим ранее помещик собственноручно «сек батажём за ево побег». В 1781 г. в лесу близ села Крупец (с 1775 г. село из Брянского уезда было вместе с рядом других переведено в Трубчевский уезд, ныне – в Выгоничском районе) был убит управитель помещика Фаддея Тютчева (у него были владения и на Жуковской земле) Д. Печёнкин. Причиной были чинимые Печёнкиным отягощения: «от оного управителя стало жить тесно». В 1782 г. в селе Крыжино Иван и Василий Фёдоровы, Илья Козмин и ещё семеро дворовых людей и крестьян удавили местного помещика князя Даниила

Ивановича Мещерского. Его жена была избита кистенями и брошена в погреб, причём бившие её говорили: «Мы тебе дадим знать, как с людьми обращаться». Следовательно, главной причиной случившегося стало жестокое обращение владельцев с дворовыми и крестьянами. В 1784 г. в деревне Вязовск (ныне – в Дубровском районе, на самой границе с Жуковским районом) крестьянами Тарасом Барановым, Ермолаем Удалых, Яковом Батажёнковым и Семёном Бараненковым был убит приказчик генерала А.С. Лопухина А. Акимов. Эти факты свидетельствовали о неблагополучии в отношениях между многими помещиками и их подданными, но переносить такую оценку на всех не следует. Большинство помещиков старалось не доводить крестьян до разорения, а также не ожесточать их чрезмерными наказаниями.

В тех сёлах, где церкви строились на средства помещиков, они, как правило, располагались неподалёку от господских домов, так что храмовые комплексы как бы дополняли собою облик «дворянских гнёзд» – не только внешне, но и являясь заметной частью их внутренней жизни. Ведь в то время для каждого православного человека, независимо от его социальной принадлежности к дворянству, купечеству, мещанству или крестьянству, связь с церковью была постоянной. Здесь новорождённого крестили, позже венчали при вступлении в брак и, наконец, отпевали после кончины – причём все сведения об этих фактах заносились в книги церковного учёта, которые с конца XVIII в. велись в каждом приходском храме. Кроме того, были ежегодные церковные исповеди, почти обязательные посещения храмовой службы в главные («годовые») и в престольные праздники, участие в крестных ходах и исполнение других религиозных установлений, включая многочисленные посты.

Сельские храмы в своём большинстве были небогаты и выглядели скромно. Их священники и дьячки не отличались обширными знаниями даже в религиозных вопросах (ведь они обычно обучались у собственных родителей) и не всегда были примерами нравственных добродетелей (одним из распространённых пороков было пьянство), но в целом духовное влияние церкви и её служителей положительно сказывалось на нравах сельских обитателей. В то же время материальные условия жизни сельского духовенства мало чем отличались от крестьянского быта. Поскольку большинство приходов были бедны, то священники и прочие церковнослужители, часто обременённые многочисленными семьями, не довольствуясь небольшой мздой от прихожан, были вынуждены заниматься земледелием, скотоводством, рыболовством, бортничеством (позже – пчеловодством) и

прочими хозяйственными делами на принадлежавших церквам земельных, водных и лесных угодьях.

Ещё одной общей чертой, сближавшей духовенство и крестьян, было отсутствие и у тех, и у других своих «родовых» фамилий (в документах фамилии записывались, как правило, по имени отца). Только в конце XVIII в. положение стало меняться. С этого времени священниками в приходские храмы назначались лишь те выходцы из семей духовенства, кто окончил духовную семинарию. А все семинаристы уже имели фамилии: первоначально – по названию своих селений (наиболее известны Зябловский, Лесков), иногда – по иностранным терминам и названиям (Амфитеатров, Галич, Диесперов, Родосский). Свои фамилии появились и у прежних священников – обычно по названиям храмов (от Введенского, Вознесенского, Воскресенского до Рождественского, Спасского, Троицкого, Успенского). Ближайшая к Брянску семинария была открыта в 1776 г. в г. Севске (тогда он был центром Севской и Брянской епархии, которая позже стала именоваться Орловской и Севской). Первоначально большинство семинаристов в Севске было из ближних городов и сёл, а из Брянского уезда в 1782 г. в семинарии обучались лишь двое: 14-летний Михаил, сын овстугского священника Василия Иванова, и его ровесник Василий, сын умершего священника села Овстуг Фёдора Григорьева. Позже число семинаристов из Брянского уезда намного увеличилось, но не все из них становились священниками.

Дальше сведения об отдельных селениях Жуковской земли в XVIII - первой половине XIX вв. приводятся не в алфавитном порядке, а по территориальной близости: сначала расположеные на правобережье Десны, а затем – остальные.

Около 30 селений деснянского правобережья можно условно разделить на две группы: одна, примыкающая к Десне и её небольшим притокам Песочне, Овстуженке и Речице близ старинных сёл Вщиж, Овстуг и Речица; другая – расположенная западнее и северо-западнее, близ сёл Белоголовль, Быковичи и Крыжино.

Древний Вщиж был одним из немногих селений, где с XVII в. вплоть до отмены крепостного права крестьяне и дворовые принадлежали помещикам из одной дворянской фамилии Зиновьевых. Богатством вщижские помещики не отличались. Даже деревянная Преображенская церковь, ветхое здание которой сохранялось ещё в середине XX в., была построена в 1763 г. не Зиновьевыми, а жившим в д. Дятьковичи Я.В. Мачехиным. В конце XVIII в. во Вщиже было два помещичьих дома с примыкавшими к ним садами. В одном жили братья Иван, Николай и Илья Тимофеевичи Зиновьевы, владевшие 163 дворовыми и крестьянами, во втором –

подполковник Николай Михайлович Зиновьев (ему принадлежало 150 подданных). Сын подполковника, штабс-капитан Михаил Николаевич Зиновьев, известен краеведам. Он в 1819 г. в письме знаменитому историку и писателю Н.М. Карамзину сообщил о древностях во Вщиже и его окрестностях, а также о местных исторических преданиях. Письмо позволило автору «Истории государства Российского» определить, где находился летописный Вщиж. Отрывок из письма был опубликован Н.М. Карамзиным в примечаниях ко второму тому его «Истории…». А о дочери автора письма, Вере Михайловне Зиновьевой (в замужестве – Фоминой), уже шла речь раньше. Доброй памяти заслуживает и родившийся в 1844 г. во Вщиже священник Василий Митропольский, сын упоминавшегося ранее священника Никиты Митропольского. Он продолжил дело отца служением во вщижском храме и основал церковно-приходское училище в родном селе. У отца Василия в 1883 г. родился сын Владимир, пошедший по стопам отца, деда и других предков, но ставший священником не во Вщиже, а в селе Кабаличи. Когда же в 1930 г. кабаличский храм был закрыт, В.В. Митропольский перебрался в Брянск, где зарабатывал на жизнь извозом на собственной лошади, но в 1937 г. был арестован и в ноябре расстрелян.

Название села Овстуг, пожалуй, чаще всех других из брянских селений встречается в книгах, журнальных и газетных публикациях, что вполне понятно: Овстуг – родина замечательного русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева (1803-1873), жизни и творчеству которого посвящена обширная литература. Нет нужды касаться истории села – это, опираясь на большое количество документов, сделал В.П. Алексеев в своей добротной книге «Тютчевский Овстуг» (2000). Тем досаднее что в «Истории земли Жуковской» в сведениях об Овстуге ошибки буквально «рассыпаны». Вот лишь наиболее заметные. «С. Овстуг упоминается впервые в летописях с XIV в.» – в реальности названия села в летописях нет. По словам авторов «Истории…», овстугские помещики «Мясоедов и Днепровских изменили московскому царю и перешли на сторону поляков», – реальность же была противоположной. О. Мясоедов погиб в осаждённом поляками Смоленске, а братья Никита и Любим Днепровские были обвинены «в измене», но сделано это в грамоте, подписанной летом 1610 г. королём Сигизмундом, когда царя в Москве уже не было, а бояре присягнули королевичу Владиславу. Так что «перешли на сторону поляков» не братья Днепровские, а те, кто получили их овстугские имения. Очень много ошибок в сведениях, относящихся к XIX в. Авторы, используя материалы «Исторического описания церквей и приходов Брянского уезда», допустили явную путаницу. В частности, они назвали

численность населения Овстуга в 1836 г. – 1836 человек (реально – в два с лишним раза меньше), а названная цифра соответствует количеству прихожан овстугской Успенской церкви в 1904 г. и включает, кроме овстужан, жителей деревень Дубославичи и Хоробровичи. В числе других ошибок: муж Марии Фёдоровны Тютчевой, И.А. Бирилёв, не был полковником, поскольку являлся флотским офицером и имел звание капитана I ранга, а затем –контр-адмирала; называть М.Ф. Тютчеву «меценатом» не совсем верно (так называли оказывавших поддержку деятелям литературы и искусства, а бескорыстно помогавших школам, больницам, богадельням и храмам, именовали благотворителями). Ещё неточности: открытая в Овстуге по инициативе М.Ф. Тютчевой школа была частной, а министерским училищем она стала много лет спустя после смерти Марии Фёдоровны; И.С. Тургенев никогда не бывал в Овстуге, да и слова, что здесь «были многие художники, поэты», применимы не к XIX в., а лишь к последним десятилетиям XX века.

Соседнее с Овстугом старинное село Речица также не избежало допущенных в названной «Истории…» ошибок. Вот одна из самых заметных: «В «смутное» время этими землями владели А. Толоконский, И. Днепровский, служившие полякам». В реальности первый из названных был связан с Речицей полутора веками ранее, когда Брянский повет подчинялся не полякам, а литовцам. В документах времени «смуты» упоминаются трое помещиков Днепровских, но никто из них Речицей не владел и полякам не служил.

Село Речица было родовым гнездом дворянской фамилии Панютиных, известных с XVI в. (её родоначальник, Афанасий Панютин, упоминался ранее). Особое место в этой фамилии принадлежит Пелагее Денисовне Панютиной (1739-1812), вышедшей в 1762 г. замуж за Николая Андреевича Тютчева – не из брянских Тютчевых, а из связанных с пограничьем Тверской и Ярославской земель. Почти сразу после свадьбы, состоявшейся в Москве, молодожёны переехали в Брянский уезд, где у Пелагеи Денисовны было имение с усадебным домом в Речице. Вскоре были приобретены земли и крестьяне в соседнем Овстуге, где Николай Андреевич начал обустраивать свою усадьбу. Речицкие владения продолжали оставаться за Пелагеей Денисовной, хотя бывали супруги Тютчевы в Речице не часто, поскольку занимались хозяйствм и воспитанием детей: сыновей Дмитрия, Николая, Ивана и дочерей Анастасии, Варвары, Евдокии и Надежды. Судьбы их всех достаточно интересны и заслуживают внимания читателей, но здесь не рассматриваются, так как лишь Иван Николаевич (1768-1846), отец будущего великого поэта, оказался непосредственно связан с родными местами.

Представление о положении в Речице и других соседних селениях дают относящиеся к 1780-м гг. «Экономические примечания к Генеральному межеванию» по Брянскому уезду и прочие близкие по характеру документы. В это время в Речице находилось 58 крестьянских дворов и проживало более 900 крестьян (включая дворовых), принадлежавших шести владельцам: Пелагее Денисовне Тютчевой, её двоюродной сестре Соломониде Ивановне Титовой (вдове генерал-майора), братьям Фёдору и Ивану Афанасьевичам Бахтиным, Николаю Алексеевичу Мясоедову и Павлу Андреевичу Небольсину (четверо последних владельцев были в невысоких офицерских чинах). В селе было три господских дома: П.Д. Тютчевой, С.И. Титовой, Ф.А. Бахтина. При каждом из них имелись сады, где росли яблони, груши, сливы, смородина, малина. К селу относилось 2250 десятин пашни, 350 десятин сенокосов и более 4 тысяч десятин строевого леса (на левом берегу Десны). Крестьяне находились на оброке (4 рубля с души). К концу XVIII в. в Речице осталось двое основных помещиков: П.Д. Тютчева, к которой перешли речицкие владения С.И. Титовой и Н.А. Мясоедова, а также Ф.А. Бахтин (его брат Иван умер).

Николай Андреевич и Пелагея Денисовна Тютчевы проявили себя рачительными хозяевами, сумевшими значительно увеличить число своих земель и крепостных, но за делами хозяйственными и родительскими не забывали и о духовной жизни. На средства Н.А. Тютчева в Овстуге был построен и в 1776 г. освящён каменный храм Успения Богородицы; в 1806 г. в Речице был освящён каменный Николаевский храм, построенный П.Д. Тютчевой и её сыном Иваном Николаевичем. Храм этот действовал до 1943 г., сильно пострадал во время войны, а затем был уничтожен. Та же судьба была и у овстугского храма, но в 2003 г. он был воссоздан и заново освящён. В 1797 г. Пелагея Денисовна овдовела, но Николай Андреевич завещал похоронить себя не возле построенного им в Овстуге храма, а рядом с могилами родителей – на кладбище села Знаменское Мышкинского уезда. Там же в конце 1812 г. упокоилась и Пелагея Денисовна.

Хотя после смерти П.Д. Тютчевой речицкий господский дом практически перестал использоваться, число дворовых из с. Речицы (около 30-40 человек) было не меньше, чем в Овстуге – именно речицкие дворовые обслуживали дом Тютчевых в Москве (он уцелел и во время московского пожара в 1812 г.). Основной наследник Пелагеи Денисовны, Иван Николаевич Тютчев, ставший в 1803 г. отцом будущего поэта, рано вышел в отставку и прожил вместе с женой Екатериной Львовной (в девичестве – Толстой) спокойную жизнь – зимой в Москве, летом в Овстуге, где в 1830-е гг. построил новый господский дом. В Овстуге он и был похоронен в апреле 1846 г.

Его младший сын Фёдор Иванович в это время находился за границей, да и после возвращения бывал на родине лишь изредка, а хозяйственными делами занимался его старший брат Николай Иванович, а затем также вторая жена Ф.И. Тютчева – Эрнестина Фёдоровна. Хозяйственная деятельность брата поэта остаётся как бы в тени, а она по-своему примечательна. Николай Иванович увлёкся коневодством и в начале 1850-х гг. имел два конных завода: на одном было около 20 скаковых лошадей, на другом – более 30 лошадей английской рысистой породы. Завёл он в Овстуге и свеклосахарный завод, где в год производилось до 360 пудов сахара. Позже завод был сдан в аренду известному предпринимателю С.И. Мальцову, но, когда тот не стал продлевать аренду, завод прекратил работать.

По семейному разделу с братом Фёдор Иванович стал владеть имениями в селе Речице, деревнях Дорогинь, Хоробровичи, Молотино, Демьяничи, Умысличи. В Речице Ф.И. Тютчеву принадлежало 440 крестьян и более 30 дворовых, но, приезжая на родину, он останавливался не здесь, а в Овстуге, хотя овстугское имение стало владением поэта лишь после смерти брата Николая Ивановича в 1870 г.

Свободными от крепостной зависимости речицкие крестьяне и дворовые Ф.И. Тютчева стали в 1861 г., но ещё раньше перестали быть крепостными бывшие бахтинские крестьяне. После смерти Ф.А. Бахтина они были унаследованы его двоюродным братом полковником в отставке Михаилом Петровичем Бахтиным, чьё основное имение находилось в селе Барышье. Имение М.П. Бахтина выделялось благоустройством: в нём был обширный господский дом с хозяйственными зданиями, большой псарней, садом, оранжереей; в 1834 г. в селе был построен на средства помещика каменный храм. Затем Михаил Петрович, не имевший прямых наследников, решил совершить большое благотворительное дело: передать всех своих крестьян (более 5 тысяч), а также денежный капитал в 1,6 млн. рублей ассигнациями на постройку и содержание в губернском городе Орле кадетского корпуса. В 1836 г. это было одобрено императором Николаем I, который высоко оценил благотворительность Михаила Петровича: он получил звание генерал-майора, а создаваемому в Орле кадетскому корпусу было присвоено имя генерал-майора М.П. Бахтина. Принадлежавшие ему крестьяне и дворовые переводились в число государственных.

Относилось это и к принадлежавшим М.П. Бахтину речицким крестьянам, а также к крестьянам соседней деревни Дорогинь. Это селение, известное с начала XVII в., ранее именовалось сельцом, потому что в нём периодически жили помещики (Безобразовы, позже – Бахтины), а затем –

деревней. В 1780-х гг. часть дорогиньских земель и крестьян приобрёл Н.А. Тютчев (ему принадлежало около 130 крепостных в 17 дворах). Второй частью Дорогини с 17 дворами и 120 крестьянамн владели четверо Бахтиных. К деревне относилось 566 десятин пашни и только 15 десятин сенокосов. Крестьяне находились «на изделье» и обрабатывали на помещиков 100 десятин пашни, а основную часть – на себя. В начале XIX в. деревней владели Ф.А. Бахтин и И.Н. Тютчев. С 1836 г. бывшие бахтинские крестьяне стали государственными, а бахтинские салы в Дорогини и Речице, где росли 150 яблонь и более 30 груш, плодоносили и в середине века.

Если для Речицы ближайшим «спутником» была Дорогинь, то для Овстуга – деревня Дуброславичи. Хотя она известна ещё с начала XVII в. как владение Чемодурова, за всё время существования деревня никогда не была заметной, оставаясь «в тени» соседнего Овстуга. В Дубровловичах не было господских домов. Во второй половине XVIII в. деревней владели Суровцевы, а в конце века Дуброславичи были приобретены Тютчевыми. К середине XIX в. там было около 15 дворов и немногим более 150 жителей.

Поблизости от Овстуга находилось ещё два селения: Неготино и Рудное. В их истории немало схожего – возникли в начале XVIII в. по воле помещиков, поселивших на принадлежавшей им земле часть своих крестьян из других селений. Основателем Рудного был Е.Л. Мясоедов. Он служил в артиллерии и погиб во время Северной войны, а находившиеся вместе с ним дворовые попали в плен, откуда вернулись в 1722 г. Через полвека в сельце Рудном было 3 помещичьих дома с садами, которые принадлежали братьям-офицерам Степану, Дмитрию и Ивану Мясоедовым, владевшим почти 200 дворовыми и крестьянами. В XIX в. число жителей сельца несколько уменьшилось, состав владельцев менялся, но господские дома в сельце оставались. В 1840-1850-х гг. здесь был помещичий дом братьев Афанасия и Николая Сергеевичей Бахтиных, но число их дворовых и крестьян было невелико – около 40 (основной господский дом и примерно сотню крепостных братья имели в родовом селе Страшевичи). Ещё один помещичий дом и около 100 дворовых и крестьян принадлежали в это время в сельце Рудном коллежскому регистратору И.И. Молчанову. В 1850 г. он умер, а его владения перешли к вдове (за ней было около 20 дворовых, да ещё 16 были «в бегах») и Лапушкиным, брянским чиновникам (им принадлежало более 50 дворовых и крестьян).

Деревня Неготина была поселена Вепрейскими (они имели владения и в Овстуге). В 1770-х гг. часть неготинских земель и крестьян купил Николай Андреевич Тютчев, переселивший туда и некоторых крестьян из других селений. В

1782 г. у Н.А. Тютчева и поручика Николая Александровича Вепрейского было примерно по 70 крепостных, находившихся «на изделье». В конце века Н.А. Вепрейский построил в селении свой дом и оно стало называться сельцом Неготино. В первой четверти XIX в. здесь временами жил подполковник Иван Николаевич Вепрейский, но позже ни его наследники, ни владевшие второй частью селения И.Н. и Н.И. Тютчевы (отец и старший брат поэта) домов здесь не имели, и Неготино вновь стали называть деревней. Ко времени отмены крепостного права сельцо Рудное и Неготино почти сравнялись: в каждом было около 15 дворов и проживало немногим более 150 человек. Остаётся лишь добавить, что содержащиеся в «Истории земли Жуковской» лингвистические «изыскания» о торгово-купеческом люде, якобы когда-то населявшем Неготино, не имеют отношения к реальной истории.

Западнее, где протекает впадающая в Десну речка Песочня, близ неё в XVIII-XIX вв. находился десяток селений, большинство которых к концу прошлого века либо обезлюдело, либо слилось с немногими уцелевшими. В верховьях Песочни в начале XVII в. на месте пустоши возникло селение, имевшее то же название. Первыми помещиками в нём были Лавровы, позже появились Безобразовы, а в следующем веке главными владельцами Песочни стали Брусиловы и Мясоедовы. В 1782 г. у секунд-майора Петра Ивановича Брусилова числилось 111 крепостных в 11 дворах, но своего дома помещик здесь не имел. Тогда же трём Мясоедовым в Песочне принадлежало 155 дворовых и крестьян. Двое из них, братья Сергей и Яков Степановичи (первый – полковник, второй – ротмистр), имели в сельце свои дома с садами. При сельце были устроены два пруда. Однако в реальности братья владели в Песочне только усадьбами (из 84 их подданных большинство относилось к дворовым, а крестьян у них было по одному двору). Значит, для братьев-офицеров песоченские усадьбы были в основном местами отдыха в периоды отпусков. А у их наследника корнета Ивана Сергеевича Мясоедова, сохранившего дом в сельце, к середине XIX в. было лишь 4 дворовых, а остальные подданные (более сотни) занимались крестьянским трудом. Прочие песоченские помещики остались малозаметными.

Севернее Песочни находились рядом друг с другом две известные с XVII в. деревни: Шамордина и Ситковичи. Первая из них в период «смутного времени» превратилась в пустошь, но вскоре вновь возродилась при помещике В.Б. Щербове. Затем деревня вновь едва не исчезла в середине XVIII в.: в ней оставалось около 20 жителей. Своим возрождением селение обязано княгине Надежде Петровне Мещерской, которой приглянулись окрестные места и после смерти в 1765 г. мужа, князя С.А. Мещерского, вдовая княгиня начала устраивать в

Шамордино своё новое имение. Для того, чтобы построить дом и благоустроить окрестные земли, нужны были рабочие руки, и княгиня Н.П. Мещерская перевела сюда более полусотни дворовых и крестьян из своего большого имения в Рославльском уезде. В сельце появился господский дом с регулярным садом и хозяйственными постройками, а также людские избы для дворовых. Крестьяне, поселённые поблизости (частью – из Рославльского уезда, частью – купленные княгиней Н.П. Мещерской в соседних селениях), первоначально называли своё новое место жительства Мясоедовкой, но позже оно слилось с Шамордино. После смерти княгини Н.П. Мещерской основную часть имения унаследовал её брат, князь Сергей Петрович Волконский (1750-1807), который в 1804 г. продал его надворному советнику П.П. Батурину, а затем имение перешло к его дочери Елизавете. Господский дом опустел и сельцо вновь стало деревней.

В соседней с Шамордино деревне Ситковичи (в 1680-х гг. на её месте была пустошь с таким же названием, принадлежавшая Безобразовым) более половины крестьян были унаследованы от покойного мужа и свекрови княгиней Н.П. Мещерской, которая пополнила число ситковских жителей своими крестьянами из других селений. По ревизии 1782 г. за княгиней Н.П. Мещерской в Ситковичах было 246 крестьян. Около сотни крестьян имела в деревне А.Ф. Небольсина, получишая их от отца, надворного советника Ф.Я. Шушерина. Ещё одной владелицей ситковских крестьян стала в 1778 г. Пелагея Денисовна Тютчева, купившая два двора с 17 крестьянами у С.И. Вепрейского. В последующие годы помещики в Ситковичах не раз менялись, а число дворов постепенно сокращалось. В конце 1840-х гг. главной владелицей в деревне стала вторая жена Ф.И. Тютчева – Эрнестина Фёдоровна, за которой в 1851 г. в Ситковичах было 128 крестьян. Ещё более 50 крестьян имел в деревне уже упоминавшийся Пётр Павлович Небольсин. Э.Ф. Тютчева являлась в это время помещицей и для 136 шамординских крестьян, приобрела она также земли и крестьян в деревнях Дятьковичи, Митьковщина, Спинка и Струговня, речь о которых - позже. В Ситковичах число жителей продолжало сокращаться, а к концу века оставшиеся ситковские крестьяне вошли в число шамординских.

Севернее Шамордино, близ той же речки Песочни, находилось село Токарёво. По словам авторов «Истории земли Жуковской», здесь при Петре I во время войны со шведами «был построен завод по ремонту и изготовлению оружия», на котором проводились и токарные работы, что отразилось в названии селения. Всё это противоречит фактам. Ведь Токарёво упоминается в документах задолго до времён Петра I,

а появление подобного завода – плод фантазии авторов. В действительности деревня в начале XVII в. была поместьем Мачехиных и Семичевых, а с середины века принадлежала Алымовым. В 1720 г. в селении на средства Иоакинфа (Акинфия) Евстафьевича Алымова была построена церковь во имя Спаса Нерукотворного, отчего село Токарёво нередко называлось Спасским (или Ново-Спасским, поскольку в Брянском уезде уже существовало село Спасское – близ будущего г. Дятьково). Храм в Токарёво был деревянным (а не каменным, по словам авторов той же «Истории…»).

После А.Е. Алымова владельцем Токарёва и соседней деревни Костыли стал его сын Иван Акинфиевич, бывший крупнейшим помещиком Брянского уезда (владел в середине XVIII в. почти двумя тысячами крепостных м.п.). После смерти в 1757 г. И.А. Алымова его имения были разделены между многочисленными потомками, и владельцем с. Токарёво и соседней деревни Костыли стал поручик Николай Иванович Алымов, позже – коллежский асессор. Часть земель и крестьян в этих селениях получила также его сестра Глафира Ивановна, в замужестве – Ржевская (1758-1823), одна из самых примечательных русских женщин своего времени. Сведения о Г.И. Алымовой-Ржевской можно найти в книге В.П. Алексеева «Брянские люди XVIII века», в книге «Из истории селений Брянского района», в совсем недавно изданной книге С.П. Кизимовой, а интересные воспоминания самой Глафиры Ивановны были в 2003 г. переизданы в книге «Институтки». Впрочем, её жизнь шла вдали от токарёвских земель, которые она продала брату в 1780 г.

Владевший селом Токарёво Николай Иванович Алымов оказался энергичным хозяином. В своей усадьбе он построил большой дом, хозяйственные помещения, избы для дворовых, конюшни и сараи для скота, развёл огороды и большой «регулярный» сад, где росли яблони, груши, «дули», сливы, «чернослив», тёрн, кедры, красная и чёрная смородина, крыжовник, малина, В саду также находилась оранжерея, где выращивались южные фрукты. Рядом с усадьбой был устроен пруд с мучной мельницей о двух поставах. Территория, занятая помещичьей усадьбой, была столь обширна, что понадобилось переносить на новые места (в основном – в деревню Костыли) целый ряд изб и надворных построек токарёвских крестьян. Кроме того, часть крестьян была переведена в дворовые (их число при Н.И. Алымове порой превышало 100 человек).

После смерти в 1808 г. Н.И. Алымова его владения наследовал сын, подпоручик Иван Николаевич. Находясь на офицерской службе, новый владелец токарёвского имения посещал его изредка и поэтому намного уменьшил число дворовых (к 1811 г. их осталось 18). Выйдя в отставку в чине

подполковника и поселившись в с. Токарёво, И.Н. Алымов вновь увеличил их количество. В 1851 г. в селе проживало 58 дворовых и 138 крестьян, в деревне Костыли – 370 крестьян, а ещё 235 алымовских крестьян жили в селе Быковичи (о нём – позже). Проявлял заботу помешик и о токарёвском храме, который был на его средства капитально отремонтирован и к нему пристроена деревянная колокольня.

В близком соседстве с Токарёво находилось ещё одно старинное (известное с XVII в.) селение – Чудиново, очень маленькая деревушка с 2-4 дворами, в которых проживало до 20 человек, носивших одну фамилию – Самородские. Это были потомки Суморoцких, точнее, той части этих служилых людей, которые не смогли выбиться из детей боярских в дворяне, а опустились до положения однодворцев. Чудиновским однодворцам принадлежало 90 десятин пашни и лугов.

После смерти И.Н. Алымова усадьба в с. Токарёво перешла к его старшему сыну Ростиславу Ивановичу, который до конца XIX в. уже в пореформенное время продолжал сохранять дом и усадебные постройки, сад, водяную мельницу и другие остатки уходящего дворянского быта. А к концу XX в. уже не осталось ни Токарёва, ни Костылей, ни Чудинова.

В нижнем течении Песочни и близ впадения её в Десну находились по соседству три селения: деревни Дятьковичи, Митьковщина и Спиньша (с середины XIX в. – Спинка), в отдельные периоды имевшие статус селец. Дятьковичи в годы «смутного времени» превратились в пустошь, вновь вскоре ставшую деревней при Дмитрии Андреевиче Панютине. Однако основными владельцами перечисленных селений до начала XIX в. были Мачехины, из старинных брянских дворян. Назовём некоторых из них, имевших здесь свои дома. В 1782 г. из трёх Мачехиных, владевших крепостными в Спиньше, свой дом здесь был лишь у поручицы Марфы Дмитриевны. Ей же принадлежала находившаяся у соседнего пруда водяная мельница. В сельце Дятьковичах тогда же было два господских дома: поручика Алексея Михайловича и прапорщицы Матрёны Петровны совместно с сыном, прапорщиком Яковом Яковлевичем. При обоих домах были сады с яблонями, грушами, «дулями», чёрной и красной смородиной. Хотя офицерские чины А.М. и Я.Я. Мачехиных были невысокими, их обладатели не относились к поместной «мелкоте»: за А.М. Мачехиным в Дятьковичах было более 100 дворовых и крестьян и около 60 крестьян в Спиньше; за Я.Я. Мачехиным и его матерью числилось в общем владении более 250 подданных в Дятьковичах, да ещё Яков имел в Митьковщине 80 крепостных. Именно Я.Я. Мачехин продолжал ещё, как минимум, три десятка лет оставаться единственным заметным помещиком из своей фамилии. В 1811 г. за ним в сельце

Дятьковичах числилось 25 дворовых и 63 крестьянина, в д. Митьковщине – 54 крестьянина, в д. Спиньше – 41 крестьянин да ещё в д. Струговне (о ней – позже) – 38 крестьян. А со смертью в 1850 г. небогатого дятьковичского помещика М.А. Мачехина эта фамилия в Брянском уезде пресеклась.

Основной помещицей для трёх соседних селений стала к этому времени Э.Ф. Тютчева. В 1851 г. ей принадлежали все крестьяне Митьковщины (116), Спинки (53), а также большинство крестьян Дятькович (160). Ещё 66 дятьковичскими крестьянами владел уже упоминавшийся П.П. Небольсин, а 21 крестьянин и 12 дворовых принадлежали поручице Аграфене Васильевне Демидовой (в девичестве – Вепрейской), сохранявшей дом в Дятьковичах вплоть до отмены крепостного права, хотя главная усадьба её находилась в селе Рябчичи (ныне – в Дубровском районе).

В 1964 г. Митьковщина и Спинка были включены в состав Дятькович, которое стали именовать селом, хотя здесь никогда не было ни храма, ни даже часовни, так что название «село Дятьковичи» противоречит русским духовным и историко-культурным традициям.

К западу от деревни Песочни находились три старинных селения: Крыжино, Нешковичи и Шишковка (Шишковичи). Два первых возникли ещё в литовские времена, а Шишковка - не позднее конца XVI в. Первая известная в селе Крыжино Рождественская церковь была сожжена «литовскими людьми» в начале XVII в. Позже жители села устроили на месте церкви часовню. По патриаршему указу 1678 г. никаких платежей с неё брать не велено, ибо «церковная земля лежит пуста, поросла лесом и попа и причётников никто не помнит». Только в 1694 г. владевший селом Иван Иванович Коломнин построил в Крыжине новый храм Рождества Христова. Строилась новая деревянная церковь добротно и простояла вплоть до 1930-х гг., когда, подобно многим, была уничтожена. Благотворительность И.И. Коломнина заслуживает уважения, поскольку он не был богат: по документам, в то время в селе были 1 двор вотчинника, 5 дворов крестьянских и 10 бобыльских, а также дома «попов и дьячков».

Коломнины продолжали оставаться среди крыжинских помещиков вплоть до начала XIX в. Последним из них был Михаил Петрович Коломнин (1743 – 1824), похороненный в Свенском монастыре. Ему в 1811 г. принадлежало около 80 крестьян в Крыжино и д. Стипковой. Среди других владельцев в XVIII в. выделялись князья Мещерские и упоминавшийся Фаддей Петрович Тютчев, один из богатейших помещиков Брянского уезда. Но были среди крыжинских помещиков и представители других, менее известных фамилий: Астафьевы, Будаевы, Надеины, Ушаковы и т.д. В начале 1780-х гг. в селе

было 5 помещичьих домов с садами, 53 крестьянских избы, в которых проживало около 490 крепостных. После упомянутого ранее убийства в Крыжино князя А.И. Мещерского его дворовыми и крестьянами вдова убитого и его брат, имевший здесь крепостных, покинули Крыжино, и больше никого из этой княжеской фамилии в селе не было. А у брянских Тютчевых имение оставалось до отмены крепостного права. После смерти в 1787 г. Ф.П. Тютчева его крыжинские подданные перешли к дочери Екатерине, сохранившей и в замужестве прежнюю фамилию – её мужем стал троюродный брат премьер-майор Михаил Иванович Тютчев (подобные родственные браки церковью не поощрялись, но в отдельных случаях признавались). Наследником супругов Тютчевых (главное их имение – в с. Хотылёво) стал их сын Василий Михайлович Тютчев, бывший примечательной личностью. Молодым гусарским офицером он познакомился в Царском Селе с лицеистом А.С. Пушкиным, с которым поддерживал знакомство и позже. Выйдя в 1836 г. в отставку в чине полковника, В.М. Тютчев вскоре был избран орловским губернским предводителем дворянства и затем дважды переизбирался, оставаясь на этом посту с 1838 г. по 1847 г. Получил звание действительного статского советника, равнозначное генерал-майору. Будучи одним из состоятельных помещиков, В.М. Тютчев не стремился увеличить число подданных, а, напротив, в 1850-х гг. отпустил на волю около трёх десятков своих дворовых и крестьян. Можно добавить, что его двоюродным братом был Алексей Иванович Тютчев, известный своим участием в движении декабристов (его детство связано с селом Кабаличи – ныне в Брянском районе). А в Крыжино в 1850-е гг. оставались два помещичьих дома, принадлежавших Е.А. Кубышкиной и А.И. Львовой, за каждой из них было около 50 крепостных.

Немного западнее с. Крыжино находились упомянутые Нешковичи и Шишковка. Оба этих селения чаще именовали деревнями, но иногда, при появлении домов помещиков, – сельцами. В начале XVII в. Нешковичи принадлежали Тургеневым, но здесь выходцы из этой знаменитой позже дворянской фамилии не задержались. Из нешковских помещиков наиболее известны Брусиловы. В XVI в. они относились к стародубским служилым людям, но после «смутного времени», когда Стародуб перешёл к Речи Посполитой, получили поместья в Брянском уезде. В 1700 г. за ними значились 3 поместья, но число дворовых и крестьян было невелико (59 душ м.п.). К середине XVIII в. владельцем этих имений являлся секунд-майор Иван Иович Брусилов, а затем его сыновья Пётр Иванович и Николай Иванович, бывшие в 1780-х гг. также секунд-майорами. За ними в 1782 г.

числилось в Брянском уезде 6 имений и 389 душ м.п. подданных, включая имения жены Петра Ивановича – Марии Ивановны. Именно ей принадлежало нешковское имение Брусиловых, где проживало около 90 дворовых и крестьян м.п. (а всего – более 170) и находился принадлежавший М.И. Брусиловой винокуренный завод. В год на этом заводе выкуривалось в конце XVIII в. 1635 вёдер вина, из которых в Брянск отправлялось 1385 вёдер, а 250 – в Рославль.

В начале XIX в. нешковское имение перешло к сыну П.И. и М.И. Брусиловых – Николаю Петровичу Брусилову (1782-1849), весьма незаурядному человеку. Родился он в с. Скуратово Трубчевского уезда (ныне – в Выгоничском районе) – незадолго до этого южная часть Брянского уезда была передана Трубчевскому уезду, так что имения Брусиловых оказались в обоих уездах. С 8 лет Николай воспитывался в Пажеском корпусе, затем после недолгой военной службы был чиновником в Петербурге, где, по словам современника, выделялся «редкой в то время честностью и никогда не соблазнялся почти ежедневной возможностью взять крупную взятку». В 1802-1806 гг. участвовал в Вольном обществе любителей российской словесности, издавал «Журнал российской словесности», напечатал в нём несколько повестей, литературно-критических и публицистических статей. Был также автором статей по древней русской истории и нумизматике. В период проживания в Вологде (1821-1834), где Н.П. Брусилов был гражданским губернатором, он написал подробное статистико-краеведческое исследование «Опыт описания Вологодской губернии» и был избран почётным членом Академии наук. В чине действительного статского советника ушёл в отставку, жил в Петербурге. Незадолго до кончины написал «Воспоминания» с интересными сведениями о столичной жизни в конце XVIII в.

Проживая в Петербурге и Вологде, Н.П. Брусилов был связан с имениями на Брянщине лишь в молодые годы. По ревизии 1811 г. за ним в Нешковичах числилось 11 дворовых и 65 крестьянских душ м.п., т.е. около полутора сотен крепостных. Сохранялся здесь и его дом, но винокуренный завод был ликвидирован. Среди помещиков Брянского уезда в 1811 г. были отец Н.П. Брусилова, Пётр Иванович (ему принадлежало около 40 крестьянских душ в сельце Песочне), и дядя, Николай Иванович, действительный статский советник, владевший полусотней крестьян в Фошне (в 1834 г. у его сына Николая, титулярного советника, было здесь 80 крепостных).

Старший сын Николая Ивановича, Алексей Николаевич Брусилов, был связан с Брянщиной лишь в детстве и ранней юности. Он родился в селе Выгоничи, молодым офицером участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных

походах, а позже служил в Грузии, стал генерал-лейтенантом. Умер в Тифлисе в 1859 г. Там же родились его получившие всероссийскую известность сыновья: Алексей Алексеевич Брусилов (1853-1926), генерал от кавалерии, один из наиболее талантливых русских полководцев времён Первой мировой войны, и Лев Алексеевич (1857-1909), вице-адмирал, первый начальник Морского Генерального штаба. Сын последнего, Георгий Львович Брусилов (1894-1914) был морским офицером, исследователем Арктики и погиб, возглавляя полярную экспедицию. Его трагическая судьба нашла отражение в известном романе В.А. Каверина «Два капитана».

Возвращаясь к истории жуковских селений, упомянем, что в числе нешковских помещиков был и действительный статский советник Иван Никифорович Тютчев, у которого было здесь в 1780-х гг. около 50 крестьян. Зримой памятью об этом благотворителе является построенная на его средства каменная церковь в селе Кабаличи, которая ныне отреставрирована. Его внуку, Василию Михайловичу Тютчеву, в середине XIX в. в Нешковичах принадлежало уже менее 40 крестьян. Возможно, какая-то их часть была переведена в соседние селения: Шишковку и Крыжино (в 1851 г. в них проживало соответственно 80 и 150 подданных В.М. Тютчева). А наибольшее число крепостных в сельце Нешковичи оказалось в это время у четырёх осиротевших детей прежнего владельца подполковника И.И. Коровкевича – 165 крестьян и 10 дворовых (значит, у них был в сельце свой дом).

К западу от названных селений на территории Жуковского района находятся ещё три: Быковичи, Стибково и Упрусы (первоначально два последних назывались немного иначе). Село Быковичи упоминалось как существовавшее ещё в литовские времена. Находившаяся здесь церковь во имя Афанасия Великого была сожжена в «смутное время», но в 1620-х гг. восстановлена. К церкви относились пахотные земли (20 «чети в поле, а в дву по тому ж»), сенокосные угодья, «церковный бортный ухожей». «В приходе к той церкви 12 дворов помещиков, 41 двор крестьянский» – соотношение числа дворов помещиков и крестьян явно свидетельствовало о бедности местных владельцев. А с 1663 г., согласно патриаршей грамоте, в Быковичах «двор попов, да церковные дворовые места пусты, дьяконово, пономарёво, просвирницкое с усадобьем, с огороды и со гуменники», а также пахотные и другие церковные угодья и «место мельничное, что была колотовка» (простейшая водяная мельница) – словом, вся «церковная земля лежит пуста», поэтому и «данных денег ... имать не велено». Подобные сведения содержатся в патриаршей грамоте 1678 г. и о соседних сёлах Берёзовичи и Бойтичи. Причина запустения прямо названа в сведениях о

Бойтичах – «церкви разорены от воинских людей и пожжены». Дело в том, что зимой 1663-1664 гг. через Брянский уезд двигалось 15-тысячное войско литовского гетмана Х. Паца, шедшее к Севску на соединение с армией короля Яна Казимира. Вот эти литовские отряды и разорили многие селения на своём пути. Быковичская церковь подверглась разграблению, хотя и не была сожжена, но многие годы бездействовала и обветшала. В 1692 г. местный помещик Андрей Безобразов попросил у церковных властей разрешения «возле старой церкви построить новую деревянную», и в 1693 г. новый храм был освящён. Однако простоял он не очень долго, и в 1722 г. сын строителя прежнего храма капитан Фёдор Безобразов обратился с челобитьем «вместо сгорелой церкви построить вновь деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы». Завершала начатое строительство овдовевшая жена Ф.А. Безобразова.

Последствия разорения войсками Х. Паца сказывались в Быковичах ещё долго. Согласно церковным документам, в селе в 1703 г. были «двор попов, двор дьячков», а всего «в приходе 24 двора», включая, по всей вероятности, и дворы соседней деревни Стипково. С середины XVIII в. главными владельцами земель и крепостных в Быковичах были Вепрейские, в первой половине XIX в. – Алымовы (в 1851 г. подполковник Иван Николаевич Алымов имел в Быковичах более 220 подданных), но были и другие. В частности, имели крепостных в Быковичах генерал-майор Фёдор Евстафьевич Бухмейер, бывший с 1806 г. начальником Брянского и одновременно Киевского арсеналов, и его жена. Деловая энергия и средства И.Н. Алымова и Ф.Е. Бухмейера позволили начать строительство в Быковичах нового здания церкви вместо прежнего, обветшавшего. Храм был освящён в 1842 г., уже после смерти Ф.Е. Бухмейера. Но через полвека церковное здание пришлось перестраивать, ставить на кирпичный фундамент и заново освящать в 1893 г. Новый храм уцелел и в период революции, и в годы Великой Отечественной войны, но в 1948 г. был уничтожен.

Находящаяся близ Быкович деревня Стибково упоминается, по сведениям краеведов, с конца XVII в., но в реальности она известна с начала века под названием Стипково либо Степково. Первым из владельцев деревни упомянут А.И. Безобразов, в середине века в числе местных помещиков был Иван Петрович Коломнин, отец названного ранее И.И. Коломнина. При этом у местных жителей, а иногда и в документах деревня как бы раздваивалось на Малое Стипково и Большое Стипково. У Малого Стипкова длительное время сохранялось ещё одно название – Коломнино, что явно указывало на связь с первоначальными владельцами. Помещики из этой фамилии были в Стипково до начала XIX в.,

но главными являлись уже не они, а Безобразовы. В 1780-е гг. капитан Василий Петрович Безобразов, а затем его вдова Мария Романовна и их сын Сергей Васильевич владели в сельце Стипково (здесь появились дома помещиков) 270 дворовыми и крестьянами, часть которых М.Р. Безобразова перевела из села Морачёва. Были в это время в сельце и другие помещики (в том числе – упоминавшийся ранее Н.И. Алымов), а общее число крепостных составляло в 1782 г. около 400 человек, и селение было в Брянском уезде одним их крупных. Позже со сменой владельцев число стипковских жителей стало уменьшаться. В 1800 г. С.В. Безобразов умер, а о не совсем обычной судьбе его сына Василия наиболее полная информация есть в статье Т.К. Слуцкой в X томе «Деснинских древностей». Если жизнь В.С. Безобразова примечательна лишь чудачествами, то его сын Василий заслуживает доброй памяти. Родился он в 1832 г. в недавно основанном сельце Приютино Фошнянской волости (у его отца к тому времени других домов в имениях не было, кроме дома на окраине Брянска). Молодым офицером В.В. Безобразов участвовал в героической обороне Севастополя в 1855 г., где проявил себя храбрым и грамотным артиллеристом, был трижды контужен и удостоился нескольких наград, в том числе – ордена Св. Георгия. Выйдя в отставку, находился на грсжданской службе, а затем в звании полковника участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. За успешные действия Василий Васильевич получил ещё два ордена, но не избежал и новой контузии, последствия которой привели к смерти в 1879 г.

Вернёмся к сельцу Стипково. К середине XIX в. главными владельцами в нём стали Львовы и Преженцевы. Многие мужчины из последней фамилии находились на воинской службе и в брянских имениях появлялись не часто. Богдан Петрович дослужился до звания генерал-лейтенанта, Константин Петрович был полковником. Всего крестьян и дворовых было в Стипково в 1850-х гг. около 250.

Расположенная к северо-западу от Быкович деревня Упрусы возникла в начале 1760-х гг. и первоначально называлась Прусы. Первым владельцем новой деревни был поручик Михаил Андреевич Вепрейский, которому принадлежало здесь в 1760-1780-х гг. примерно полтора десятка крестьян, то есть не более трёх семейств. Необычное название деревни, скорее всего, связано с событиями Семилетней войны, когда российские войска одержали несколько побед над прусской армией, а территория Восточной Пруссии (с городом Кёнигсбергом) в конце 1750 - начале 1760-х гг. находилась под контролем русской администрации. После подписания мирного договора, когда русские войска покинули Восточную Пруссию, по всей вероятности, вместе с поручиком

М.А. Вепрейским уехали и несколько местных жителей, которые гнёту прусских баронов предпочли какие-то льготы, обещанные русским офицером. Новые жители, поселённые на принадлежавшей М.А. Вепрейскому пустоши, и основали небольшую деревушку, получившую название Прусы. Сам владелец деревни здесь не жил, довольствуясь, вероятно, небольшим оброком, но в 1770-х гг. по соседству начал обустраивать своё имение капитан Василий Васильевич Вепрейский, который перевёл сюда в качестве дворовых часть крепостных из других селений (по-видимому, М.А. и В.В. Вепрейские были родственниками, а пустошь была их совместным владением). Но в 1780 г. В.В. Вепрейский скончался, его наследником стал сын, тоже Василий Васильевич. У нового хозяина сельца Прусы было в 1782 г. 28 дворовых, которые обслуживали имение владельца, где, кроме дома, находились конюшня, скотный двор, огород, сад, затем появился и небольшой винокуренный завод, где в год производилось до 90 вёдер вина, шедшего на собственные нужды владельца. Крестьянских дворов в имении В.В. Вепрейского сначала не было, затем они появились, но вскоре были переведены в Быковичи – здесь в 1804 г. Василий Васильевич получил около 20 крестьян от брата Ефима Васильевича. Женат был В.В. Вепрейский-младший на Ольге Алексеевне (в девичестве – княжне Друцкой-Соколинской), похороненной на кладбище Свенского монастыря, а затем на Екатерине Бухмейер, сестре упомянутого генерал-майора. В ревизских сказках 1818 г. она, как «поручица Катерина Астафьевна Вепрейская», названа одной из овстугских помещиц, поскольку получила от мужа в Овстуге около двух десятков дворовых и крестьян. Позже В.В. Вепрейский дослужился до звания полковника, скончался в 1818 г. Его наследником стал сын Николай.

Когда находившийся на военной службе Н.В. Вепрейский отсутствовал в сельце Прусы, управляла имением его мать, а затем с согласия владельца сюда перевели часть своих крестьян супруги Бухмейеры, жившие там подолгу. В 1822 г. Николай Васильевич в Москве женился на двоюродной сестре будущего известного писателя и общественного деятеля А.И. Герцена княжне Екатерине Фёдоровне Хованской. Через некоторое время супруги переехали в Прусы – Н.В. Вепрейский был небогат и других домов, кроме сельца, у него не было. Продолжая службу, Н.В. Вепрейский, постепенно «дорос» до полковника. Укрепилось и его материальное положение. В начале 1840-х гг. умерли Ф.Е. Бухмейер и его супруга, которые своим наследником объявили племянника – Н.В. Вепрейского. Так у него в 1851 г. оказалось, помимо 250 дворовых и крестьян в сельце Пруссы, ещё около 400

подданных в брянских сёлах Темеличи и Бакшеево. В Темеличах находился и второй господский дом, но навещал его новый хозяин лишь изредка. Тем не менее Н.В. Вепрейский обратил внимание на неблагополучное состояние местного каменного храма. На свои средства он в 1853 г. провёл ремонт и благоустройство храма, а также пристроил к нему каменную колокольню (храм и колокольня сохранились до наших дней).

К северу от перечисленных селений находится одно из самых старинных (известно с XV в.) на Жуковской земле сёл – Белоголовль. К приходу местного Никольского храма относились известные с XVII в. деревни Летошники и Леденёво, с XVIII в. – Лелятино, Мокрая и Струговня (о селениях, появившихся в XIX в., речь пойдёт позже). Село Белоголовль было довольно большим: в 1780-х гг. в нём насчитывалось около 40 крестьянских дворов и примерно 300 жителей, не считая духовенства. Господские дома появлялись в селе лишь иногда, хотя число владельцев доходило порой до десятка. Среди них были Бахтины, Брусиловы, Похвисневы, Подлиневы и другие. Из помещиков конца XVIII в. представляет интерес Иван Иванович Бахтин (1754-1818). В генеалогии Бахтиных немало «белых пятен». Вот и о юности Ивана Ивановича сведений почти нет, как и об его отце, тоже Иване Ивановиче, рано умершем. Белоголовльских крестьян (в 1782 г. – 20) И.И. Бахтин получил от дяди, Родиона Ивановича, но с 1790-х гг. ими он уже не владел и считался беспоместным дворянином. Уйдя в отставку, Иван Иванович в 1782 г. уехал в Сибирь, где служил чиновником в Тобольском суде, а в конце века был тобольским губернским прокурором. Начал печатать в местном журнале сатиры, басни, эпиграммы и другие стихотворения (из них получила известность «Сатира на жестокости некоторых дворян к их подданным»). Позже И.И. Бахтин служил в Петербурге. Своей честностью стал известен Александру I, не раз дававшему ему поручения расследовать злоупотребления некоторых помещиков и чиновников. В 1803-1814 гг. был губернатором Харьковской губернии, где завоевал популярность среди дворян и интеллигенции (в частности, содействовал открытию Харьковского университета). Выйдя в отставку действительным статским советником, в конце жизни издал сборник своих стихотворений, драму «Ревнивый» и прозаическое сочинение «Вдохновенные идеи».

В XIX в. основными владельцами крестьян в селе Белоголовль стали князья Мещерские, но своих домов здесь они не имели. В 1811 г. коллежскому асессору князю Павлу Ивановичу Мещерскому и его жене принадлежало 115 белоголовльских крестьян, затем имение перешло к их сыну Алексею, а с 1838 г. ко второму сыну, корнету Андрею Павловичу, владевшему уже 330 крепостными (т.е. всеми

крестьянами села). Добрую память у жителей Белоголовли и прихожан храма оставил священник Иван Андреевич Крылов (полный тёзка знаменитого баснописца). Назначенный священником местного Никольского храма, о. Иоанн увидел, что обветшавший храм нуждается в замене. Энергия и настойчивость молодого священника позволили ему собрать с прихожан немалую сумму для строительства новой церкви; лес был выделен князем А.П. Мещерским и Н.И. Тютчевым (старшим братом поэта). В 1853 г. новый деревянный храм был в основном готов, а на железную кровлю храма выделил деньги князь А.П. Мещерский (хотя и с неохотой). После освящения нового храма он именовался уже Троицким. Закрытый в 1930 г., он затем был уничтожен.

Первыми владельцами деревни Леденёвой (позже – сельца Леденёво) были в начале XVII в. Львовы, затем ими стали Безобразовы. Сохраняли владения представители этой фамилии и имели здесь свои дома ещё в начале XIX в., но общее число их дворовых и крестьян в 1811 г. было невелико – у трёх владельцев немногим более 60. Мелкопоместными дворянами были и жившие в Леденёво Правиковы – у четырёх владельцев имелось немногим более 50 дворовых и крестьян, но затем их число выросло почти до 180. Более трети из них обслуживали три господских дома Правиковых. Около 20 леденёвских крестьян было и у П.Д.. И.Н. и Н.И. Тютчевых. К середине века Безобразовых в Леденёво не осталось, а ещё одним владельцем стал вахмистр Н.И. Савицкий (из мглинских дворян), имевший около 140 крестьян и дворовых.

Основателями соседней с Леденёво деревни Струговни были в середине XVIII в. Мачехины. На месте прежней пустоши прапорщик Яков Васильевич завёл деревню, в которой по ревизии 1764 г. было 37 крестьян; у его сына прапорщика Якова Яковлевича, по ревизии 1782 г., 59 крестьян и дворовых – и Струговня стала называться сельцом. Однако позже Я.Я. Мачехин в Струговне не жил, хотя и продолжал владеть здесь в начале XIX в. примерно 40 крестьянами. А в середине века деревня стала владением Эрнестины Фёдоровны Тютчевой – в 1851 г. ей принадлежало около 100 крепостных.

Деревня Летошники упоминается в документах с начала XVII в. В середине XVIII в. ею владел майор Сергей Иванович Вепрейский, а в 1775 г. земли и крестьян деревни приобрела Пелагея Денисовна Тютчева. По ревизии 1782 г. в Летошниках было около 180 крепостных. Вскоре новая владелица организовала здесь работу крупного винокуренного завода, выпускавшего в год более 4 тысяч вёдер вина, которое отпускалось в Севск и Дмитровск. Поскольку за заводом требовался постоянный присмотр, в Летошниках, которые стали именоваться сельцом, появился господский дом, куда

периодически наведывалась хозяйка. После смерти мужа П.Д. Тютчева уменьшила объём работ на заводе, выпускашим в конце века менее тысячи вёдер вина, которое продавалось в Брянск. Позже завод был ликвидирован, а деревня (уже не сельцо) оставалась владением Тютчевых. Поблизости от Летошник П.Д. Тютчева основала ещё одну деревню – Никольскую Слободу, в которой в 1811 г. было около 30, а в 1834 г. – 70 крестьян (о ней – немного позже).

Деревня Лелятино появилась в середине XVIII в. и первоначально принадлежала Безобразовым, затем – Подлиневым, а в первой половине XIX в. ею владели князья Мещерские. В 1782 г. в 12 дворах деревни жило 80 крестьян; после перевода сюда владельцами части крестьян из других селений число жителей возросло к 1851 г. до 140.

О деревне Мокрой в краеведческой литературе упоминалось, что она возникла в середине XIX в. как хутор. Фактически деревня Мокрая Слобода появилась в середине XVIII в. По ревизии 1764 г. в ней было за поручиком Н.И. Алымовым около 20 крестьян, а в конце века их число неожиданно выросло – почти до 130. Да ещё в этой деревне, кроме подданных Н.И. Алымова, появилось 36 крестьян, принадлежавших вдове поручице М.Я. Глотовой. Вообще в истории этого селения много неясного. Чем занимались его жители? Ведь по сведениям конца XVIII в. близ деревни находилось лишь 20 десятин пахотной земли. У сына Н.И. Алымова, Ивана Николаевича, в д. Слободке Мокрой в 1811 г. было около 80 крестьян, к середине века их число удвоилось, а к 1858 г. все мокровские крестьяне, принадлежавшие сыну И.Н. Алымова Николаю Ивановичу, были переведены в Быковичи. Вскоре близ прежней слободки возник хутор с 3 дворами, основанный Иваном Петровичем Козёлкиным (этот хутор так и стали называть – Козёлкин). Появившиеся здесь крестьяне ранее были поселены их владельцем в Угости, а на новое место переведены в конце 1850-х гг.

Уже после войн России с наполеоновской Францией на севере правобережной территории современного Жуковского района появилась новая деревня Вышковичи. Вряд ли кто из жителей Вышкович слышал, что своим возникновением их деревня обязана Олсуфьевым. Обычно с этой фамилией связывли либо находящееся на юге Дубровского района село Голубею и соседние деревни, либо посёлок и станцию Олсуфьево. Но кое-какие уточнения надо внести.

Обширное голубеевское имение Толочановых, а потом князей Голицыных включало не только десяток старинных селений бывшего Подывотского стана, но и некоторые незаселённые территории (в том числе – вошедшие позже в Жуковский район). Последним из Голицыных, владевших

голубеевским имением, был князь Александр Михайлович (1723-1807), одни из виднейших вельмож, действительный тайный советник, в конце жизни – активный благотворитель. В наших краях князь был известен строительством нового деревянного храма в с. Голубея, а также заготовкой ванчоусов – сосновых брусьев, имевших спрос в кораблестроении (в частности – в Англии). Но заготавливать ванчоусы приходилось, вероятно, не близ Голубеи и окрестных деревень, где уже не оставалось корабельных сосновых боров, а там, где позже возникли Вышковичи и Олсуфьево.

Князь А.М. Голицын не имел сыновей, пережил своих четырёх братьев и в завещании объявил наследницей свою внебрачную дочь Дарью Александровну, бывшую замужем за действительным статским советником Дмитрием Адамовичем Олсуфьевым, служившим в 1807-1808 гг. московским губернатором. Д.А. Олсуфьева, похоронив в 1807 г. отца, на следующий год, после скоропостижной смерти мужа, овдовела. В семье Олсуфьевых росли сыновья Александр и Василий, которые в молодости приняли участие в антинаполеоновских войнах, а затем имели прямое отношение к истории Брянского края. Старший из братьев, А.Д. Олсуфьев (1790-1853), основал в 1835 г. в д. Каменец Рославльского уезда (на территории будущего Клетнянского района) хрустальный завод, входивший в пятёрку ведущих подобных предприятий в России. Завод он назвал Марьинским (по имени жены), а когда в 1840-х гг. здесь была построена деревянная церковь, то село Каменец тоже стали называть Марьинским. Дальнейшая история селения оказалась невесёлой: в конце XIX в. завод перестал работать, большинство местных жителей обнищали, а к настоящему времени село обезлюдело.

Но если деятельность А.Д. Олсуфьева и его наследников не оставила зримых следов, то о его младшем брате Василии Дмитриевиче (1796-1858) этого сказать нельзя. После смерти в 1828 г. матери В.Д. Олсуфьев стал полноправным владельцем голубеевского имения и, хотя основными местами его службы были Москва и Петербург, он не забывал и своих владений в Брянском уезде. На его средства в селе Голубея в 1840-е гг. был построен каменный Свято-Троицкий храм на высоком правом берегу Десны, живописный облик которого и сегодня радует своей красотой всех, оказавшихся поблизости. В 1838-1840 гг. В.Д. Олсуфьев являлся московским гражданским губернатором, а потом был назначен гофмаршалом двора великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и до конца своих дней находился на придворной службе. Порядочность, доброжелательность и другие положительные черты личности Василия Дмитриевича способствовали особому благоволению к нему цесаревича и его супруги Марии

Александровны. Не случайно в 1856 г. в день коронации Александра II В.Д. Олсуфьев и его потомки были удостоены титула графов Российской империи. Но глава графского семейства Олсуфьевых прожил после этого недолго, скончавшись в 1858 г., а его владения в Брянском уезде (в том числе – деревню Вышковичи, в которой было уже более ста жителей) унаследовала вдова, графиня Мария Алексеевна.

Вернёмся к упомянутой ранее деревне Никольской Слободе, основанной в 1790-е гг. (первоначальные её названия – Тананыкино, или Аненькино – позже забылись). Высказанное в «Истории земли Жуковской» мнение, что деревня «возникла как почтовая, ямская станция на трассе Смоленск-Брянск», ошибочно. Во-первых, слово «трасса» преимущественно относилось к проектным работам. А наиболее заметные дороги для перевозки пассажиров, почты и разных грузов назывались большаками, трактами, ближе к середине века – шоссе, причём последнее название применялось только для дорог с твёрдым покрытием (щебнем, гравием). Немало таких шоссе было построено в европейской России в 1830-1850-х гг. при императоре Николае I.

Во-вторых, сквозного сообщения от Брянска до Смоленска тогда не существовало, а было только от Брянска до Рославля, тем более что последний стал заметным транспортным узлом после строительства имевшего стратегическое значение шоссе Москва -Малоярославец – Рославль – Бобруйск - Брест-Литовск (самого протяжённого из всех существовавших к середине XIX в. – около тысячи вёрст). Но наиболее существенно, что в период возникновения Никольской Слободы там вообще не было крупных дорог. Дело в том, что дорога Брянск-Рославль за время существования не раз меняла свой путь. В XVII в. она проходила через Хоробровичи, Леденёво, Береcток, Рековичи и т.д. Документы середины XIX в. дают возможность более точно установить места расположения на дороге постоялых дворов и почтовых станций. После выезда из Брянска первая почтовая станция находилась близ д. Глинищево, где размещались Глинищевские постоялые дворы. Здесь же находилась контора 1-го стана Брянского уезда и квартира станового пристава, осуществлявшего административно-полицейский надзор на территории стана. С ростом населения Глинищевские постоялые дворы превратились в посёлок Глинищево. Следующая почтовая станция Шахматы находилась близ Овстуга и действовала не очень долго. Необычное название связано с существовавшей здесь ещё в начале XVII в. пустошью Шахматовой, затем появилась одноимённая деревня, вскоре обезлюдевшая, а в середине XIX в. на этом месте была устроена почтовая станция. Ближайшие постоялые дворы

находились неподалеку от д. Песочни и также имели необычное название – Безводки (так называлась упоминаемая в документах 1630-х гг. деревня, затем запустевшая). Однако окрестные жители начали «брезговать» таким названием, переделав его в Брезготки (Брязготки). Уже в советское время появившийся здесь посёлок переименовали в Цветники.

Перечисленные постоялые дворы обслуживали пассажиров, совершавших свой путь и по прежней дороге Брянск-Рославль, где были проведены некоторые работы по благоустройству, и по строившемуся с середины века шоссе. Обе дороги проходили близко друг от друга, но не совмещались в одну. Возле д. Леденёво они расходились: старая дорога уходила ближе к Десне, а новая шла по прямой линии на северо-запад. На последующем отрезке старой дороги первые постоялые дворы и почтовая станция были в посёлке Угость, который при небольшом числе жителей был достаточно заметным. Сюда была переведена из с. Крыжино контора 3 стана Брянского уезда, а в конце века начала работать одна из первых в уезде земская лечебница. Правда, ещё ранее, после завершения строительства шоссе Брянск-Рославль, почтовую станцию из Угости перевели севернее д. Летошники (позже Угостьская почтовая станция была переименована в посёлок Шоссейный, в сравнительно недавнее время включённый в состав соседней деревни).

Двигаясь далее от Угости по старой дороге Брянск-Рославль, путники проезжали мимо Гостиловского хутора, бывшего владением Тютчевых. Здесь находился «гостевой дом», где во время поездок могли останавливаться овстугские Тютчевы и их родственники и близкие знакомые, имевшие немало имений в северной части Брянского уезда и в Рославльском уезде. Останавливался здесь и Ф.И. Тютчев во время поездок из Петербурга в Овстуг. Позже Гостиловка была куплена известным предпринимателем Петром Ионовичем Губониным и превратилась в загородную усадьбу его семьи.

Следующий постоялый двор у старой дороги Брянск-Рославль находился в хуторе Борча. В середине века здесь был лишь один дом с единственным смотрителем. В начале XX в. в Борче находилось небольшое имение С.С. Губонина, но затем хутор обезлюдел. Далее старая дорога проходила рядом с Вышковичами и продолжалась уже на территории современного Дубровского района. Здесь постоялые дворы были устроены близ д. Белизны, где дорога поворачивала к д. Тютчевой Слободе. Там и была устроена почтовая станция, а далее старая и новая дороги Брянск-Рославль шли близко друг от друга. Так что в д. Никольской Слободе, рядом с новым шоссе, почтовой или ямской станции не было. Сама деревня была пебольшой – в 1834 г. в её 8 дворах жило 70 крестьян.

Относящаяся к Жуковской земле территория заднеснянского левобережья, включая значительную часть бассейна реки Ветьмы, до середины XIX в. была лесным массивом с редким населением. Как уже отмечалось, эта территория входила в состав Хвощенской (Фошнянской) волости. Помимо волостного центра, бывшего здесь единственным селом с церковью, с XVII в. были известны деревни Ходиловичи, Месковичи, Касилова, Лавшина и лишь ближе к концу XVIII в. от них начали «отпочковываться» новые селения. Однако в целом число жителей здесь оставалось небольшим (в 1782 г. во всех названных селениях и нескольких новых, о которых пойдёт речь дальше, было менее 120 крестьянских дворов, где проживало немногим более тысячи человек). Из крестьян названных селений не знали помещичьей власти лишь жители Ходилович, поскольку принадлежали Брянскому Петропавловскому монастырю, а после секуляризации 1764 г. оказались государственными крестьянами. Это же можно сказать и о жителях возникшей рядом с Ходиловичами в 1770-х гг. слободки Ходиловичской (позже – д. Петуховка). В Ходиловичах в 1782 г. было 27 крестьянских дворов и проживало около 340 крестьян; в слободке Ходиловичской – 6 дворов и около 40 жителей. К середине следующего века население здесь выросло более чем в полтора раза. Кроме сельского хозяйства, ходиловичские крестьяне занимались гонкой дёгтя и смолы, которые шли на продажу в Брянск.

В остальных селениях владельцы не раз менялись, так что далее будут названы лишь более примечательные из них. Среди владельцев села Фошни в начале XVII в. были два брата Львовых, и эта фамилия оставалась среди фошнянских помещиков до конца XVIII в., но в это время её по количеству крепостных опережали Брусиловы и Ртищевы. В 1782 г. в Фошне был 21 крестьянский двор и проживало более 230 человек. Часть фошнянских крестьян была переселена их владельцами в середине века в слободки Поляковку и Погорелую. Слободка Погорелая (позже – д. Погореловка, с 1964 г. – Бережки) находилась на берегу Ветьмы и принадлежала Прасковье Александровне Апухтиной. Здесь в 6 дворах проживало около 60 крестьян. Затем Погореловка стала сельцом, где были господские дома Правиковых. Слободка Поляковка была поселена в двух верстах южнее Фошни и принадлежала князьям Мещерским. В ней в 4 дворах жили 36 крестьян. Затем слободку называли из-за малого населения хутором, который вскоре запустел. Крестьяне перечисленных селений находились на оброке и платили братьям Львовым, Н.И. Брусилову и С.С. Мещерскому по 4 рубля в год с души м. п., а А.А. Ртищевой и П.А. Апухтиной –

по 2 рубля. Сверх того они обслуживали принадлежавшие помещицам пильныв мельницы, производившие в год до 2500 тесин каждая (продажная цена сотни тесин – 6-7 рублей).

Значительно раньше князя С.С. Мещерского в церковных документах упомянут князь Алексей Юрьевич Мещерский, который в 1713 г. построил в Фошне новое здание деревянного храма Николая Чудотворца. Сведения «Истории земли Жуковской», что этот храм был каменным, ошибочны; неверно и утверждение, что в 1778 г. был построен второй каменный храм. В реальности единственный Никольский каменный храм был построен в Фошне в 1795 г., вероятнее всего, упомянутой П.А. Апухтиной, которая имела тогда в селе свой дом и около 80 дворовых и крестьян. Среди находившихся в храме икон особенно почитались две, считавшиеся чудотворными: Николая-угодника, по преданию явившаяся в соседнем лесу более 500 лет назад, и страстной Божией Матери (эта икона избавила в 1848 г. жителей деревни Ходиловичи от холеры).

Но в описании 1782 г. село названо так – «что ныне деревня»; следовательно, в это время в Фошне церковь отсутствовала (скорее всего – сгорела, и строительством нового здания церкви никто из местных помещиков долго не занимался, сами же прихожане не имели необходимых для этого средств). В 1828 г. к небольшому каменному храму были пристроены деревянная колокольня и деревянная придельная часть во имя святых Петра и Павла, но осенью 1902 г. эти пристройки сгорели, и храму потребовались капитальный ремонт и новое освящение. Впрочем, фошнянская церковь не была бедной – ей принадлежало 700 десятин окрестных лесов.

Среди владельцев села в конце XVIII в., помимо упомянутых ранее, был также строитель и первый начальник Брянского Арсенала генерал-майор Иван Михайлович Иванов. После его смерти в 1797 г. наследниками стали сын Николай и дочь Елизавета, которым в с. Фошне принадлежало около 30 крестьян. В 1826 г. капитан Н.И. Иванов умер, и владеть этими крестьянами стала его дочь Надежда. В середине века новыми основными помещиками в Фошне стали поручик К.И. Шеншин, которому принадлежало 143 крестьянина (а также 190 крестьян д. Новое Лавшино и более 160 в д. Приютино), и жена ротмистра А.Н. Мерлина (за ней в Фошне в 1858 г. числилось 160 крепостных). Известный предприниматель генерал-майор Сергей Иванович Мальцов владел в это время в Фошне 26 крепостными, а в соселней деревне Саково ему принадлежало более 150 крестьян.

Третьей по числу жителей, после Фошни и Ходилович, на задеснянской части Жуковской земли была деревня Косилово (первоначально – Касилова). В «Истории земли

Жуковской»при описании истории деревни не обошлось без ошибок. В частности, ни в духовной грамоте Ивана III, ни в других документах XVI века деревня не упоминалась, а первым владельцем её (первоначально – починком) был в 1620-е гг. А.И. Безобразов. Есть не очень ясные сведения, что Касилова какое-то время относилась к владениям Пятницкого Спасского монастыря (Адриановой пустыни), но содержащиеся в упомянутой «Истории…» сведения о богатстве этого монастыря не соответствуют фактам – из-за своей бедности он в 1724 г. был приписан к Петропавловскому монастырю, а в 1764 г. – упразднён. По ревизским сказкам 1782 г. помещицей в д. Касиловой, в которой насчитывалось 27 дворов и более 340 крестьян, была М.Р. Безобразова. При деревне был устроен пруд с мучной мельницей. Позже к Безобразовым добавились Азанчевские и Потресовы. Последние имели в деревне около 80 крепостных (у лейтенанта флота Ф.В. Потресова был здесь и свой дом), но большинством косиловских крестьян (свыше 270) владела в середине XIX в. А.В. Болговская, жена ротмистра.

К юго-востоку от Фошни, среди глухих лесов жила своей неприметной жизнью деревня Лавшина (позже – Старое Лавшино), сведения о которой довольно скудны. Раньше других из владельцев Лавшиной в XVIII в. упоминались Верёвкины, но более тесные связи были у лавшинских помещиков с Речицей. В 1782 г. владельцами Лавшиной были братья Иван и Николай Афанасьевичи Бахтины, за которыми в 8 дворах числилось 85 крестьян. Владели землями в лавшинских окрестностях и Тютчевы. В первой трети XIX в. владельцами д. Старой Лавшиной были Ртищевы, которым принадлежала также деревня Новая Лавшина (в 1782 г. в ней в 6 дворах проживало около 70 человек).

Особый интерес представляет деревня Месковичи (позже – Старые Месковичи) – не столько составом своих владельцев, сколько тем, что выходцы из этой деревни дали начало нескольким новым селениям. В их числе были деревня Новые Месковичи, деревня Месковская Слободка (позже – Гришина Слобода), деревня Месковская Красная Слободка (позже – Красная Слободка, или Жукóвка, название которой с изменённым ударением перешло на посёлок, а затем и на город Жуковку), а также деревня Месковка (Орловка).

Месковичи, не раз терявшие часть своих жителей из-за переселений, так и остались небольшой деревней. В XVII в. местные крестьяне были подданными Небольсиных, из которых первым можно назвать Афанасия Алексеевича (он упоминался ранее в документах 1610-1612 гг.). Его внук стольник Семён Самойлович владел Месковичами в 1687 г. В 1760-е гг. деревня, в которой жило около ста крестьян, была владением пятерых Небольсиных. В 1782 г. братьям Фёдору и

Ивану Небольсиным в 5 месковичских дворах принадлежало 67 крестьян, ещё 65 крестьянами в 6 дворах владела Е.П. Вейтбрехтова, жена брянского городничего Иосифа Иосифовича (Осипа Осиповича) Вейтбрехта, из немецких дворян, который «прославился» самоуправством и взяточничеством. Он после смерти в 1811 г. супруги стал ненадолго владельцем десятка крестьян в Месковичах (большинство месковичских подданных Екатерина Петровна ещё при жизни завещала сыну, титулярному советнику П.О. Вейтбрехту).

По сведениям 1782 г., два с половиной десятка крестьян были из Мескович переведены в «новопоселённую слободку Месковскую» (позже её именовали либо Месковской слободкой, либо д. Новые Месковичи). Владели крестьянами этой небольшой деревни и тогда, и позже дворяне Мясоедовы. Последним из них перед отменой крепостного права был подпоручик Иван Сергеевич Мясоедов (его главное имение и господский дом находились в сельце Песочне).

А владельцами самой деревни Месковичи в это время являлись выходцы из брянских чиновников Надеины (впрочем, успевшие породниться с местными давними помещиками). Первыми в Месковичах помещиками из этой фамилии стали в начале XIX в. коллежский асессор А.П. Надеин, купивший около 40 крестьян у нескольких помещиков, и надворный советник Иван Иванович Надеин, который приобрёл около 80 крестьян у П.О. Вейтбрехта. Наследником И.И. Надеина и его жены стал их сын коллежский асессор Александр Иванович, у которого в 1850 г. в Месковичах было 265 крестьян и дворовых (следовательно, был и свой дом). Но число месковичских жителей продолжало уменьшаться из-за перевода некоторых в соседнюю Месковскую (Гришину) Слободку. С конца 1840-х гг. ею владела жена А.И. Надеина, Варвара Ивановна, которая устроила здесь свою небольшую усадьбу. Для обслуживания усадьбы 6 дворовых людей были подарены ей отцом, И.С. Мясоедовым; сама владелица купила у местных помещиков около 40 крестьян, а затем с согласия мужа пополнила число своих подданных за счёт крестьян из Мескович. В результате к 1858 г. население деревень Месковичи и Гришиной Слободки сблизилось: в 18 дворах первой проживало 229 крестьян, в 17 дворах второй – 174 человека.

Возвращаясь к дворянской фамилии Небольсиных, точнее - к той её боковой родовой ветви, которая связана с Месковичами, можно заметить, что сведений о них немного и относятся они в основном к Карачевскому уезду, где те проживали с середины XVIII века. И прапорщик Иван Степанович Небольсин (1730-1808), и его сын подпоручик Николай Иванович (1763-1822) были из мелкопоместных

дворян, живших в селе Гавриловском (ныне – в Шаблыкинском районе Орловской области). И.С. Небольсин смог оставить в наследство четырём дочерям, «девицам Настасье, Варваре, Пелагее и Елизавете», менее двух десятков крестьян в Месковичах. Раньше других умерла Варвара, а после 1834 г. скончались и остальные, уже пожилые сёстры. Наследником их месковичских крестьян стал Николай Николаевич Небольсин (!812), племянник покойных, в 1834 г. - «канцелярист из дворян», а в 1860-х гг. служивший с низшим чином коллежского регистратора в Карачевском уездном суде.

Новый владелец месковичских крестьян переселил их поближе к реке Десне, где и появилась в 1840-х гг. небольшая деревушка – Месковская Красная Слободка (позже – Красная Слободка, или Жукóвка). По ревизским сказкам 1850 г. в ней было 7 дворов и проживало 46 крестьян; в 1858 г. – 61. На Н.Н. Небольсине и пресеклась месковская ветвь этой фамилии (у него было только две дочери).

Но Красная Слободка (Жукóвка) оказалась не последним селением, «отпочковавшимся» от Мескович. В 1840-е гг. часть местных крестьян приобрёл поручик Фёдор Петрович Телепнёв, переселивший их поблизости в деревню Месковку (Орловку). По ревизии 1858 г. в ней было 9 дворов и почти 90 жителей. Любопытно, что фамилия Телепнёвых среди брянских помещиков ранее не встречалась, а в XX веке в Жуковском районе была известна.

Позже двойные названия в перечисленных селениях сменились на более простые: прежние «месковичские корни» оказались удалёнными, а остались те, которые были связаны с фамилиями (или фамильными прозвищами) наиболее примечательных первопоселенцев: Гришина Слободка, Жукóвка, Орловка. Впрочем, второе название Красной Слободки было преимущественно распространено среди местных жителей, а в официальных документах вплоть до начала 1920-х гг. разделялись деревня Красная Слободка и пристанционный посёлок Жуковка.

Неподалеку от перечисленных селений в 1770-х гг. возникла ещё одна небольшая деревушка – Глинка (её часто называли хутором, поскольку здесь в 2-4 дворах жило 15-20 крестьян). Основал это селение поручик В.П. Астафьев, поселивший на берегу р. Ветьмы 13 крепостных. В начале XIX в. после его смерти Глинка перешла к племяннику, поручику П.И. Гаврилову. Его наследником был сын. капитан Михаил Петрович, но лишь в конце века среди живших в глинковском имении дворян были более примечательные личности.

Много неясного в истории находившейся близ Фошни деревни Велея. Первые упоминания о ней обычно относят к 1850-м годам, но это не очень точно. Деревня Велия (так она

названа в ревизской сказке 1795 г.), в которой тогда числилось 26 крестьянских душ, была владением Авдотьи Алексеевны Похвиснёвой, купившей крепостных у майора Николая Матвеевича Ртищева, сына фошнянской помещицы А.А. Ртищевой. Но затем в течение полувека название деревни в документах не встречается. Скорее всего, она обезлюдела, а возродилась незадолго до отмены крепостного права и была населена государственными крестьянами. К 1866 г. в Велее было около двух десятков дворов и более 200 жителей.

Из деревень, возникших до середины XIX в., можно назвать Матрёновку, Александровку и Николаевку, располагавшихся на крайнем севере современного Жуковского района и к настоящему времени практически обезлюдевших. Матрёновка первоначально была владением Бородовицыных и называлась деревней, но впоследствии постоянно именовалась сельцом, так как здесь были дома помещиков Потресовых. В 1851 г., к примеру, в Матрёновке было четыре господских дома, которые обслуживались 44 дворовыми людьми, хотя число крестьян в сельце было небольшим – 126 человек. Сельцом в середине века являлась и Александровка (сельцо Александровское), поскольку там также появился дом поручика А.Н. Похвиснева (в селении в это время было 24 дворовых и около сотни крестьян). Сближало Матрёновку и Александровку ещё одно существенное для того времени обстоятельство: их жители считались прихожанами построенной в 1780 г. церкви в с. Бацкино, а жители других селений левобережной части Жуковской земли являлись прихожанами храма в с. Фошня.

О соседней деревне Николаевке сведений не много. Более полувека, вплоть до отмены крепостного права, деревня принадлежала Безобразовым, Потресовым и другим дворянам, но никто из них здесь своих домов не имел. В 10 крестьянских дворах в Николаевке в 1858 г. проживало 90 человек, но за последующие полвека её население значительно выросло.

Совсем мало сведений и о появившейся неподалеку от д. Косилово в 1850-х гг. деревне Хапиловке (в документах иногда называлась Никольской). Наиболее вероятно, что её первопоселенцами были выходцы из Матрёновки, так как хапиловские крестьяне, подобно матрёновским, были прихожанами церкви села Бацкино. В 1858 г. в 7 дворах Хапиловки числилось 83 жителя, к концу века её население составляло уже без малого 200 человек, но ещё через 70 лет деревня, переименованная в Озерки, опустела.

Вскоре для всех помещичьих крестьян пришло время их освобождения от крепостничества. О новом, очень важном для России периоде – в следующей главе.

5. От реформ 1860-х годов – к гибели Российской империи

В феврале 1855 г. после недолгой болезни скончался император Николай I. Его тридцатилетнее царствование началось с подавления вооружённого выступления, поднятого декабристами, а главным смыслом деятельности императора стало стремление упрочить самодержавие как главную силу, способную удержать страну от новых социально-политических потрясений. Твёрдый порядок, беспрекословное исполнение распоряжений власти, внешнее благоустройство – вот начала, которые определяли характер российской жизни в те времена. Николай I, конечно, понимал, что главным тормозом для развития России является крепостное право, ограничивающее хозяйственные возможности значительной части народа, но так и не решился ни отменить его, ни даже смягчить.

Преемником Николая I стал его старший сын – император Александр II. Время правления этого государя (1855-1881), насыщенное многими крупными событиями, отразилось во многих воспоминаниях современников и документах. Приводимые в них мнения и оценки зачастую существенно различаются. Из этой разноголосицы выделим достаточно объективное суждение известного правоведа и общественного деятеля Б.Н. Чичерина об Александре II: «Не одарённый от природы ни сильным умом, ни крепкою волею, он призван был исполнить одну из труднейших задач, какие могут представляться самодержавному правителю: обновить до самых оснований вверенное его управлению громадное государство, упразднить веками сложившийся порядок, утверждённый на рабстве, и заменить его гражданственностью и свободою; утвердить суд в стране, которая от века не знала, что такое правосудие; переустроить всю администрацию, ... поставить на свои ноги сдавленное и приниженное общество и дать ему возможность двигаться на просторе... И он совершил ... всё это добросовестно и разумно... Между русскими царями многие превосходили его по способностям, но никто не сделал больше него для России».

Ранее 1860-1870-е годы называли «эпохой великих реформ», но в советское время это название не употреблялось, а при характеристике реформ выделялось не облегчение положения миллионов россиян, а остававшиеся нерешёнными социальные проблемы. Рассмотрение реформ не входит в нашу задачу, и далее речь будет идти лишь о тех переменах, которые произошли в жизни крестьян, а также дворян на Жуковской после крестьянской и земской реформ.

В прежние времена помещики имели полную административную власть над своими крепостными: могли их

переселять в другие места, переводить из крестьян в дворовые и наоборот, вмешиваться в их хозяйственные и семейные дела, наказывать по своему усмотрению и т.д. Но в феврале 1861 г. всё это кончилась. Нужны были другие формы воздействия в случае возникновения в крестьянской среде волнений и споров, а также при решении общих вопросов, касающихся жителей того или иного сельского общества. Такое название, согласно закону, имело поселение (часть селения или несколько соседних), где были дворы крестьян, ранее принадлежавших одному помещику. Поскольку село или деревня принадлежали порой нескольким помещикам, то число «сельских обществ» было больше числа селений, в которых они находились. Если в селении проживали и бывшие помещичьи, и государственные крестьяне, они объединялись в разные сельские общества.

С весны 1861 г. высшим органом управления сельским обществом являлся сельский сход, где домохозяева избирали старосту, а при необходимости и других выборных лиц. Сход ведал всеми вопросами общинного землепользования, раскладкой государственных повинностей и т.п.

Сельские общества, находившиеся поблизости друг от друга, объединялись в волости, образованные во всех уездах, где проводилась крестьянская реформа. 14 волостей было создано и в Брянском уезде. Из них на Жуковской земле основными были Овстугская и Фошнянская волости; сёла Быковичи и Крыжино, а также Нешковичи и Пруссы (их в 1860-е гг. продолжали называть сельцами), деревни Стипково, Шишковка и хутор Козёлкин входили в состав Князицкой волости, а деревня Вышковичи – в состав Салынской волости.

Овстугская волость включала сёла Белоголовль, Вщиж, Овстуг, Речицу и Токарёво, три сельца: Леденёво, Песочню, Рудное, деревни Дорогинь, Дуброславичи, Дятьковичи, Костыли, Лелятино, Летошники, Митьковщину, Неготино, Никольскую Слободу, Ситковичи, Спинку, Струговню, Чудиново, Шамордино, а также село Чернетово, деревни Бетово, Молотино, Хоробровичи (позже - в Брянском районе).

Фошнянская волость включала в себя все сельские общества на деснянском левобережье Жуковской земли. Волость объединяла крестьян села Фошни, деревень Александровки, Велеи, Гришиной Слободки, Касилово, Красной Слободки (Жукóвки), Матрёновки, Новых Мескович, Николаевки, Орловки, Погореловки, Приютино, Саково, Старого и Нового Лавшино, Хапиловки (Никольской), Ходилович и Ходиловичской Слободки (эти два селения составляли одно сельское общество и в документах XIX в. именовались обычно одним названием). Матрёновка и Месковичи, где помещичьи дома сохранялись некоторое время и после отмены крепостного права, продолжали именоваться

сельцами, но с 1880-х гг. такое название не употреблялось. Относились к Фошнянской волости также входившие позже в Дятьковский район село Бацкино, деревни Любегощь и Ивоток (последняя более полувека назад обезлюдела).

Органами управления в волостях были волостной сход, собиравшийся изредка, и волостное правление, возглавляемое выборным волостным старшиной. В состав правления входили также старосты всех находившихся на территории волости сельских обществ и выборные сборщики податей. Избирались на волостном сходе и члены волостного суда, который рассматривал спорные дела и определял меру наказания за небольшие правонарушения. Оказывая содействие становым приставам (центры двух станов Брянского уезда находились в Крыжино и Фошне), судейским чиновникам, а после земской реформы 1864 г. и уездным земствам, волостные органы самоуправления были своего рода связующим звеном между крестьянством и властью, помогая ей сохранять в селениях относительно спокойную обстановку. Способствовало этому и право волостного схода исключать из сельского общества «вредных и порочных» лиц, склонных к буйству, воровству и т.п. Но нужно иметь в виду, что волости не являлись территориально-административными единицами, поскольку ведали лишь делами крестьян и их надельными землями и не имели отношения к смежным с крестьянскими наделами землям прежних помещиков и прочих владельцев.

В ходе проведения реформы 1861 г. важнейшим для крестьян, кроме получения личной независимости, был вопрос о земле, которая до реформы считалась собственностью помещиков и с которой они вовсе не хотели расставаться. Стремление помещиков сохранить за собой основную часть земли, с согласием уступить крестьянам за высокую плату усадебно-огородные участки и небольшую часть пашен, не могло стать основой для крестьянской реформы, так как неизбежно привело бы к большому социальному взрыву. Это хорошо понимали и Александр II, и те, кто подготовил «Положение» о реформе. Но полностью игнорировать настроение большинства дворян правительство не могло, и кое в чём было вынуждено идти ему на уступки. Коснулось это и крестьянских земельных наделов, которые оказались меньше, чем были до реформы, то есть появились так называемые «отрезки». Это дало основание советским историкам писать об «ограблении», «обезземеливании» крестьян и т.п.

Рассмотрим ситуацию в Брянском уезде. Здесь основная часть бывших крепостных крестьян (около 17 тыс. душ м.п.) получила земельные наделы по высшей норме, предусмотренной «Положением» для Орловской губернии (4-4,5 десятины на мужскую душу). Около 4 тыс. душ получили от

2 до 4 десятин (таким количеством земли они пользовались и до реформы), а примерно 900 согласились на бесплатный «дарственный» надел, равный 1 десятине или чуть больше. «Отрезки» (около 18 тыс. десятин) были почти у 10 тыс. душ, получивших наделы по высшей норме, и у «дарственников»; в то же время почти 3 тыс. душ получили небольшие «прирезки». В целом «отрезки» по Брянскому уезду составили около 17% всей надельной земли, что было меньше, чем в соседних Карачевском, Севском и Трубчевском уездах. Таким образом, крестьянская семья из 8-10 человек получала примерно 15-20 десятин земли. Но, если учесть, что на пашню и огороды приходилось из надельной земли примерно две трети, а остальную часть занимали усадьбы, выгон, небольшие участки лугов, кустарников и неудобья, то обеспечить себя минимумом продуктов средняя крестьянская семья могла, но произвести что-то на продажу вряд ли. С течением времени положение ухудшалось. Население росло (в 1862 г. в уезде проживало 90 тысяч крестьян, в 1900 г. – 197 тысяч), а надельная земля оставалась прежней. Если в 1860-е гг. на одного крестьянина приходилось около 2 десятин земли, то в 1890-е гг. – примерно 1,2 десятины. Отсюда – необходимость арендовать землю у бывших помещиков, искать побочные заработки, заниматься «отхожими» промыслами.

Благоприятные возможности для этого появились у жителей Брянского уезда в период строительства железной дороги от Орла до Витебска (затем движение было продлено до Риги). Это строительство довольно подробно описано в «Истории Жуковской земли» и останавливаться на нём нет необходимости. Но некоторые утверждения в главе «История Жуковки» требуют комментариев. При характеристике, «каков был транспорт в России в первой половине XIX в.», упомянуты явно не к месту картина И.Е. Репина «Бурлаки» (правильно – «Бурлаки на Волге») и стихотворение Н.А. Некрасова «Что ты жадно глядишь на дорогу». Названное стихотворение посвящено не дороге, а судьбе крестьянской девушки, хотя у Некрасова есть прямо относящееся к строительству первой в России крупной железной дороги Москва - Петербург стихотворение «Железная дорога». Картина И.Е. Репина ни тематически, ни хронологически (она написана в 1873 г.) не имеет отношения к дорогам первой половины XIX века.

Ни по форме, ни по содержанию не приемлемо утверждение: «Представители дворянства, помещики, купцы, зажиточные крестьяне, предприниматели требовали от правительства, императора соединить железной дорогой центральные, глубинные районы России с морскими портами». В нём налицо явное непонимание характера взаимоотношений императора и его подданных, которые не могли чего-то

«требовать», а могли лишь ходатайствовать, просить и т.п. К тому же такие просьбы были ненужными, поскольку в 1860-е годы правительство Александра II вело очень активно строительство железных дорог. Ведь и дорога от Орла к Брянску и далее имела смысл лишь после завершения строительства дороги Москва – Тула – Орёл – Курск - Харьков.

В повествовании о начальных годах станции и посёлка Жуковка реальные факты, к сожалению, перемешаны с неточностями и ошибками. В их числе – сведения о некоем «помещике» Н.А. Жукове, якобы владевшем землями близ д. Красной Слободки. В реальности никаких помещиков Жуковых в Брянском уезде не было. В 1860-х гг. правительство выкупило у прежнего мелкопоместного владельца Н.Н. Небольсина земли и крестьян Красной Слободки, которые стали относиться к государственным крестьянам. Если Н.А. Жуков и приобрёл в пореформенное время какие-то земли, то это не делало его помещиком. Так продолжали именовать обычно лишь тех владельцев имений, которые ещё в крепостное время ими владели. Все же прочие, которые приобрели земли и устроили на них свои усадьбы, помещиками (в точном значении слова) не являлись, даже если были дворянами (не говоря уже о купцах, мещанах или зажиточных крестьянах).

А теперь слово документу, датированному 1897 годом и названному «О поселённых при железной дороге станциях в Брянском уезде»: «Посёлок при станции Жуковке. Начал образовываться с 1870 г. с целью разработки, подготовки и сбыта лесных материалов. Земля под посёлком принадлежит дворянину Иосифу Домениковичу Ганцкевичу, надельной земле общества крестьян д. Жукóвой (Красной Слободки тож) Фошнянской волости, брянской купчихе Ольге Григорьевне Шавыриной. Отдаётся в аренду от 9 до 12 лет. Число жителей м.п. 368, ж.п. 238, всего 606, из них: крестьян 237 и 113, мещан 113 и 106, купцов 3 и 4, дворян 12 и 13, почётных граждан 3 и 3. Католиков 4 и 6, лютеран-женщин 2, иудеев 33 и 26, остальные – православные. Главные занятия жителей: торговля, служба на железной дороге и заводе Радушевича.

85 деревянных домов, кроме железнодорожных построек, 13 торговых лавок, 3 трактира, винный склад, керосиновый бак, 3 лесных склада, 4 пекарни, 2 сапожных мастерских, 3 портняжных мастерских, 1 – шапочная, чугуноплавильный завод дворянина Сергея Селивестровича Радушевича, паровая мукомольная мельница купца Фёдора Ивановича Жуковского, в здании железнодорожной станции – буфет. Торговый оборот – до 150 тыс. рублей в год. 1 церковь, 1 земская школа, отделение почтовой конторы».

Для сравнения приведём данные о соседнем посёлке Дубровке из того же описания: «Посёлок при станции Дубровка Рига – Орловской железной дороги. Возник с проведением железной дороги, около 30 лет тому назад, причина возникновения – торговля. Возведен на землях владельцев Вельчинского, Логвинова и церковной земле села Давыдчич, на арендных условиях. Жителей в посёлке 938, преимущественно крестьяне или мещане, православного вероисповедования. Строений в посёлке – 5 каменных и 113 деревянных. Торгово-промышленных заведений – 14, оборот до 1 млн. руб. Почтовое отделение».

Некоторые дополнения и уточнения, связанные с Жуковкой. Церковь во имя святого князя Александра Невского была построена в посёлке в 1896 г. и первоначально считалась приписной к Никольскому храму в Фошне, а самостоятельным приход стал с 1898 г. Основные средства на строительство церкви, а также земельный участок выделил И.Д. Ганцкевич (Гонцкевич). Был среди жертвователей для жуковского храма и священник Иоанн Кронштадтский (И.И. Сергеев), в конце XX в. канонизированный русской православной церковью как святой. Прихожанами храма в Жуковке были, кроме жителей пристанционного посёлка, также крестьяне деревень Красная Слободка (Жукóвка), Месковичи, Орловка, Сидоровка (деревня возникла в последней трети века), Титовка (небольшая деревушка с 5 дворами известна с 1860-х гг., просуществовала недолго, а потом её жители переселились севернее, близ Ветьмы) и Вышковичи. Находилась церковь не на «окраине деревни Жуковки», как об этом упомянуто в «Истории …», а на окраине посёлка (деревня располагалась между железной дорогой и Десной). Генерал А.В. Минятов (в «Истории …» фамилия названа неверно – Митяев) никогда не владел Красной Слободкой и поэтому не мог её никому продать, тем более что деревня была государственной. Впрочем, об А.В. Минятове ещё будет речь впереди.

При характеристике перемен в жизни населения Жуковской земли в пореформенные десятилетия имеет смысл привести некоторые основные демографические сведения. Для начала сравним численность крестьян в 1866 и в 1894 годах в тех сёлах и деревнях, которые существовали ещё до отмены крепостного права и насчитывали тогда не менее 50 жителей. Селения перечислены далее по мере уменьшения количества населения, а в скобках указано число крестьянских дворов.

Итак, сведения за 1866 год: с. Речица – 806 крестьян (73), д. Ходиловичи вместе с Ходиловичской слободой – 695 (62), с. Овстуг – 670 (49), с. Фошня – 594 (54), с. Белоголовль – 514 (55), с. Крыжино – 457 (47), д. Костыли – 440 (48), сц. Леденёво – 400 (40), д. Касилова – 390 (28), д. Ситковичи –

337 (29), д. Дорогинь – 326 (34), сц. Нешковичи – 301 (27), д. Дятьковичи – 288 (21), д. Александровка – 274 (30), д. Стипково – 256 (29), сц. Песочня – 253 (19), д. Летошники – 230 (25), д. Велия – 230 (21), сц. Месковичи – 219 (18), с. Быковичи – 218 (24), сц. Пруссы – 217 (18), д. Новое Лавшино – 204 (18), д. Гришина Слободка – 203 (17), д. Старое Лавшино – 190 (20), д. Митьковщина – 174 (13), д. Дуброславичи – 172 (16), с. Вщиж – 169 (16), с. Токарёво – 167 (18), д. Лелятино – 162 (16), сц. Матрёновка – 162 (12), сц. Рудное – 161 (15), д. Неготино – 153 (14), д. Вышковичи – 153 (14), д. Погореловка – 149 (16), д. Саково – 134 (17), д. Шамордино – 125 (11). В остальных селениях было менее 110 крестьян и не более 10 дворов.

Из сведений 1894 г. сообщим лишь о числе жителей в 20 наиболее крупных селениях Жуковской земли: Речица – 1120, Ходиловичи (вместе со слободой Петуховкой) – 1098,. Овстуг – 997, Белоголовль – 794, Фошня – 701, Касилово – 587, Александровка – 551, Костыли – 501, Дятьковичи – 479, Летошники – 450, Дорогинь – 429, Шамордино (включая Ситковичи) – 426, Гришина Слободка – 420, Велия – 411, Крыжино – 404, Месковичи – 395, Стибково – 394, Леденёво – 392, Быковичи – 391, Упруссы – 367.

Ещё полтора десятка селений (Нешковичи, Вщиж, Дуброславичи, Старое Лавшино, Песочня, Митьковщина, Новое Лавшино, Николаевка, Вышковичи, Лелятино, Матрёновка, Никольская Слобода, Саково, Токарёво, Струговня) насчитывали от 350 до 200 жителей. Что касается д. Красной Слободки (Жукóвки), то в ней в 1866 г. в 5 дворах проживал 61 крестьянин, а в 1894 г. насчитывалось 109 человек. Словом, за 28 лет население Жуковской земли увеличилось примерно в полтора раза.

Число жителей продолжало расти и в последующие годы. Так, в 1904 г. население Фошни перевалило за тысячу (966 – крестьяне, 37 – семьи духовенства, 10 – дворяне из семьи врача). Был заметный рост и в других селениях Фошнянской волости: в Касилово – 659, в Александровке – 612, в Велие – 510, в Красной Слободке – 152. А вот в Ходиловичах вместе с Петуховкой жителей за 10 лет стало немного меньше (786 и 264 соответственно). Примечательно, что в некоторых селениях волости появились мещанские дворы.

В приводимых перечнях уже не упоминается слово «дворовые», потому что после реформы 1861 г. все дворовые стали вольными, но в отличие от крестьян земли не получили. Те из дворовых, которые владели каким-либо ремеслом, могли устроиться в городах, но немалая их часть оставалась в домах своих прежних господ на положении вольнонаёмной прислуги, подобно старому Фирсу в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад».

В перечне 1866 г. изредка ещё встречается слово «сельцо» по отношению к тем селениям, где прежние помещики продолжали некоторое время оставаться. В сельце Пруссы продолжал жить Н.В. Вепрейский, в сц. Леденёво – Правиковы, в сц. Нешковичи – Коровкевичи, в сц. Рудном – Лапушкины, в сц. Месковичи – Надеины, в сц. Матрёновке – Потресовы. А в Песочне появилось даже два сельца. В 1860-е гг. отставной поручик Александр Иванович Дриль и его жена, Евдокия Ивановна, стали здесь владельцами двух опустевших господских домов, ранее принадлежавших И.С. Мясоедову и И.П. Игнатьеву (отцу Е.И. Дриль), и более 480 десятин прилегающих земель, а также лесных участков близ Быковичей, Дятьковичей и Лелятина. Были оформлены две купчие: отдельно на мужа и на жену. Так и появились два сельца. Кроме того, в общем владении супругов было 900 десятин леса близ Крыжина и Угости. К концу века общее имение А.И. Дриля и его супруги расширилось до 1600 десятин и выделялось лучшей организацией полеводства (здесь появились картофельные поля и начало развиваться травосеяние), скотоводства (за счёт племенного дела), садоводства, а также устройством кирпичного завода. Но уже в 1910 г. Брянская управа отмечала, что «выдающихся частновладельческих хозяйств в уезде не имеется».

В некоторых сёлах также оставались усадьбы бывших господ. Так, в с. Токарёво до конца века сохранялось многое из старого быта при упомянутом ранее Р.И. Алымове, который сберёг для своих наследников и усадьбу, и около 600 десятин земли. В с. Быковичи оставался дом его младшего брата, Николая Ивановича Алымова, который к прежним землям близ Быковичей и бывшей деревни Мокрой прикупил ещё большой лесной участок, так что в 1880-х гг. он владел уже более 1600 десятин земли. К концу века Н.И. Алымов, ставший действительным статским советником (этот чин он получил за длительную активную службу в Брянском уездном земстве), решил возродить жизнь «в урочище Мокром» (так называли место прежней деревни) и построил там дом, в котором временами жил. Так поблизости друг от друга оказались два хутора: Алымов и Козёлкин. Разница была в том, что крестьяне Козёлкина хутора получили немного надельной земли, а жители Алымова хутора такой земли не имели.

Оставался господский дом и в селе Вщиж, в котором продолжала жить Вера Михайловна Зиновьева (в замужестве – Фомина), давняя знакомая Ф.И.Тютчева. В 1871 г. во время своего последнего посещения Овстуга поэт побывал и во Вщиже. Памятником этой поездки стало одно из лучших стихотворений Фёдора Ивановича – «От жизни той, что бушевала здесь…»

А в Овстуге после отмены крепостного права продолжали оставаться дома трёх прежних помещиков: полковника Николая Ивановича Тютчева, штабс-капитана Николая Алексеевича Мамаева и генерал-майора Дмитрия Петровича Суходольского. Н.А. Мамаев имел ранее только дворовых людей, но владел 260 десятин земли при с. Овстуг и сц. Песочне, а также двумя водяными мельницами. У его сына Михаила к началу XX в. осталось около 200 десятин земли. Д.П. Суходольский имел в Овстуге примерно сотню подданных и после отмены крепостного права не только сохранил свои земельные владения, но и преумножил их – к середине 1880-х гг. за ним было более 800 десятин земли. Дослужившись до звания генерала от кавалерии, Д.П. Суходольский скончался в 1886 г., а наследниками его овстугских владений стали младшие братья, офицеры Василий Петрович и Пётр Петрович, сохранившие к началу XX в. лишь около 300 десятин. Все названные братья Суходольские были родовыми дворянами из Мещовского уезда Калужской губернии. Оттуда же был и их близкий родственник, известный художник-пейзажист Пётр Александрович Суходольский (1835-1903). Не исключено, что он мог навещать родственников в их овстугском имении, но достоверных сведений об этом обнаружить не удалось.

После смерти Ф.И.Тютчева наследником его владений в Овстуге, Речице и близлежащих деревнях стал Иван Фёдорович Тютчев (1846-1909), которому принадлежало около 1900 десятин земли. Его мать, Эрнестина Фёдоровна, хотя и покинула Овстуг после смерти мужа, продолжала владеть многими землями в Брянском уезде. В 1880-х гг. за ней при деревнях Дятьковичи, Митьковщина, Спинка и Струговня числилось свыше 3 тысяч десятин земли, а также 3 водяные мельницы. После смерти Э.Ф. Тютчевой в 1894 г. эти владения также перешли к И.Ф. Тютчеву, так что за ним к концу XIX в. было уже более 5 тыс. десятин земли.

Многие бывшие помещики Брянского уезда не сумели приспособиться к изменившимся в пореформенное время условиям и утратили свои прежние владения, которые перешли в руки новых хозяев – не только дворян, но и купцов, мещан и крестьян. К примеру, в 1887 г. в числе частных владельцев земли в Брянском уезде было 220 дворян (им принадлежало свыше 125 тыс. десятин), 40 купцов (свыше 55 тыс. десятин), 176 мещан (12 тыс. десятин) и около 400 крестьян (более 14 тыс. десятин). К 1905 г. число дворян, владевших землёй в уезде, сократилось до 115, а принадлежало им примерно 77 тыс. десятин.

Наиболее примечательным из новых владельцев был выходец из крепостных крестьян, активный предприниматель, получивший за свою благотворительность звание тайного

советника, Пётр Ионович Губонин. Он приобрёл в Брянском уезде более 14 тыс. десятин земли, преимущественно – лесов. К его владениям, помимо уже упоминавшейся Гостиловки, относились ранее принадлежавшие графам Олсуфьевым земли голубеевского имения около разъезда Дубовец (позже – станции Олсуфьево), а также лесные дачи близ деревень Лелятино и Новое Лавшино. Ему здесь принадлежали два паровых лесопильных завода, две железнодорожные ветки – 6 вёрст от разъезда Дубовец в соседние лесные дачи и 9 вёрст в лесную дачу близ д. Умысличи (эта старинная деревня в 1929-1959 гг. входила в Жуковский район, а ныне обезлюдела).

В 1890 г. два больших лесных участка близ с. Быковичи, д. Лелятино и Козёлкина хутора (общей площадью около 6 тыс. десятин) приобрёл князь Вячеслав Николаевич Тенишев. Впрочем, о П.И. Губонине и В.Н. Тенишеве речь ещё будет.

Близ Гришиной Слободки и в соседних местах приобрёл более полутора тыс. десятин земли дворянин Каликст Павлович Ленский. В 1880-х гг. свыше 600 десятин земли при хуторе Глинки, урочище Репешкино и близ д. Месковичи приобрёл начальник Брянского Арсенала генерал-майор Арнольд Викентьевич Минятов. В 1891 г. он умер, будучи холостяком, а своим наследником объявил племянника Константина Александровича Минятова (1874-1918), бывшего в это время студентом юридического факультета Петербургского университета. Константин с юности увлёкся революционными идеями и, поселившись в Глинках вместе с молодой женой Надеждой Павловной, слушательницей Высших женских курсов в Петербурге, стал одним из первых на Брянщине пропагандистов идей марксизма среди рабочих Бежицы и других заводских посёлков. Оказался под негласным надзором полиции. Позже, продав имение в Глинках, К.А. Минятов стал присяжным поверенным и занимался адвокатской практикой. Летом 1918 г. он приехал в Екатеринбург ходатайствовать об освобождении арестованного большевиками епископа Тобольского и Сибирского Гермогена (Долганёва), но сам был арестован и вскоре расстрелян. Почитается русской православной церковью как мученик.

Вот ещё некоторые из заметных землевладельцев, появившихся на Жуковской земле в пореформенное время: статский советник Михаил Павлович Эльтеков, купивший около 400 десятин земли близ с. Белоголовль и соседних деревень; брянский купец Иван Николаевич Вязьмитинов, который приобрёл более тысячи десятин лесных дач близ д. Летошники; брянский мещанин Петр Николаевич Шавырин, купивший в 1883 г. около 260 десятин земли близ Гришиной Слободки; крестьянин Дмитрий Тарасович Агеев, который приобрёл в 1894 г. лесную дачу (свыше 600 десятин) близ с.

Речицы; отставной поручик Денис Кузьмич Глаголев (почти 800 десятин лесных дач близ с. Фошни и д. Николаевки), провизор Павел Филиппович Асмус (200 десятин при тех же селениях), дворянин Иосиф Доменикович Гонцкевич (более 900 десятин лесных дач близ с. Быковичи, д. Нешковичи, а также при д. Красной Слободке).

Последний из названных заслуживает внимания читателей. Иосиф Доменикович Гонцкевич происходил из польско-литовского дворянского рода. Оказавшись в 1870-х гг. на Брянщине, стал не только заметным предпринимателем (членом правления АО Брянского завода, заведующим лесным хозяйством при Жуковско-Акулицкой железнодорожной ветке), но и благотворителем. В 1890-х гг. он был основным жертвователем при строительстве каменного храма в Жуковке, а также выделил землю (15 десятин) для его служителей; в 1913 г. безвозмездно передал правлению АО Брянского завода 5 десятин земли для строительства санатория в лесу близ станции Жуковка. К сожалению, установить даты жизни И.Д. Гонцкевича не удалось, но его сыновья Евгений, Александр и Владимир продолжили добрые дела отца – в том числе и на Жуковской земле (об этом – немного позже).

Стоит отметить и упомянутого ранее Михаила Павловича Эльтекова. Он родился в 1843 г. в Брянске, где его отец работал учителем в местном училище; окончил юридический факультет Харьковского университета, а в 1870-1880-х гг. работал мировым судьёй в Брянском уезде. Его брат, Александр Павлович Эльтеков (1846-1894), также родился в Брянске, окончил химический факультет Харьковского университета, позже стал известным учёным, профессором Киевского университета, но, не дожив до 50 лет, умер от туберкулёза. Его четверо детей, оставшихся сиротами, жили позже в с. Новосёлки Брянского уезда, где находилось небольшое имение старшего из братьев, Михаила Павловича. Сам он появлялся там изредка, поскольку служил в конце века в Лифляндии, а заботу о детях взяла на себя их тётя – Софья Павловна Эльтекова. Хозяйственные дела в имении вёл младший из братьев, Николай Павлович, выпускник юридического факультета Харьковского университета, позже - присяжный поверенный по делам жителей Брянского уезда. Один из сыновей А. Эльтекова, Павел Александрович, живший в Клявичах, в 1906 г. обвинялся в антиправительственной агитации среди крестьян.

Прежние господские дома во Вщиже и сельце Рудном, а также прилегающие к ним земли (соответственно 350 и 120 десятин) приобрели коллежский асессор Н.Н. Анисимов и его жена. Фамилия шотландских выходцев Лесли, давшая нескольких генералов российской армии, связана в основном

со Смоленской губернией, но в конце века некоторые из этой фамилии приобрели более 500 десятин земли близ деревень Погореловки и Приютино в Фошнянской волости и там появился хутор Лесли. В 1901 г. лесную дачу близ Фошни (около 870 десятин) приобрёл купец Полтель Аввадиевич (Лейбович) Француз, построивший к тому времени лесопильный завод в Жуковке. Кроме него, в начале XX в. на территории Брянского уезда, не входившего в черту оседлости для иудеев, появилось немало еврейских землевладельцев: Лейба Гиршевич Зеликин, Исай Мовшевич Либинсон, Натан Исаакович Гуревич, Михаил Абрамович Поляк, Арон Мордухович Хазанов, Самуил Георгиевич Хайновский, Ева Иосифовна Чечотт и другие. Все перечисленные владели землями (в основном – лесами) от 300 десятин и больше.

Однако на Жуковской земле были примечательные личности не только среди крупных землевладельцев и предпринимателей. Вот лишь некоторые примеры. В конце XIX в. на территория Брянского уезда были 4 медицинских участка. Центры двух из них находились в Фошне и Угости. С 1878 по 1889 г. земским врачом в небольшой больнице в Фошне работал Николай Иванович Русанов, выпускник Петербургской медико-хирургической академии, снискавший за свой бескорыстный труд и отзывчивость любовь жителей Фошнянской волости. Когда в декабре 1899 г. он скоропостижно скончался, благодарные пациенты установили на его могиле памятник, деньги на который собирали «всем миром». На памятнике, помимо дат жизни (1851-1899) и упоминания, что он «жил в селе Фошня и служил народу 21 год», есть примечательный текст. Вот он без сокращений: «Правда и любовь твоя не забудутся. В душах наших ты пребывал среди наших скорбей, и мы делаем тебя наследником наших сердец. Ты оставил имя, и оно, хвала твоя, будет жить среди нас из рода в род. Слава твоя не исчезнет вовек. Помним, плачем, рыдаем и не забудем». На тыльной стороне памятника: «Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего. Отцы, матери и дети – вечно признательные и неизменные твои почитатели. Человеку, другу, врачу». Многие последующие события привели к исчезновению Фошни и запустению Фошнянского кладбища. Оказалась заброшенной и осквернённой и могила Н.И. Русанова. Но в начале XXI в. в Жуковске нашлись небезразличные к человеческой памяти люди, заново благоустроившие могилу.

Заслуживает доброй памяти и выпускник Харьковского университета Александр Константинович Пушкарёв, работавший более четверти века врачём в Угостьской лечебнице (с 1890 г.).

В 1873 г. в соседней с Фошней деревне Касилово родился у местного сапожника Семёна Казакова сын Иван, ставший позже талантливым художником. В 1888-1894 гг. он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в классе видного художника-передвижника Владимира Егоровича Маковского, а в 1894-1898 гг. – в Высшем художественном училище при Академии художеств у его не менее знаменитого брата – Константина Егоровича Маковского. Две картины И.С. Казакова, написанные в те годы, ныне находятся в Русском музее: «У деревенского сапожника» (1896) и «В приёмной сельской больницы» (1898). Картины связаны с близкой художнику сельской жизнью и хорошо известными ему людьми: родным отцом и врачом Н.И. Русановым. За вторую картину И.С. Казакова наградили золотой медалью и отправили за казённый счёт в заграничную поездку. Посетив Италию, Францию, Германию, художник вернулся в Россию. Среди его позднейших работ были жанровые картины, пейзажи, портреты (в частности, «Портрет Льва Толстого»), но судьба большинства его картин («Пряхи», «От заутрени», «Мельница» и других) неизвестна. С 1906 г. И.С. Казаков жил и работал в Ташкенте, где, помимо художественного творчества, занимался преподавательской деятельностью и до революции, и позже. В 1930 г. в местной газете появилась заметка типа доноса, что художник обучает своих учеников «по старинке» и поэтому вреден для новой жизни. «Сигнал» газетчика был замечен местными органами, и И.С. Казакова сослали на три года в Душанбе (тогда – Сталинабад), поближе к местам частых вылазок басмачей. Отбыв срок ссылки, художник вернулся в Ташкент, где вскоре (в 1935 г.) скончался.

К счастью для России, в стране (в том числе – на Брянщине) всегда было немало людей, чьи знания, организаторские способности и творческие дарования служили не личной корысти, а народу и Отечеству. В пореформенное время, помимо дворян, всё большую роль в жизни страны начали играть разночинцы – выходцы из разных сословий, сумевшие получить определённое образование и стремившиеся полнее реализовать свои способности в общественной, научной и культурной жизни Отечества. Именно с деятельностью многих разночинцев связано заметное оживление научной и инженерно-технической мысли, пропаганда сельскохозяйственных знаний, развитие школьного дела и здравоохранения, появление бесплатных земских библиотек-читален (одна из них - в с. Фошня) и другие положительные перемены в российской жизни.

Однако немалая часть разночинческой молодёжи, увлечённая утопическими идеями о возможности быстрого переустройства общества и достижения социальной

справедливости через социалистическую революцию, вместо созидательной работы по постепенному обновлению страны встала на путь борьбы за свержение царской власти. Нигилисты-«шестидесятники», лозунгами которых стали слова «звать Русь к топору» и «бить императорскую партию всюду» (последний призыв – из прокламации 1862 г. «Молодая Россия»); первое покушение на императора Александра II, совершённое в 1866 г. Д. Каракозовым; нашумевшее «нечаевское дело» конца 60-х гг. (его материалы были использованы в известном романе Ф.М. Достоевского «Бесы»); «хождение в народ» 70-х гг. и, наконец, террор, развязанный «Народной волей», который завершился цареубийством Александра II 1 марта 1881 г., – таковы основные вехи на путях (вернее – на беспутьях) русских революционных фанатиков, а также их польских, украинских и еврейских единомышленников в тщетных попытках поднять крестьянство на борьбу с царизмом. Итогом стала гибель многих из них, а также приостановка дальнейшего реформирования страны.

Революционная пропаганда 1860-1880-х годов мало затронула население Брянского уезда, а из его уроженцев упомянем Николая Алексеевича Зиновьева (1845-1920-е гг.), родившегося в дворянской семье села Княжичи (ныне почти опустевшее селение – в Жирятинском районе). Окончив Артиллерийскую академию, молодой офицер в период службы в Петербурге сблизился с народниками «Земли и воли», а позже – с военной организацией «Народной воли». Дважды арестовывался, провёл под следствием около трёх лет в тюрьме, но из-за отсутствия убедительных доказательств вины был выслан в родовое имение Княжичи под надзор полиции. В 1887 г. Н.А. Зиновьев, получив разрешение властей, выехал для работы в пароходстве на Амуре, в конце 1870-х гг. был избран директором товарищества Амурского пароходства. Работая там, немало сделал для хозяйственного и культурного развития Приамурья. В начале XX в. в Петербурге была издана его небольшая книжечка «Очерки Приамурского края и его значение для России» – первый опыт подобного исследования. До конца своих дней жил в Благовещенске. Вполне возможно, что у Н.А. Зиновьева сохранялись какие-то связи с Брянским уездом, пока был жив его престарелый отец, отставной поручик Алексей Фёдорович Зиновьев, до начала XX в. владевший княжичским имением.

Сколько-нибудь заметных волнений среди крестьян Брянского уезда в пореформенные десятилетия не происходило (упомянем лишь, что крестьянин д. Месковичи Архип Степанов с 1894 г. находился под надзором полиции, а в следующем году арестовывался). Дело, очевидно, не в

пассивности крестьян, привыкших все вопросы решать «миром» (в двух значениях этого слова), а в том, что экономическое положение крестьян Брянского уезда, хотя и оставалось трудным, было всё же предпочтительнее, чем в соседних уездах. В 1900 г. в Брянском уезде около 3,5 % крестьянских дворов имели задолженность по налогам и другим платежам, а в соседних Карачевском и Трубчевском уездах подобных должников насчитывалось 23-25 %. Выше, чем у крестьян соседних уездов, была в Брянском уезде обеспеченность лошадьми и крупным рогатым скотом, а количество безлошадных дворов было меньше.

Что касается надельной земли, то её количество на каждого крестьянина с течением времени всё более уменьшалось, составляя в 1900 г. 1,1 десятины на одного крестьянина. На крестьянский двор в среднем приходилось около 8-10 десятин земли, но между отдельными селениями была существенная разница. Там, где количество дворов заметно росло (преимущественно за счёт дробления семей), надельной земли на каждый двор приходилось значительно меньше. Так в 1905 г. обстояло дело в Козёлкинском сельском обществе Князицкой волости (66 десятин на 12 дворов), Вышковском сельском обществе Салынской волости (240 десятин на 60 дворов). В Фошнянской волости наименьшее количество надельной земли на двор было в Николаевке (200 десятин на 40 дворов); в Овстугской волости – в сельце Рудном (160 десятин на 45 дворов), в Неготино (220 десятин на 42 двора), в Токарёво (200 десятин на 47 дворов), во Вщиже (230 десятин на 46 дворов). В селениях, где сохранялись крупные семьи, ситуация была другой: в двух сельских обществах Овстуга на 120 дворов приходилось 2240 десятин надельной земли, в Струговском обществе – 490 десятин на 27 дворов, в Шамординском обществе – 710 десятин на 65 дворов.

Крестьяне, конечно, стремились в своих хозяйствах получить больше продукции от земледелия и скотоводства, чтобы обеспечить семьи хотя бы минимумом необходимого до нового урожая. Но недостаточное количество пахотных земель и особенно сенокосов заставляло их обращаться к соседним землевладельцам, соглашаясь на своеобразную добровольную барщину. За арендованную землю крестьяне обычно не платили денег, а отдавали владельцу земли половину урожая или долю (обычно две трети) убранного на лугах сена.

Возможность повысить урожайность на надельных землях при трёхпольной системе была незначительной, хотя некоторые перемены в земледелии наблюдались. Всё большие площади начали отводиться в пореформенное время под картофель, постепенно ставший одной из главных продовольственных культур и оттеснивший на задний план

репу. В начале XX в. площади под картофелем в Брянском уезде уступали только ржи, овсу и гречихе. Заняв основное место на огородах, картофель начал появляться и на полях, что приводило к смене трёхпольной системы земледелия многопольем. В дореформенное время, когда некоторые помещики организовали работу свеклосахарных заводов, близ отдельных селений (на Жуковской земле – близ Овстуга) появились посевы сахарной свёклы, но с 1870-х гг. производство сахара переместилось в более южные районы, где свёкла заметно сахаристее. Вместо сахарной свёклы в Брянском уезде начали кое-где сеять кормовую свёклу. У некоторых частных владельцев появились сеяные травы: клевер, вика (иногда – вместе с овсом), реже – тимофеевка. Травосеяние не только давало дополнительный корм для скота, но и улучшало структуру почвы, делая её плодороднее. Однако во многих крестьянских хозяйствах запасы кормов к весне иссякали, и, чтобы поддержать ослабевший за зиму скот, приходилось снимать часть соломы с крыш сараев и изб.

Повседневные хозяйственные трудности, присущие крестьянской жизни, усугублялись государственными тяготами в виде выкупных платежей, отменённых только в 1905 г., и прочими податями. Ведь избыточной продукции, рассчитанной на продажу, большинство крестьян Брянского уезда не производило. Да и сельская торговля была развита слабо. Лишь в волостных сёлах Фошне и Овстуге, а также в соседнем селе Голубея периодически проводились торжки да в Фошне дважды в год устраивались ярмарки местного значения, где крестьяне продавали скот, мясные и молочные продукты, конопляное масло, подсолнечные семечки, а также изделия местных умельцев-кустарей. Можно добавить, что в Фошне были 4 продуктовых лавки, пивная лавка и казённая винная лавка (винные лавки были ещё в Овстуге, Князичах, Песочне и Упруссах, а пивные лавки в Жуковке, Олсуфьево и Ржанице). Только к концу первого десятилетия XX в. торговля на Жуковской земле начала заметно расти. Стали проводиться ярмарки в сёлах Быковичи (в августе) и Овстуге (в сентябре), а также в посёлке Жуковка, где однодневные ярмарки устраивались четыре раза в году: 8 июля, 30 августа, 1 и 22 октября (все даты до 1918 г. – по старому стилю).

Но основные денежные средства крестьяне Брянского уезда получали не от местной торговли, а от работы на железных дорогах и в промышленности. Прошедшая по Жуковской земле железная дорога Орёл - Рига, а также построенная в начале 1880-х гг. железная дорога Жуковка - Людинка (позже – Клетня) нуждались не только в грамотных специалистах, но и в рабочих: строителях, ремонтниках, путевых обходчиках. Нужны были рабочие и на

железнодорожных станциях: грузчики, стрелочники и т.д. На территории будущего Жуковского района к концу XIX в. действовало три станции: Жуковка (её описание уже было приведено ранее), Олсуфьево (до 1892 г. – платформа и полустанок Дубовец, по названию ближайшей деревни, соседней с Голубеей) и Никольская, после революции переименованная в Белоглавую. Главными грузами, отправляемыми с этих станций, были деловая древесина и пиломатериалы. Так, по описанию 1902 г., на станции Олсуфьево грузили до 300 тыс. пудов лесоматериалов, доставляемых с принадлежащего брянскому купцу В.М. Авраамову лесопильного завода, снабжённого паровым двигателем и распиливавшего ежегодно до 25 тыс. брёвен. На станции Никольской тогда же грузили до 440 тыс. пудов грузов, преимущественно – лесных материалов. В начале XX в. появились станции Ржаница (с 1870 г. – полустанок), Тросна и Красная – все они относились к Овстугской волости.

Одним из руководителей строительства железной дороги Орёл-Витебск, прошедшей через Брянский уезд, был Пётр Ионович Губонин (1825-1894). Хотя о нём в «Истории земли Жуковской» приведено немало сведений, кое-что дополнить и уточнить не будет лишним. Как «каменных дел мастер», Пётр, будучи крепостным, участвовал в строительстве упомянутого ранее шоссе Москва - Брест. С получением «вольной» его предпринимательская деятельность стала ещё активнее, особенно в железнодорожном строительстве. Приобретя значительные капиталы, П.И. Губонин немалую часть средств тратил на благотворительность. К примеру, в 1865 г. в Москве им была построена школа для бедных детей, преобразованная в следующем году в Комиссаровское техническое училище – такое название было дано по фамилии крестьянина, спасшего Александра II в 1866 г. во время первого покушения на императора. Многие годы П.И. Губонин был почётным попечителем этого училища.

В 1871 г. П.И. Губонин и инженер В.Ф. Голубев основали акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, который и начали строить на принадлежавшей П.И. Губонину земле между станцией Бежицкой и рекой Десной. Закупкой оборудования для нового завода, его установкой и организацией производства занимались В.Ф. Голубев и проживавший возле ст. Бежицкой предприниматель В.Ф. Крахт, вскоре назначенный директором завода. Хотя завод назывался Брянским, в реальности он находился в посёлке Бежица, который возник вокруг завода и быстро разрастался.

Сам П.И. Губонин заводскими делами в Бежице занимался мало, будучи участником. а порой и руководителем

других финансовых и производственных начинаний. В частности, он возглавлял в 1870-х гг. строительство железной дороги от станции Лозовая (южнее Харькова) до Севастополя. За активное участие в хозяйственном развитии России и благотворительную деятельность П.И. Губонин по указу императора Александра II получил права потомственного дворянина. Длительное время его компаньоном в делах был В.А. Кокорев, известный московский предприниматель и общественный деятель «русофильского» направления. В частности, компаньоны были первыми, кто начал промышленную добычу и переработку нефти в районе Баку. Но вот строительство Уральской и Оренбургской железных дорог принесло Губонину и Кокореву крупные убытки. Губонин был вынужден продать акции Брянского завода и земли в окрестностях Бежицы. Взамен он приобрёл земли на южном берегу Крыма, где главным местом его пребывания стал посёлок Гурзуф, для благоустройства которого им было вложено немало сил и средств. Здесь П.И. Губонин скончался в 1894 г. и был погребён в склепе под полом построенного им храма. Там же вскоре упокоилась и его супруга Марина Севастьяновна. В 1932 г. этот храм был разрушен, а останки супругов Губониных, по сведениям старожилов, были замурованы в склепе на Гурзуфском православном кладбище.

Так что имевшая хождение среди жуковских жителей версия, будто П.И. Губонин был похоронен рядом с церковью в Жуковке, противоречит фактам. Но нельзя исключать вероятность того, что кто-то из Губониных действительно был похоронен там. Попытаемся разобраться. У Петра Ионовича было два сына: Сергей Петрович (1852-1909) и Николай Петрович (1861-1918 ?). Младший из сыновей и члены его семьи, по всей вероятности, не имели отношения к владениям Губониных в Брянском уезде. Могилы Николая Петровича, его жены, сына и дочери находятся рядом на Новодевичьем кладбище в Москве, но год смерти Н.П. Губонина, указанный на его могильной плите, вызывает серьёзные сомнения. В четвёртом томе альманаха «Река Времён» (М, 1996), содержащем собранную в 1912 г. картотеку русского провинциального некрополя южных губерний, Николай Петрович показан как погребённый в Гурзуфе вместе с родителями. По-видимому, в 1932 г. его дочь Ольга сумела перевезти останки отца на Новодевичье кладбище, где уже находились могилы его супруги и сына, и перезахоронить там, но при этом дата смерти оказалась неточной (вероятно, 1908).

Старший сын П.И. Губонина, Сергей Петрович, наверняка бывал в имении отца в Гостиловке. В документах есть сведения, что среди землевладельцев Брянского уезда были его жена Мария Алексеевна (1856-1918) и сын Сергей

Сергеевич (1878-1918). Вероятно, что гостиловское имение П.И. Губонина после его смерти было унаследовано старшим сыном, постоянно жившим в Москве, а тот передал его своему сыну коллежскому асессору Сергею, не раз упоминаемому в документах по Брянскому уезду (избирался гласным уездного земства, был земским начальником одного из участков и т.д.). В 1906 г. в Гостиловке и Борче С.С. Губонину принадлежало 945 десятин земли. Его мать, Мария Алексеевна, приобрела в 1900-1901 гг. две обширных лесных дачи близ деревень Летошники и Умысличи общей площадью 10900 десятин (попутно сообщим, что в книге «Из истории селений Брянского района» по недосмотру автора Мария Алексеевна ошибочно названа «вдовой» П.И. Губонина, а правильно надо – «невесткой»). Наиболее вероятно, что именно Сергей Сергеевич Губонин был похоронен близ жуковской церкви.

Помимо Губониных, непосредственное отношение к Жуковской земле с 1870-х гг. до 1917 г. имели представители ещё одной известной фамилии – князей Тенишевых. Первым из этой фамилии на Брянщине появился князь Вячеслав Николаевич Тенишев (1844-1903). Поскольку о нём и его второй жене, Марии Клавдиевне (1858-1928), за последние годы появилось немало публикаций, ограничимся краткими сведениями. Сначала о том, о чём умалчивают или мельком упоминают многие авторы: Вячеслав Николаевич смог стать тем известным в России в последней четверти XIX в. деятелем лишь благодаря своей первой жене, Анне Дмитриевне, в девичестве – Замятниной (1851-1934), дочери видного государственного деятеля, министра юстиции Д.Н. Замятнина. Князь В.Н. Тенишев, при всём своём уме и организаторских способностях, имел серьёзные слабости: был пристрастен к «горячительным» напиткам и являлся азартным карточным игроком. К моменту женитьбы у него не было ни средств для активного предпринимательства, ни заметного общественного положения. В этой ситуации его молодая жена, искренне любившая мужа, продала своё лучшее имение в селе Бежичи Брянского уезда и приобрела на имя мужа крупный пакет акций Брянского завода, равный тем, что внесли основатели акционерного общества П.И. Губонин и В.Ф. Голубев – 200 тысяч рублей. В результате князь В.Н. Тенишев с 1873 г. стал членом правления акционерного общества Брянского завода, а затем и председателем правления. Здесь и раскрылись потенциальные способности князя как энергичного и умелого организатора. Под его руководством Брянский завод стал крупнейшим предприятием Брянщины, а производимая здесь продукция получила всероссийскую известность.

На этом фоне личность княгини Анны Дмитриевны, всегда державшейся скромно, как бы стушёвывалась, а её

заслуги перед жителями Бежицы не всегда замечались, хотя и были очень существенными. Две школы, две церкви, больница, детский сад-ясли появились в посёлке, пока там жила Анна Дмитриевна в 1874-1890 гг., и были результатом её активной работы с правлением АО «Брянский завод» или же организованы княгиней (порой – за собственные средства). В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. княгиня А.Д. Тенишева организовала в Бежице работу госпиталя для раненых русских воинов и являлась уполномоченной Брянского уездного комитета попечения больных и раненых солдат, у которых оставила добрую память, как и у жителей заводского посёлка. Позже была попечительницей всего больничного дела при Брянском заводе. Несмотря на рождение сына, названного по имени мужа, её семейная жизнь с князем В.Н. Тенишевым оказалась трудной. Её увещевания, адресованные князю, отказаться от вредных привычек, встречались им негативно, и после очередного крупного карточного проигрыша Анна Дмитриевна оставила мужа и вместе с сыном в 1890 г. покинула Бежицу. Позже жила либо в Брянске, либо в небольшом имении близ лесопильного завода около д. Лелятино, а в конце века переселилась в имение Александровку Мценского уезда. Устроила несколько школ в окрестных селениях, а затем организовала в г. Мценске школу для девочек, где наряду с учебными предметами девочки из бедных семей бесплатно обучались кружевному делу. Вскоре Мценская школа кружевниц получила известность высоким качеством своих работ. Примечательно, что ни в 1905, ни в 1917 гг., когда крестьянами разорялись многие дворянские усадьбы, имение княгини А.Д. Тенишевой не пострадало.

Намного более известной была вторая (с 1892 г.) жена князя В.Н. Тенишева – урождённая Мария Клавдиевна Пятковская, затем (по отчиму) – Мария Морицовна фон Дезен, а после первого замужества – Николаева, вновь ставшая Марией Клавдиевной. Вообще в биографии этой незаурядной женщины много неясностей, начиная со времени рождения. Обычно в справочной литературе годом её рождения указывается 1867-ой, но в реальности она была старше примерно на десяток лет. Не случайно в изданных посмертно воспоминаниях «Впечатления моей жизни» (переизданы в России в 1991 г.) нет даже косвенных намёков на год рождения. Впрочем, вдаваться в подробности биографии княгини М.К. Тенишевой нет необходимости: за последние десятилетия о ней многое написано, а само пребывание княгини на Брянщине не было продолжительным. Да и степень её влияния на жизнь заводского посёлка Бежицы преувеличена. Ведь жила княгиня в нём не годы, а лишь недели (она сама признавалась в воспоминаниях: «Холодно мне было среди

этих некультурных людей»). Не случайно даже название посёлка княгиня в своих воспоминаниях приводит неточно – Бежеца. Вскоре В.Н. Тенишев купил на имя жены расположенное поблизости имение Хотылёво, где построил дом-дворец и провёл большие работы по благоустройству усадьбы, в которой М.К. Тенишева и проводила первоначально основную часть времени. Но и в этом красивом месте на берегу Десны княгиня прожила не очень долго.

Уже в 1893 г. была приобретена на её имя ещё одна усадьба – в д. Талашкино близ Смоленска. Мария Клавдиевна постаралась превратить Талашкино в один из очагов российской культурной жизни, постоянно приглашая туда в летние месяцы известных художников и других деятелей искусства. Здесь на Смоленской земле и родилась известность княгини среди художественной интеллигенции России, благодаря весьма немалым финансовым расходам мужа. Князь В.Н.Тенишев оплачивал не только культурные начинания жены, но и её портреты, выполненные такими знаменитыми и «дорогими» мастерами, как И.Е. Репин (несколько работ), В.А. Серов, скульптор П.П. Трубецкой (каждый портрет стоил не одну тысячу рублей). Для сравнения – после первой жены князя, Анны Дмитриевны, чуждой всякого тщеславия, не осталось ни портретов, ни даже фотографий.

В конце XIX в. княжеская чета В.Н. и М.К. Тенишевых рассталась с Брянщиной: имение в Хотылёво было продано графу Н.Н. Граббе и его жене, а Вячеслав Николаевич вышел из числа акционеров Брянского завода. Позже князь жил в основном в Петербурге, но больше занимался не предпринимательством, а благотворительной и научной деятельностью. На его средства в Петербурге было построено здание училища (вскоре его начали называть Тенишевским), где более глубоко изучали естественные науки, а также основы техники. Из широкого круга научных интересов князя (математика, социология, этнография) следует выделить разработанную им программу сбора в Этнографическом бюро сведений о жизни русского крестьянства. Был собран богатый этнографический материал, но написать задуманную книгу о крестьянах-землепашцах В.Н. Тенишев не успел. Его организаторские способности были замечены, и глава правительства С.Ю. Витте предложил ему стать главным комиссаром Русского отдела на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Оборудованный под руководством князя Русский павильон дал посетителям выставки достойное представление о хозяйственных и культурных достижениях России. Но перегрузки, связанные с этой ответственной и хлопотливой должностью, отрицательно сказались на здоровье князя, скончавшегося в 1903 г. Похоронили его неподалёку от

Талашкино, но вскоре после прихода к власти большевиков могила В.Н. Тенишева была разорена.

Продолжателем полезных для жителей Брянщины дел стал сын Анны Дмитриевны и Вячеслава Николаевича – Вячеслав Вячеславович Тенишев (1878 – 1959). Родился он в Петербурге, детство провёл вместе с родителями в Бежице, а после их развода жил с матерью либо в Брянске, либо в имении близ д. Лелятино. Затем мать привезла сына в Петербург, там он с золотой медалью окончил гимназию, а позже - юридический факультет Петербургского университета. Вернувшись в Брянск, молодой князь не получал от отца значительной поддержки, а унаследованные им в Брянском уезде земли представляли в основном пустоши на месте вырубленных лесов. Но В.В. Тенишев быстро приобрёл авторитет в местном обществе, в 1904 - 1917 гг. являлся предводителем дворянства Брянского уезда и активно занимался благотворительностью. Продолжением одного из дел, начатых отцом, стала изданная в 1907 г. книга В.В. Тенишева «Правосудие в русском крестьянском быту», основанная на юридических и этнографических материалах. В 2017 г. эта книга была переиздана. Умер князь, как и его мать, в эмиграции, во Франции.

Главные политические события начала XX в., во многом повлиявшие на положение населения (русско-японская война 1904-1905 гг., первая русская революция 1905-1907 гг. и начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война) будут затронуты позже. А в конце предшествующего века преобладающие настроения жителей страны определялись не внешнеполитическими или военными проблемами, а внутренними, в связи с тяжёлым положением большинства трудового населения, в первую очередь – крестьянства.

Очень неблагоприятными оказались для крестьян многих губерний последние годы царствования Александра III. В 1891 г. засуха резко снизила урожай зерновых и других сельхозкультур, что привело к быстрому росту цен на продовольствие. С осени во многих местах начался голод, продолжавшийся и в следующем году. Правительственные средства, выделенные для помощи голодающим, оказались недостаточными. Часть забот о них легла на местные земства, но особую признательность жителей заслужила деятельность многих благотворителей (в частности, длительное время занимался организацией работы бесплатных столовых нуждающимся в Рязанской губернии Л.Н. Толстой). Общими усилиями к лету 1892 г. с голодом удалось справиться, но пришла новая беда – эпидемия холеры. Нехватка нужных лекарств, недостаточное количество медицинских работников, настороженное отношение к ним со стороны населения,

антисанитарные условия крестьянского быта – всё это мешало борьбе с эпидемией, но с осени она пошла на спад. Орловская губерния (включая Брянский уезд) также была в числе пострадавших и от голода, и от холеры, но всё же в меньшей степени, чем многие другие места.

Было ещё одно нередкое для народа бедствие – пожары, особенно при засушливой погоде, которая случалась довольно часто и в 1890-е, и в 1900-е гг. Вот лишь некоторые примеры, связанные с близкими к Жуковке местами. В апреле-мае 1894 г. произошли два больших пожара: в д. Дубровке, давшей название соседней станции, и в с. Пеклино, где сгорело в общей сложности 90 крестьянскиз изб с надворными строениями (убытки составили около 70 тысяч рублей). В сентябре 1902 г. во время пожара в с. Фошня сгорели деревянные колокольня и придельная часть местного храма, дома священников Троепольского и Пояркова, дьячка Диесперова, а также 26 крестьянских нзб (убытки превысили 25 тысяч рублей). В том же году были сожжены лесопильня купца Залмана Фельдмана на хуторе Осинники в Князицкой волости и гостиловское имение Губониных. Словом, в это время пожары случались и от поджогов. Позже число поджогов не уменьшалось. В частности, в хотылёвском имении графов Граббе в 1905 г. были сожжены летний дом и некоторые другие строения. В 1914 г. были сожжены лесной склад на станции Никольская (Белоглавая) и лесопильный завод при станции Ржаница, а в 1915 году оказался сожжённым и лесопильный завод князя В.В. Тенишева. С сообщениями о поджогах мы, однако, несколько «забежали» вперёд.

В одном из писем, полученных Николаем II в самом конце XIX века, были такие слова: «Массы народные издавна коснели в бедности, нищете, невежестве и терпели от насилия сверху. Но они терпели, жили и умирали бессознательно... В последнее время эта бессознательность миновала, умножились средства сообщения, и вопиющая разница между нищетой одних в большинстве и богатством и роскошью других в меньшинстве стала ещё разительнее... Душа народная стала возмущаться. Стали подниматься всюду вопросы: для чего мы страдаем, а другие обогащаются нашим трудом, кровью и потом?.. И к чему правительство, которое только гнетёт нас своими податями, правителями и судами?» Легко предположить, что автор письма – один из оппозиционно настроенных к власти деятелей, а в реальности это – виднейший консервативный мыслитель того времени, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев.

Тяжёлое положение большинства крестьянских хозяйств было отмечено и участниками Особого совещания 1902 г., но представленные императору предложения о

частичном отчуждении за выкуп земель бывших помещиков и других крупных собственников с их последующей продажей крестьянам были отвергнуты Николаем II, считавшим недопустимым нарушать права собственников земли. Однако вскоре их «нарушили» сами крестьяне, когда во многих губерниях начались погромы помещичьих имений.

Не рассматривая названные ранее события, обратимся в качестве частного примера к сведениям об одной дворянской семье, жившей неподалеку от Жуковки. Речь идёт о Михалевских. Раньше других, ещё в конце XIX в., в Брянском уезде появился Всеволод Васильевич Михалевский (1873-1914), ставший владельцем небольшого хутора Репешки близ Гришиной Слободки. В 1900 г. он был избран гласным Брянского уездного земства, а затем стал членом Орловской губернской управы. В 1904 г. его мать, Александра Ефимовна Михалевская, вдова тайного советника, приобрела имение Глинки и ещё некоторые земли близ д. Месковичи (около 700 десятин). Сама А.Е. Михалевская (1841-1911) жила в Петербурге, а в Глинки приезжала вместе с дочерью Верой летом. Ещё две дочери, Софья и Мария, во время русско-японской войны были в действующей армии сестрами милосердия, а затем обучались на медицинском факультете Харьковского университета, навещая мать в Глинках во время каникул.

Оказался в Глинках и старший брат Всеволода, Владимир, родившийся в 1870 г. После окончания Уфимской гимназии он поступил на медицинский факультет Казанского университета, но, не успев закончить его, включился в революционную деятельность. В 1902 г. за участие в политической демонстрации был арестован и месяц провёл в тюрьме; затем был арестован вторично, но из-за недоказанности вины освобождён с лишением права проживания в столицах. Вот в такой ситуации Владимир оказался в имении матери. Находясь в Брянском уезде, он вновь активно включился в революционную работу. В июне 1905 г. участвовал в Брянске в сходке членов социал-демократической организации «Пролетарий» и был автором принятой на сходке резолюции. Вскоре его задержали в одном из брянских трактиров, где он, будучи нетрезвым, кричал: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». Был препровождён в Орловскую тюрьму, где и пробыл более месяца. В июне 1906 г. был членом редколлегии издаваемой брянскими социал-демократами газеты «Брянский голос», вскоре запрещённой. В августе того же года на нелегальной сходке близ Гришиной Слободки Владимир выступил с антиправительственной речью и раздавал прокламации «Манифест к всероссийскому крестьянству» и «Офицерам российской армии». Был связан с перевозкой оружия, в

октябре 1906 г. вновь попал в Орловскую тюрьму (освобождён в конце 1907 г.). Не раз случавшиеся с ним нервные срывы привели Владимира к самоубийству.

Его брат Всеволод не был причастен к революционным делам, но неблагоприятная ситуация со старшим братом и собственное нездоровье временами прерывали его работу в земских органах. В 1909 г. он вновь был избран в Брянское уездное земство и стал членом его управы, а когда в августе 1914 г. скончался прежний председатель управы Н.Ф. Лукашов, новым её председателем избрали В.В. Михалевского. Но значительно возросший объём работ, связанных с нуждами военного времени, оказался ему не по силам, и в декабре 1914 г., находясь в депрессивном состоянии, Всеволод Васильевич застрелился. Похоронили его в Жуковке, причём выступавшие при погребении отмечали, что его жизнь была активным служением на благо трудовому народу.

Обращаясь к событиям первой русской революции, можно отметить, что в Брянском уезде не было крупных крестьянских выступлений, сопровождавшихся погромами имений, хотя отдельные порубки частновладельческих и государственных лесов и другие подобные нарушения не раз случались. Больше было так называемых «экспроприаций» – нападений (чаще – ночных) групп вооружённых людей на имения, купеческие лавки, почтовые отделения (в 1907 г. было ограблено почтовое отделение в Жуковке), дома чиновников, священников и других состоятельных лиц с целью захвата денег и ценностей «на нужды революции». При этом было невозможнно установить, где революционеры действуют как бандиты, а где бандиты именуют себя «революционерами». В большинстве случаев нападавшие не были найдены. Порой «экспроприации» сопровождались убийствами, но были и политические убийства, совершаемые эсерами и анархистами. Всего в Брянском уезде было убито за время революции более 20 полицейских, гражданских чинов и священников.

В числе важнейших последствий первой русской революции были создание Государственной Думы как законодательного органа власти, а также проведение новой земельной реформы, получившей название столыпинской (по фамилии её инициатора П.А. Столыпина, бывшего Председателем Совета Министров России в 1906-1911 гг.). Депутатами Государственной Думы из жителей Брянского уезда избирались: в I Думу – крестьянин деревни Осиновки Лутенской волости (ныне - в Клетнянском районе) Иван Степанович Бибиков, примыкавший к «трудовикам»; в III Думу – уже упоминавшийся князь В.В. Тенишев, член партии «октябристов»; в IV Думу – беспартийный крестьянин села

Овстуг Дмитрий Васильевич Киселёв, о судьбе которого будет поведано в следующей главе.

Столыпинская аграрная реформа ставила своей целью ликвидировать традиционное общинное землевладение и создать частнособственнические крестьянские хозяйства. Крестьяне получили право выходить из общины и закреплять надельную землю в свою собственность, получать эту землю одним куском («отруб») и селиться на этом «отрубе» отдельно (образовав «хутор»). Кроме того, реформа предусматривала значительные льготы для крестьян, переселявшихся на свободные земли (в основном – на юге Сибири).

Проводя крестьянскую реформу, П.А.Столыпин рассчитывал создать более благоприятные условия для развития крепких крестьянских хозяйств. По мнению правительства, это позволило бы повысить продуктивность сельского хозяйства и расширить продовольственный рынок, а также создать в деревне опору власти в лице зажиточных крестьян-собственников, которых позже называли кулаками (первоначально так звали сельских ростовщиков). Первая цель в основном была достигнута, чему благоприятствовали и погодные условия в 1907-1911 гг., заметно повысившие урожайность. В России увеличилось в эти годы и внутреннее потребление, и продажа продовольствия за рубеж.

Но вторая задача не была решена. Крестьяне явно не торопились выходить из общины, закреплять землю в собственность и создавать хутора. У большинства из них сказывалась боязнь противопоставить себя остальному крестьянскому «миру», оторваться от соседей, которые по старинной традиции могли безвозмездно оказать помощь погорельцам, одиноким старикам и вдовам. Выйдя из общины, крестьянин уже не мог рассчитывать на такую поддержку. Поэтому большинство сельских жителей с недовольством, а то и враждебно относилось к желанию отдельных крестьян получить отруб или завести хутор.

Так было и в Брянском уезде. В первые годы реформы здесь закрепляли землю в собственность лишь считанные единицы. Причём это были не только зажиточные крестьяне, но и так называемые «лодыри», не желавшие заниматься тяжёлым крестьянским трудом. Продав полученную в собственность землю, они отправлялись в города, рассчитывая там найти работу полегче. Продавали землю и те крестьяне, которые решили переселиться, пользуясь льготными условиями, на новые земли. Положение стало меняться в 1913-1914 гг., когда из 22,5 тысяч крестьянских хозяйств Брянского уезда выделились на отруба и хутора более 4,5 тыс. дворов.

Чаще всего появившиеся на Жуковской земле хутора состояли не из одного хозяйства, а из двух-трёх, созданных

родственниками. Вскоре они переросли в небольшие посёлки, порой называемые деревнями. Всего здесь в первой четверти века возникло более 25 таких селений. Ближе к Десне и железной дороге Орёл-Рига появились Загорка, Барановка, Трубачи, Никитёнка (первоначально – посёлок Никитинский), Логвани, Бараниха, Котлиха (позже два последних селения объединились в одну деревню Бараниху, переименованную в 1964 г. в Берёзовку). Ближе к Ветьме возникли посёлок Крутой Ложок (позже – КИМ), Зерновка, Казариновка (с 1920-х гг. имела второе название – Заречье), Коробовка, Круча. Между Александровкой и Фошней возникли Богачёвка, Кончино, Дубрава, а также Ковали (сведения о более давнем происхождении деревни документами не подтверждаются); неподалеку от Жуковки – Латыши и Мосток; близ д. Старое Лавшино – Верхняя Ржаница, Суходоль и Хизня. К юго-западу и югу от Жуковки, на правобережье Десны, появились Новая Буда, Силеевка, Большак, Задубравье. Ещё раньше, в конце XIX в., к северу от Никольской Слободы возникли деревни Новоселье и Сума, относившиеся первоначально к Салынской волости. Все перечисленные селения были небольшими (обычно – менее 250 жителей), а к настоящему времени либо исчезли (большинство), либо почти обезлюдели. Ещё остаётся немного жителей в Новоселье, Большаке, Латышах и Мостке. Заметно выросло население лишь в Задубравье.

Проводимая Столыпиным модернизация российской деревни не успела завершиться из-за убийства самого реформатора в сентябре 1911 г. и начавшейся летом 1914 г. Первой мировой войны, развязанной правящими кругами ведущих стран Европы. Но были в «верхах» и противники войны. В частности, Столыпин считал условием успешного развития России – не допустить её участия в военных конфликтах, и предвидел, что «война будет фатальной для России и правящей династии». Противником надвигавшейся войны был и небезызвестный Григорий Распутин.

В начале 1914 г. в своей записке, адресованной Николаю II, известный государственный деятель П.Н. Дурново предупреждал царя о тяжёлых для страны последствиях в случае её вступления в войну «на стороне Великобритании – своего традиционного геополитического противника». Он указал также на неготовность России к длительным боевым действиям, что неизбежно приведёт к военным неудачам и перебоям в снабжении. П.Н. Дурново с абсолютной точностью предсказал: «Все неудачи будут приписаны правительству… В стране начнутся революционные выступления… Сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять широкие слои населения: сначала чёрный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ… Армия,

лишившаяся во время войны наиболее надёжного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка... Законодательные учреждения и оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию».

Не все были воинственно настроены и среди политических противников России. Так, наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд говорил, что «войны с Россией надо избегать» и что провоцируют войну «масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов». Вряд ли случайно, что именно эрцгерцог оказался жертвой политического убийства, совершённого 15 июня 1914 г. в г. Сараево – события, которое было использовано как повод для начала войны.

Действия российской армии в Первой мировой войне происходили далеко от Брянщины, но война напрямую затронула многих её уроженцев и сказалась на различных сторонах жизни и в Брянском уезде. В предвоенные годы в Брянске и окрестных селениях были расквартированы 143-й Дорогобужский и 144-й Каширский пехотные полки, а также некоторые другие части. В мирное время численность полков составляла около 2,3 тыс. человек, а по штатам военного времени – более 4,3 тыс. После объявления мобилизации указанные полки доукомплектовывались в основном запасными из Брянского уезда. Среди мобилизованных, чьи фамилии сохранились в архивных документах, был призванный в Каширский полк 31-летний ефрейтор Алексей Петрович Ионин из с. Речицы Овстугской волости.

Названные полки, входившие в состав 36-й дивизии, были направлены во 2-ю армию генерала от кавалерии А.В. Самсонова, которая получила приказ начать наступление против немецких войск в Восточной Пруссии. Не рассматривая хода боевых действий в августе 1914 г., отметим, что наступление русских войск, начатое по просьбе правительства союзной Франции, на первых порах имело определённый успех, но прибытие дополнительных германских войск, снятых с Западного фронта, и несогласованность в действиях двух русских армий резко изменили ситуацию. Численное и особенно техническое превосходство германских войск позволило им окружить основные силы армии генерала А.В. Самсонова, что привело к трагическим последствиям для солдат и офицеров (сам Самсонов застрелился).

Особый героизм в августовских боях проявили воины Дорогобужского и Каширского полков, большинство которых

погибло, включая их командиров – полковников Владимира Васильевича Кабанова и Бориса Всеволодовича Каховского. Погиб и находившийся вместе с ними командир 2-й бригады 36-й дивизии генерал-майор Андрей Андреевич Калюжный, несколькими годами ранее бывший начальником Брянского гарнизона. Когда командир окружённого германскими войсками 13-го корпуса отдал приказ прекратить сопротивление и сдаться врагам, командир 36-й дивизии (в неё входили и уцелевшие в предыдущих боях воины названных ранее брянских полков) генерал-лейтенант Александр Богданович Преженцев отказался выполнять этот приказ и возглавил головную колонну дивизии для прорыва из окружения. К сожалению, вырваться удалось лишь немногим: большинство погибло, часть попала в плен, в том числе – раненый генерал А.Б. Преженцев, вскоре скончавшийся. Напомним, что фамилия Преженцевых, имевших земельные владения в Брянском уезде, была связана с жуковской деревней Стибково и соседним селом Морачёво.

Избежали в это время гибели или плена те из кадровых чинов Дорогобужского и Каширского полков, которых оставили в Брянске как ядро начавших формироваться летом 1914 г. новых пехотных полков: 291-го Трубчевского и 292-го Малоархангельского. Основную часть воинов в новых полках составили запасные из Брянского, Карачевского, Севского и Трубчевского уездов. Были среди них и уроженцы жуковских селений – так, в Трубчевский полк был зачислен 27-летний рядовой Константин Алексеевич Башкиров из с. Белоголовль. В начале 1915 г. основные силы Трубчевского полка вместе с некоторыми другими частями российской армии вели в течение двух недель бои с превосходящими силами германских войск в Восточной Пруссии и либо погибли, либо попали в плен. Лишь некоторые из воинов Трубчевского полка не только вырвались из окружения, но и спасли полковое знамя. Нсмотря на потерю большинства личного состава, полк не был расформирован, поскольку уцелело полковое знамя, а один из его батальонов, не участвовавший в названных боях, сохранил свой кадровый состав. После пополнения Трубчевский полк продолжал участвовать в боях и проявил себя с лучшей стороны. Немалое число офицеров и нижних чинов получили награщы. Был награждён орденом Св. Георгия 4-ой степени и Георгиевским оружием и последний командир трубчевцев – полковник Иван Васильевич Бибирёв. Ранее он служил в Брянске в составе Каширского полка, а во время войны командовал Трубчевским полком до весны 1918 г., когда полк был расформирован большевиками.

Служили уроженцы Брянского уезда, включая жителей Жуковской земли, не только в названных полках, но и в других

пехотных, стрелковых, артиллерийских частях и на флоте. Около сотни из них были удостоены Георгиевских крестов – главной награды для низших чинов. В опубликованных списках награждённых сведения не отличаются полнотой, и поэтому приводимый далее перечень наверняка требует дополнений. Среди удостоенных Георгиевских крестов были ефрейторы пехотных полков Иван Павлович Жихарев из д. Шамордино, Пётр Кондратович Сенченко из д. Летошники, рядовые пехотных полков Малахов Ефим Николаевич из с. Белоголовль и Новиков Алексей Никанорович из д. Шишковка. Добавим ещё ефрейтора пехотного полка Ивана Семёновича Митяева из д. Береcток, соседней с Жуковской землёй (фамилия Митяевых была известна и в п. Олсуфьево); рядового лейб-гвардейского Преображенского полка Михаила Дмитриевича Небольсина из Князицкой волости (выходца из старинной брянской дворянской фамилии).

Более 10 участников Первой мировой войны из жителей жуковских селений выявлено в архивных делах среди тех, кто был ранен. Вот эти воины: Григорий Михайлович Акименков – с. Вщиж, Яков Фролович Дегтярёв и Илья Стефанович Евсеев – оба из д. Спинки, служили в Каширском полку (Я. Дегтярёв был награждён Георгиевским крестом); все трое названных находились после ранения в германском плену, откуда вернулись в 1916 г. Продолжим перечисление далее (в скобках после фамилий – год рождения): Николай Васильевич Журавков (1894) – с. Овстуг, Семён Егорович Коныгин (1889) – д. Дорогинь, Яков Осипович Костырев (1888) – д. Тононыки (Никольская Слобода), Иван Алексеевич Матвеев (1874) и Илья Егорович Хомяков (1896) – с. Речица, Кузьма Романович Тябокин (1882) – д. Сельцо Рудное, Козьма Стефанович (1888) и Яков Федотович (1894) Цуцкогины – с. Белоголовль; из них К. Тябокин и К. Цуцкогин служили в Трубчевском полку.

Среди тех непростых проблем, которые нужно было решать в условиях военного времени земствам и другим органам местной власти, стала забота о раненых воинах и о беженцах из прифронтовых районов. Уже к осени 1914 г. в Брянске и ближних посёлках было организовано более десятка госпиталей. Крупнейшими из них были: при Брянском заводе в Бежице (на 600 коек), в Бежицкой женской гимназии (на 400 коек), при Брянском техническом училище (на 145 коек), в Брянском городском лазарете (на 80 коек), в посёлке при станции Брянск-Полесский (Брянск-2) на 45 коек. Два госпиталя для раненых (на 50 и 25 коек) устроили члены созданного в Брянске Дамского кружка, в который входили в основном жёны состоятельных горожан.

Появились госпитали для раненых и на Жуковской земле. Один из них (на 45 коек) был организован на базе

Жуковского санатория, построенного для лечения больных туберкулёзом в 1913 г. по инициативе главного врача Брянского завода Николая Андреевича Михайлова, бывшего одновременно председателем Брянского общества врачей. Помощь в организации госпиталя при санатории оказали князь В.В. Тенишев, возглавлявший Брянский окружной эвакуационный пункт раненых воинов и являвшийся уполномоченным Красного Креста, и его мать Анна Дмитриевна, приехавшая из своего мценского имения, чтобы помочь сыну в его работе. Мать и сын Тенишевы также организовали госпиталь на 20 коек в своём имении близ д. Лелятино. Имение вместе с соседним лесопильным заводом обычно называли Тенишево, но в советское время из-за невысокой грамотности чиновников изменили в названии одну букву – вместо «и» после «н» стали писать «е»; в любом случае администрации Жуковского района эту ошибку надо исправить. Поблизости от Тенишево, в посёлке при станции Белоглавая (Никольская) в доме директора Брянского технического училища А.А. Фогля был устроен приёмный пункт для долечивания легкораненых воинов.

Помимо содержания госпиталя в своём имении, князь В.В. Тенишев ещё летом 1914 г. пожертвовал 3 тысячи рублей на помощь раненым. Были и другие пожертвования благотворителей, но не слишком щедрые. Из-за возникавших финансовых трудностей Брянское уездное земство иногда проводило разовые акции сбора средств для содержания раненых. Так, 26 октября 1914 г. было собрано в г. Брянске – 670 рублей, на Брянском заводе – 338 руб., в п. Бытошь и окрестных местах – 268 руб., в Овстуге и соседних селениях – 216 руб., в Дубровке – 215 руб., а в Жуковке – только 79 руб.

В 1915 г. Германия главные силы направила на Восточный фронт, что позволило немецким войскам оккупировать Польшу, часть Белоруссии и Прибалтики. Это привело к потоку беженцев, покинувших места своего прежнего проживания. Немало их оказалось и в Брянском уезде. На январь 1916 г. здесь было учтено 6862 беженца, из них в Фошнянской волости (включая Жуковку) – 771, в Овстугской волости – 513. Осенью 1916 г. число беженцев в уезде превысило 8 тыс. человек и на этом уровне держалось до весны 1918 г. Абсолютное большинство из них (около 7 тыс.) составляли русские и поляки, но было также более 800 латышей и более 300 литовцев. Позже к ним добавились и эстонцы. Основная часть из прибывших оседала в посёлках и селениях близ Брянска (в частности, в Бежице – около полутора тысяч), но немало и на пристанционных посёлках по Риго-Орловской железной дороге (Сельцо – 85, Тросна – 50, Жуковка – 415, Олсуфьево – 109, Дубровка – 153) и в соседних

селениях (Летошинки - 63, Вышковичи – 52, Рековичи – 62). Более тысячи человек остановились в заводских посёлках и селениях Бытошской и Дятьковской волостей. Во всех этих местах было легче найти какой-то заработок, хотя земства помогали беженцам найти временную работу. Так, в конце 1915 г. их привлекли к заготовке деловой древесины и дров в Ивановском лесничестве на западе Бытошской и на севере Фошнянской волостей. Часть беженцев (от 300 до 500) привлекалась в уезде к сельскохозяйственным работам.

Нетрудоспособные получали пайки, а для детей, потерявших родителей, были созданы детские приюты. Под такой приют, в частности, были переоборудованы некоторые помещения санатория близ ст. Жуковка. Здесь с сентября 1915 г. до марта 1916 г. находилось около 200 детей-сирот, но потом их переместили в другие приюты, поскольку понадобились дополнительные палаты для раненых. Также устраивались питательные пункты, где получали еду проезжающие беженцы. Основная часть расходов на их содержание ложилась на земства, но была и добровольная помощь населения. К примеру, в 1915 г. некоторые жители Жуковки приносили на станцию молоко для детей проезжавших беженцев. Одним из организаторов этой помощи был агроном Н.И. Фокин.

В апреле 1915 г. из Могилёва в Брянск и Бежицу приезжал император Николай II. Он посетил Брянский рельсопрокатный завод, выпускавший в это время продукцию, нужную для фронта; отстоял службу в заводской церкви, посетил квартиры некоторых рабочих и госпиталь, где вручил медали раненым. Царя тепло приветствовали представители местной власти и заводской администрации, рабочие и служащие, учащиеся местных школ, но специально каких-либо массовых мероприятий не устраивалось, потому что тысячи людей сами сопровождали императора на всём пути следования. Примечательно мнение начальника царской охраны А.И. Спиридовича: «Хотя Государь был в гуще нескольких тысяч неизвестных нам рабочих, о какой-либо опасности для Государя не было и речи».

Помимо Брянского завода в Бежице, а также относившихся к военному ведомству Брянского Арсенала и Брянского сухарного завода, заказы для армии выполняли Радицкий вагоностроительный, Бытошский чугунолитейный, некоторые деревообрабатывающие и другие предприятия.

Работал для нужд фронта и построенный в годы войны Жуковский военно-обозный завод, начавший с 1916 г. выпускать двуколки и другую продукцию для нужд армии. С периодом его строительства и становления оказались связанными упомянутые ранее сыновья И.Д. Гонцкевича. Старший из них, Евгений Иосифович (1876 – 1956), родился в

Брянске, в Петербурге закончил Институт гражданских инженеров, затем – архитектурную мастерскую при Академии художеств (посещал также живописную мастерскую И.Е. Репина) и получил звание художника-архитектора. Несколько построенных по его проектам зданий сохранились в Петербурге до сих пор. Занимался Е.И. Гонцкевич и предпринимательством. Им было основано акционерное общество «Гонцкевич и К°», которому принадлежали в окрестностях Петербурга лесопильный и кирпичный заводы, склады и другая собственность. В нескольких городах были организованы отделения этого АО, одно из них – в Жуковке. Именно здесь в 1913 г. было решено начать строительство военно-обозного завода (одним из инициаторов этого был Е.И. Гонцкевич). Но среди строителей и первых организаторов работы завода оказался не он, а его братья: Александр (в «Истории земли Жуковской» он ошибочно назван Виктором) и Владимир, оба по сбразованию – архитекторы. Владимир в 1914-1916 гг. избирался в состав Брянского уездного земства и уездной земской управы, но позже все братья Гонцкевичи с Брянщиной связаны не были. Е.И. Гонцкевич эмигрировал во Францию, жил в Париже, был известен как живописец-портретист. Александр Иосифович (1880-1935) жил в Москве и участвовал в проектировании и строительстве станций метрополитена. Владимир Иосифович также работал в архитектурных учреждениях Москвы, жил с семьёй в подмосковном посёлке Малаховка. Его сыновья пошли по стопам отца. Младший, Евгений, окончив архитектурный институт, после начала Великой Отечественной войны добровольцем ушёл в ополчение и погиб в 1941 г. Тот же институт окончил и его старший брат Георгий, родившийся в 1915 г. в Брянске. В 1937 г. он был по ложному доносу арестован и отправлен в лагеря: сначала в Сегежу в Карелии, затем – в Воркуту. Судьба сыновей подкосила здоровье их родителей, скончавшихся в годы войны. Но их старший сын сумел выжить в лагерях, после освобождения продолжал работать по специальности в Воркуте. Умер в Киеве в 1981 г.

Заслуживает упоминания ещё один наш земляк – Вячеслав Михайлович Лосев (1890 – 1942). Он родился в с. Бацкино Фошнянской волости в семье священника местной церкви, закончил Орловскую духовную семинарию, в 1912 г. поступил в Петербургскую духовную академию, одновременно учился в Петроградском археологическом институте (оба учебных заведения были им успешно закончены). Летом 1915 г., приехав домой на каникулы, Вячеслав по договорённости с местным землевладельцем Г.И. Волковым провёл раскопки пяти курганов на берегу Ветьмы близ Бацкина. Материалы, найденные при раскопках, относились к кривичам и

представляли немалый интерес, но оказались забытыми. После революции Лосев работал в архиве, в отделе народного образования (откуда был «вычищен» в 1931 г. как сын священника), получил известность как библиограф. Он продолжал интересоваться историей и примечательными уроженцами Брянщины, собрал много сведений по этой тематике, но в печати его краеведческие материалы, к сожалению, не появились, оставшись в архиве. Последнее место его работы – библиотека Академии Наук СССР. По некоторым сведениям, в 1937 г. был арестован и осуждён на 10 лет лагерей, но согласно личному делу в 1939 г. находился на прежней работе. Вероятно, дело Лосева было пересмотрено, и его освободили. Скончался в блокадном Ленинграде.

Но пора вернуться к основным политическим событиям 1914 – 1917 гг. Всякая длительная война несёт не только гибель многих людей на фронтах, но и значительное ухудшение условий жизни населения в тыловых районах. Первая мировая война не была исключением, и трудности для мирных российских жителей постепенно нарастали – в первую очередь, из-за роста цен на основные продукты и товары первой необходимости (соль, спички, керосин, ткани), а также из-за перебоев с их поступлением. Ответственность за это лежит не столько на правительстве и его чиновниках с их нерасторопностью и не на земских служащих, большинство которых добросовестно работало и в условиях войны. Основными виновниками всё растущих трудностей были руководители главных политических партий: октябристов, опиравшихся на финансово-промышленную буржуазию; кадетов, связанных с либеральной интеллигенцией, а также близких к ним. Помогали дестабилизазии положения в России и лидеры трудовиков и эсеров, пытавшихся выражать интересы крестьянства, и вожди ориентированных на рабочий класс социал-демократов (меньшевиков и большевиков).

В первый период войны, чувствуя патриотические настроения населения, руководители оппозиционных партий попытались создать себе политический капитал, выступая с громкими речами «оборонного» характера в Государственной Думе, на разных собраниях и в печати. Однако в 1915 г., когда положение на фронтах стало особенно трудным, а у населения начали усиливаться пацифистские настроения, деятельность этих партий приобрела враждебный правительству характер. Созданные при самом активном участии лидеров оппозиционных партий Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, объединившиеся летом 1915 г. в Союз земств и городов (Земгор), а также Центральный военно-промышленный комитет (ВПК) во главе с А.И. Гучковым, возглавлявшим партию октябристов, всячески афишировали

свою работу по оказанию помощи фронту, а на деле готовили государственный переворот.

Большинство руководителей сформировавшегося летом 1915 г. заговора были связаны не только совместной общественной деятельностью, но и принадлежностью к тайным масонским ложам, находившимся под влиянием своих «старших братьев» из Англии и Франции. Хотя эти страны были союзниками России в войне, их правители (также тесно связанные с масонством) вовсе не хотели усиления России и были заинтересованы создать в стране обстановку смуты. Этим и стали заниматься российские оппозиционеры, именовавшие себя выразителями интересов «общественности», а в реальности распространявшие ложь и клевету по отношению к лицам, близким императору и пользовавшимся его доверием, с помощью газетных и прочих публикаций, выступлений в Государственной Думе, поездок эмиссаров из Земгора и ВПК.

Вот как оценивали эту подрывную деятельность люди, не поддавшиеся пропагандистскому нажиму космополитов-заговорщиков: «Так называемые общественные организации стяжали себе в народе ... самую дурную славу. Народ видит, что в эти организации вошло всё, что убоялось службы на фронте и не мыслит добра России». Агенты Земгора, «не жалея казённых денег, платили вдвое-втрое за продукты, материалы и работы, а это привело к искусственному вздутию цен... На местах зарегистрировано огромное количество фактов о сознательной тенденции «общественных организаций» – вносить расстройство в жизнь тыла и создавать атмосферу всеобщего недовольства».

В связи с ростом дороговизны в стране усилилось забастовочное движение. Проявлялось оно и на заводах Брянщины. В марте-мае 1916 г. проходила крупнейшая за годы войны забастовка на Брянском заводе в Бежице, в которой участвовало около 16 тысяч рабочих, первоначальные требования которых носили экономический характер. Когда позже бастующие под влиянием революционной агитации выдвинули лозунг прекращения войны, власти и заводская администрация ответили жёстко: 7 тысяч рабочих были уволены, из них более двух тысяч отправлены на фронт. Имевшиеся на предприятиях организации «левых» партий были в большинстве разгромлены.

Однако продолжившийся рост цен заставлял рабочих снова прибегать к забастовкам. В начале февраля 1917 г. орловский губернатор граф П.В. Гендриков получил известие, что «забастовали Мальцовские заводы, работавшие на оборону». Он выехал на место и убедился, что забастовка объяснялась ростом дороговизны. В ходе переговоров с

администрацией и представителями рабочих был найден компромисс, и работа возобновилась. Затем губернатор посетил Брянский завод в Бежице, где «настроение рабочих было спокойное и мирное», хотя «подпольная революционная работа велась, но успехом не пользовалась». Там же губернатору показали «огромную кипу перехваченных прокламаций социалистического характера на бланках Военно-промышленного комитета». Этот факт был явным свидетельством согласованных антиправительственных действий лидеров буржуазных и «левых» партий.

Дело не ограничивалось пропагандой, а всё чаще проявлялось в саботаже, чтобы усугубить хозяйственные и продовольственные трудности. В частности, П.В. Гендриков во время посещения Брянска и соседних мест заметил, что «с продовольствием дело обстояло благополучно, но снабжение заводов углём происходило крайне неравномерно вследствие систематических задержек на узловых станциях». С 15 февраля подвоз угля прекратился, и «заводы поневоле должны были стать». Телеграмма в адрес правительства ничего не изменила: до начала марта «ни Брянские, ни Мальцовские заводы не получили ни одного вагона угля». Губернатор ставит вопрос: «Чем, как не тайным приказом, можно объяснить внезапную остановку доставки угля на заводы?». Вынужденная остановка заводов, с одной стороны, пагубно отразилась на настроениях рабочих, – с другой стороны, самый факт закрытия крупнейших заводов, работавших на срочные нужды фронта, укреплял искусно распространяемые в народе подозрения властей в измене».

Саботаж с поставкой топлива для брянских заводов был лишь частным случаем той широкой подрывной кампании, которую вели заговорщики, возглавлявшие Государственную Думу, Земгор, ВПК и другие «общественные» организации, готовившие государственный переворот при деятельном соучастии высокопоставленных военных, а также послов стран Антанты. Все они, по словам современника, «соединились в усилиях дискредитировать императорскую власть, не останавливаясь перед клеветой и ложью». Честолюбивые устремления руководителей заговора против императора Николая II, какими бы громкими словами они позже ни прикрывались, являлись прямой изменой Отечеству, нарушением данной ими ранее присяги, а для военных ещё и изменой Верховному Главнокомандующему, что было тяжким военным преступлением.

Проходившую в феврале 1917 г. в Петрограде союзническую военную конференцию представители стран Антанты, особенно британский военный министр лорд Мильнер, использовали для прямого давления на русское

правительство. Все их требования, означавшие вмешательство во внутренние дела России, были твёрдо отвергнуты императором, заявившим, что управление страны «не требует указаний союзников».

Когда 22 февраля 1917 г. Николай II выехал из Царского Села в Ставку в Могилёв, в столице было спокойно. А уже на следующий день в Петрограде начались волнения, явно спровоцированные агентами заговорщиков, из-за перебоев в торговле хлебом, хотя хлеба и муки в столице было достаточно. Начались митинги, демонстрации, забастовки на отдельных заводах. В последующие дни размах волнений всё увеличивался. Полиция и войска пытались приостановить волну беспорядков, но оружие не применяли, пока из толпы демонстрантов не зазвучали выстрелы боевиков и не появились первые убитые и раненые среди блюстителей порядка. Петроградские власти оказались не в состоянии прекратить начавшиеся и всё растущие мятежные проявления, тем более, что многие расквартированные в городе войсковые части уже были «заражены» революционной пропагандой и вовсе не хотели сменить спокойную тыловую жизнь на участие в намеченном на весну 1917 г. наступлении русских войск. С 27 февраля некоторые части петроградского гарнизона начали активно переходить на сторону мятежников, среди которых появились лозунги «Долой самодержавие!»

Сведения о тревожных петроградских событиях поступали к Николаю II со значительным запозданием и нужной полнотой не отличались. В ночь на 28 февраля император выехал из Могилёва в Царское Село, но, получив в дороге известие, что ближайшие к Петрограду станции контролируются восставшими, был вынужден повернуть в Псков, где находился штаб Северного фронта. Здесь он окончательно убедился в предательстве со стороны высшего военного командования (включая командующих всеми фронтами) и руководства Государственной Думы.

Видя, что «кругом измена. и трусость, и обман», Николай II от себя и своего несовершеннолетнего сына Алексея отрёкся от престола и подписал 2 марта 1917 г. соответствующий манифест, передававший право на царство младшему брату Михаилу Александровичу. Но это не устраивало руководителей заговора и стоявшие за их спинами антироссийские силы. 3 марта Михаила Александровича, формально ставшего императором после отречения старшего брата, лидеры оппозиции сумели убедить, что из-за антимонархических настроений восставших занятие им российского престола может быть опасным для его жизни. В тот же день был подписан манифест об отречении Михаила Александровича от престола и о передаче власти Временному

правительству во главе с князем Г.Е. Львовым. Так в считанные дни рухнула казавшаяся ещё совсем недавно могущественной Российская империя.

Февральский переворот, который его организаторами был назван «великой и бескровной революцией», на самом деле не был бескровным. Только в Петрограде в конце февраля - начале марта 1917 г. было убито более полутора тысяч человек, в основном тех, кто оставался верным присяге императору. На кораблях Балтийского флота, в Кронштадте и Гельсинфорсе тогда же восставшими моряками было расстреляно, поднято на штыки или утоплено подо льдом свыше 120 морских офицеров, в том числе – 5 адмиралов.

А о «величии» февральских событий можно говорить лишь в отрицательном смысле. Россия, действительно, могла значительно усилить своё геополитическое влияние в случае, если бы вошла в число победителей в войне. Но после крушения российской монархии это было уже недостижимо. Не случайно английский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж оценил отречение Николая II как одну из главных целей Великобритании в войне. Руководители Антанты, немало «потрудившиеся» для достижения такой цели, хорошо понимали, что пришедшее к власти в России Временное правительство не в состоянии удержать страну от сползания в хаос. Но именно такая слабая власть была наиболее предпочтительна для всех антироссийских сил, в том числе – для сепаратистов в самой России.

Последующие судьбы Николая II, его семьи и многих других из царствовавшей в России фамилии Романовых полны глубокого трагизма. Семья бывшего императора сначала оказалась под домашним арестом в Царском Селе, потом была отправлена в Тобольск, а позже (уже при большевиках) переведена в Екатеринбург. Здесь и были зверски расстреляны по тайному приказу большевистских руководителей в июле 1918 г. Николай Александрович, его жена Александра Фёдоровна, четыре их дочери (Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия) и сын Алексей. Месяцем раньше близ Перми был расстрелян Михаил Александрович. Тогда же расстреляли и немногих наиболее преданных им людей. Ещё несколько человек из императорской фамилии погибли вскоре в г. Алапаевске на Урале, а также в Петрограде (уже в начале 1919 г.). Позже большевистская пропаганда приложила немало усилий, чтобы очернить и опорочить последнего российского императора как личность и политического деятеля, а заодно и всех близких к нему людей, но к настоящему времени прежним ложным сведениям доверяют немногие.

6. На путях и распутьях социалистического переустройства жизни (1917 – 1940 гг.)

Временное правительство, образованное в России после свержения царствовавшей более 300 лет династии Романовых, не продержалось у власти и восьми месяцев. А затем более 70 лет в России, изменившей в 1922 г. название на Союз Советских Социалистических Республик (СССР), «руководящей и направляющей силой» была партия большевиков, название которой не раз менялось. В стране произошло коренное изменение всех сторон жизни российского населения. В это время и в государственной пропаганде, и в работах историков, журналистов, писателей особое внимание уделялось двум темам: борьбе со всякими противниками нового строя и успехам социалистического строительства.

При подобном подходе (а его влияние явно заметно и в «Истории земли Жуковской») вряд ли можно говорить об объективности в изучении недавней истории нашего Отечества. Вот почему автор настоящей книги счёл необходимым больше внимания уделить не известным (хотя и трактуемым в настоящее время по-разному) политическим событиям, а реальной повседневной жизни простых людей на ухабистых путях российской истории, а также отдельным человеческим судьбам, зачастую искорёженным властью. Но без сведений о тех политических событиях, которые непосредственно влияли на жизнь населения, всё равно не обойтись.

Недолгий период пребывания у власти Временного правительства, возглавляемого князем Г.Е. Львовым, а с июля 1917 г. А.В.Керенским, отразился во многих документах, публицистических материалах и мемуарах, порой оценивающих этот небольшой отрезок отечественной истории с совершенно противоположных позиций. На первых порах большинство населения выражало поддержку Временному правительству, но уже с мая-июня настроения людей стали заметно меняться. Объявленные свобода слова, печати, собраний, политическая амнистия, отмена национальных и социальных ограничений – всё это способствовало оживлению общественной активности, но не отражалось на хозяйственном положении населения, которое продолжало ухудшаться.

К тому же Временное правительство оказалось не единственной властью, поскольку одновременно был образован Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а затем подобные советы (а также крестьянские) начали создаваться в других городах и уездах. Кроме того, в качестве органов сельского самоуправления стали организовываться сельские и волостные комитеты. Поскольку продолжали работать земства и городские думы, а также

продовольственные комитеты, кооперативные и прочие организации, это нередко приводило к неразберихе и проволочкам в решении насущных дел. Следует добавить, что подобное произошло и в армии. Согласно приказу №1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов во всех ротах, батальонах, полках и других воинских формированиях создавались выборные комитеты из низших чинов, без согласия которых никакие решения командования не считались обязательными. Тем самым принцип единоначалия, являющийся главным для любой армии, фактически уничтожался. Более того, в приказе предусматривалось, что находившееся в воинских частях оружие передавалось под контроль солдатских комитетов. Армия из основного защитника государства превратилась в арену борьбы политических сил и вместо защиты Отечества в условиях продолжавшейся войны стала участником его разрушения.

Каковы же были с весны 1917 г. настроения основной массы русского народа – в первую очередь, крестьян (и тех, кто продолжал трудиться в своих хозяйствах, и тех, кто вынужденно надел солдатские шинели)? Из всего, что сообщадось по этому вопросу разными авторами, обратим внимание на книгу Софьи Федорченко «Народ на войне», переизданную в 1990 г., но мало кем замеченную.

Автор книги в 1914-1917 гг. была сестрой милосердия на фронте, и, по её словам, «всё смотрела, всё слушала, всё со всеми переносила». Повседневное общение с простыми русскими людьми, одетыми в солдатские шинели, в самые напряжённые моменты их жизни, и дало богатый материал для написанной по горячим следам книги, в которой в краткой форме приведены разговоры солдат, их размышления о жизни, о войне и мире. Вот лишь фрагменты из второй части книги, посвящённой времени после февраля 1917 г.

«Заблудился я середь новой жизни, ничего не пойму. Всё дозволено, а ничего нету…».

«Страшусь я, что дома увижу. Изнищила нас война дочиста, от дела отбила, силы поубавила…».

«Все мы, как один, одного хотим: чтобы землю земляной человек взял… А первое дело – войну замирить…».

«Загулял мужик на просторе, все свои думки заветные на делах перепробовал: помещика выжег, землю у него отбил, скот угнал, учителя в шею, трактир вывел под облако…».

«Теперь только бы всем миром порешить, что наше. Я так думаю, что всё у господ отобрать придётся».

«Из простых многие теперь в лодыри подадутся. Особенно, которые говорить горазды…».

«Я думаю – обидят нас. За себя мы стать только сгоряча умеем. А поостынем – и обидят. Себя на наших трудах устроят».

Отметила С.З. Федорченко и значительное увеличение числа дезертиров из армии, и то, что многие из покидавших фронт захватывали с собой оружие. Не случайно орловский губернский комиссар Временного правительства, информируя об аграрных беспорядках в губернии, особо отмечал, что «очень дурную в этом отношении роль играют беглые солдаты». А среди уездов Орловской губернии выделялся по числу крестьянских выступлений в марте-июне 1917 г. Брянский уезд, где крестьяне захватывали полевые и сенокосные угодья местных землевладельцев, удаляли с их земель наёмных работников, пересматривали по своему усмотрению размеры арендной платы и т.д. Выделялся Брянский уезд и масштабами самовольных порубок в государственных и частновладельческих лесах.

Все обращения владельцев к новым местным властям с просьбами пресечь подобные противоправные действия оказывались чаще всего безрезультатными. Старая полиция и сельская стража были распущены, новая милиция оставалась немногочисленной и слабой, а привлечь войска было невозможно из-за противодействия солдатских комитетов.

В общем, и центральные, и местные органы власти оказались бессильными навести в стране хоть какой-то элементарный порядок и всё заметнее теряли поддержку населения. Не могли добавить авторитета Временному правительству неоднократные «перетряски» его состава. Даже ораторское мастерство А.Ф. Керенского, ставшего летом 1917 г. главой Временного правительства, а затем и Верховным Главнокомандующим, уже не оказывало существенного влияния на слушателей. Люди убеждались, что за многими громкими речами не следуют дела, которые бы улучшали жизнь населения. Из буржуазных политических партий некоторое влияние среди интеллигенции сохраняли лишь кадеты, но и то за счёт поддержки их по ряду главных вопросов лидерами меньшевиков и эсеров, партии которых на первых порах возглавляли большинство Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Подобное положение было и в общественно-политической жизни Брянщины, в частности – в Брянском уезде. Первые Советы рабочих депутатов возникли здесь в Бежице (4 марта) и Брянске (до 9 марта). Ещё раньше, 5 марта, в Брянске, где находилось немало тыловых воинских частей, был избран Совет военных депутатов. Имеющееся в краеведческой литературе известие, что 10 марта был организован Жуковский Совет рабочих депутатов – ошибка. Просто сведения из документа, находящегося в Государственном архиве Московской области, о подмосковном посёлке Жуковка, сочли за известие о Жуковке Брянского

уезда, хотя организовать в нём Совет рабочих депутатов было практически не из кого. Первый Брянский уездный съезд крестьянских депутатов состоялся 25-26 мая, а через месяц – Брянский уездный съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ведущую роль и в первых на Брянщине Советах, и в работе названных съездов играли эсеры и меньшевики.

Что касается большевиков, то их участие в событиях февраля 1917 г. не было значительным, поскольку наиболее влиятельные большевистские лидеры находились либо в эмиграции, либо в ссылках. Лишь с апреля 1917 г., после возвращения в Петроград В.И. Ленина и ряда других лидеров, деятельность большевиков не только активизировалась, но и приобрела новое направление, выраженное в ленинских лозунгах: «Никакой поддержки Временному правительству» и «Вся власть Советам!» Росту влияния большевиков способствовала также их антивоенная пропаганда.

Активнее начали действовать большевики и на Брянщине, к чему немало усилий приложил Игнат Иванович Фокин, наиболее известный из руководителей брянских большевиков с апреля 1917 г. Но в весенние месяцы те, кто пропагандировал идеи большевизма, исчислялись здесь еденицами, а самостоятельно действующих организаций не было. Даже в Брянске и Бежице в объединённых социал-демократических организациях из-за их малочисленности состояли вместе большевики и меньшевики. Процесс размежевания начался только в конце мая.

Первой о прекращении сотрудничества с меньшевиками объявила латышская секция Брянского комитета РСДРП. Латышские большевики, возглавляемые К.Я. Казаком и К.К. Баллодом (чуть позже наибольшую известность из них получил Я.И. Алкснис), служили преимущественно при Двинском артиллерийском складе в Брянске. Вероятно, они имели связи и с латышскими переселенцами, осевшими в Овстугской и Князицкой волостях (там было несколько основанных ими хуторов) и в п. Латыши близ Жуковки.

До конца мая 1917 г. образовались отдельные от меньшевиков Бежицкий и Брянский большевистские комитеты. В их состав входили преимущественно рабочие Брянского завода в Бежице и Арсенала, а также некоторые солдаты из тыловых частей, расквартированных в Брянске. В середине июня состоялось объединённое собрание большевиков, избравшее Брянский комитет РСДРП(б), в состав которого вошли М.М. Кульков (председатель), И.И. Фокин и другие. В это время брянская большевистская организация насчитывала около 100 человек, но затем стала быстро расти – в основном, за счёт солдат. Однако даже в Брянске, Бежице, в заводских посёлках Мальцовского района, где влияние

большевиков было наиболее заметным, они вплоть до осени 1917 г. значительно уступали по численности эсеровским и меньшевистским организациям, чьи представители и возглавляли в это время работу местных Советов. Немалую активность в Брянске и уезде проявляли и анархисты, имевшие влияние на солдат и городские низы.

К осени 1917 г. Временное правительство уже не пользовалось доверием большинства населения, которое всё заинтересованнее прислушивалось к большевистской агитации. В сентябре писатель М.М. Пришвин отметил в дневнике: «Что же такое эти большевики, которых настоящая живая Россия всюду проклинает, и всё-таки по всей России жизнь совершается под их давлением, в чём их сила?.. В них есть величайшее напряжение воли, которое позволяет им подниматься высоко и с презрением смотреть на гибель тысяч людей, на опустошение родной страны». В конце сентября консервативная газета «Московские новости» писала в редакционной статье: «Начинается последний акт российской трагедии… Сила перешла в руки крайне левого элемента революции – большевиков. Официально они не стоят у власти… Однако для наблюдателя, умеющего беспристрастно разбираться в текущих событиях, ясно, что по всей линии торжествуют большевики».

«Исключительно тяжёлое положение, переживаемое страной, рост беспорядков, анархии и бесчинств», а также «хозяйственная разруха» отмечены и в принятой тогда же декларации Временного правительства, оказавшегося неспособным справиться со всё усиливавшимся хаосом и что-то противопоставить большевистской пропаганде с её простыми лозунгами: «Земля – крестьянам!», «Фабрики и заводы – рабочим!», «Мир – народам!».

Произошедшие в Петрограде 25-26 октября 1917 г. политические события, из которых главными были свержение Временного правительства и образование нового органа власти - большевистского Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным (Ульяновым), более 70 лет именовались Великой Октябрьской социалистической революцией и отмечались как один из главных праздников. В конце минувшего века эти события чаще стали называть большевистским переворотом (защитников у Временного правительства оказалось очень немного, так что число жертв в северной столице исчислялось единицами, в отличие от Москвы). Но при любом названии октябрьские события 1917 г. стали началом коренной революционной ломки старого строя, сопровождавшейся огромными и нередко драматическими переменами.

Помимо утверждения первого состава Совнаркома, 26 октября Второй Всероссийский Съезд Советов принял два

исторических документа: «Декрет о мире» и «Декрет о земле». Первый, обращённый к народам и правительствам воюющих стран, носил в основном пропагандистский характер, но второй отражал вековые чаяния большинства российских крестьян. В советское время «Декрет о земле» обычно назывался ленинским, хотя в реальности он не соответствовал представлениям Ленина и других лидеров большевиков о перспективах дальнейшего развития российской деревни – «добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства под контролем Советов батрацких депутатов». Эти хозяйства предполагалось вести силами «сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением новейших технических средств». Но Ленин, при всём увлечении некоторыми утопическими идеями, из которых главной была идея близкой мировой революции, оставался прагматически мыслящим политиком и понимал, что для большинства крестьян перспектива превратиться в сельскохозяйственных рабочих (фактически – в батраков) неприемлема. Поэтому содержанием «Декрета о земле» стали крестьянские наказы, обобщённые ранее руководителями политических оппонентов большевиков – эсеров. Согласно декрету, все помещичьи, монастырские, церковные и другие земли крупных собственников вместе с находящимися на них строениями, скотом, инвентарём конфисковывались без всякого выкупа и переходили в распоряжение волостных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов для последующего уравнительного распределения среди трудового крестьянства.

Фактически во многих местах, включая Брянский уезд, ещё до опубликования декрета крестьяне начали проводить в жизнь его основные положения. Порой – стихийно, порой – по решению сельских сходов или волостных комитетов они захватывали и делили пашни и луга, а также скот и инвентарь, принадлежавшие ранее крупным землевладельцам. Попутно растаскивалось и находившееся в имениях имущество. В последние месяцы 1917 г. пострадали не только бывшие помещики, но и зажиточные крестьяне, именуемые обычно кулаками. Ими, в частности, были потеряны земли, купленные за счёт кредитов Крестьянского банка. В целом для русской деревни в это время было характерно «осереднячивание», поскольку значительное количество конфискуемой земли, скота и инвентаря передавалось бедноте. Небольшую часть своих угодий потеряло и сельское духовенство. Особенно заметными эти потери оказались для храмов Фошни, Белоголовли и Вщижа, которые ранее получили от благотворителей крупные лесные дачи, заложенные затем в банках и дававшие храмам дополнительный доход.

Накопленные средства позволили вщижскому духовенству в 1917 г. заложить фундамент нового каменного храма, но на этом строительство и завершилось.

К концу 1917 г., когда первый этап земельных переделов в Брянском уезде заканчивался, количество угодий сельскохозяйственного назначения (кроме основной части лесов и неудобий) в волостях Жуковской земли, а также обеспеченность ими местных крестьян характеризовались следующими показателями (с округлением): Овстугская волость – 22500 десятин; земли на крестьянское хозяйство – 9 десятин, на 1 человека – 1,43 десятины; Фошнянская волость – 19100 десятин; земли на хозяйство – 10 десятин, на 1 человека – 1,45 десятины. Столько же земли на одно хозяйство и на одного человека приходилось и в соседней Салынской волости. А вот в Князицкой волости показатели были выше: земли на хозяйство – 11,5 десятины, на 1 человека – 1,7 десятины. Увеличение произошло в основном за счёт части конфискованных земель АО Брянского завода, доставшихся местным крестьянам.

Но само по себе увеличение земельных наделов не означало для крестьян более обеспеченной жизни, поскольку социально-политическая и хозяйственная ситуация в стране продолжала ухудшаться. Главные надежды на постепенную нормализацию положения многие граждане России возлагали на Учредительное собрание, выборы которого были назначены на 17 ноября 1917 г. ещё Временным правительством. Лидеры большевиков, понимая, что отказ от проведения этих выборов вызвал бы негативное отношение населения, не стали препятствовать их проведению. Но результаты выборов оказались для большевиеов неутешительными: за них проголосовало менее четверти избирателей, в то время как за эсеров – 60 %. Однако уступать кому-то власть большевики не собирались, и 6 января 1918 г., после одного дня заседаний Учредительного собрания, распустили его, а не очень многолюдные демонстрации в его поддержку расстреляли.

Эти события наглядно продемонстрировали, что ни с правовыми нормами, ни с мнением основной части населения большевистские руководители считаться не намерены, а оппоненты воспринимаются ими как контрреволюционеры, даже если это – бывшие союзники. Россия с неизбежностью приближалась к гражданской войне, тем более что отдельные очаги её уже разгорались на окраинах страны.

Возвращаясь к положению на Брянщине, можно сказать одно – оно заметно ухудшалось. Во многих крестьянских семьях отцы и старшие сыновья, бывшие главными работниками, погибли на фронтах Первой мировой войны или вернулись искалеченными. Из-за реквизиций для нужд армии

заметно сократилось число рабочих лошадей. В результате осенью 1917 г. часть земель не была засеяна, а над их владельцами нависла угроза голода.

Не менее трудным было положение тех, кто работал на заводах и фабриках Брянска и окрестных посёлков. Развал транспорта и нарушение существовавших ранее хозяйственных связей привели к острой нехватке сырья и топлива, к значительному сокращению производства, а затем и к остановке работ. Если в 1914 – 1916 гг. на Брянском заводе в Бежице выпускалось в год свыше 80 паровозов, то в октябре – ноябре 1917 г. - только один. К концу года приостановились работы на Дятьковском хрустальном, Ивотском и Радицком стекольных заводах, Знеберской бутылочной и Брянской канатной фабриках, прекратилось движение на Мальцовской узкоколейной железной дороге, приостановился выпуск цемента. В 1918 г. в Жуковке остановились военно-обозный, шпалопропиточный, лесопильный и металлургический заводы. За исключением последнего, позже производство на них начало восстанавливаться. Однако к началу 1918 г. тысячи рабочих и служащих оказались безработными (среди них было немало и уроженцев Жуковской земли). Существенно влияло на ситуацию и ещё одно обстоятельство – после утверждения власти большевиков преобладающая часть владельцев и руководителей предприятий, не ожидая введения рабочего контроля, оставила производство и уехала (многие – в эмиграцию). Покинула заводы и часть ведущих специалистов. А созданные рабочими фабричные комитеты, в которых были сильны анархистские влияния, оказались не в состоянии хоть как-то организовать разваливающееся производство. В сложившейся ситуации национализация промышленности и транспорта была неизбежной.

В конце июня 1918 г. был издан декрет о национализации крупной промышленности, хотя в реальности это началось раньше по инициативе местных руководителей и рабочих коллективов. Банки, железные дороги, торговый флот стали государственными ещё в первой половине 1918 г. Помимо крупных заводов и фабрик до конца года подверглись национализации многие средние и часть мелких предприятий. В Брянском уезде были национализированы все небольшие кирпичные, пенькообрабатывающие, маслобойные заводы, часть мельниц. Из нескольких находившихся в уезде деревообрабатывающих заводов из-за отъезда их владельцев большинство остановилось или работало еле-еле. Неожиданно первым по объёму выпускаемой продукции стал Олсуфьевский лесопильный завод, где работали две пилорамы. Продолжалось это недолго, и в 1920 г. завод не смог

выполнить доведенные до него плановые задания в связи с нехваткой деловой древесины.

Но в целом леса Брянского уезда давали местным жителям и сырьё для деревообработки, и дрова для отопления, и строительные материалы. Особенно нужно подчеркнуть последнее. Ведь для дореволюционной русской деревни были характерны и стали её символами покосившиеся серые избёнки (вспомним А. Блока и С. Есенина). Дело не в отсутствии трудовых умений у мужиков, а в отсутствии лесных угодий в крестьянских надельных землях. Приобрести хорошую деловую древесину для постройки избы было не по карману большинству крестьян. Вот и приходилось им довольствоваться стоившими дешевле стволами молодых осин и берёз, хотя построенные из них избы были не очень прочными и зимой плохо берегли тепло. Так что упоминаемые ранее самовольные крестьянские порубки в государственных и частновладельческих лесах – дело неизбежное. Закономерно резкое увеличение порубок с весны 1917 г. при слабом Временном правительстве и позже, пока большевистской власти было не до лесов. В результате в 1917-первой половине 1918 гг. деревня в значительной степени отстроилась.

Но надежды крестьян на постепенное налаживание хозяйственной жизни и более благоустроенного быта скоро, в период «военного коммунизма», рухнули. Чрезвычайные меры, принятые в это время властью, позже нередко объяснялись трудностями в связи с начавшейся Гражданской войной, но такие объяснения расходятся с действительностью. Ведь основные военные действия Красной Армии против контрреволюционных сил начались с лета 1918 г., а чрезвычайные меры стали применяться намного раньше. В телеграмме от 8 марта 1918 г., адресованной Совнаркомом местным Советам рабочих и солдатских депутатов, были такие требования: «Необходима беспощадная борьба с помещиками, кулаками, спекулянтами и укрывателями хлеба. Совнарком предлагает… немедленно приступить к реквизиции излишков хлеба и других продуктов… Все укрыватели и спекулянты подлежат аресту и революционному суду как враги народа… вплоть до конфискации всего имущества». Затем последовал декрет ВЦИК о введении в стране продовольственной диктатуры, по которому наркомпрод получал чрезвычайные полномочия, а рабочим предлагалось создавать продотряды для изъятия у крестьян излишков хлеба. Бесчинства, творимые некоторыми продотрядовцами, дали основание В.И. Ленину расценить их как «уголовное безобразие», заслуживающее расстрела. Даже правительственная газета «Известия ВЦИК» признавала, что «подавляющее большинство этих отрядов состояло из самого неблагонадёжного и тёмного элемента».

На территории Брянского уезда особые эксцессы в действиях продотрядов неизвестны, но отношение крестьян к проводимым ими реквизициям было отрицательным. Вероятно, случались и убийства продотрядовцев, как и во многих других местах, но достоверно выявить это не удалось.

Напряжённость в деревне особенно усилилась с июня 1918 г., когда согласно декрету центральной власти начали организовываться комитеты бедноты. Они должны были помогать продотрядам в изъятии зерна и других продуктов, а фактически подменяли местные крестьянские Советы. Во главе комбедов обычно оказывались те, кто «говорить горазды», а о нравах некоторых комбедовских вожаков можно судить по такому случаю. В ноябре 1918 г. председатель Неготинского комбеда Овстугской волости Григорий Иванчиков, собрав с местных жителей около четырёх тысяч рублей в качестве налога, отправился в Брянск для сдачи денег, но ни в Брянске, ни позже в Неготино не появился - скрылся вместс с деньгами.

Власть преднамеренно разжигала вражду между беднотой и зажиточными крестьянами, чьё влияние на настроения сельских жителей было преобладающим. При активном участии комбедов проходил во многих селениях новый передел земли. Причины для него, несомненно, были: возвращались домой солдаты с фронта и из плена, вновь начинали хозяйствовать на земле те вышедшие из крестьян рабочие, которые оказались безработными. Поскольку помещичьи земли уже были поделены, потребовалось сокращать крестьянские наделы, что в основном затронуло более зажиточных. Фактически же это была первая, более «мягкая» попытка «раскулачивания» - без разорения крепких крестьянских хозяйств, а лишь с их «ужатием».

Основные направления политики большевистского руководства резко критиковались не только их оппонентами из числа правых эсеров и меньшевиков, но и недавними союзниками, анархистами и левыми эсерами, которые поддерживали большевиков и в октябре 1917 г., и при разгоне Учредительного собрания. Но с весны 1918 г. левые эсеры и анархисты многое осуждали в действиях большевистских лидеров: тяжёлые условия подписанного ими Брестского мира, продовольственную политику (особенно - запрет торговли), миогочисленные и далеко не всегда обоснованные репрессии, изменение отношения большевиков к местным Советам, в том числе – к недавно появившимся сельским и волостным (в январе 1918 г. они были, в частности, избраны в Овстугской и Фошнянской волостях). Прежний лозунг «Вся власть Советам!» стал преднамеренно забываться, поскольку многие местные Советы далеко не во всём были согласны с большевиками.

Жёстко, но в целом справедливо подвергла критике политику большевиков лидер левых эсеров М.А. Спиридонова в открытом письме Центральному Комитету партии большевиков в ноябре 1918 г. Отметив, что Советы – это орган «самоуправления трудящихся масс, чутко отражающий их волю, настроения и нужды», автор письма прямо указывала большевистским вождям, что во многих губерниях Советы десятками разгонялись, а «вся крестьянская масса была поставлена под начало военно-революционных комитетов, исполкомов (назначенных из большевиков) и чрезвычаек». Как итог всего – «ваша политика оказалась сплошным надувательством трудящихся». Но к прямой борьбе с большевистской властью лидеры левых эсеров не призывали, в отличие от анархистов.

Обратимся непосредственно к деятельности анархистов на территории Брянщины. Если в годы первой русской революции и позже они проявляли себя в основном «экспроприациями», то после октября 1917 г. анархисты попытались найти себе место среди новой власти. Они участвовали в работе местных Советов, фабрично-заводских комитетов, активно выступали на различных политических мероприятиях, но с весны 1918 г. действия брянских анархистов явно начали приобретать антибольшевистскую направленность. Вскоре после проходившего в Брянске первомайского митинга группа вооружённых анархистов захватила тюрьму и освободила находившихся там арестантов. Ещё раньше, опираясь на поддержку многих рабочих Арсенала, анархисты захватили на Покровской горе одно из заводских зданий и устроили там свою штаб-квартиру. В июле 1918 г. Брянская федерация анархистов выпустила воззвание с прямым призывом свергнуть власть большевиков. Вот этот текст (с сокращениями): «Вставай, народ! Те, кто раньше призывал к свободе, равенству и братству, творят страшное насилие! Заключённых расстреливают без суда и следствия… Большевики стали монархистами. Больше нет ни свободы речи, ни свободной прессы, ни свободы совести. Всюду только кровь, стоны, слёзы и насилие… Пора подниматься, народ! Уничтожим всех, кто подавляет нас!» Были получены сведения о подготовке анархистами мятежа с целью захвата власти в Брянске. Упреждающий ответ последовал в ночь на 1 сентября, когда отряд чекистов ворвался в штаб-квартиру анархистов и после короткого сопротивления разоружил и арестовал основное ядро их организации. Собрание рабочих и служащих Арсенала осудило действия большевиков, но до серьёзного противостояния дело не дошло. Позже небольшие группы анархистов продолжали существовать в Брянске, Бежице и окрестных местах, но заметной роли уже не играли. Впрочем,

есть сведения, что именно брянские анархисты доставили в Москву взрывчатку для изготовления бомбы, взорванной местными «анархистами подполья» в сентябре 1919 г. во время заседания Московского городского комитета большевиков.

Однако основными политическими противниками большевиков в борьбе за влияние на народные массы были не анархисты, а меньшевики и эсеры. В октябре 1917 г. эти партии утратили преобладающее влияние в Брянском и Бежицком Советах, но к концу года, с учётом роста хозяйственной разрухи и угрозы голода, влияние большевиков в Брянске и уезде начало заметно падать. Поэтому руководители местных большевиков предпочитали опираться не на Советы, а на созданные ими другие органы власти. Первоначально это был Революционный комитет во главе с А.Н. Медведевым (позже он возглавлял Брянскую ЧК и оставил о себе недобрую память), а с начала декабря – Брянский районный Совет народных комиссаров, председателем которого был Г.Г. Панков. В состав этого органа власти, действовавшего на территории Брянского уезда Орловской губернии и Жиздринского уезда Калужской губернии, входили 5 большевиков, 3 левых эсера (они тогда ещё сотрудничали с большевиками) и 4 беспартийных крестьянина.

Весной – летом 1918 г. меньшевики попытались создать в целом ряде городов независимые от власти организации рабочих – «Собрания уполномоченных фабрик и заводов». Создано такое «Собрание» было и в Брянске. Но, поскольку в своих документах они не только критиковали большевистские власти, но и призывали к их свержению, деятельность этих «Собраний» была довольно быстро пресечена. Продолжали меньшевики и эсеры выступать против политики большевиков и в Советах. С марта им удалось получить большинство мест в Бежицком Совете и возглавить его исполком. В июле в Бежице была проведена уездная крестьянская конференция, на которой 50 крестьян из разных волостей подвергли критике политику «военного коммунизма» в деревне.

Мириться с таким положением не захотела центральная власть, и в августе 1918 г. присланный из Москвы отряд чекистов арестовал исполком Бежицкого Совета и отправил его членов в тюрьму (ненадолго арестовывался московскими чекистами даже руководитель брянских большевиков И.И. Фокин, не поддержавший таких действий). Многотысячный митинг местных рабочих потребовал «восстановления прежнего Совета и освобождения арестованных». Последнее требование вскоре было удовлетворено, но в прежнем составе Совет в Бежице больше не собирался. А с осени 1918 г. меньшевики и эсеры были удалены из всех органов власти, согласно изданному ранее декрету ВЦИК. Их места в

волостных и сельских Советах заняли преимущественно бывшие активисты комбедов, распущенных в конце года.

Насильственное изъятие у крестьян зерна и других продуктов, проводимое продотрядами при активном содействии комбедов, не смогло решить проблему голода горожан. Продовольственные пайки, выдаваемые рабочим и служащим, покрывали менее половины потребляемого ими хлеба, а большую часть им приходилось добывать путём самообеспечения: либо на нелегальном «чёрном рынке» (там обычно хлеб обменивался на какие-нибудь вещи), либо в поездках в те районы, где хлеб был. Второй способ, оказавшийся основным, стали называть «мешочничеством», и многие пути «мешочников» проходили через Брянский уезд. Считая самовольные поездки за зерном нарушением декрета о продовольственной диктатуре, большевистские власти начали организовывать на узловых железнодорожных станциях особые заградительные отряды, которые должны были изымать привезенные «мешочниками» продукты и арестовывать тех из них, кто пытался противодействовать реквизициям. В ответ «мешочники» тоже стали вооружаться и создавать отряды самозащиты. Примечательно, что находившиеся на станциях солдаты и матросы обычно оказывали поддержку «мешочникам». Так было, например, на станции Брянск–Полесский, где заградотрядовцы отобрали мешки с продуктами у возвращавшихся с ними горожан. Те отправили делегатов в соседние солдатские казармы, и прибывшие оттуда солдаты не только разогнали заградотряд, но и помогли вновь погрузить мешки в вагоны и даже выделили вооружённое сопровождение для охраны. Удивляться этому не стоит – парой месяцев раньше, в марте 1918 г., именно солдаты, расквартированные в брянской Полесской слободе, участвовали в вооружённом мятеже, который властям удалось погасить без больших осложнений. Почувствовав бесперспективность дальнейшей силовой борьбы с «мешочничеством» и усиление недовольства ею среди горожан, власти скорректировали свою политику в этом вопросе и в конце года разрешили провоз продуктов, но не более полутора пудов (24 кг) на человека.

Одна из давних советских песен, посвящённых Гражданской войне, начиналась словами: «По военной дороге шёл в грозе и тревоге боевой восемнадцатый год…» Да, именно в 1918 г. военные дороги прошли по многим местам России, где заполыхал огонь Гражданской войны. Он обошёл стороной Жуковскую землю, но тревог местные жители хлебнули вволю. Главная из них: как выжить в условиях хозяйственной разрухи и отсутствия порой самого необходимого? Но хватало и других тревог: за судьбу мужей, братьев, сыновей, мобилизованных в

Красную армию и участвовавших в боях, или тех близких родственников, которые уклонились от мобилизации (таких было около трети) и скрывались где-нибудь в глухих лесных местах. Многих тревожила сохранность припрятанного от продотрядовцев зерна, а также скота, на который могли «положить глаз» комбедовцы или грабители из окрестных банд, число которых намного увеличилось (по данным Брянской ЧК, в 1918-1919 гг. наибольшее количество грабежей и бандитских нападений в уезде было совершено неподалеку от Жуковки, Дубровки, Клетни).

Тревожило крестьян и состояние собственных хозяйств: заменить износившуюся или сломавшуюся косу, пилу, серп было нечем, так как сельхозинвентарь почти перестали выпускать, а большинство местных кузниц бездействовало из-за отсутствия железа. К тому же около двух месяцев в году крестьянин был оторван от своих дел, выполняя трудовую повинность (по заготовке дров, очистке железнодорожных путей от снега и т. п.) и гужевую повинность, перевозя на собственной лошади и на своей телеге разные грузы. Вся эта бесплатная работа отвлекала от личных хозяйственных дел.

В годы Гражданской войны большевистские власти в отношениях с населением, помимо мер административно-репрессивного воздействия, уделяли немало внимания пропаганде и агитации, хотя трудностей в этой работе было больше, чем достижений. Прежде всего, отметим, что у населения (особенно у крестьян) отношение к большевистским агитаторам было чаще всего настороженным, а порой и враждебным. Вот лишь некоторые примеры. Летом 1918 г., когда огонь Гражданской войны охватил уже многие районы, в волости Брянского уезда с агитационными целями выехали некоторые работники местного военкомата. Почти всюду их встречали недоверчиво, а из отдельных селений им пришлось уехать, не окончив выступлений, из-за опасности быть избитыми возбуждённой толпой. Позже вместе с агитаторами стали направлять небольшие красноармейские отряды, занимавшиеся также изъятием оружия у населения. Так в октябре 1918 г. агитатор Коханов направился в Фошнянскую волость, где, по его словам, «ни одно постаноеление волостного совета в жизнь не проводится» и «вся волость находится под давлением купцов и деревенских кулаков», в сопровождении вооружённой группы из располагавшегося на ст. Дубровка отряда советской охраны. В итоге и выступление агитатора, и проведенные обыски прошли спокойно.

Агитационно-пропагандистской работой занимались, конечно, не только сотрудники военкомата. В резолюции первого Брянского уездного съезда РКП(б) было записано, что «каждый член партии обязан быть агитатором и

пропагандистом». Однако обращаться к крестьянам с понятными и убедительными речами умели отнюдь не все большевистские вожаки, не говоря уже о рядовых партийцах. Но особенно отражалось на слабой результативности пропаганды то, что немалая часть актива проявляла себя далеко не лучшим образом. Случаи пьянства, грубого отношения к рядовым гражданам, злоупотребления служебным положением, хищения государственных средств были не единичными, а сведения о них, распространяемые зачастую в виде преувеличенных слухов, отрицательно влияли на эффективность партийной агитации.

Вот некоторые факты. Раненый красноармеец из Жуковки направил в уездную газету заметку, в которой писал о местных партийцах: «Все они ходили, кричали, что они коммунисты, а когда их позвали на войну, тогда они вдруг все сказались больными; тот не может, тот не хочет, так и осталось». Такая заметка в газете, конечно, не появилась. В марте 1919 г. Н. Львов, работавший кассиром на станции Жуковка, будучи допрошен в уездной ЧК, сообщил, что среди пассажиров слышал разговоры о засилье во власти евреев, о малом числе в Советах «идейных работников», а преобладают там те, «кто не прочь украсть». В частности, он упомянул Н. Кузнецова, одного из руководителей брянских большевиков, который, по слухам, похитил несколько миллионов рублей (по другим сведениям, причастны к хищениям были также А. Медведев и Г. Шоханов).

Были, впрочем, и более положительные примеры. В частности, интерес представляет биография одного из сельских активистов первых послереволюционных лет. Иван Андреевич Зведрис родился в 1879 г. в Лифляндии в бедной крестьянской семье. После смерти отца Яну с 7 до 12 лет пришлось наниматься в пастухи к богатым хуторянам: летом пас скот, а зимой учился в сельской школе, где проявил хорошие способности. Затем он поступил на казённый счёт в Рижское духовное училище, а в 1902 г. окончил духовную семинарию. Через два года священника Иоанна перевели в Орловскую губернию и направили в с. Быковичи Брянского уезда, поскольку по соседству, в Столбянских хуторах, было немало латышей (по данным Всероссийской переписи, в Князицкой и Овстугской волостях их проживало более 230). Там он возбудил недовольство помещиков защитой интересов крестьянской бедноты и в 1905 г. оказался среди немногих «красных батюшек». Сам о. Иоанн ещё плохо разбирался в политических партиях, что привело к курьёзному случаю. Во время выборов во 2-ую Государственную Думу его после горячей речи в защиту крестьян на уездном предвыборном собрании в Брянске бежицкие рабочие причислили к социал-

демократам большевикам. Когда один из полицейских чиновников спросил у священника: «Каковы Ваши политические убеждения?», тот, недолго думая, ответил: «Я социал-демократ большевик». Но стоявший поблизости и слышавший разговор князь В.В. Тенишев подошёл и сказал, что священник шутит, он – «беспартийный прогрессист». При поддержке крестьян Зведрис дошёл до губернского собрания, но там был «зарублен». Священника вызвал к себе епископ Орловский и Севский Серафим (Чичагов), который после наставлений предупредил, что не будет препятствовать его возможному аресту. Однако всё ограничилось его возвращением в Лифляндию. Не останавливаясь на последующих событиях в жизни Зведриса, обратимся ко времени его возвращения на Брянщину в 1919 г. Он вновь оказался в Быковичах, но не как священник, а как учитель в местной школе. «Когда при наступлении Деникина началось бегство из партии многих крестьян», лишь недавно в неё вступивших, Зведрис стал членом партии большевиков. Работал заведующим детской колонией, организовал Народный дом в Быковичах, где вёл антирелигиозную и другую пропагандистскую работу. Принимал активное участие в организации в волости 7 сельхозартелей с коллективной обработкой земли, в 1923 -1925 гг. работал заведующим уездным земуправлением, а немного позже - зав. отделом землеустройства Брянского губземуправления. В 1928 г. в п. Людинка состоялся судебный процесс 24 жителей Столбянских хуторов и местных сельских и волостных руководителей, обвиняемых в незаконной купле-продаже земли, где вскрылась причастность Зведриса к нарушениям. Он уехал из Брянска и устроился директором Ростовской опытной мелиоративной станции, но в 1930 г. был снят с работы. На станции топографом работал и его сын Евгений (1908), арестованный и расстрелянный в 1938 г.

В какой-то мере отношение населения к большевистской власти передают слова одного из крестьян, записанные упоминавшейся ранее С.З. Федорченко: «Я партийных как-то не люблю, страшусь... Мне куда труднее всякой устали по чужой указке жить». А ведь именно это – заставить людей (в первую очередь – крестьян) жить «по чужой указке» - было одной из главных целей большевиков по переустройству жизни всего российского общества. Совершенно определённо это утверждал один из главных большевистских идеологов - Н.И. Бухарин, который считал, что «пролетарское принуждение, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью», является основным методом «формирования из человеческого материала, доставшегося от прежней жизни», новых коммунистических отношений.

Наверняка автор этой мысли не мог предположить, что через 20 лет он сам, как отработанный «человеческий материал», будет расстрелян и объявлен «врагом народа».

Если Н.И. Бухарину не довелось побывать на Брянщине, то некоторые другие видные большевистские деятели приезжали сюда именно в период Гражданской войны. Осенью 1918 г. инспекционную поездку в Брянск и соседние места совершил председатель Реввоенсовета Советской республики Л.Д. Троцкий. В июне 1919 г. здесь побывал председатель ВЦИК М.И. Калинин. Проехав от Новозыбкова до Брянска, «всероссийский староста», тепло встречаемый собравшимися, на всех станциях выступал с агитационными речами. Лишь на Брянском заводе в Бежице, рабочие которого в это время голодали, выступление М.И. Калинина было воспринято сдержанно и перебивалось «неудобными» вопросами. В октябре того же года в Брянск, Бежицу и Дятьково приезжал с агитационными целями нарком просвещения А.В. Луначарский. А в начале 1921 г. в Брянске и Мальцовском промышленном районе побывал председатель ВСНХ А.И. Рыков, будущий председатель Совнаркома СССР в 1924-1930 гг. Он провёл в Дятьково совещание хозяйственных руководителей и специалистов, наметившее программу постепенного возвращения к производственной деятельности ранее остановившихся предприятий.

Упомянутые видные советские деятели на Жуковской земле не побывали, чего нельзя сказать о руководящих работниках Брянского уезда, хотя их служебные поездки обычно нигде не фиксировались. Далее – некоторые сведения о двух наиболее примечательных из брянских руководителей того времени: И.И. Фокине и Г.Г. Панкове (попутно ещё об одном – Н.И. Анцышкине). Недолгая жизнь Игната Ивановича Фокина (декабрь 1889 – апрель 1919) с ранней юности была насыщена активной революционной деятельностью, которая не раз прерывалась арестами, тюремным заключением и ссылками. С Брянском и окрестными местами он был связан менее трёх лет: с конца 1910 г. до октября 1911 г. работал чертёжникм на цементном заводе, а затем с апреля 1917 г. до апреля 1919 г. возглавлял брянских большевиков и с мая 1918 г. одновременно был председателем исполкома Брянского уездного Совета. Уделяя главное внимание Брянску, Бежице и Мальцовскому промышленному округу, И.И. Фокин не обошёл стороной и Жуковку.

Об этом свидетельствует фотография, сделанная в 1918 г. в Жуковке. На снимке запечатлены трое: И.И. Фокин, его товарищ по революционной и советской работе Н.И. Анцышкин и младшая сестра Игната Ивановича Анна. Несомненно, что фотография сделана не во время служебной

поездки, а, скорее всего, при посещении кого-то из близких знакомых или родственников. Не исключено, что им мог быть уже упоминнавшийся жуковский агроном Николай Иванович Фокин, который работал земским агрономом с мая 1911 г. и активно занимался распространением сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Им было заложено в Фошне опытное поле с многопольным севооборотом, там же помогал местному кредитному обществу в приобретении нужных сельхозмашин, содействовал развитию огородничества и садоводства. В конце 1919 г. он арестовывался местными чекистами по обвинению в связях с эсерами, но вскоре был освобождён. В 1926 г. в Брянске была издана небольшая книжечка Н.И. Фокина «Многопольные севообороты в Брянской губернии».

Больше известен другой Николай Иванович – Анцышкин (1890 - 1941), из рабочей семьи с. Сукремль близ Людинова, в 1914-1918 гг. он работал учителем в Дятьковском высшем начальном училище, совмещая преподавательскую деятельность с революционной. В 1918 г. переехал в Брянск, где был назначен заведующим уездным отделом народного образования, а в конце 1920 г. – заведующим Брянским губернским ОНО. С 1924 г. жил и работал в Ленинграде.

Есть ещё один документ, косвенно свидетельствующий о связях И.И. Фокина с Жуковкой. В декабре 1918 г. Игнат Иванович находился в Москве, где в наркомате внутренних дел обсуждал перспективы создания Брянской губернии. Там он получил телеграмму от жителей Жуковки, арестованных чекистами, с жалобой на плохие условия содержания («холодный сарай»). Значит, в Жуковке был кто-то, знавший о поездке И.И. Фокина в Москву и сообщивший об этом арестованным. В ответ Жуковскому ревкому было предложено объяснить, каким образом арестанты (названные «буржуазией Жуковки») могли послать телеграмму.

Особенно ярко большое мужество И.И. Фокина, а также его умение находить ёмкие и убедительные слова, способные изменить настроение даже у противников, проявилось в марте 1919 г. во время нового солдатского восстания в Полесской слободе. В условиях Гражданской войны обеспечение тыловых красноармейских частей стало ухудшаться, что вызывало недовольство. Этим и воспользовались антибольшевистские силы, которым удалось поднять солдат на открытый мятеж. В ночь на 12 марта были захвачены оружейный, продовольственный и вещевой склады, а в середине дня агрессивно настроенная солдатская масса начала движение к мосту через Десну, чтобы занять основную часть Брянска. К противоположной стороне моста были выдвинуты вооружённые отряды, спешно собранные руководителями брянских большевиков. Кровопролитное столкновение

казалось неизбежным. В это время И.И. Фокин, сев в конную пролётку, один, без охраны, выехал навстречу мятежной солдатской толпе, которая от неожиданности остановилась. И поведение Игната Ивановича, и его обращённая к солдатам речь изменили настрой мятежников, их агрессивность начала спадать, а затем солдаты повернули назад, к своим казармам. В несколько ближайших дней с мятежом удалось покончить. Вскоре И.И. Фокин выехал в Москву на VIII съезд большевистской партии, а по возвращении заболел тифом и 13 апреля скончался. Похоронили его при большом стечении народа в парке напротив Преображенского собора. Ныне там нет ни взорванного собора, ни холма, где он находился. Недавно не стало и тогдашнего парка, а останки И.И. Фокина перенесли на центральное брянское кладбище. Среди участников погребения уважаемого руководителя брянских большевиков были и прибывшие на уездное совещание председатели волостных и сельских Советов, и делегация из Жуковки во главе с секретарём местной большевистской организации Хазиным.

Одним из ближайших соратников И.И. Фокина по революционной деятельности и начальному периоду социалистических преобразований на Брянщине был Григорий Гаврилович Панков (1885 – 1963). Он родился в Бежице в рабочей семье, с 1890 г. жил с родителями в Екатеринославе (ныне - Днепропетровск), там окончил заводскую школу и с 16 лет начал работать на том же заводе, где и отец. Здесь Григорий участвовал в забастовках и демонстрациях, а весной 1905 г., спасаясь от ареста, вернулся в Бежицу. Установив связь с местными социал-демократами, он вновь начал привычную деятельность и вскоре стал заметен.

Среди тех, с кем близко общался Г. Панков в годы первой русской революции, были Е.А. Преображенский (1886 – 1937) и Н.А. Кубяк (1881 – 1937), видные позже партийные деятели. Последний из них вместе с Г. Панковым организовал подпольную типографию, где печатались не только прокламации, но и газета «Пролетарий». Все усилия брянской полиции обнаружить типографию оказались тщетными, что свидетельствовало о конспиративной осмотрительности Г. Панкова. Его надёжными помощниками в этой опасной работе были самые близкие люди: жена, Таисия Степановна, и мать жены, Феодосия Григорьевна Иванова. Усиление правительственных репрессий, арест в конце 1907 г. многих брянских социал-демократов в значительной степени сузили возможности Г. Панкова, а неднократные обыски, арест и последующее тюремное заключение (к счастью, недолгое), увольнение с Брянского завода и угроза ссылки – всё это заставило его уехать из Бежицы.

В начале 1915 г. он устроился работать на один из петроградских заводов, где начал сотрудничать с левыми меньшевиками-интернационалистами. Не раз выступал на рабочих сходках, и вскоре известность Г.Г. Панкова переросла заводские рамки. В феврале 1917 г. его избрали в состав Петроградского Совета рабочих депутатов, а затем и в состав Временного исполкома Совета (среди 15 членов исполкома были некоторые известные деятели меньшевиков и эсеров, включая А.Ф. Керенского, а также члены Русского бюро ЦК партии большевиков П.А. Залуцкий и А.Г. Шляпников). Входивший в состав исполкома Н.Н. Суханов в первом томе своих обширных «Записок о революции» (1921) не раз упоминал «рабочего Панкова» и оценивал его положительно. В Петрограде Григорий Гаврилович возобновил своё знакомство с И.И. Фокиным (они были знакомы с конца 1906 г., когда юный Игнат, приезжая из Людинова в Бежицу, останавливался в доме Панковых). В родные места Г. Панков вернулся в сентябре 1917 г., после настойчивых приглашений И. Фокина. Тогда же стал членом партии большевиков, а с декабря 1917 г. до мая 1918 г. являлся председателем Совета Народных Комиссаров Брянского района. Когда же по решению ВЦИК этот орган власти был упразднён, на ближайшем съезде Брянского уездного Совета Г. Панкова избрали заместителем (товарищем) председателя исполкома (председателем избрали И. Фокина). Вскоре после смерти И. Фокина Г. Панков возглавил исполком Брянского уездного Совета, а после образования Брянской губернии был избран в марте 1920 г. первым председателем Брянского губисполкома.

С лета 1919 г. положение Брянщины стало всё более осложняться в связи с началом наступления войск А.И. Деникина па Москву. Непосредственно на Брянском направлении войскам «белых» противостояли части 14-й армии (командующий – И.П. Уборевич, члены РВС – С.П. Нацаренус, Г.К. Орджоникидзе). Штаб армии находился в Брянске. Здесь же располагались многочисленные госпитали, размещались команды выздоравливающих. Из-за скученности и недостаточных санитарных условий началась эпидемия тифа. О положении в Брянске и окрестных местах осенью 1919 г. оставил довольно подробное описание побывавший здесь А.В. Луначарский: «Брянский район находится, можно сказать, в двух шагах от фронта. За время моего пребывания там противник захватил станцию Брасово и давил на Навлю. Главной военной силой, обороняющей этот район, является армия, отступившая сюда из глубины Украины. В ней далеко не всё благополучно при чрезвычайно развитом духе партизанщины – распущенность, своеобразное ухарство, разгильдяйство, которые присущи и части командного состава.

Местной милиции приходится бороться с пьянством, со всякого рода оргиями, как нельзя менее пристойными в прифронтовой полосе. Я сам читал курьёзные клятвы «никогда больше не буду пить», написанные едва вытрезвившимися офицерами, подчас занимающими высокие должности, по требованию патриархальных революционных властей Брянска... В районе совершенно нет соли. Пользуясь этим, целый ряд армейских должностных лиц выменивает на соль кур, гусей, поросят, чем возбуждает в сельском населении негодование. Часты и городские жалобы на то, что различные командиры требуют себе неистовое количество подвод».

Будучи наркомом просвещения, А.В. Луначарский не мог не заметить ещё одного неблагоприятного обстоятельства: наступление деникинских войск вызвало «наплыв с Украины больших масс беженцев – обездоленных, разутых, голодных, которым требовалось оказание широкой помощи. Ежедневно приходилось видеть голодных, разутых и раздетых больных и приводимых детей, большей частью лишившихся своих родных. Детей нужно было не только принимать в детские дома, которые были переполнены, но обувать и одевать».

Вот в таких очень трудных условиях приходилось тогда работать брянским уездным властям во главе с Г. Панковым, который с конца августа 1919 г. одновременно возглавлял Реввоенсовет Брянского укрепрайона. Но напряжённая работа шла: и мобилизация призывников в Красную армию, и выполнение заданий по продразвёрстке, и обеспечение минимальными продовольственными пайками рабочих и служащих, и восстановление движения на железных дорогах, и заготовка дров, и борьба с бандитизмом.

В октябре – ноябре 1919 г. красноармейские части Южного фронта, в состав которого входила и 14-я армия, получив большие подкрепления, остановили продвижение деникинских войск и сами перешли в наступление. «Белые» были вынуждены оставить Орёл, Курск и всё дальше отступали на юг. Военная угроза Брянску и окрестным местам была устранена, но прочие трудности оставались. К тому же 1920-й год для жителей Брянского и соседних уездов оказался неурожайным, что усугубило нехватку продовольствия. Особенно остро это сказывалось на настроених рабочих Брянского завода в Бежице, которые выполняли срочный заказ для фронта по изготовлению и ремонту бронепоездов. Нужно было принимать неотложные меры, чтобы из-за голода эта работа не остановилась.

Был организован специальный поезд для заготовки хлеба, и спустя недолгое время в Брянск прибыли 80 вагонов с зерном. Но тут же последовало распоряжение наркомпрода А.Д. Цюрупы немедленно отправить зерно в Москву. Г.

Панков сообщил наркому, что Брянский губисполком выполнить это распоряжение не сможет. Из Москвы позвонил председатель ВЦИК М.И. Калинин, подтвердивший требование наркомпрода. В результате в Москву было отправлено 40 вагонов зерна, а столько же оставлено для рабочих Брянска и Бежицы. Г. Панков был вызван в Москву для объяснения. Там его принял В.И. Ленин, успевший предварительно познакомиться с обстоятельной запиской Г. Панкова. Разговор был спокойным и завершился без всякого взыскания. Но в «московских верхах», вероятно, оценили действия председателя губисполкома как нарушение исполнительской дисциплины и чуть позже вспомнили об этом: в мае 1922 г. Г. Панков был освобождён от своих обязанностей и переведен в Москву на профсоюзную работу. Занимаемые им впоследствии должности были не очень заметными и это, возможно, позволило ему избежать судьбы большинства названных ранее сотоварищей в годы революций и Гражданской войны, ставших жертвами политических репрессий 1930-х годов. Завершая краткий рассказ о Г.Г. Панкове, приходится с сожалением констатировать, что в Брянске память о нём никак не отмечена, хотя его заслуги перед жителями Брянщины отнюдь не меньше, чем у И.И. Фокина, не говоря уже о Володарском, Урицком и других деятелях, не имевших отношения к нашему краю.

К концу 1920 г. основные боевые действия между «красными» и «белыми» закончились поражением последних, но это ещё не означало завершения Гражданской войны. Её продолжением стали крупные крестьянские восстания в Тамбовской и Воронежской губерниях («Антоновщина»), во многих других местах, а также Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. Все они были подавлены с большой жестокостью. Проявления массового народного недовольства в своём большинстве не являлись выступлениями против власти Советов, а направлялись против всевластия и насилий большевиков и проводимой ими политики «военного коммунизма».

В этих условиях руководители большевистской партии ео главе с Лениным были вынуждены признать, что попытка придти к социализму ускоренными темпами оказалась несостоятельной. Ленин, не отличавшийся особым интересом к жизни русского крестьянства, но бывший реально мыслящим политиком, ещё в декабре 1920 г. говорил: «Если мы обратим на беспартийного крестьянина всё внимание, тогда мы победим. Без такой победы, без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет, без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы – ничто».

Нужно было учитывать и настроение рабочих, большинство которых также являлось противниками политики «военного коммунизма». На проходившей в феврале 1921 г. в Москве конференции металлистов (в её работе участвовал и Ленин) была принята резолюция, где отмечалось, что продразвёрстка «не только не отвечает интересам крестьянских масс, но и губительным образом отражается на положении рабочих».

В итоге с весны 1921 г. вместо «военного коммунизма» начала проводиться «новая экономическая политика» (нэп). Основными составными элементами нэпа являлись: замена продразвёрстки продналогом, разрешение свободной торговли, денационализация мелкой промышленности и разрешение открывать частные предприятия в сфере производства, торговли и бытового обслуживания с небольшим числом наёмных работников. Чуть позже вместо уравнительной и преимущественно натуральной оплаты труда была введена дифференцированная денежная оплата в зависимости от количества и качества труда. Значительное внимание уделялось развитию разных форм кооперации, а также кустарно-ремесленному производству. Все эти меры должны были не только снизить социальную напряжённость, но и создать у людей заинтересованность в развитии хозяйства. И хотя в жизни населения оставалось ещё много трудностей, в народной памяти годы нэпа долго сохранялись как наиболее спокойное время без серьёзных потрясений.

Каким же было положение в годы нэпа в Брянской губернии, включая будущий Жуковский район? Сначала – об административных изменениях. С весны 1921 г. центром бывшего Брянского уезда стала Бежица, преобразованная в город, а уезд начал именоваться Бежицким. Перемены коснулись и волостей, входивших в состав уезда. Центром бывшей Фошнянской волости стал с 1924 г. посёлок Жуковка, а территория Жуковской волости несколько увеличилась за счёт деревень Вышковичи, Новоселье, Сума и п. Олсуфьево из упразднённой Салынской волости. Овстугская волость стала значительно больше, поскольку к ней была присоединена основная часть упразднённой Госамской волости (в том числе – сёла Госама, Страшевичи, Новосёлки, Барышье), а также несколько селений Княвицкой волости, включая сёла Быковичи и Крыжино. В результате в 1924-1929 гг. в Жуковской волости насчитывалось 40 сёл и деревень, а также 90 других поселений, подчинённых 12 сельским советам; в Овстугской волости – 46 сёл, деревень и 135 других селений, относившихся к 22 сельским советам. Но надо учесть, что при сравнении с образованым в 1929 г. Жуковским районом из приведенных цифр нужно исключить те селения, которые вошли тогда же в состав Брянского и Дятьковского районов. В

результате окажется, что на территории Жуковского района, по переписи 1926 г., находилось 68 сёл и деревень, а также ещё 200 других населённых пунктов, относившихся к 24 сельским советам. В них проживало в то время свыше 38 тысяч человек.

Население Жуковки на конец 1926 г. составляло около 2650 жителей, Овстуга – 1175, что уступало соседней Речице, где было 1450 жителей. В остальных селениях было заметно меньше: Фошня и Летошники – чуть более тысячи, Касилово и Гришина Слобода – около 780, Ходиловичи – 750, Шамордино – 720, Дятьковичи – 700, Упруссы и Крыжино – около 650, Песочня – 575, Белоголовль – 550, Вышковичи – 530, Александровка и Вщиж – немногим более 500 (остальные сёла, деревни и посёлки с меньшим числом жителей далее не перечисляются). Упомянем лишь пристанционные посёлки: Олсуфьево – 450, Ржаница – 250, Тросна – 220. Позже лишь в этих посёлках и в Жуковке был рост населения, а в большинстве селений – снижение.

Теперь – об экономическом и социальном положении населения этих мест. Революционное и военное время оставило здесь тяжёлые следы. Более половины пахотных земель не обрабатывалось. Дело не только в отсутствии у многих крестьян лошадей, инвентаря или в нехватке рабочей силы. Даже те, кто имел возможность увеличить запашку, не делали этого – ведь в годы «военного коммунизма» все излишки продовольствия изымались, так что стимула расширять хозяйство не было. Отрицательным следствием этого стало увеличение самогоноварения. Некоторые крестьяне сразу после уборки урожая, чтобы не прятать часть зерна, перегоняли его на самогон, получая с пуда зерна 5-6 литров, а потом тайно обменивали в городах на соль, спички, гвозди и прочие нужные в быту вещи. Рост самогоноварения приучал к алкоголю не только мужчин, но также женщин и подростков – не случайно в 1920-е гг. стало намного больше хулиганских проявлений среди сельской молодёжи.

Что касается положения в крестьянских хозяйствах, то жизнь в них почти вернулась к старинному натуральному производству. В земледелии главной зерновой культурой оставалась рожь, а посевы овса и ячменя намного уменьшились. Значительно большее место в питании крестьян занял картофель, под который отводилась не только основная часть огородов, но и немалые площади на яровом поле. Гречиха как главная крупяная культура сохранила своё прежнее положение. Увеличились посевы льна, потому что пришлось возвращаться к изготовлению домашних холстов. А посевы конопли уменьшились из-за общего упадка животноводства и сокращения количества навоза для удобрения конопляников. Почти исчезли посевы клевера и

других трав – в основном ввиду отсутствия семян. Низкими оставались урожайность в земледелии и продуктивность в животноводстве. Таким образом, нэп в деревнях Брянщины начинался в условиях деградирующего сельского хозяйства.

В промышленности дела обстояли ещё сложнее. К примеру, в 1924 г. в Жуковке работало два завода: лесопильный №7 и шпалопропиточный - с 38 и 23 рабочими и сотрудниками соответственно. Ещё одним действующим по соседству заводом был Олсуфьевский лесопильный №12 с 16 работниками. Существовал и Жуковский военно-обозный завод, где в 1924 г. числилось 17 сотрудников, но предприятие уже несколько лет бездействовало. Производство на нём начало восстанавливаться лишь с осени следующего года. Попытки устроиться в Брянске, Бежице или в посёлках Мальцовского округа были почти бесполезными – там предприятия либо простаивали, либо работали с перебоями, да и условия оплаты труда не раз приводили к забастовкам (не случайно в 1922 г. Брянская губерния по числу бастующих уступала только Петрограду и Москве). Так что даже с учётом тех, кто был занят трудом на железной дороге, численность рабочих в Жуковке была в те годы весьма невелика.

Возвращаясь к жизни крестьянства, можно сказать, что местное сельское хозяйство восстанавливалось быстрее, чем промышленность. Уже в 1923 г. посевные площади в Брянской губернии превысили довоенный уровень. Тогда же он был достигнут и по численности крупного рогатого скота, овец и свиней, лишь поголовье лошадей оставалось меньше, чем в 1913 г. Ежегодно выполнялись плановые задания по продналогу, даже с учётом его постепенного повышениия. Важной частью восстановившихся в годы нэпа товарно-денежных отношений была торговля: частная, кооперативная и государственная. Соотношение между ними существенно и довольно быстро менялось. К примеру, в Бежицком уезде в 1923 г. около 56% объёмов продаж приходилось на частную торговлю, 42% - на торгово-потребитеьскую кооперацию, а доля государственной торговли была ничтожной (около 2%). К 1927 г. ситуация изменилась: кооперативная торговля стала занимать примерно 55%, доля частной торговли снизилась до 32%, а государственной - выросла до 13%. Но было в тогдашней торговле такое неблагоприятное явление как «ножницы цен». Суть его легко понять по частному примеру: если в 1913 г. крестьянин, чтобы купить пуд гвоздей, должен был продать 2-3 пуда зерна, то в 1924 г. ему для такой покупки нужно было уже 20-25 пудов. Дело не только в явном недостатке выпускаемых промышленностью товаров народного потребления, но и в стремлении многих хозяйственных руководителей, искусственно завышая цены,

поднять доходность предприятий. В результате крестьяне также стали повышать цены на свои продукты. Если в 1924 г. пуд ржи стоил около 80 коп., то через год – уже примерно втрое дороже.

В условиях товарного производства стало вновь заметно усиливаться социальное расслоение среди крестьянства. Небольшая часть сельских хозяев (менее 5%), проявляя наибольшую предприимчивость и трудолюбие, сумела довольно быстро увеличить свои доходы, расширяя посевные площади (в том числе – за счёт аренды земли у маломощных крестьян), приобретая мельницы, крупорушки, простейшие сельхозмашины (сеялки, молотилки и т.п.). В избах этих зажиточных хозяев, называемых обычно кулаками, стали появляться вещи, типичные для городских жителей: самовары, настенные часы («ходики»), керосиновые лампы, стеклянная и фарфоровая посуда, стулья и т.п. Большинство таких вещей было приобретено при разорении помещичьих имений или на «чёрном рынке» путём обмена на продукты в годы «военного коммунизма». Но в целом хозяйственная и бытовая жизнь разных групп крестьянства сохраняла больше родственных черт, чем различий. Близ сельских изб находились обычно надворные постройки разного назначения: овины, риги, амбары, сараи, помещения для скота и птицы, для хранения всякого хозяйственного инвентаря. Имелись и специаально вырытые погреба, где хранили картофель, овощи, бочёнки и кадки с квашеной капустой и солёными огурцами.

Разумеется, что количество хозяйственных построек и инвентаря зависело от материального достатка крестьянской семьи, а он был не у всех (к 1927 г. около четверти сельских жителей Брянщины не имели лошадей и необходимого набора хозяйственных инструментов). Среди «безлошадных» были и одинокие слабосильные старики, и инвалиды войны, которые занимались только небольшим домашним хозяйством и огородами, а полевую землю сдавали в аренду. Но были и те, кто повседневному крестьянскому труду предпочитали случайные заработки батрака в кулацком хозяйстве, пастуха или где-то ещё. Кое-кто пробовал устроиться на работу в городах через появившиеся биржи труда, но там не хватало свободных рабочих мест даже для городских жителей.

Общие черты были характерны и для внутренних помещений большинства сельских изб. В них, кроме сеней, имелись одна-две комнаты, где вдоль стен стояли широкие лавки (в ночное время они становились местом для сна – кровати были у немногих); имелись также самодельные табуретки и стол. Особенно важную роль в избе играла русская печь. Она и кормила всех, и согревала, и лечила. Женщины в ней варили еду, ночью в её тепле отдыхали старики и младшая

детвора, а ещё печь зачастую заменяла собой баню, поэтому и строились печи просторными и с довольно высокими сводами. Такой способ «париться» сохранялся в отдельных жуковских селениях ещё в 1960-х гг. С печами были связаны и почти все находившиеся в избе металлические вещи: ухваты, кочерга, жаровня (совок для углей), чугуны для приготовления пищи, кухонные ножи. Вся же основная кухонная и обеденная посуда была деревянной или глиняной. В каждой избе имелся «красный угол», где размещались переходившие от старших поколений к младшим иконы, которые сохранялись у большинства крестьян и в годы религиозных гонений. Лишь у немногих партийно-комсомольских активистов место икон начали занимать вырезанные из газет портреты «вождей».

В целом положение в деревне в период нэпа можно определить как неустойчивое равновесие между властью и основной частью крестьянства. Большевистское руководство, заинтересованное в увеличении производства зерна и других продовольственных товаров, законодательно разрешило зажиточным крестьянам арендовать землю, нанимать небольшое количество батраков, заниматься переработкой сельскохозяйственного сырья, но в то же время лишало их возможности быть избранными в сельские и волостные советы, занимать заметное положение в кооперации и постоянно усиливало налоговый пресс. Большевики по-прежнему относились к зажиточным (кулакам) как к своим противникам, а опору в деревне видели в бедноте, хотя её хозяйственная роль была незначительной. В этих условиях фактическими органами крестьянского самоуправления стали сельские сходы, где равные права имели и кулаки, и середняки, и бедняки. Но здесь больше прислушивались не к тем, кто агитатировал за переустройство деревни на социалистический лад, а к тем, кто умел успешно вести хозяйство. В то же время сельские советы и исполкомы волостных советов не пользовались авторитетом ни у населения, ни у власти. К примеру, в 1928 г. председатель Жуковского волостного исполкома Ильюшин и зав. финансовой частью вика Марченков, обвинённые начальником волостного отдела милиции в злоупотреблениях служебным положением, а особенно в связях с торговцами, частниками и прочими зажиточными, были без всякого суда отстранены от работы и заключены под стражу.

Подобное зыбкое равновесие не могло быть длительным. Оно продолжалось, пока в большевистских «верхах» шла после смерти В.И. Ленина борьба за власть и за определение путей дальнейшего развития страны. Единоличным победителем в этой борьбе оказался И.В. Сталин, который вместе со своими ближайшими соратниками

счёл нужным свернуть нэп и начать ускоренное развитие тяжёлой индустрии и коллективизацию сельского хозяйства, используя принуждение и репрессии. Тех же из руководителей, кто не был согласен с форсированными сроками и жёсткими методами социалистического строительства, объявили «правой оппозицией», лишили власти, а позже уничтожили.

Время свёртывания нэпа совпало с новыми территориально-административными переменами. Брянская губерния была в 1929 г. расформирована, а её территория вошла в обширную Западную область с центром в Смоленске. Область делилась на несколько округов, в состав которых входили районы (уезды и волости упразднялись). Жуковский район. границы которого почти совпадали с современными, и соседние Брянский, Дятьковский, Жирятинский районы были включены в состав Брянского округа, а Дубровский, Клетнянский и Рогнединский районы, также находившиеся по соседству с Жуковским, – в состав Рославльского округа. Впрочем, через пару лет округа были ликвидированы, а районные власти начали напрямую подчиняться областным. Но эти перемены оказались не последними. В 1932 г. был расформирован Жирятинский район, значительная часть которого вошла в состав Жуковского района и оставалась в нём до 1939 г. Ещё раньше, в августе 1937 г., расформировали Западную область, а её южная часть, включая всю Брянщину, оказалась в составе Орловской области.

Если территориальные перемены затрагивали в основном деятельность органов местной власти, то происходившая в те же годы ломка прежнего социально-экономического уклада жизни обернулась трагедией для миллионов людей. Когда в 1928 г. возникли трудности с хлебозаготовками, Сталин потребовал «взять хлеб любой ценой», и в деревнях вновь, как и при «военном коммунизме», начались обыски, реквизиции и аресты. Первоначально они не были массовыми, но к концу года стали повседневностью сельской жизни. А 1929-й год, названный Сталиным «годом великого перелома», был ещё труднее. Прежде всего, намного выросли налоги: на зажиточные («кулацкие») хозяйства денежные налоги увеличились более чем в два с половиной раза, на хозяйства середняков – вдвое. Поставки зерна и других продуктов по низким государственным ценам становились обязательными, а их объёмы также возрастали. Если же выплата налогов или поставки своевременно не выполнялись, то хозяев могли оштрафовать, описать или реквизировать их имущество. Считая, что местные власти могут допускать какие-либо послабления зажиточным крестьянам, из области начали присылать в отдельные районы специальных уполномоченных, имевших право по своему

усмотрению определять для зажиточных хозяев индивидуальное обложение, значительно выше прежнего. Вскоре такая практика была узаконена государством: с хозяйств, чей годовой доход превышал 500 рублей, сумма взимаемых налогов составляла 60%, а с годовым доходом более 1000 рублей – 84%. При подобной налоговой политике заниматься развитием собственного хозяйства было просто убыточно. С осени 1929 г. некоторые наиболее дальновидные зажиточные крестьяне начали «самораскулачиваться»: сокращать посевы, распродавать сельхозмашины и инвентарь, резать скот. Их примеру стали следовать и отдельные середняки. В результате в Брянском округе к марту 1930 г. численность крупного рогатого скота сократилась более чем на четверть, овец – почти наполовину, свиней – на 60%.

Конечно, списывать всё на «злую волю» Сталина было бы ошибочно. Существовали объективные причины для глубоких социально-экономических преобразований. Обеспечение политической и экономической независимости страны было невозможно без превращения её в достаточно короткие сроки из страны сельскохозяйственной в индустриально-развитую. Это требовалось и для дальнейшего успешного развития всех отраслей производства, и для укрепления обороноспособности СССР. Для строительства новых промышленных, энергетических, транспортных объектов и их обеспечения современным оборудованием, а также для обновления и реконструкции прежних производств нужны были огромные капиталовложения. Советское государство, с большими трудностями завершившее к 1927 г. восстановительный период, крупными средствами не располагало, рассчитывать на иностранные инвистиции в условиях враждебного окружения не приходилось, - значит, требовалось изыскать внутренние ресурсы.

Вот в такой ситуации и проявилась спасительная для будущего развития страны жертвенная сила российской деревни. Именно крестьянство дало основную часть средств для приобретения нужных машин и оборудования. Оно же стало главной рабочей силой на новостройках, в шахтах, рудниках, на лесозаготовках – частью добровольно, а в основном – в принудительном порядке. К сожалению, использование трудовых возможностей крестьянства большевистской властью во главе со Сталиным проводилось преимущественно грубыми насильственными методами.

Вернёмся к положению в Западной области в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Основным вопросом, волновавшим в это время крестьянство, было отношение к начавшейся массовой коллективизации сельского хозяйства. Первые прозводственные объединения крестьян появились на

Брянщине ещё в 1918 г. в виде товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов), сельхозартелей и сельских коммун. Создавались эти коллективные хозяйства чаще всего сельской беднотой, надеявшейся с их помощью поправить своё незавидное положение. Поскольку возникали они инициативным путём, а не по указке «сверху», то единообразия в организации их деятельности не было. Лишь коммуны выделялись полным обобществлением скота и инвентаря. Но слабая материальная база, отсутствие заметной поддержки со стороны власти в условиях Гражданской войны не позволили этим зачаткам коллективных сельских хозяйств сохраниться надолго – к началу 1920-х гг. большинство их распалось. Только в период нэпа уцелевшие и возникшие заново сельхозартели, ТОЗы и коммуны постепенно ощутили возросшую помощь государства, и их число стало расти. Однако в целом их значение в хозяйственной жизни края оставалось незначительным – в 1925 г. существовавшие в Брянской губернии коллективные хозяйства владели немногим более 2 тысяч десятин земли, что составляло около 1% всех сельхозугодий. В последующие годы нажим на крестьян, чтобы побудить их к коллективному способу хозяйствования, постепенно давал результаты, но они далеко не устраивали власть. Ведь к лету 1929 г. в пяти восточных уездах Брянской губернии (включая Бежицкий) коллективизацией было охвачено лишь около 2,5% крестьянских хозяйств, а в западных уездах – и того меньше. Поэтому руководство только что созданной Западной области поставило задачу охватить к октябрю 1930 г. всеми формами коллективизации не менее 15% крестьянских дворов. В январе 1930 г. пленум Западного обкома ВКП(б) утвердил новые контрольные показатели: к октябрю 1930 г. коллективизировать не менее 30% крестьянских хозяйств, к октябрю 1931 г. – не менее 60%, к октябрю 1932 г. – 100%. Бездумное «прожектёрство» областных руководителей ещё нагляднее видно из некоторых принятых тогда же рекомендаций, вроде создания огромных агропромышленных колхозов-комбинатов, в каждом из которых предполагалось объединить по нескольку тысяч крестьянских хозяйств. В Жуковском районе, в частности, намечалось создать два колхоза-комбината: молочно-животноводческий (4600 хозяйств) и коноплеводческий (2400 хозяйств), хотя на Жуковской земле конопля никогда не играла существенной роли. Или такая рекомендация – к октябрю 1932 г. не менее половины коллективных хозяйств должны составлять коммуны с полным обобществлением скота и инвентаря. Сразу возникает вопрос: где же содержать и чем кормить этот общий скот? Разумного ответа просто нет.

Перейдём от «прожектёрства» к жизненным реалиям конца 1929 - начала 1930 гг. В декабре 1929 г. Сталин, сумевший подчинить своему диктату остальное партийно-государственное руководство, объявил о переходе «от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». С самого начала кампания по раскулачиванию приняла характер почти ничем не сдерживаемого произвола. Созданные на местах «тройки» и назначенные в отдельные селения уполномоченные из числа бедняцких активистов по своему усмотрению составляли списки кулаков и определяли, к какой категории их отнести. Те, кто был отнесён к первой категории, подлежали аресту и направлению в исправительно-трудовые лагеря (к ним могла применяться и высшая мера наказания – расстрел); отнесённые ко второй категории высылались на поселение в северные и другие отдалённые районы. Минимальный срок пребывания в лагерях или на поселении составлял, как правило, 3-5 лет. Остальные кулаки, отнесённые к третьей категории, выселялись из мест своего проживания и переводились на другие территории в пределах области и могли в принудительном порядке привлекаться к труду, где требовалось. У всех кулаков изымались земельные наделы, постройки, скот и инвентарь, передаваемые колхозам.

Из событий января 1930 г., оказавших заметное влияние на жителей нескольких селений Жуковского района, нужно отметить противоборство местной власти и населения вокруг храма в селе Белоголовль. Стремясь подогреть антирелигиозные настроения среди части молодёжи, районные власти приняли решение снять колокола с белоголовльской церкви, и 13 января их представители вместе с рабочей бригадой прибыли к храму. Но собравшаяся почти сразу большая толпа верующих, преимущественно - женщин, вооружившись кольями, вилами и прочим, выгнала приехавших и в течение недели несла караульную службу возле церкви. Были среди участников этого многочисленного движения (до 600 человек) и жители некоторых соседних селений. Мириться с неудачей власти не собирались, и вскоре несколько десятков участников «беспорядков» были арестованы. Поскольку выступление верующих было стихийным, выявить «зачинщиков» не удалось, но главных виновных нашли среди духовенства, церковного актива и зажиточных крестьян, причастных к событиям. Приговор по делу 18 осуждённых оказался суровее, чем обычно: шестеро получили по 10 лет лагерей, трое – по 8 лет, остальные – от 3 до 5 лет лагерей. Среди осуждённых на 10 лет лагерей были: священник Роман Савельевич Захаров (с. Белоголовль, родом из д. Нешковичи), церковный староста, крестьянин Михаил

Васильевич Поляков (с. Белоголовль), крестьяне Митрофан Иванович Гордеев и Дмитрий Григорьевич Панов (оба из с. Крыжино), крестьянин Иван Васильевич Шерстов (д. Гостиловка), мельник Семён Петрович Батусов (п. Тенишево). На 8 лет лагерей были осуждены псаломщик Иван Васильевич Никольский (с. Белоголовль), крестьянин Логвин Сергеевич Михалёв (с. Белоголовль), мельник Пётр Никифорович Нагибин (д. Леденёво). Среди других осуждённых были, помимо крестьян, священники Василий Александрович Анисимов (с. Крыжино), Николай Иванович Архангельский (с. Берёзовичи), Антон Илларионович Жданович (с. Морачёво), хотя к событиям в с. Белоголовль они отношения не имели. В том же году храм в селе был закрыт, а затем уничтожен.

В начале 1930 г. беспрецедентное по произволу давление на крестьян, а также начавшееся раскулачивание привели к определённым результатам. Многие середняки и бедняки, ранее отказывавшиеся вступать в колхозы, начали туда записываться. Дело не в том, что они «прозрели» - сказалось опасение попасть в «подкулачники» и подвергнуться репрессиям (в эту категорию могли включать любых противников коллективизации, независимо от социального положения). Как следствие – к марту 1930 г. в селениях Брянского округа в колхозы оказалось записано около 40% крестьян. Нетрудно было предвидеть и другой результат: недовольство властью стало перерастать у многих в ненависть по отношению к её представителям на местах и активистам колхозного движения. Началось прямое противодействие властям. Порой толпы крестьян, включая женщин, изгоняли землемеров, приезжавших для межевания колхозных земель; нередкими стали поджоги колхозного имущества, строений сельских партийных, советских и колхозных активистов, а также случаи их запугивания, избиений и даже убийств. В Западной области такие факты случались неоднократно, но всё же не стали массовыми в отличие от соседней Центрально-Чернозёмной области, Поволжья и ряда других регионов, где крестьянские волнения начали переходить в повстанческое движение.

Большевистское руководство почувствовало всю опасность возникшего положения, и 2 марта в газете «Правда» появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». В ней вождь осудил допущенные в ходе коллективизации «левацкие перегибы» и ошибки, но вину за них переложил на местные власти. Многочисленные «искривления партлинии» отмечены и в принятом вскоре постановлении ЦК ВКП(б), где была дана достаточно объективная оценка обстановки в деревне: «Поступившие сведения о массовых выступлениях крестьян вскрыли

положение, которое нельзя назвать иначе как угрожающее. Если бы не были немедленно приняты меры, мы имели бы широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших низовых работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, подорвано колхозное строительство и поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение».

Пришлось признавать свои ошибки и руководителям Западной области: пропаганда и организационная работа «сочетались в очень многих местах с погоней за процентами, с увлечением показной стороной дела», «терпеливая работа по вовлечению крестьян в колхозы подменялась попытками искусственно сколачивать колхозы путём командования и администрирования». Признано было и ошибочное увлечение коммунами и хозяйствами-гигантами.

И в статье Сталина, и в постановлении ЦК отмечалось, что колхозы должны создаваться по добровольному согласию крестьян. А поскольку этот принцип постоянно нарушался, то начался массовый отлив крестьян из колхозов. Если в марте 1930 г. в колхозах Западной области числилось более 470 тысяч крестьянских хозяйств, то в июле их осталось 78 тысяч - менее 7% от их общего количества (по Брянскому округу немного выше – около 10%). До осени в деревне наблюлалось некоторое «затишье», но соглашаться с подобным положением власти не собирались. В октябре ЦК партии направил в региональные парткомы письмо, в котором потребовал «добиться мощного подъёма колхозного движения». Активизация агитационно-пропагандистской работы на местах подкреплялась и правительственными мерами. В декабре была принята и в течение года реализована программа создания машинно-тракторных станций (МТС), число которых быстро росло (к 1933 г. их было уже более тысячи). Тем самым наглядно указывались перспективы будущего облегчения труда земледельцев, работавших в колхозах и совхозах. Были сделаны налоговые послабления для крестьян, вступивших в колхоз. В частности, сельхозналог с приусадебных хозяйств колхозников был в 1931 г. в 10 раз меньше, чем с единоличников.

Одновременно с осени 1930 г. вновь усилилась кампания по раскулачиванию. Началось массовое выселение семей кулаков, отнесённых ко второй категории, в районы Севера, Сибири и Казахстана. По первоначальным планам руководства Западной области из селений Брянского округа предполагалось выселить 900 кулацких семей, т.е. около 5 тысяч человек, но в реальности эти намётки были намного перевыполнены (достоверных сведений, к сожалению, пока нет). По неполным данным, только за 1930-1931 гг. из

Запалной области было выселено (в основном – на север Урала) около 7 с половиной тысяч семей раскулаченных. О положении сосланных на поселение можно судить по спецсводке ОГПУ (август 1931 г.): «В настоящее время на территории Уральской области находится до 120 тыс. семей спецпереселенцев, что составляет около 600 тыс. человек… Жилустройство в местах расселения находится в неудовлетворительном состоянии. По целому ряду районов размещение спецпереселенцев произведено в совершенно не приспособленные помещения (старые бараки, овощехранилища, кирпичные сараи и т.д.). В части продовольственной дело обстоит очень плохо. Спецпереселенцы буквально голодают, употребляют в пищу траву, мох, древесные опилки и т.д. Отсутствие врачей, фельдшеров и полное отсутствие медикаментов». Далее в спецсводке указывалось, что ссыльные трудились на лесоразработках, добыче угля и стройматериалов, дорожных работах, торфоразработках, но учёт труда фактически отсутствовал, рабочий день продолжался до 12 часов, устанавливались «непомерно высокие» рабочие задания, использовался даже труд детей и беременных женщин. «Исключительная эксплуатация» спецпереселенцев часто поощрялась местными руководителями. «Некоторые хозяйственники открыто заявляли, что их политика преследует физическое уничтожение спецпереселенцев». При таких условиях далеко не все ссыльные дожили до конца определённого им срока поселения.

Нелёгкие судьбы оказались и у кулаков, отнесённых к третьей категории. На первых порах их на территории Брянского округа в принудительном порядке привлекали к труду на лесоразработках, а также на только что созданном Полпинском фосфоритном заводе с вредными для здоровья условиями труда. Работали на Полпинском заводе в феврале - июне 1930 г. и некоторые жители Жуковского района: Андрей Аристов из Гришиной Слободки, Александр Бекушев из Угости, Алексей Ботузов из Олсуфьева, Пётр Гладкевич из Задубравья, Яков Ицкевич и Григорий Куцаев из Жуковки, Дмитрий Калинин из Фошни, Иван Коржёнков, Тарас Могуров и Афанасий Солдатов из Речицы, Фёдор Новиков из Овстуга, Михаил Солобутин из Дорогини. Был в их числе и Александр Лукин, но к этой фамилии нужен некоторый комментарий. Местом проживания Лукина названа ст. Красная, но с уточнением – Балтийские хутора. Ранее уже упоминалось, что на севере Овстугской волости в годы Первой мировой войны и ещё ранее появились хутора, основанные переселенцами из Латвии и частично – Эстонии, получившие собирательное название – Балтийские хутора. Известно, что примерно в 1930 г. жители хуторов решили создать свой колхоз и перевезти

свои хозяйства в общий посёлок. Приведенные выше сведения о Лукине позволяют утверждать, что посёлок Балтика (ныне обезлюдевший) появился не ранее второй половины 1930 г.

Завершая речь о кулаках из третьей категории, отметим, что определённые местными властями участки для их переселения были обычно мало удобными, и начинать их обустраивать не имело смысла из-за очень высоких налогов на такие хозяйства. Поэтому в своём большинстве они покинули родные места, чтобы где-нибудь «затеряться».

Сочетание принятых властью послаблений и репрессивных мер вновь побудило крестьян к записи в колхозы. К марту 1931 г. численность колхозников в селениях Брянского округа удвоилась, а к январю 1932 г. превысила 55% от общего числа крестьянских дворов. Но затем началось новое сокращение - к началу осени в них опять оказалось менее половины крестьянских хозяйств Брянщины. Рост антиколхозных настроений был вызван усилением произвола при изъятии зерна и в колхозах, и у единоличников, нередкими фактами падежа колхозного скота из-за нехватки оборудованных помещений и кормов, низкой оплатой труда колхозников, а также общим ухудшением положения с продовольствием в стране.

Сильная засуха, охватившая большинство основных земледельческих районов, резко сократила урожай зерновых и овощей, а изъятие у крестьян основного количества зерна (включая фураж и даже часть семян) привело к массовому голоду, однако о нём в печати не упоминалось. Жители Брянщины пострадали от голода меньше, чем ряда других регионов, но у старших поколений память об очень трудном 1933 годе сохранялась десятилетиями. В марте 1935 г., выступая на съезде колхозников и ударников Западной области, первый секретарь обкома партии И.П. Румянцев упомянул «тяжёлый 33-й год», отметив, что к весне 1934 г. «семенной материал был низкого качества, лошади истощали, сами колхозники остро нуждались в продовольствии». Намного сократилось поголовье скота. В колхозах и в личных хозяйствах колхозников численность крупного рогатого скота уменьшилась почти на треть, а овец и свиней – наполовину. У единоличников сокращение было ещё значительнее.

В августе 1932 г. был принят закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной собственности», получивший в народе название «указа о колосках», потому что теперь даже сбор колосков на уже убранном колхозном поле считался хищением и подлежал наказанию до 10 лет лишения свободы. Фактически этим законом основной удар наносился уже не по единоличникам, а по колхозникам, вынужденным

собирать колоски, чтобы спасти детей от голодной смерти. Только за первые полгода после принятия «указа о колосках» по нему было осуждено более 100 тыс. человек. Тем самым рабочая сила из деревни принудительно «перекачивалась» в промышленность и на стройки.

В целом 1929-1933 годы были для российского крестьянства временем наиболее трудным, когда подверглись «перелому» демографические, социальные, духовные и нравственные устои деревенской жизни. Убедившись, что «плетью обуха не перешибёшь», что придётся поневоле привыкать к иному жизненному укладу, крестьяне стали вступать в колхозы более активно. Если в январе 1933 г. в колхозах Западной области числилось 47 % крестьянских хозяйств, то через год – 59 %, в январе 1935 г - 76 % , а в июле того же года – более 90 %.

С середины 1930-х гг. социальная и хозяйственная жизнь колхозной деревни относительно стабилизировалась. Формально в колхозах сохранялись элементы демократии (выборность председателей, правления, ревизионных комиссий, их периодическая отчётность и т.п.), но реальной самостоятельности не было. Колхозам доводился не только план сдачи государству разных видов сельхозпродукции по очень низким ценам, но и устанавливались размеры посевных площадей, определялось поголовье скота, а весь сельскохозяйственный год делился на ряд «кампаний»: пахотную, посевную, сенокосную, уборочную и прочие. За их ходом бдительно следили местные власти. Утверждались не только количественные плановые задания, но даже сроки и порядок выполнения работ. К примеру, после уборки зерновых нужно было первым делом отправить хлеб государству, затем - рассчитаться с МТС за выполненные работы, затем – засыпать семенные, фуражные и страховые фонды, а уж то, что останется, распределить по трудодням для оплаты колхозникам. Обычно оставалось совсем немного. Председателя колхоза, допустившего любое отступление от установленного порядка, могли сразу освободить от должности (в 1931-1933 гг. были сняты с работы более трети прежних председателей колхозов), а могли и осудить - за саботаж. Проявлять самостоятельность в этих условиях было непросто, но думающие и инициативные руководители всё-таки находились, и им удавалось постепенно повышать уровень жизни колхозников в своих хозяйствах, выдавая на трудодень до 2 кг зерна и 3-4 кг картофеля. Денежная оплата за работу в колхозе была незначительной (от 15 до 30 копеек на трудодень), а часто вообще отсутствовала.

Необходимый прожиточный минимум обеспечивала не оплата труда в колхозе, а продукция, полученная на

собственных приусадебных участках. Это понимала и центральная власть, что отразилось в принятом в феврале 1935 г. «Примерном уставе сельскохозяйственной артели». Было установлено, что в личных подсобных хозяйствах колхозник мог иметь от 0,25 до 0,5 га приусадебной земли, 1-2 коровы, несколько голов мелкого скота, неограниченное количество птицы. Часть картофеля, мяса, молока, яиц, шерсти, а также кожи животных колхозники обязаны были по низким ценам продавать государству, но и для рынка у них кое-что оставалось, и рыночные цены стали снижаться.

Приведём цифровые данные, характеризующие состояние колхозов Жуковского района в 1937 г. В это время в районе было 136 колхозов, объединявших около 7850 крестьянских хозяйств (более 94% от их общего количества, что было несколько меньше, чем в соседних районах). Общая колхозная посевная площадь превышала 45 тысяч га. В структуре посевов произошли некоторые изменения. Зерновые по-прежнему занимали три четверти всех посевов (33 тыс. га), но рожь и овёс стали сеять меньше, посевы гречихи сохранились на прежнем уровне (около 5 тыс. га), а вот пшеница, которую раньше почти не сеяли, заняла около 2600 га. Дело не в том, что люди стали больше есть булочных изделий, а в том, что пшеница была для страны главным зерном для экспорта. Площадь под картофелем превышала 5 тыс. га, под овощными культурами была невелика - немногим более 500 га. Из технических культур основной оставался лён-долгунец (более 2600 га), намного меньше были посевы конопли (около 580 га). Почти 3 тыс. га занимали сеяные травы, около 300 га – кормовые корнеплоды.

Обслуживали колхозы района две МТС: в Жуковке и в Речице. В первой было в 1937 г. 60 тракторов и 15 комбайнов, во второй – 37 тракторов и 10 комбайнов, но полностью обеспечить пахоту и особенно уборку урожая на колхозных полях района этот машинно-тракторный парк был не в состоянии. В МТС работало большинство квалифицированных механизаторов, лишь немногие из них трудились в колхозах, обслуживая простые сельхозмашины (сеялки, косилки, молотилки, веялки и т.д.). Основная часть колхозников продолжала заниматься ручным трудом: или на фермах, или на полевых и прочих работах по нарядам бригадиров, которые и проводили начисление трудодней.

Подводя итог, можно констатировать, что трудный, полный драматизма путь, пройденный российскими крестьянами в период «великого перелома», завершился к концу 1930-х гг. сравнительно спокойно. Были на этом пути не только потери, но и положительные перемены: значительно увеличилось число сельских школ и культурно-

просветительных учреждений, в быт сельских жителей начало постепенно входить электрическое освещение, радио, кино, заметно выросла общая грамотность населения. Словом, жизнь крестьян менялась не только в худшую сторону, а присущие им издавна трудолюбие, терпение, общинные начала сохранились в основном и в колхозной деревне.

С нелёгкими чувствами продолжает автор своё повествование, потому что речь дальше пойдёт о массовых политических репрессиях 1930-х годов. В конце прошлого века по этой теме появилось множество публикаций, но затем она отошла на задний план. Психологически это понятно: нельзя постоянно будоражить память кровоточащими фактами, к тому же бросающими «тень» на историю нашего Отечества. Лучше забыть, обойти молчанием, но некоторым авторам этого кажется недостаточно и у них появляется желание – оправдать проведение репрессий и «обелить» главного их инициатора, «великого вождя советского народа». Соглашаться с ними могут лишь те, кто забыл понятие «совесть», но к их числу автор этой книги себя не относит.

Брянская область, к сожалению, остаётся одним из тех очень немногих регионов России, где работа по сбору, систематизации и анализу сведений о политических репрессиях 1930-х гг. по существу не проводилась и не проводится, за исключением частных работ отдельных энтузиастов. В такой ситуации могу назвать лишь собственную статью обобщающего характера – «Из истории политических репрессий на Брянщине в 1937-1938 гг.», опубликованную во втором томе «Истории Севска и окрестных мест» (Брянск, 2013). Далее речь будет идти только о выявленных автором по архивным делам лицах, родившихся или работавших в населённых пунктах Жуковского района (в границах 1930-х гг.), репрессированных в 1930-1938 гг. и реабилитированных в 1955-1965 гг. Сведения эти нельзя считать полными, поскольку в годы «оттепели» были реабилитированы далеко не все несправедливо осуждённые.

В делах 1930-1933 гг. арестованных по политическим мотивам чаще всего обвиняли в антиколхозной или антисоветской агитации, а основанием для обвинения были сведения, полученные от секретных сотрудников ОГПУ, или добровольные доносы «бдительных» граждан. Так, в 1930 г. получили по 3 года лагерей крестьяне д. Зерновки Даниил Емельянович Новиков (1884 года рождения) и Фёдор Васильевич Шестерин (1888) . Первый из них после освобождения работал в колхозе в д. Загорье Дубровского района, но в 1937 г. вновь был арестован и расстрелян. Там же работал после возвращения и Ф. Шестерин, которого в 1937 г. осудили вместе с братом Егором Шестериным (1883) на 10 лет

лагерей. В 1931 г. по 5 лет ссылки в Северный край получили крестьянин д. Дуброславичи Иван Васильевич Исаев (1900) и крестьянин с. Овстуг Иван Алексеевич Поляков (1877), которые, по словам следственного дела, «систематически вели антисоветскую агитацию против колхозного строительства». Второй из них, вернувшись из ссылки, устроился работать дворником в п. Сельцо, но в 1937 г. был опять арестован и расстрелян. 5 лет ссылки в Северный край получил в 1931 г. и единоличник из с. Речицы Дмитрий Иванович Коржёнков (1876). В том же году был осуждён на 5 лет лагерей белорус Павел Демьянович Некрашевич (1879), работавший на шпалопропиточном заводе в Жуковке. Освободившись из лагеря, вернулся в Жуковку, в 1938 г. подвергся новому аресту, но после пересмотра дела был освобождён. В 1932 г. были арестованы и отправлены на поселение уроженец с. Речицы Василий Григорьевич Бурцев (1908) и проживавший в д. Загорка Илья Павлович Деменков (1869). После освобождения первый начал работать в вагонном участке станции Брянск-II и считался в числе «лучших прозводственников», а второй жил в Жуковке, работал плотником на обозном заводе и, судя по доносам, резко высказывался о плохом положении рабочих. В 1937 г. оба были вновь арестованы и получили по 10 лет лагерей. Позже дело Деменкова было пересмотрено, и его освободили. Бурцев совершил побег из Волго-Донских лагерей, но был в 1945 г. задержан в Брянске и осуждён на 10 лет.

В последний период существования Западной области (с 1934 до серелины 1937 г.) она не выделялась значительным количеством осуждённых по политическим делам, а выносимые по ним приговоры вряд ли можно назвать суровыми. К примеру, в 1935 г. были арестованы и обвинены как участники контрреволюционной организации трое жителей Жуковки: Павел Михайлович Клягин (1907), местный уроженец, работавший слесарем на военно-обозном заводе; там же работад Георгий Иванович Моравский (1903), а Сергей Григорьевич Кулевский (1903), родившийся в деревне Погореловке, работал на жуковской фабрике стандартного домостроения им. Халтурина. Второй и третий из названных были членами партии. Весомых доказательств вины арестованных у следователей, очевидно. не нашлось, чем и объясняется мягкость приговора: по 3 года лагерей Клягину и Кулевскому и 3 года северной ссылки Моравскому. В 1935 г. на 3 года лагерей был осуждён уроженец д. Дуброславичи Василий Аверьянович Диомидов (1893), но после возвращения почти сразу его вновь осудили в 1938 г. на 5 лет лагерей. Весной 1937 г. был арестован Василий Демьянович Зеновкин (1904) из с. Речицы, член партии со средним техническим образованием, работавший технологом на брянском заводе им.

Урицкого. Фактически основным обвинением стало участие Зеновкина в молодёжной троцкистской группе в 1927 г. «Вины» он не признал, но наказание за прежний «грех» получил – 5 лет лагерей.

На московских политических процессах 1936-1938 гг. были оклеветаны, объявлены «врагами народа» и «шпионами», а затем и уничтожены многие бывшие соратники Ленина по революционной борьбе и руководству политической и хозяйственной жизнью страны в годы Гражданской войны и начавшегося социалистического строительства. Эти процессы мало сказались на жизни Брянщины, если не считать шумной кампании в их поддержку на проводимых местной властью митингах. Исключением стал проходивший в июне 1937 г. закрытый процесс над несколькими видными военными деятелями во главе с Маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским, которых обвинили в «военно-фашистском заговоре» и 12 июня расстреляли. Уже 16 июня в Смоленск прибыл вместе с другими московскими посланцами Л.М. Каганович, ближайший «сподвижник» Сталина по выкорчёвыванию «врагов народа». Утром следующего дня был арестован первый секретарь Западного обкома партии Румянцев, обвинённый в «преступных связях» с Уборевичем, одним из главных участников процесса военных (они действительно были хорошо знакомы, поскольку Западная область входила в состав Белорусского военного округа, которым командовал Уборевич). На собранном пленуме Западного обкома партии 14 из 15 членов бюро обкома, избранных в начале 1937 г., были исключены из партии и затем репрессированы (Румянцева расстреляли в октябре). Вскоре по распоряжениям новых руководителей обкома партии, облисполкома, областного управления НКВД не только в Смоленске, но и во всех районах области начались аресты многих руководящих работников, также причисленных к «врагам народа».

Словом, Западная область (включая Брянщину) стала тем «опытным полем», где были впервые опробованы на практике способы реализации начавшегося вскоре «большого террора». Документами, определившими характер и методы его проведения, стали секретное постановление Политбюро ЦК, подписанное в конце июня Сталиным, и подготовленный наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым в середине июля приказ №00447, также утверждённый Политбюро. В соответствии с этими документами намечалось провести в течение августа-декабря 1937 г. массовое выявление и репрессирование реальных и потенциальных «врагов народа», разделённых на две категории. К первой категории были отнесены выжившие в лагерях и на поселении кулаки,

продолжавшие оставаться враждебно настроенными к власти, другие «бывшие» (из духовенства, офицеров старой армии, членов прежних политических партий и т.д.), ранее репрессированные и вернувшиеся из мест заключения, а также наиболее заметные уголовники-рецидивисты. Всех их ожидала высшая мера наказания – расстрел.

Вторую категорию лиц, намеченных к репрессиям, составляли в основном те «бывшие», которые не проявляли заметной антисоветской активности, но оставались «чужими», а также люди, поведение или высказывания которых были «вредными». Мерой наказания для них было 8-10 лет лагерей. Отнесение арестованных к той или другой категории определялось созданными во всех областях и других регионах «тройками», решение которых было окончательным и обжалованию не подлежало. До регионов доводился план, сколько лиц надлежит осудить по первой категории, сколько – по второй. Усердие некоторых руководителей областных управлений НКВД по перевыполнению этих планов поощрялось и приводило к своеобразному «соревнованию».

Так, начальник управления НКВД по Западной области, получив план по первой категории на тысячу человек, обратился с просьбой увеличить его более чем вдвое, но провести увеличенный план в жизнь не успел – в августе Западная область была расформирована, а её южная часть (Брянщина) вошла в состав новой Орловской области. Так что судьбы названных далее людей определяла «тройка» в составе первого секретаря Оргбюро ЦК по Орловской области (затем - первого секретаря обкома партии), начальника областного управленя НКВД и областного прокурора. Кроме того, часть дел рассматривалась Особым совещанием при НКВД. Из-за значительного количества лиц, подвергшихся репрессиям в Жуковском районе в период «большого террора», приводимые далее сведения будут, как правило, краткими.

Наиболее многочисленными были осуждённые по одиночным делам, для обвинения которых вполне хватало сведений секретных осведомителей или чьих-либо доносов. Начнём с получивших в 1937 г. меньший по тем временам лагерный срок – 8 лет:

Матюхин Агей Павлович (1900), уроженец д. Песочни, работавший плотником в Жуковском заготзерно;

Новиков Тихон Николаевич (1888), уроженец д. Шишковки, работал на заводе им. Урицкого в Брянске;

Трибулкин Фёдор Романович (1901), родом из с. Фошни;

Солдатов Иван Евдокимович (1905), уроженец с. Речицы, работал шофёром на Брянском мясокомбинате; его главная «вина» состояла в том, что он возил начальника строительства, а затем директора мясокомбината М.П. Яроля, в

1937 г. объявленного «врагом народа» (тот только в 1940 г. получил 5 лет лагерей – меньше, чем его шофёр);

Тюрин Иван Алексеевич (1900), также родившийся в Речице, председатель местного колхоза, пользовался авторитетом у колхозников, осуждён по ложным доносам.

Намного больше среди осуждённых по одиночным делам было тех, кто получил по 10 лет лагерей:

Ачкасов Владимир Сергеевич (1896), из дворян, штабс-капитан старой армии, зав. складом Жуковского отделения сельхозснаба; был знаком и порой вместе охотился с председателем ВЦСПС М.П. Томским, одним из лидеров «правой оппозиции», застрелившимся в 1936 г. и посмертно объявленным «врагом народа»;

Баранов Михаил Васильевич (1894), колхозник из д. Дуброславичи, умер в лагере;

Башурин Митрофан Ильич (1900), родом из обезлюдевшей ныне деревни Казаново Дубровского района, работал на железнодорожном карьере в Олсуфьево;

Гвоздиков Николай Матвеевич (1887), уроженец с. Фошни, работал в охране Дубровского спиртзавода;

Голубецкий Антон Иванович (1898), поляк, родом из г. Двинска (Даугавпилса), работал токарем Жуковского обозного завода; в 1938 г. на 10 лет лагерей была осуждена и его жена Елена Константиновна (1906), также из г. Двинска; в лагерях супруги Голубецкие выжили и затем вернулись в Жуковку;

Евтихов Прокофий Федотович (1897), уроженец запустевшей ныне д. Петроселье Дубровского района, работал столяром на Жуковской фабрике стандартного домостроения им. Кирова;

Зернов Александр Маркович (1903), уроженец д. Зерновки, работал счетоводом в местном колхозе;

Киреев Никифор Иванович (1900), житель п. Балтика, работал в Бежице на заводе «Красный Профинтерн»;

Кондратьев Владимир Михайлович (1877), работал на Жуковском обозном заводе;

Коржёнков Васидий Егорович (1901) из с. Речицы, с 1918 по 1923 год служил в Красной армии, затем вернулся в село и создал зажиточное хозяйство, подвергался индивидуальному налогообложению в 1931 г.; затем работал кузнецом в Бежице; в лагере дождался освобождения;

Косов Иван Александрович (1898), родом из д. Вороново Рогнединского района, работал на Жуковском обозном заводе;

Михальченко Игнат Моисеевич (1897), уроженец Киевской губернии, украинец, работал пекарем Жуковского сельпо; после возвращения из лагерей был сторожем Жуковской пекарни; в 1949 г. выслан в Красноярский край;

Никитин Григорий Алексеевич (1888), уроженец д. Сидоровки, колхозник;

Рыженков Павел Ефимович (1882), родом из д. Дятьковичи, колхозник;

Сазыкин Иван Егорович (1885), из крестьян с. Овстуг, работал счетоводом в местном колхозе;

Судейкин Андрей Минович (1899), родом из д. Заустье Дубровского района, заведовал базой Жуковского райпотребсоюза;

Сумаков Пётр Ильич (1898), работал бухгалтером Жуковского леспромхоза;

Сысоев Гавриил Илларионович (1900), родом из исчезнувшей ныне д. Струковки в Дубровском районе, с незаконченным высшим образованием, работал директором Ржаницкой неполной срелней школы; осуждён по доносу одного из коллег по работе (тот сам метил на место директора); умер в лагере;

Тябокин Дмитрий Егорович (1895), уроженец д. Сельцо Рудное, работал в местном колхозе, членов правления которого нередко критиковал; осуждён на основании заявления председателя колхоза Абрамова, поддержанного председателем Овстугского сельсовета.

Среди лиц, осуждённых по одиночным делам, число приговорённых к высшей мере наказания (расстрелу), было не очень велико, поскольку большинство таковых проходило по групповым делам. Вот лишь некоторые из них: Блум Иван Давидович (1893), уроженец Латвии, проживал в п. Балтика;

Лодыжин Сидор Акимович (1895), белорус, в 1918 г. в Могилёвской губернии участвовал в партизанском отряде, который помогал частям Красной армии в борьбе с немецкими оккупантами; позже работал завхозом в Балтийской неполной средней школе;

Новиков Григорий Никифорович (1897), родом из д. Дятьковичи, работал на бежицком заводе «Красный Профинтерн»; его дело, как и дела Блума и Лодыжина, было сфальсифицировано.

Были осуждённые по политическим обвинениям и по некоторым «двойным» делам (обычно – из близких родственников). К примеру, братья Иван Матвеевич и Егор Матвеевич Труновы, родившиеся в с. Овстуг в 1901 и 1911 годах, позже работали в Бежице на заводе «Красный Профинтерн» и были осуждены на 8 лет лагерей.

Фёдор Иванович Сазонов (1883) и его сын Павел Фёдорович (1916) родились в д. Дятьковичи; позже отец жил в п. Сельцо, был в 1937 г. арестован и вскоре расстрелян, а сына, учителя Тимоновской средней школы Брянского района, осудили на 10 лет лагерей.

Алексей Архипович Шолохов (1874), родившийся в д. Любегощь Фошнянской волости, позже переселился в д. Приютино, где у него родился в 1906 г. сын Терентий. Затем они работали в местном колхозе: отец стал пастухом, а сын – колхозным бригадиром; в 1937 г. отца арестовали и расстреляли, а Терентия Алексеевича отправили на 10 лет в лагеря на Колыму, где он дождался реабилитации.

Однако только одиночные и «двойные» следственные дела не давали сотрудникам органов НКВД ощущения «масштабности» их деятельности, и началась массовая фальсификация дел о якобы «разоблачённых» органами антисоветских, контрреволюционных и прочих группах и организациях. О размахе этой работы можно судить по выступлению в декабре 1937 г. начальника Орловского управления НКВД П.Ш. Симановского, сообщившего, что за неполных два месяца «нами раскрыто 27 церковно-сектантских, фашистско-эсеровских и шпионских организаций, а также 1057 групп». Около двух десятков таких групп оформили в последние месяцы года и работники Жуковского райотдела НКВД.

Рассмотрим наиболее примечательные из них. В д. Николаевке были арестованы 10 местных жителей, обвинённых во вредительстве. В их числе были трое братьев Лопаткиных: Семён Ильич (1896), учитель Николаевской начальной школы, Владимир Ильич (1888), бригадир местного колхоза, и Андрей Ильич (1893), также работавший в колхозе, как и пятеро Сениных, среди которых были отец, Михаил Андреевич (1874), и сын, Герасим Михайлович (1901), братья Николай Давыдович (1881) и Ефрем Давыдович (1887), а также Тит Фёдорович (1892). Включёнными в эту «организацию» оказались ещё колхозник Хапилин Иван Фролович (1908) и секретарь Саковского сельсовета Филимонов Александр Михайлович (1895), родом из Николаевки. Представленное по этому делу «обвинение» оказалось настолько зыбким, что «тройка» определила для всех 10 человек по 8 лет лагерей.

Такой же «мягкий» приговор был вынесен ещё по одному групповому делу, по которому обвинялись уроженцы и жители д. Шамордино, работавшие в местном колхозе: Родион Борисович Абрамов (1915), Степан Петрович Винокуров (1896), Устин Павлович Жихарев (1904), Матвей Васильевич Кудрявцев (1897), Иван Петрович Титов (1893), а также родившийся в Шамордино Иван Иванович Слепыгин (1905), работавший учителем в соседней Песоченской неполной средней школе.

Не отличалось суровостью и наказание по делу группы уроженцев некоторых соседних селений: Ивана Григорьевича Самородского (1900), родом из д. Чудиново; Ивана

Михайловича Черкасова (1876) из д. Дятьковичи, работавшего кочегаром в Бежице; уроженцев д. Костыли, отца и сына Вавиных: Михаила Павловича (1877) и Филиппа Михайловича (1913), работавшего на заводе «Красный Профинтерн». Первый из названных был осуждён на 10 лет лагерей, остальные – на 8 лет. Вернулся из них в родные места лишь младший Вавин, живший позже в Тросне.

Были обвинены в антисоветской агитации и вредительстве четверо жителей д. Никольская Слобода, работавшие в местном колхозе: Григорий Давыдович Александров (1896), председатель колхоза; братья Борис Никитич (1891) и Алексей Никитич (1893) Александровы; Прохор Родионович Рябых (1896), счетовод колхоза. Все они получили одинаковое наказание – по 10 лет лагерей.

Ещё одна «антисоветская» группа была оформлена иэ колхозников двух соседних селений. В д. Ходиловичи родились и жили братья Фёдоровы: Нестор Иванович (1896) и Платон Иванович (1901), а жителями д. Казариновки были отец и сын Леоновы: Григорий Петрович (1888) и Андрей Григорьевич (1907). Младшего Леонова осудили на 8 лет лагерей, а остальных – на 10 лет.

Подобная группа из четырёх колхозников была «организована» и в с. Князичи. В неё включили Илью Егоровича Помогаева (1885), Бориса Николаевича Помогаева (1888), Петра Гавриловича Свириденкова (1896), а также Николая Гавриловича Кузина (1878), родившегося в д. Лопандино, которая вскоре слилась с Князичами. Первый из названных был по приговору «тройки» расстрелян, другие получили по 10 лет лагерей.

Не были обойдены вниманием и жители некоторых соседних селений. В одну из «вредных» групп оказались включёнными четверо колхозников из д. Литовники: Александр Николаевич Кузин (1906), сын упомянутого по предыдущему делу Николая Кузина; ещё двое Кузиных: братья Фёдор Васильевич (1880) и Василий Васильевич (1893), а также Пётр Илларионович Платонов (1889). Арестовали их ещё в 1936 г., затем более года держали в заключении и лишь в декабре 1937 г. сообщили приговор: младшему из Кузиных – 8 лет лагерей, остальным – по 10 лет.

В одной из «контрреволюционных» групп большинство составили уроженцы обезлюдевшего ныне села Берёзовичи. В неё были включены братья Ижукины: Алексей Дмитриевич (1890), колхозник, и Кузьма Дмитриевич (1893), работавший на Жуковском лесопильном заводе; братья Лозицкие: Григорий Матвеевич (1885) и Алексей Матвеевич (1902), колхозники, как и Степан Григорьевич Яценко (1902), и уроженец д. Бобылёво Дмитрий Архипович Балихин (1883),

также работавший в колхозе. По приговору «тройки» последний был расстрелян, меньшее наказание (8 лет лагерей) получили два Алексея (Ижукин и Лозицкий), а остальные были осуждены на 10 лет.

«Антисоветскую» группу из соседнего села Новосёлки составили члены одной семьи Трусовых: отец Павел Андреевич (1876) и трое его сыновей: Егор Павлович (1906), Семён Павлович (1913) и Михаил Павлович (1915). Приговор был суров: отец получил 10 лет лагерей, а сыновей расстреляли.

«Сборной» стала ещё одна «контрреволюционная» группа. В неё были включены: Антон Артёмович Менчихин (1887), родившийся в д. Мареевке Дубровского района, ранее раскулаченный, затем живший на ст. Белоглавая и работавший возчиком в местном сельпо; Яков Никандрович Глотов (1887), уроженец с. Белоголовль; Феоктист Иванович Петраков (1888), уроженец и житель д. Лелятино, единоличник; Сидор Петрович Федорук (1893), житель д. Лелятино, колхозник; братья Шелаботины: Фёдор Филиппович (1895), живший в основанном им посёлке Фёдоровском (позднее посёлок слился с д. Силеевкой), единоличник, и Иван Филиппович (1908), работал на Жуковском обозном заводе. Двое названных первыми были по решению «тройки» расстреляны, Петраков осуждён на 10 лет лагерей, остальные – на 8 лет.

Не могли остаться без внимания атеистически настроенной власти «служители религиозного культа», т.е. признаваемое потенциально враждебным духовенство. Трое из таких «служителей» были объединены жуковскими работниками НКВД в «антисоветскую» группу: Николай Семёнович Богоявленский (1896), родом из с. Князичи, Фёдор Ильич Яковлевский (1885), из с. Высокое, Илья Иванович Криворотов (1891), родившийся в д. Издежичи. К ним добавили и уроженца той же деревни Василия Ильича Векшина (1879), работавшего лесником. Хотя священники уже несколько лет не вели церковных служб из-за закрытия их храмов, а тем более – «антисоветской» деятельности, все члены «группы» были приговорены к расстрелу.

Небольшая «контрреволюционная» группа была «сформирована» по национальному и профессиональному признакам. В неё были включены: Павел Андреевич Коток (1904), уроженец Виленской губернии, поляк, работал маляром на ст. Жуковка; братья Степанюки, уроженцы Гродненской губернии, поляки: Александр Викентьевич (1900), работал бригадиром пути на ст. Белоглавая, и Иосиф Викентьевич (1904), был ремонтным рабочим на ст. Тросна. Все они получили по 10 лет лагерей, откуда вернулся лишь Александр Степанюк, живший позже в Тросне.

Несколько небольших «антисоветских» групп оформили сотрудники Жуковского отделения НКВД из жителей некоторых селений левобережья Десны.

В одну из них были включены жители д. Логвани: Илья Борисович Логванёв (1877), единоличник; его сын, Захар Ильич Логванёв (1902), заведовавший хлебным ларьком военторга; Иван Фёдорович Логванёв (1910), работавший в местном колхозе; Платон Власович Удалых (1907), счетовод колхоза; Борис Васильевич Шитиков (1894), зав. МТФ колхоза. Обвиняли их в развале колхоза в 1931 г., а также в восхвалении Троцкого. Меньшее наказание (8 лет лагерей) получил Илья Логванёв, остальные – по 10 лет.

В другую «антисоветскую» группу включили трёх уроженцев д. Гришина Слобода: Павла Николаевича Коновалова (1887), единоличника, Прохора Филипповича Калинина (1894), лесоруба Жуковской пекарни, Акима Дмитриевича Шильненкова (1914), плотника при Жуковском доме инвалидов, а также Григория Алексеевича Никитина (1888), жителя д. Сидоровки. Первый из названных, Коновалов, был расстрелян, Шильненков осуждён на 8 лет лагерей, двое остальных – на 10 лет.

Во вредительстве были обвинены четверо уроженцев д. Ходиловичи, переселившихся в соседнюю деревню Казариновку и работавшие там в колхозе «Заречье»: Иван Михайлович Коробов (1906) был председателем колхоза, его отец Михаил Евтеевич (1883) – ветфельдшером, Семён Семёнович Федин (1881) – луговодом, Роман Митрофанович Федин (1905) заведовал МТФ. В «вине» они не признались (её и не было), но все получили по 10 лет лагерей.

Две «антисоветских» группы были оформлены жуковскими сотрудниками НКВД из числа жителей д. Косилово – вероятно, потому, что в деревне было два колхоза: им. Ленина и им. Сталина, да ещё некоторые косиловские уроженцы расселились в соседних небольших деревнях и посёлках, где также появилмсь свои колхозы. В сентябре были осуждены те, кто работал в колхозе им. Сталина: Фёдор Маркович Горбачёв (1888), Сергей Алексеевич Пинаев (1895), Василий Сергеевич Тараканов (1887), Василий Андреевич Тараканов (1905), Афанасий Парфентьевич Малкин (1887), а также его брат – Дмитрий Парфентьевич Малкин (1907), работавший трактористом Жуковской МТС. Младший из Тараканов был приговорён к расстрелу, остальные получили по 10 лет лагерей.

Дело по второй «антисоветской» группе было рассмотрено в декабре. В неё были включены уроженцы д. Косилово: Сергей Сергеевич Матюхин (1883), работавший в колхозе «Муравей» (д. Матрёновка), братья Филипп Андреевич

(1889) и Алексей Андреевич (1894) Матюхины, жившие в п. КИМ и работавшие в одноимённом колхозе, а также Александр Емельянович Новиков (1882), родом из д. Лутовиновки (ныне – в Рогнединском районе), работал в колхозе «КИМ».

Некоторые сведения о том, как готовилось дело, сообщил в 1959 г. свидетель М.Д. Хапилин, работавший тогда председателем Косиловского сельсовета: «Я был вызван в Жуковский РО НКВД. Работник отдела Алексеев предложил подписать бумаги о якобы созданной этими людьми организации. Я сказал, что этого не было. Алексеев стал кричать, вытащил наган и пригрозил посадить меня в тюрьму». После этого Хапилин счёл за лучшее подписать несколько чистых бланков. Но, поскольку обвинение явно было «липовым», приговор оказался не очень суровым: братья Матюхины получили по 8 лет лагерей, другие – по 10 лет.

В декабре рассматривалось также дело колхозников из села Фошни: Никифора Герасимовича Кочергина (1883), Трофима Денисовича Калинина (1898), Фёдора Савельевича Сидорова (1884), Тихона Ивановича Степанова (1885). Все они обвинялись в антисоветской агитации, вины не признали, но суровое наказание получили: Кочергин был расстрелян, а остальные осуждены на 10 лет лагерей.

Десяток уроженцев с. Речицы и нескольких ближних деревень были включены в «контрреволюционную» группу, «раскрытую» жуковскими сотрудниеами НКВД. В неё вошли: Иван Дмитриевич Коржёнков (1906) из Речицы, работавший на заводе «Красный Профинтерн»; на том же заводе работали Андрей Фролович Кондрашов (1905) из д. Шамордино и Василий Прокофьевич Гордеев (1888) из исчезнувшей ныне д. Копыловки; братья Никитины из д. Дорогинь: Роман Иванович (1885), работавший кочегаром на «Красном Профинтерне», и Глеб Иванович (1888); братья Мартыновы из Речицы: Андрей Фёдорович (1887), работал в колхозе, и Никифор Фёдорович (1891), работал продавцом; уроженцы Речицы Прокофий Иванович Доброславский (1887) и Матвей Трофимович Лемешов (1876), работавший кочегаром в Бежицком горкомхозе, а также колхозник из д. Домашово Брянского района Филипп Дмитриевич Денин (1910). Можно добавить, что младший брат Гордеева, Семён Прокофьевич, проходил по другому делу и был осуждён на 10 лет. Такую же меру наказания определили большинству тех, кого осудили по «речицкому» делу. Только трое (Денин, Лемешов и Н. Мартынов) получили по 8 лет.

По наиболее значительному из политических дел, подготовленных в Жуковском районе, были арестованы и осуждены как члены «контрреволюционной» группы 12 уроженцев с. Овстуг. Руководителем группы был указан

Василий Алексеевич Герасин (1894), со средним техническим образованием, пенсионер (вероятнее всего – по инвалидности). Но реально главным лицом среди обвиняемых являлся Дмитрий Васильевич Киселёв (1868), заслуживающий особого внимания читателей. Киселёвы были давней овстугской фамилией, выделявшейся крепкими семейными отношениями, устойчивым развитием хозяйства и зажиточностью. А Дмитрий Васильевич отличался ещё и умением ладить с людьми, способностью дать добрый совет, что обеспечивало ему авторитет среди местного населения. Его не раз избирали на разные общественные должности, в том числе – гласным уездного земства, волостным старшиной (с 1906 до 1917 г.), а в 1912 г. он был избран депутатом IV Государственной Думы. Но подобные самостоятельные в мыслях и поведении люди не могли быть послушным «человеческим материалом» для устроителей новой жизни и были обречены. В 1931 г. хозяйства Дмитрия Васильевича, других овстугских Киселёвых и их родственников были раскулачены, а сами они отправлены в Свердловскую область. По окончании срока поселения большинство из них вернулось в родные места. Дмитрий Васильевич, а также его братья Пётр Васильевич (1874) и Филипп Васильевич (1875) устроились сторожами при разных учреждениях Бежицы (тогда - Орджоникидзеграда), но летом 1937 г. были арестованы и приобщены к уже упомянутому делу. Другими арестованными были сыновья Д.В. Киселёва: Николай Дмитриевич (1908) и Виталий Дмитриевич (1914), его близкий родственник Дмитрий Максимович Киселёв (1895), двоюродный брат Степан Петрович Носов (1895), родственник (по сестре Марии) кузнец Михаил Алексеевич Пилюгин (1881), а также родственники жены Николая Киселёва Варвары: её отец, уже упоминавшийся по делу 1931 г. Иван Алексеевич Поляков, и братья: Алексей Иванович (1906) и Дмитрий Иванович (1913) Поляковы. Все проходившие по делу Киселёвы, а также старший Поляков и названный ранее Герасин были в декабре 1937 г. расстреляны в брянской тюрьме и захоронены на территории современного парка им. А.К. Толстого, а остальные обвиняемые получили по 10 лет лагерей.

Впервые после многолетнего забвения Д.В. Киселёв был упомянут добрым словом в печати автором этой книги в «Истории Брянского края. XX век» (2003) и в монографии «Из истории селений Брянского района» (2004) (там же были опубликованы и фотографии Дмитрия Васильевича). Но большинство материалов о нём и его близких сумела разыскать его внучка, Алевтина Евдокимовна Пастухова (1940 - 2022), замечательный педагог, краевед и общественная деятельница. Ею же были выявлены десятки внуков и правнуков Д.В. Киселёва и его братьев, и в 2008 г. в Овстуге

впервые собрались вместе 24 потомка Киселёвых, приехавших с разных концов России. Через пять лет в Овстуге состоялась вторая подобная встреча. На ней впервые прозвучали посвящённые Дмитрию Васильевичу стихи, написанные его правнуком Анатолием Евгеньевичем Киселёвым, талантливым поэтом (ныне, к сожалению, покойным). А последняя встреча потомков Киселёвых, уже в заметно поредевшем составе, произошла в 2022 г. в Брянске, куда они приехали, чтобы проводить в последний путь Алевтину Евдокимовну Пастухову (сведения о её жизни и деятельности - в статье, которую опубликовал в «Брянском краеведе» её ученик В.В. Ковеля).

Помещённый в настоящей книге список лиц, связанных с Жуковским районом и осуждённых по политическим делам. является далеко не полным. Многие подвергшиеся репрессиям уроженцы Жуковского района не попали в число реабилитированных на Брянщине в период «оттепели», либо потому, что к моменту ареста проживали за её пределами, где и были осуждены, либо оказались реабилитированными только в 1990-е годы. Даже приблизительное число тех и других установить достаточно трудно. Можно лишь привести отдельные примеры.

В опубликованной в 2018 г. во втором сборнике «Брянского краеведа» статье А.Е. Пастуховой о судьбе овстугских Киселёвых есть упоминание, что дочь Д.В. Киселёва Елизавета была замужем за Г.С. Солдатовым, которого обвинили в троцкизме и расстреляли. Недавно удалось установить, что Григорий Сергеевич Солдатов (1890), уроженец Речицы, работавший бухгалтером инкубаторной станции в Брянске, был в феврале 1937 г. осуждён на 5 лет лагерей. Решение о его реабилитации (1993) сведений о расстреле не содержит. Вероятно, Солдатов действительно вскоре погиб в лагерях, что и было воспринято его родными как расстрел.

В третьем томе изданной в Орле книги «Реквием» (1996) упомянут уроженец Жуковки Михаил Иванович Шереметьев (1899), работавший в Орле начальником планового отдела горторга и расстрелянный в 1937 г. по фиктивному обвинению во вредительстве.

Не совсем обычно сложилась жизнь Василия Фёдоровича Агафонова (1900), родом из крестьян д. Дорогинь. Он окончил Карачевскую учительскую семинарию, работал в уездном отделе народного образования, как губернский уполномоченный занимался национализацией помещичьих усадеб. Затем, закончив в Москве Сельхозакадемию им. Тимирязева, испытывал новые сельхозмашины и преподавал. В 1930 г. был арестован, осуждён на 10 лет лагерей и отправлен на строительство Беломорканала. После досрочного

освобождения работал экономистом, начальником планового отдела. В 1939 г. был выселен из Москвы и вскоре переехал в Калугу, где работал плановиком. Во время немецкой оккупации Калуги был начальником Калужской земской управы. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В начале 1938 г. маховик «большого террора» продолжал вращаться, но уже с меньшей интенсивностью. Это было заметно и по орловской областной «тройке». За первые 8 месяцев года она собиралась лишь дважды в феврале, когда проявила особую «кровожадность» (все 315 человек в рассмотренных ею делах были приговорены к расстрелу), а затем уже «работала» с конца сентября до конца октября.

Сотрудники Жуковского райотдела НКВД активности в разоблачении «врагов народа» в 1938 г. не проявляли, так что число подготовленных ими дел оказалось небольшим. Расстрельным из них стало одно – в феврале высшую меру наказания получил Афанасий Иванович Корнеев (1892), уроженец д. Починок, позже слившейся с д. Тарасовой. Остальными осуждёнными в первом полугодии 1938 г. стали те, чьи дела рассматривались Особым совещанием при НКВД и имели «национальный» оттенок:

Лепинас Юрий Казимирович (1874), уроженец Ковенской губернии, литовец, путевой рабочий на ст. Жуковка;

Петерсон Юлий Карлович (1900), латыш, работал машинистом экскаватора на Олсуфьевском карьере;

Родоман Вячеслав Иванович (1905), белорус, работал бухгалтером Жуковского шпалопропиточного завода;

Сасин Викентий Адамович (1880), уроженец Минской губернии, поляк, машинист паровозного депо ст. Жуковка;

Цикин Николай Николаевич (1910), уроженец г. Риги, русский, работал на Жуковском механико-обозном заводе.

Все перечисленные были осуждены на 10 лет лагерей. Такой же срок получил осуждённый в октябре Иван Андреевич Абель (1899), латыш, из крестьян с. Новосёлки, но его хозяйство было в 1930 г. конфисковано, поскольку его отец ранее управлял имением.

Некоторые из репрессированных в 1938 г. получили меньшее наказание (по 8 лет лагерей):

Бондарь Андрей Андреевич (1906), уроженец Могилёвской губернии, колхозник в п. Балтика;

Кондратов Прохор Иванович (1880), уроженец д. Немерь в Дубровском районе, работал плотником на Жуковском механико-обозном заводе;

Новиков Тихон Николаевич (1888), родом из д. Шишковки, работал в Брянске на заводе им. Урицкого.

Осенью 1938 г. рассматривалось дело трёх жуковских железнодорожников, поляков, обвинённых в «антисоветской агитации»:

Ястржемского Иосифа Францевича (1898), рабочего топливного склада на ст. Жуковка;

Маевского Эдуарда Ивановича (1911), родом из п. Акуличи близ Людинки (Клетни), рабочего депо ст. Жуковка;

Петровского Романа Адольфовича (1902), уроженца д. Орловки, слесаря депо ст. Жуковка.

Приговор по этому делу оказался неожиданно мягким: Петровскому – 8 лет лагерей, другим –по 5 лет.

Необычным было дело работавшей на Жуковском обозном заводе Надежды Николаевны Некрашевич (1896), жены упоминавшегося ранее П.Д. Некрашевича. Как рассказала позже сама пострадавшая, в конце 1937 г. она договорилась с зав. производством Жуковской мебельной фабрики Ковалёвым о передаче во временную аренду своего дома для устройства в нём квартир сотрудников фабрики. Не получая долго арендной платы, Некрашевич пришла в контору фабрики и устроила скандал, что и было расценено как «антисоветская агитация». Надуманность обвинения была столь очевидной, что мерой наказания в октябре 1938 г. определили 3 года лишения свободы – срок, невиданный для тогдашних политических дел. Впрочем, для Н. Некрашевич лагерное пребывание оказалось длиннее – после начала войны те, у кого заканчивался срок осуждения, продолжали оставаться в местах заключения до её окончания.

Ещё одно дело, заслуживающее упоминания, связано с Александром Александровичем Шеиным (1890), уроженцем п. Угость, работавшем там председателем колхоза с 1932 г. вплоть до ареста в январе 1938 г. Обвинили его в «антисоветской пропаганде», а в реальности за недовольство действиями местных властей, вмешивавшихся в дела колхоза. Следствие длилось долго, а в ноябре 1939 г. было сообщено о прекращении дела «за смертью обвиняемого».

В ноябре 1938 г. Сталин и его окружение приняли решение остановить «большой террор», что и было объявлено в Постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В этом документе отмечалось, что в работе органов НКВД и прокуратуры были «совершенно нетерпимые недостатки», там «совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже без всяких оснований, создавали «дела» против невинных людей».

Словом, как и в 1931 г., центральная власть объявила виновными не инициаторов, а нерадивых исполнителей творившегося в стране произвола. Но главное всё-таки было в

другом: впредь органам НКВД и прокуратуры запрещалось проведение массовых операций по арестам и выселениям; ликвидировались судебные «тройки», а законченные следственные дела передавались на рассмотрение судов, обязанных действовать в сответствии с законодательством. Новый нарком внутренних дел Л.П. Берия начал «чистку» среди работников своего ведомства, в результате которой многие были уволены из органов, а наиболее причастные к фальсификациям и другим нарушениям подверглись репрессиям, вплоть до расстрелов (в числе расстрелянных оказался и бывший начальник Орловского управления НКВД Симановский).

Начался пересмотр многих прежних дел, что привело к освобождению из лагерей и колоний более 800 тысяч ранее осуждённых. Однако немалая часть получивших свободу оставалась на прежнем месте, будучи переведенной на положение вольнонаёмных. По мнению Сталина, это было необходимо «с точки зрения государственного хозяйства» и представляло собой, по его выражению, «добровольно-принудительное оставление». Значение лагерного труда для экономики страны было понятно многим. Так, академик В.И. Вернадский отметил в дневнике в 1938 г., что «мильоны заключённых – даровой труд, играющий очень большую роль в государственном хозяйстве».

О ситуации с политическими репрессиями в Орловской области, куда входила и территория будущей Брянской области, свидетельствуют такие данные: с августа по декабрь 1937 г. было осуждено около 20 тысяч человек, в том числе к расстрелу – почти 3,5 тыс.; с января по ноябрь 1938 г. осуждено 3,3 тыс. (к расстрелу – 800); за 1939-1940 годы осуждено 1830 человек (к расстрелу – 4). Из общего количества осуждённых и расстрелянных больше половины приходилось на жителей Брянщины.

Среди репрессированных было немало тех, кто участвовал в революционном движении в Брянске и Брянском уезде или был здесь в числе руководителей в первые годы Советской власти, а позже стали широко известными. Вот некоторые из них:

Алкснис Яков Иванович (1897-1938), из крестьян Лифляндской губернии, с 1916 г. большевик, в 1917 г. призван в армию и направлен в Одесскую военную школу, которую окончил с чином прапорщика. В 1918 г. прибыл в Брянск, где сразу включился в агитационную работу среди солдат местного гарнизона и латышского населения уезда, а также среди находившихся в городе немецких и австрийских пленных. Был избран в состав уездного комитета партии, где работал под руководством И. Фокина, а после его смерти в апреле 1919

г. Алксниса избрали председателем Брянского уездного исполкома. Но уже в мае его перевели в Орёл и назначили губернским военным комиссаром. Участвовал в боях против деникинских войск и был награждён орденом Красного Знамени. Позже стал одним из организаторов и руководителей советских ВВС (в 1926-1931 гг. – заместитель начальника, а с 1931 г. – начальник ВВС РККА), с января 1937 г. – заместитель наркома обороны. В ноябре того же года арестован как руководитель мифической «латышской фашистской организации», а в июле 1938 г. расстрелян.

Киреев Григорий Петрович (1890 1938), уроженец п. Людиново Калужской губернии, окончил ремесленное училище, в 1911 г. призван на флотскую службу, которую проходил на Балтике. В 1917 г. был руководителем матросской секции Гельсингфорского совета, в 1918 г. – начальник отряда особого назначения Балтийского флота. В том же году прибыл в Брянск, где его избрали председателем городского совета; в 1919-1021 гг. работал председателем Севского уездного исполкома, а затем – вторым секретарём Брянского губкома партии. Вскоре решением ЦК возвращён на флот. В 1926-1931 гг. был членом Реввоенсовета и начальником Политуправления на Балтике, в 1933 г. – командующий Каспийской военной флотилии, а затем занимал командные должности на Тихоокеанском флоте (в 1937 г. командовал флотом). В январе 1938 г. арестован, в июле расстрелян.

Кубяк Николай Афанасьевич (1881-1937), уроженец г. Мещовска Калужской губернии, трудовую жизнь начал подростком, работая на разных заводах. С 1898 г. – большевик, с 1902 г. член Брянского комитета РСДРП, в период первой русской революции 1905-1907 гг. был в числе активных участников событий на Брянщине. После ареста в 1907 г. пребывал в тюрьмах и ссылке до 1915 г. В 1917-1920 гг. находился на руководяшей партийной работе в Петрограде, в 1922-1926 гг. был секретарём Дальневосточного бюро ЦК партии. Затем занимал заметное положение в Москве: был не только членом ЦК партии, но и членом Оргбюро ЦК, секретарём ЦК (1927-1928), наркомом земледелия РСФСР (1928-1929). В 1930-е гг. отошёл на второй план: был председателем Ивановского облисполкома, председателем Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства. В июне 1937 г. был арестован, а в ноябре расстрелян.

Стельмахоич Алексей Терентьевич (1891 – 1938), белорус, родом из крестьян Могилёвской губернии. Работал слесарем на Бежицком заводе, с 1913 г. – член партии большевиков, вёл революционную пропаганду среди солдат во время Первой мировой войны. Был участником Гражданской войны. С лета 1920 г. до осени 1921 г. являлся председателем

Брянской губернской ЧК. Среди результатов его работы – ликвидация крупной банды полковника Сенина на юге Брянщины и прекращение стачки рабочих на Брянском мехартзаводе. В 1922-1923 гг. Стельмахович – начальник Московской милиции, сумевший заметно снизить уровень бандитизма в столице. Позже был представителем ВЧК по Приволжскому военному округу, членом коллегии наркомюста. В 1932-1935 гг. учился в Московской горной академии и Московском институте стали, затем был директором металлургических заводов в Москве и на Урале, управляющим трестом «Союзлес-трансстрой». В феврале 1938 г. был арестован, а в августе того же года расстрелян в Свердловске.

Кульков Михаил Максимович (1891-1939) родился в Бежецком уезде Тверской губернии. В годы первой русской революции, вступив в партию большевиков, участвовал в митингах и стачках петербургских рабочих, арестовывался. В 1915 г. после очередного ареста и тюремного заключения приехал в Брянск, где начал работать шорником на «Арсенале». В марте 1917 г. стал инициатором создания первого легального Брянского комитета РСДРП, куда вошли немногочисленные большевики, меньшевики, бундовцы и латышские социал-демократы, и тогда же был избран его председателем. Он же в июне возглавил отдельный большевистский Брянский комитет. В 1918-1919 гг. был одним из главных руководителей подавления контреволюционных выступлений в Брянске. В 1919 г. после смерти И. Фокина возглавлял Брянский уездный комитет партии, в 1920 г. его избрали председателем Бежицкого уездного совета, но в том же году Кульков был переведен на работу в Москву. Затем возглавлял партийный комитет в Киргизии, работал в Комитете партийного контроля, а с 1934 г. стал вторым секретарём Московского горкома партии, сменив на этом посту Н.С. Хрущёва, который положительно отзывался о Кулькове, называя его «вполне честным и надёжным человеком». В октябре 1938 г. был арестован, а в апреле 1939 г. расстрелян.

Таким образом, отдельные необоснованные репрессии и расстрелы были и после «большого террора», но массовыми они уже не являлись. Однако лагерный контингент продолжал пополняться. В 1939-1941 гг. значительная часть новых заключённых состояла из жителей Западных Украины и Белоруссии, а также Прибалтики.

В конце главы приведём краткие сведения о пяти примечательных уроженцах Жуковской земли, успевших в 1930-е годы получить первоначальную известность, которая позже у некоторых значительно возросла.

Конрад Николай Иосифович (1891-1970) родился в семье железнодорожного служащего на ст. Жуковка, хотя

обычно местом его рождения называют Ригу. Дело в том, что мать его, ревностная католичка, не пожелала крестить младенца в одном из православных храмов поблизости, а отвезла его в Ригу, где он был окрещён в костёле. Позже семья переехала в Ригу, где Николай окончил гимназию, а в 1912 г. одновременно закончил восточный факультет Петербургского университета и японское отделение Практической восточной академии. Длительная командировка в Японию и поездки оттуда в Корею и Китай дали молодому учёному богатый материал для будущих научных работ. Вернувшись летом 1917 г. из Японии, Конрад получил место приват-доцента Петроградского университета, но затем был вынужден переехать в Орёл, где в 1920-1922 гг. был ректором Орловского государственного университета. Вернувшись в Петроград, получил в 1926 г. звание профессора. Но основная деятельность учёного была связана с Москвой, где он работал в Институте востоковедения Академии Наук СССР. В 1934 г. стал доктором филологических наук и был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1937 г. был арестован и осуждён на 5 лет лагерей, но после досрочного освобождения вернулся на прежнее место работы. Главными направлениями его научной деятельности были литературоведение, языкознание, история и культура Японии, Китая, Кореи, переводы литературных памятников этих стран, а также проблемы взаимоотношений Запада и Востока. В 1958 г. Конрад как «создатель и глава советского востоковедения» был избран действительным членом АН СССР, а в 1972 г. стал (посмертно) лауреатом Государственной премии СССР.

Власов Александр Васильевич (1899 -1971) родился в бедной крестьянской семье в с. Речица. Окончив в 1913 г. Овстугское двухклассное училище, начал работать на ст. Ржаница. В 1918 г. был призван в Красную армию, с 1921 до 1923 г. был курсантом Московской военно-комендантской железнодорожной школы, по окончании которой служил на ст. Смоленск. Затем продолжал службу на Украине, а после окончания в 1936 г. Московской военно-транспортной академии направлен в Приволжский военный округ. С сентября 1940 г., уже в звании полковника, поступил в Академию Генерального Штаба, но находился там недолго. С началом Великой Отечественной войны являлся начальником отделов военных сообщений на Юго-Западном, Северо-Кавказском, Волховском, Карельском и 4-м Украинском фронтах, обеспечивая поставки всего необходимого для армий. Его заслуги были отмечены рядом наград и присвоением в 1944 г. звания генерал-майора технических войск. После войны продолжал службу до 1960 г. Умер в Москве.

Горелкин Гавриил Семёнович (1902-1963) родился в семье железнодорожного сторожа на ст. Жуковка. С 14 лет начал работать на ст. Акуличи, в 1920 г. окончил школу в п. Людинка и продолжал работать на железной дороге. Прошёл в 1924-1925 гг. армейскую службу, в 1927 г. стал членом партии, а в 1930 г. был направлен в органы ОГПУ-НКВД. Служил, по всей вероятности, добросовестно, но особого рвения в пору «большого террора» не проявлял и в 1939 г. уже при новом наркоме был назначен начальником Пензенского областного управления НКВД. Оставался в этой должности (получив в 1943 г. звание полковника) непривычно долго – до 1951 года, когда был направлен в Молдавию, где и находился на работе в органах госбезопасности до кончины в 1963 г.

Харламов Николай Михайлович (1905-1983) родился в семье железнодорожного кондуктора ст. Жуковка, умершего в 1917 г. Поэтому Николаю, помимо учёбы в школе, пришлось одновременно подрабатывать на местном лесопильном заводе. В 1922 г. он по комсомольскому призыву поступил на флотскую службу, которая на полвека стала главным делом его жизни. После окончания двух Военно-морских училищ служил на Чёрном море, где в 1933-1937 гг. командовал эсминцами и крейсером, а в феврале 1938 г. был назначен начальником штаба Черноморского флота. С апреля 1941 г. он –начальник Управления боевой подготовки ВМФ страны. В июле того же года в составе советской военной миссии прибыл в Англию, где и задержался на три года. Официально он был лишь военно-морским атташе при советском посольстве, а в реальности возглавлял деятельность военной миссии СССР в Великобритании. Благодаря умело налаженным контактам с видными британскими чиновниками, Харламов смог много полезного сделать для активизации военных поставок из Англии в СССР, для содействия открытию «второго фронта», а также для сбора важной разведывательной информации. Вскоре после возвращения на Родину он в ноябре 1944 г. был вновь назначен на должность начальника Управления боевой подготовки ВМФ, а в 1946 г. стал заместителем начальника Генерального Штаба Вооружённых сил страны. В 1949 г. получил звание адмирала (с 1940 г. был контр-адмиралом, во время войны стал вице-адмиралом). В 1950-е гг. командовал Балтийским флотом, позже - на других ответственных постах. С 1971 г. – в отставке. Написал мемуары «Трудная миссия» (изданы в 1983 г.).

Новиков Николай Васильевич (1909-1971) родился в семье ремонтного рабочего на ст. Жуковка, закончил здесь железнодорожную школу, затем – рабфак и военно-транспортную академию в Ленинграде. В 1935-1945 гг. работал начальником службы эксплуатации в Северном морском

пароходстве, где проявил себя с лучшей стороны, особенно в трудных военных условиях. В 1946 г. назначен заместителем министра, а в 1948 г. министром морского флота СССР, но в 1953 г. освобождён в связи с болезнью. В 1954 г. около полугода работал заместителем министра морского и речного флота СССР, но затем был вновь освобождён по состоянию здоровья. Позже работал на менее ответственных должностях.

Не был уроженцем Жуковки, но также заслуживает быть упомянутым Александр Иванович Виноградов (1898 – 1942), родившийся в Бежице, там же закончивший техническое училище и с 15 лет начавший работать на Брянском рельсопрокатном заводе (его отец умер рано, а мать осталась с пятью детьми, из которых старшим был Александр). В мае 1919 г. был призван в Красную армию и служил на одном из бронепоездов 8-ой армии Южного фронта, но не в боевом отряде, а как слесарь и токарь в вагоне-мастерской. В апреле 1920 г. был из армии уволен и направлен в Жуковку для службы в волостной милиции. Вскоре одновременно стал председателем местной организации РКСМ. Напомним, что в тот период близкие к Жуковке территории были местом активных действий немалого числа бандитских групп. В ноябре 1921 г. вернулся в Бежицу, поскольку был мобилизован для работы на своём родном заводе (теперь он назывался «Красный Профинтерн») в качестве мастера по токарному делу. Позже работал помощником начальника цеха, а с 1937 г. стал начальником цеха (к этому времени Виноградов был уже членом партии и депутатом Бежицкого городского Совета, переименованного в 1936 г. в Орджоникидзеградский).

В октябре 1041 г. он был назначен командиром Орджоникидзеградского партизанского отряда (о боевой деятельности отряда – в следующей главе), а в июле 1942 г. был убит, находясь на территории партизанского лагеря. Обстоятельства его гибели так и остались не раскрытыми. Учитывая, что партизаны глубоко уважали командира (в первую очередь – за доброжелательное отношение к людям), его имя было присвоено Орджоникидзеградскому партизанскому отряду, который не раз взаимодействовал с жуковскими партизанами.

А теперь – некоторые общие сведения о населении Жуковского района в 1940 г. Численность жителей в районе была чуть более 46 тысяч (больше, чем в соседних Жирятинском, Клетнянском и Рогнединском районах), а в посёлке Жуковке – 10 тысяч (ближайшие посёлки Сельцо, Клетня, Бытошь, Ивот, Дубровка насчитывали от 8 до 4 тысяч жителей).

7. В годы Великой Отечественной войны

В мае 1945 г., 80 лет назад, победоносно завершилась продолжавшаяся 1418 дней и ночей самая кровопролитная и ожесточённая в истории нашей страны война – Великая Отечественная. С тех пор день 9 мая стал священным для всех, кому дороги независимость и честь нашего Отечества – России. Но День Победы одновременно является днём неизбывной памяти о всех тех советских людях, и павших, и выживших во время войны, кто своими воинскими и трудовыми подвигами спасли страну от нацистского порабощения и обеспечили ей великую Победу. Нынешним поколениям жителей России очень трудно представить себе те потери, тяготы и лишения, которые пришлось перенести людям старшего возраста, уже покинувшим в абсолютном большинстве этот мир. Пусть же праздничные фанфары не заглушают той горькой правды, что День Победы – это «праздник со слезами на глазах», что «сначала была беда, а только потом – Победа».

В ночь на 22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии начали свои агрессивные действия против Советского Союза. В первый месяц войны противник занял почти всю Белоруссию, большую часть Прибалтики, многие области Украины и вторгся на территорию Смоленщины. Возникла угроза прорыва немецких войск на север Брянщины, где советских войск практически не было. В четырёх северных районах (Рогнединском, Дубровском, Клетнянском и Жуковском) не размещалось ни одной пехотной, танковой или артиллерийской части. Крупный военный городок находился в п. Сеща, где располагался большой военный аэродром и связанные с ним службы. Небольшой военный городок появился к 1937 г. и близ п. Олсуфьево, где находились запасной аэродром с обслуживавшей его аэродромно-технической ротой, а также военная авиационная школа стрелков-бомбардиров и окружная школа младших авиационных специалистов. Кроме того, в п. Ржаница располагались центральный химический склад № 137 и охранявшая его отдельная стрелковая рота. Их появление связано с началом выпуска в 1939 г. артиллерийских снарядов секретным военно-химическим заводом в находившемся поблизости п. Сельцо (Брянский район).

В июле 1941 г. тысячи советских людей строили на севере Брянщины большую оборонительную линию вдоль левого берега Десны, идущую от границы со Смоленской областью до Жуковки, а дальше по реке Угость и верховьям Судости. Днём и ночью, нередко подвергаясь налётам немецкой авиации, самоотверженно трудились здесь местные

жители, строители и рабочие из Москвы и Брянска, московские и воронежские студенты, а также воины прибывавших сюда дивизий. В частности, близ Жуковки активно участвовали в оборонительном строительстве бойцы 120-й дивизии, но 15 июля их срочно перебросили к Ельне и в боях на Брянщине они участия не принимали. К концу июля работы были в основном завершены, и, как оценивали военные, появилось «прекрасное фортификационное сооружение, состоящее из нескольких линий траншей, окопов, ходов сообщения, пулемётных и орудийных гнёзд, дотов, дзотов и огромного противотанкового рва», перерезавшего шоссе Брянск – Рославль.

Раньше других на севере Брянщины появились части 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта В.Я. Качалова, командовавшего ранее Архангельским военным округом. Эти части, формировавшиеся на территории Орловского военного округа и прибывавшие в район Брянска в первой половине июля, затем выдвинулись к Жуковке и Рославлю и получили приказ основными силами начать наступление в сторону Смоленска, где три армии Западного фронта оказались в окружении. Одновременно с «группой Качалова» такой же приказ получили ещё 4 армейских группы. Однако ни одна из них не смогла добиться успеха. Лишь «группе Качалова», уступавшей противнику в живой силе и технике, в условиях полного господства немецкой авиации в воздухе, удалось существенно продвинуться. Это отметил позже в своих воспоминаниях генерал Г. Гудериан: «В последние дни июля в районе Рославля сложилась критическая обстановка и были понесены большие потери». Но войска Качалова не были поддержаны резервами, что привело к трагическим последствиям. 1 августа получившие подкрепление немецкие войска перешли в наступление и с юго-запада ворвались в Рославль. 2-3 августа другие вражеские части обошли «группу Качалова» с востока и соединились с первой группой. В окружении оказалось большинство наступавших советских войск, и вырваться из него смогли примерно 8 тысяч солдат и офицеров, а около 30 тысяч погибли или попали в плен. Погиб и генерал Качалов. 4 августа в бою у д. Старинки он, видя, что пехоте не удаётся выбить противника, сел в уцелевший танк и пытался возглавить новую атаку, но прямым попаданием немецкого снаряда танк был подбит, а его экипаж и командарм погибли. Не имея точных сведений о судьбе Качалова, в Главном Политуправлении РККА выдвинули версию, что он перешёл к врагам, и приказом Верховного Главнокомандующего уже похороненный местными жителями Качалов был объявлен предателем и заочно приговорён к расстрелу. Пострадала и его

семья. Только в конце 1953 г. этот приказ был отменён и тёмное пятно с имени Владимира Яковлевича Качалова смыто. Вырвавшиеся из окружения бойцы его армии отходили либо в сторону Брянска, либо на север Рогнединского района. 28-я армия была расформирована, а её уцелевшие воины в большинстве переведены в другие соединения. Сохранилась вырвавшаяся главными силами из окружения 149-я дивизия под командованием генерал-майора Ф.Д. Захарова, судьба которого была счастливой: прошёл всю войну, стал генерал-лейтенантом и Героем Советского Союза.

Уже 5 августа немецкие войска вступили на Брянскую землю - их танковая разведка появилась в посёлке Сеща и увидела большой пожар: горели взорванные авиаторами склады и ангары. Вскоре противник занял большую часть Дубровского и Рогнединского районов, север Клетнянского района, но особую опасность представляла угроза его продвижения к Брянску через территорию Жуковского района. Для противодействия врагам на этом направлении начали выдвигаться 258-я, 260-я и 290-я дивизии, включённые во 2-ой отдельный стрелковый корпус под командой генерал-майора А.И. Ермакова, вскоре вошедший в состав Резервного фронта во главе с генералом армии Г.К. Жуковым.

Раньше других в районе Жуковки появились части 258-й дивизии. Вот небольшой отрывок из воспоминаний командира 999-ого полка из состава этой дивизии полковника А.Я. Веденина: «От фашистских бомбёжек горели города и сёла, гибли тысячи мирных жителей. Горел и Брянск, куда мы прибыли из Орла. Фашисты почти непрерывно бомбили город. Военная комендатура железнодорожной станции, чтобы вывести дивизии из-под бомбовых ударов, предложила нам рассредоточиться и продвигаться мелкими эшелонами. Я решил на свой страх и риск вести полк навстречу врагу пешим порядком. Полк быстро выгрузился и отошёл на запад от станции. Под покровом темноты и непогоды мы двинулись лесами и перелесками в направлении Рославля, который уже был взят врагом. Километрах в сорока от Брянска стали попадаться группы и подразделения наших отступавших солдат и офицеров. Морально они были подавлены. Пройдя ещё километров десять, мы вышли в район посёлка и железнодорожной станции Жуковка. Тысячи брянцев, москвичей и жителей других городов и сёл строили здесь оборонительный рубеж. Рубеж удался на славу. Теперь всё зависело от нас». Таким образом, первоначально части 258-й дивизии заняли оборону на левом берегу Десны близ Жуковки, прикрывая железную дорогу от Рославля к Жуковке и далее к Орджоникидзеграду и Брянску. Но вскоре изменившаяся обстановка внесла существенные коррективы.

В определённой степени помогают понять ситуацию воспоминания бывшего начальника Политуправления Орловского военного округа А.П. Пигурнова, опубликованные в книге А. Кукатова и Н. Геeца «Орловский военный округ». По словам автора воспоминаний, днём 2 августа в штабе округа раздался звонок из Москвы и был передан приказ из Ставки Верховного Главнокомандования о немедленном занятии рубежа обороны на 37-м километре шоссе в сторону Рославля, чтобы предотвратить захват врагом Брянска. Встретившись с прибывшим в Орёл комбригом К.П. Трубниковым, Пигурнов поручил ему возглавить оборону на 37-м километре, а тем временем были приняты следующие меры: подготовлены три транспортных самолёта для доставки около полусотни вооружённых людей во главе с комбригом в Брянск, а оттуда машинами на рубеж обороны; 1500 призывников получили обмундирование, вооружение, боеприпасы и прочее снаряжение и по железной дороге отправлены в Брянск, а затем на 37-й километр; туда же были доставлены тысяча винтовок, 5 станковых пулемётов с необходимым запасом патронов, а также противотанковые и ручные гранаты и бутылки с горючей смесью. Ранним утром следующего дня Пигурнов и Трубников встретились на рубеже обороны. Далее – цитата из воспоминаний Пигурнова: «Не прошло и полчаса, как по шоссе Рославль – Брянск идёт мотоциклетный батальон немцев. Наши воины встретили этот батальон винтовочным и пулемётным огнём. А когда оставшиеся в живых немцы подошли к оврагу, где была построена оборона, они были забросаны гранатами и бутылками с горючей смесью. Процентов 70-80 этого батальона были убиты и ранены, а остальные развернулись и уехали обратно». Не подвергая сомнению основное содержание этих воспоминаний, в них нужно внести существенную поправку – всё описанное происходило не 2-3, а 8-9 августа. Это вполне объяснимо: воспоминания написаны через 30 лет после событий, незадолго до смерти их автора, память которого вряд ли могла сохранить точные даты. Установить их более надёжно позволяют сведения советской разведки, которая 8 августа в первой половине дня обнаружила в п. Сеща скопление немецких бронемашин и танкеток, а около 17 часов зафиксировала движение юго-западнее Дубровки колонны мехчастей противника по шоссе в сторону Брянска. В колонне было 35 бронемашин и танкеток, а в середине колонны – около 40 мотоциклов. Вероятно, после ночного привала командир этой колонны и направил в качестве разведки отряд мотоциклистов, наткнувшийся на уже занятый советскими войсками рубеж обороны. А в Москву информация о продвижении противника в сторону Брянска могла поступить

от лётчиков, которые бомбили Сещу (сведения о налёте нашей авиации есть в упомянутом донесении разведки).

Комбриг Трубников, назначенный командиром 258-й дивизии, понимал, что первая неудача не остановит противника, и поэтому находившийся ранее близ Жуковки 999-й полк был переброшен к югу от Угости (Стибково, Костыли и соседние селения); поблизости разместился и 954-й полк (Шамордино, Новосёлки, Молотино), а штаб дивизии и спецслужбы находились в Овстуге. Лишь 991-й полк оставался некоторое время на старом месте (Глинки, Остров, западная окраина Жуковки), но затем и он был переброшен к Угости. Кроме того, дивизия продолжала пополняться отступавшими.

Уделил внимание опасному участку обороны и командующий фронтом Жуков, который здесь побывал и приказал усилить оборону противотанковым артиллерийским полком и прислать для него нужное количество бронебойных снарядов. Помощь пришла вовремя, так как начиная с 11 августа противник ежедневно атаковал оборонительный рубеж на Угости, но успеха так и не добился. Потеряв в «лобовых» атаках значительное количество людей и техники, немецкое командование попыталось обойти рубеж обороны с запада и прорваться в районе с. Белоголовль, но и там противник потерпел неудачу. Всего же 258-я дивизия удерживала здесь оборону в течение двух месяцев.

В середине августа 1941 г. в управлении войсками, находившимися на Брянщине, многое изменилось. В связи с ликвидацией корпусов 258-я, 260-я и 290-я дивизии были напрямую включены в состав 50-й армии (командующий - генерал-майор М.П. Петров), но уже не в Резервном фронте, а в новом, образованном 16 августа Брянском фронте под командованием генерал-лейтенанта А.И. Ерёменко. По его словам, Сталин так определил главную задачу нового фронта: «Прикрыть Московский стратегический район с юго-запада и не допустить прорыва танковой группы Гудериана через Брянский фронт к Москве». Постановка такой задачи уже не соответствовалаа изменившемуся положению. Гудериан действительно начал наступление, но не на Москву, а через центральные районы Брянщины на север Украины, в тыл войскам Юго-Западного фронта. Так что слова «Истории земли Жуковской», что 50-я армия «стала на пути рвущейся к Москве 2-ой танковой группы Гудериана» - ошибка.

Не рассматривая всех боевых действий Брянского фронта, обратимся вновь к 50-й армии (штаб армии находился в д. Чайковичи к северу от Брянска). Первоначально занимаемая ею полоса обороны была очень длинной: вдоль левого берега Десны от севера Рогнединского района до Жуковки, затем по реке Угости (правому притоку Десны) и

далее по реке Судости до Почепа. К концу августа она немного сократилась (небольшой северный участок был передан 43-й армии Резервного фронта, а участок от Почепа до Красного Рога – 3-й армии Брянского фронта), но всё равно оставалась протяжённой. Если двигаться с севера на юг, то указанную полосу обороны держали следующие стрелковые дивизии 50-й армии: 217-я (командир – полковник М.А. Грачёв), 279-я (командир – полковник П.Г. Шелудько), 278-я (командир – полковник В.И. Мелешко), уже упоминавшаяся 258-я, 290-я (командир – полковник Н.В. Рякин), 260-я (командир - полковник В.Д. Хохлов).

В конце августа к ним добавилась 299-я дивизия (командир – полковник И.Ф. Серёгин), о которой стоит рассказать чуть подробнее. Она формировалась в июле-августе в Белгороде из призванных в армию сельских жителей Гомельской, Черниговской, Сумской и Кировской областей в возрасте от 30 до 50 лет, преимущественно малограмотных, винтовки ранее в руках не державших. Большинство её младшего командного состава тоже не имело боевого опыта, а из командиров полков выделялся майор И.Я. Кравченко, за отличие в войне с Финляндией удостоенный звания Героя Советского Союза. Но если в 956-ом полку, которым он командовал, его вполне заслуженно уважали, то с комдивом нормальных отношений не сложилось. Прибыв на ст. Сельцо, дивизия разгрузилась и затем, проделав трудный путь по лесисто-болотистому бездорожью через Домашово – Старое Лавшино к Поляковке, почти сразу была послана в бой.

В конце августа Ставка Главнокомандования, стремясь приостановить продвижение 2-ой танковой группы Гудериана, отдала приказ армиям Брянского фронта начать наступательные операции. И хотя командующий фронтом генерал Ерёменко пообещал Сталину «разбить подлеца Гудериана», шансов на успех у Брянского фронта не было. Переброшенные с рославльского направления к Почепу и далее к Погару части механизированного корпуса генерала Лемельзена не только прикрыли ударную группу Гудериана с востока, но и сами начали наступление в сторону Трубчевска. Ввод срочно направленной туда подвижной группы во главе с заместителем командующего Брянским фронтом Ермаковым привёл к встречному танковому сражению, развернувшемуся в конце августа восточнее и северо-восточнее Трубчевска, которое сопровождалось большими потерями с обеих сторон. Вот в такой обстановке 2 сентября 3-я и 13-я армии Брянского фронта начали наступление в сторону Почепа и Погара, но заметных успехов достигнуть не смогли.

Тогда же начали наступление и части 50-й армии, получившие приказ прорываться к Рославлю, хотя такой

прорыв никак не мог повлиять на продвижение группы Гудериана. По плану наступления основной удар должны были нанести 278-я, 279-я и 299-я дивизии при поддержке 121-й танковой бригады и частей артиллерии, во втором эшелоне находилась 290-я дивизия. По данным советской разведки, сменившие корпус Лемельзена на брянско-рославльском направлении пехотные части активно подготавливали занимаемые ими рубежи к обороне, что и подтвердилось в последующих боях. Не останавливаясь на тех неурядицах, которые проявились в ходе двухнедельных боёв, перечислим, чего удалось достичь воинам ударной группы. В первый день наступления, 2 сентября – переправиться через Десну, занять п. Гостиловку, оттеснив противника за дорогу Летошники – Гостиловка. В последующие дни части 279-й дивизии, базируясь на позициях в с. Голубея и д. Вязовск (эти селения на правобережье Десны оставались под контролем наших войск), после длительных боёв освободили деревни Бересток, Девочкино, Казаново, Соболево и некоторые более мелкие, а чуть позже – с. Рековичи. В районе брянско-рославльского шоссе основной удар наносили 299-я дивизия и 121-я танковая бригада при поддержке 290-й дивизии. Бои на этом направлении оказались тяжёлыми и сопровождались большими потерями, в том числе – от массированных налётов немецкой авиации. Находившиеся здесь населённые пункты неоднократно переходили из рук в руки. В конце концов нашими войсками были заняты Силеевка, Новая Буда, Кочева, Красная, Никольская Слобода. Ослабленная ещё до начала наступления 278-я дивизия (один из её полков был направлен на другой участок фронта), наступая от д. Вышковичи, смогла овладеть д. Сума, но позже действовала неудачно.

В связи с этими боями нельзя оставить без внимания допущенную в «Истории земли Жуковской» удивительную ошибку, что контрудар советских дивизий «особого успеха не имел, так как перед нашими войсками встали ещё и 4 немецких танковых армии». Ведь в сентябре 1941 г. гитлеровская Германия вообще не имела ни одной танковой армии (они появились в октябре, а ранее назывались танковыми группами), и на севере Брянщины ни одна из них не действовала. Противостояли наступавшим частям 50-й армии только немецкие пехотные войска, не имевшие танков, но с немалым числом противотанковой артиллерии. В результате в советской 121-й танковой бригаде, где насчитывалось около 100 танков, к середине сентября было подбито и частично сожжено 78.

Таким образом, продвижение войск 50-й армии составило не более 10-12 километров и заметного влияния на последующие боевые действия не оказало. А вот потери

армия понесла весьма существенные. К примеру, за первую половину сентября 299-я дивизия потеряла около 7 тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными (с отправкой в госпиталь), пропавшими без вести, а в строю осталось немногим более 4 тысяч человек. В 278-й дивизии потери составили почти 4 тысячи, в 279-й дивизии - более 3 тысяч человек, а общие потери 50-й армии за время наступления превысили 15 тысяч солдат и офицеров. Примерно половину из них составляли пропавшие без вести, среди которых были и погибшие, но основной частью – попавшие в плен, в том числе – сдавшиеся добровольно.

С 14 сентября части 50-й армии перешли к обороне, причём понёсшая наибольшие потери 299-я дивизия была переведена в резерв, а 121-й танковая бригада направлена на другой участок фронта. Лишь иногда имели место боевые столкновения (типа разведки боем), не обходившиеся без потерь. Но во второй половине сентября основные военные события (для многих – трагические) происходили южнее, где близ полтавского города Лохвица наступавшие навстречу друг другу танковые группы Гудериана и Клейста замкнули кольцо окружения вокруг основных сил Юго-Западного фронта. В «котле» оказались свыше 600 тысяч советских воинов, из которых лишь немногим удалось вырваться, а большинство попало в плен или погибло.

Вскоре в водоворот подобных трагических событий, связанных с началом крупномасштабного наступления немецких армий на Москву, оказались также втянуты войска Брянского и соседних Резервного и Западного фронтов. Первый удар во время этого наступления нанесла 2-я танковая группа Гудериана, которая 30 сентября прорвала оборону на южном фланге Брянского фронта, 1 октября заняла Севск, а уже 3 октября ворвалась в Орёл. В это время другие части танковой группы вышли к Карачеву, а затем повернули к Брянску, который был занят 6 октября. Фактически войска Брянского фронта оказались рассечены: к югу от Брянска находились попавшие в окружение 3-я и 13-я армии, а к северу – 50-я армия, которой также грозило окружение. К тому же было потеряно управление фронтом, так как 6 сентября немецкая танковая колонна, двигавшаяся с мотопехотой от Карачева к Брянску, обстреляла находившийся близ дороги командный пункт фронта, а генерал Ерёменко, не оповестив работников штаба, уехал в 3-ю армию. Несколько дней о нём ничего не знали ни в Ставке, ни в штабе фронта, который переместился в с. Хвастовичи, а потом в г. Белёв.

Каким же было в это время положение в полосе обороны 50-й армии? Численность входивших в её состав стрелковых дивизий на 1 октября была (с округлением) такой:

217-я – 12,5 тыс., 258-я – 9,75 тыс., 260-я – 9,65 тыс., 278-я – 5,85 тыс., 279-я – 7,8 тыс., 290-я – 8,5 тыс., 299-я – 5,9 тыс. На рассвете 2 октября началось наступление немецких пехотных и танковых войск на московском направлении. На северном фланге Брянского фронта главный удар пришёлся на позиции 217-й и 279-й дивизий. Один из полков 217-й дивизии был отсечён от других частей и почти полностью уничтожен, два других полка также понесли большие потери. Из-за отхода соседней 43-й армии Резервного фронта оказался открытым северный фланг дивизии и пришлось её уцелевшим частям отходить от Десны и разворачиваться к северу. 3 октября они попытались у д. Бутчино сдержать продвижение противника к Людиново, но были вынуждены отойти. Полки 279-й дивизии, оборонявшиеся на правом берегу Десны близ Голубеи, Вязовска и соседних селений, подверглись мощным ударам вражеской артиллерии, авиации и мотопехоты, оказались расчленёнными и большей частью уничтоженными. Лишь сравнительно немногим удалось переправиться на левый берег Десны. Отошли на левый берег, к Жуковке, и части 278-й дивизии, также понёсшие значительные потери.

3 октября армия пополнилась 154-й стрелковой дивизией (командир – генерал-майор Я.С. Фоканов) и 108-й танковой дивизией (командир – полковник С.А. Иванов). По приказу командарма танковая дивизия была направлена на восток от Брянска, но заместитель командующего Брянским фронтом генерал М.А. Рейтер перевёл её на свой оперативный участок, примыкавший к Карачеву. 154-я дивизия разместилась западнее Брянска, а 6 октября вступила в бой с ворвавшимися в Брянск немецкими войсками, однако успеха не добилась. Тем временем продолжала ухудшаться обстановка на северном фланге 50-й армии, где части немецкой 2-й полевой армии заняли Людиново и Жиздру и продвигались дальше к юго-востоку. Навстречу им была направлена 299-я дивизия, занявшая левый берег Ветьмы и с. Фошню. Восточнее неё, в районы посёлков Старь, Ивот и д. Ольшаницы, переместились части 217-й дивизии. Им удалось ненадолго приостановить вражеское продвижение.

По приказу Ставки в ночь на 8 октября армии Брянского фронта начали отход, чтобы вырваться из окружения. Из дивизий 50-й армии наиболее длительный и трудный (поскольку нужно было переправиться через Десну) путь был у 260-й, 290-й и 258-й дивизий, но и остальным было немногим легче. Отходившим войскам пришлось постоянно отражать атаки танков и мотопехоты противника, подвергаться массированным бомбардировкам вражеской авиации, нести большие потери в людях и технике. Всё это было в условиях голода, нехватки боеприпасов, медикаментов для раненых,

резкого похолодания (6 октября выпал первый снег, а когда он растаял, дороги стали почти непроезжими из-за грязи). К 12 октября многие части 50-й армии, а также отступавшие вместе с ними беженцы из Брянска и Бежицы подошли к реке Рессете близ с. Бояновичи и оказались в почти безвыходном положении. Северо-восточнее, в Хвастовичах и соседних селениях, уже находились части 2-й немецкой полевой армии Вейхса, а к южному берегу Рессеты подошли от Карачева войска 2-й танковой армии противника. Больше шансов на успех было при попытке прорыва на северо-восток, где между заслонами врага ещё были свободные пространства, но командарм Петров был вынужден выполнять распоряжение начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова об ударе выходящими войсками по тыловым подразделениям армии Гудериана и отдал приказ о переправе через Рессету.

Бои на Рессете 12-15 октября 1941 г. – одна из трагических страниц истории Великой Отечественной войны. Сама река не была широкой, но глубокой и текла в болотистых местах. Единственный находившийся поблизости мостик был ветхим и для переправы техники не годился, так что сапёрам пришлось строить новый мост под постоянным вражеским огнём. К вечеру 13 октября мост был готов, и по нему начала переправляться 154-я дивизия, с хода вступившая в бой с противником, чтобы захватить и расширить плацдарм. 14 октября через Рессету переправились артиллерийские части, штаб армии, связисты, некоторые обозы, начали переправу уцелевшие части 258-й и других дивизий. Первая попытка прорыва через Гутовский лесозавод успеха не имела. 15 октября командарм Петров сам возглавил отряд, которым предполагалось ударить по позициям противника с тыла, однако и эта попытка оказалась неудачной. Вскоре подошли к концу боеприпасы. Гвардейские миномётчики дали последний залп по наседавшим врагам, а потом взорвали свои «катюши». Было подорвано и большинство орудий – кончились снаряды и горючее для тягачей. Тем временем на переправе через Рессету и к северу от неё, где ещё оставалось много людей, повозок, машин, было что-то труднопредставимое. С севера и с юга вражеские миномёты и артиллерия беспрерывно вели обстрел, не раз налетали пикирующие бомбардировщики со своим смертоносным грузом, кругом валялись убитые и раненые люди и лошади. В таких условиях советские бойцы мужественно отражали атаки врагов, а потом многие из уцелевших пошли на прорыв, но не на юго-восток, а на северо-восток. Однако пробиться удалось далеко не всем.

Генерал Гудериан записал: «17 октября капитулировала группировка противника, находившаяся в окружении севернее

Брянска. Совместно со 2-й армией нами было захвачено свыше 50 000 пленных и до 400 орудий, были уничтожены основные силы 50-й русской армии». Оперативная сводка немецкого командования сообщала 18 октября: «В ходе уничтожения 50-й русской армии взято в плен 55 105 человек, захвачено трофеев: 477 орудий, 21 танк, 1065 автомашин, много другого оружия и технического имущества». При оценке этих сведений нужно однако учесть, что ни армия, ни одна из входивших в неё дивизий не капитулировали, а большинство захваченных трофеев было неисправно.

В документах советского Генерального штаба состояние вышедших из окружения частей 50-й армии оценивалось достаточно сурово: «За период отступательных боёв армия понесла серьёзные потери в личном составе до 70-80 % и в особенности тяжёлые потери в материальной части. Некоторые соединения вышли, потеряв полностью матчасть, обозы, средства связи, и как боевые единицы перестали существовать (279, 278, 290, 260, 258-е стрелковые дивизии). Более сохранившими свой боевой и численный состав являются 194, 217 и 154-я стрелковые дивизии. Но 217-я дивизия не имеет артиллерии, 154-я – имеет только 6 орудий и 194-я – имеет 15 орудий (все горные). Станковые и ручные пулемёты имеет только 194-я дивизия, в остальных дивизиях они почти отсутствуют». В этом документе не всё достаточно точно, нет почему-то упоминания о 299-й дивизии, а о появлении в составе 50-й армии 194-й дивизии стоит сообщить особо. Эта дивизия входила в состав 49-й армии Западного фронта и в конце сентября располагалась западнее Вязьмы, но 1 октября был получен приказ о её переброске к Харькову. Первый эшелон дивизии, в котором находились 4 пехотных батальона, артиллерийские части, а также командир дивизии полковник М.А. Сиязов, 4 октября был вынужлен разгружаться в Брянске и Белых Берегах – дальше ехать было некуда, Орёл уже был занят немцами. Остальные соединения дивизии, в том числе – штаб, средства связи, тыловые части, до Брянска добраться не смогли. В течение двух дней бойцы под командованием Сиязова сдерживали под Карачевом наступление немецких войск, затем оказались окружёнными, но вырвались и вышли к переправе через Рессету севернее Гутовского лесозавода, которую охраняли части элитного полка «Великая Германия». После ожесточённого боя противник отступил, а группа войск Сиязова продолжила путь на северо-восток. Сбивая вражеские заслоны и пополняясь выходившими из окружения солдатами и офицерами (в том числе – из второго эшелона своей 194-й дивизии), 18 октября дивизия, сохранив боеспособность, вышла к Белёву. Вскоре номер дивизии сменился – вместо 194-й она стала 258-й, от

которой после выхода из окружения уцелело лишь около 400 человек, но дивизионное знамя было спасено офицерами штаба, и поэтому дивизию не расформировали, а как бы пополнили за счёт более многочисленного соединения. Командиром объединённой 258-й дивизии остался Сиязов, а её прежний командир Трубников возглавил 217-ю дивизию. Сохранилась и 194-я дивизия, основой которой стала та её часть, что осталась в 49-й армии.

Далее – некоторые сведения о военачальниках, командовавших в августе-октябре 1941 г. 50-й армией и её отдельными соединениями на территории Жуковского района.

Петров Михаил Петрович (1898 – 1941), родом из крестьян Петербургской губернии. В 1917 г., будучи красногвардейцем Петроградского отряда, участвовал в штурме Зимнего дворца; с 1918 г. до 1921 г. был участником многих боевых событий Гражданской войны. В 1936-1937 гг. командовал танковым батальоном во время войны в Испании и был удостоен звания Героя Советского Союза. С 1940 г. – генерал-майор. Был избран депутатом Верховного Совета СССР. Великую Отечественную войну встретил, командуя 17-м механизированным корпусом в составе Западного фронта. В боях у г. Барановичи корпус был разгромлен, а сам Петров в одиночку вышел из окружения, не снимая генеральского кителя и звезды Героя. С середины августа командовал 50-й армией Брянского фронта. Встречавшийся с Петровым в начале сентября известный писатель Василий Гроссман так оценил командарма: «Он жесток очень и очень храбр». На просьбу одного из комдивов отложить атаку из-за большой убыли людей Петров сказал телефонистке: «Передайте ему, я тогда отложу, когда он один останется». Писатель привёл ещё пример: при посещении района боёв командарм так разговаривал с одним из командиров: «Если через час не возьмёте деревни, сдадите полк и пойдёте на штурм рядовым».

О последних днях жизни командарма чаще всего сообщают, что он был тяжело ранен на Рессете, затем в сопровождении врача и медсестры доставлен в небольшую деревню Голынка на севере Карачевского района, где немцев ещё не было. Потом (во избежание плена) его перенесли на глухой лесопункт, где он и скончался от гангрены в середине ноября. В 1956 г. сын командарма с помощью местных жителей нашёл могилу отца, и его останки с воинскими почестями перезахоронили на центральном кладбище Брянска. Всё вроде бы ясно, но есть документальные сведения, противоречащие этой основной версии. В том же 1956 г. вдова Петрова обратилась в Министерство обороны с просьбой уточнить место погребения мужа. Вот (дословно) часть полученного ответа: «Уточнить место похорон Петрова

Михаила Петровича не представляется возможным. Он погиб при особых обстоятельствах, на территории, занятой противником... По имеющимся неофициальным данным, генерал-майор М.П. Петров, будучи раненым, попал в плен и, уже находясь в плену, умер 20.10.41 г. в лагере военнопленных в Карачеве» (ответ помечен ноябрём 1956 г.). Такая же дата смерти есть ещё в одном документе – попавшем в руки немцев дневнике начальника особого отдела 50-й армии майора госбезопасности И.С. Шабалина, где после записи, сделанной 19 октября, есть архивная пометка: «На этом заканчивается дневник. На следующий день 20.10. 41 года Шабалин встретился с генерал-майором Петровым, вместе с которым погиб юго-западнее Пасеки в 16.00 часов» (упомянута деревня Пасека на севере Карачевского района, ныне обезлюдевшая). Наконец, в оперативной сводке немецкого командования от 21 октября есть известие: «При очистке поля боя восточнее Брянска погибли командующий 50-й советской армией генерал Петров и несколько офицеров его штаба». Наверняка судьба командарма волновала в те дни и его боевых сотоварищей. В уцелевших документах временного штаба армии есть упоминание, что вышедшие из окружения командиры видели Петрова 15 октября северо-восточнее Гутовского завода, что с 18.10 сведений о нём нет, а до этого он с одним из полков «следовал из Льгова в Знаменское» (оба названных села – на севере Орловской области). О ранении командарма в этих документах нет ни слова.

Свести все эти противоречивые сведения в какую-то приемлемую версию – дело почти невозможное, но всё же попытаемся это сделать. Вероятно, после переправы через Рессету генерал Петров вместе с частью находившихся с ним офицеров и солдат попытался выйти из окружения, следуя на восток, почему и оказался в районе села Льгов. Во время движения по территории «Орловского Полесья» его отряд мог существенно пополниться за счёт скрывавшихся в лесах бойцов-окруженцев, что и побудило командарма выйти через с. Знаменское к Болхову и тем самым ударить в тыл танковой армии Гудериана. Шансов на успех такого удара почти не было, и о каких-либо боях 17-19 октября сведений нет. Петрову и остававшимся с ним бойцам пришлось вновь отойти на запад под защиту лесов. А 20 октября воинская группа Петрова столкнулась на северо-востоке Карачевского района с немецким отрядом. Командарм был тяжело ранен и, поскольку находился без сознания, был сочтён немцами за убитого, а часть окружавших его офицеров погибла. Закопать погибших приказали, скорее всего, уцелевшим окруженцам, но в условиях наступившей темноты преданным командарму людям (в их числе оказались врач и медсестра) удалось

спрятать тяжелораненого генерала, затем переправить его в соседнюю деревню Голынку, а позже на лесопункт, где тот и скончался (вероятно, 10 ноября). Из упомянутых ранее сведений отброшена, как явно ошибочная, версия о смерти Петрова в карачевском лагере военнопленных.

Ермаков Аркадий Николаевич (1899 - 1957), родом из г. Мценска Орловской губернии, вступил в ряды Красной армии в 1918 г., был участником многих событий Гражданской войны. Затем продолжал армейскую службу, командовал полком, дивизией, участвовал в войне с Финляндией, в 1940 г. стал генерал-майором. Начало Великой Отечественной войны встретил, командуя 2-м стрелковым корпусом. Участвовал в боях на реке Березине, в Смоленском сражении, с середины августа – на Брянском фронте, где был заместителем командующего фронтом, возглавлял оперативные группы в боях под Трубчевском, а затем – на южном фланге фронта. Командующий фронтом Ерёменко в своих воспоминаниях называл Ермакова одарённым командиром и человеком «большой личной храбрости». В конце октября Ермакова назначили командующим 50-й армии, которая в это время обороняла Тулу. Трудностей у нового командарма было много: и малая численность большинства входивших в состав армии дивизий, с трудом вырвавшихся из окружения, и слабая их обеспеченность вооружением, и слишком большая для армии полоса обороны. Появилась и проблема личного характера – не сложилось нормальных отношений между командармом и членом Военного совета армии, первым секретарём Тульского обкома партии В.Г. Жаворонковым, который стал не помощником командарма, а его недоброжелателем. Если Тулу благодаря героизму воинов 50-й армии и всех мобилизованных на её защиту горожан удалось отстоять, то достаточных сил для отпора войскам Гудериана, нанёсшим удар на Сталиногорск (Новомосковск) и Венёв, у командарма не нашлось. Ермаков был 23 ноября отстранён от командования 50-й армией, арестован (способствовали этому и негативные отзывы Жаворонкова), а затем осуждён. Не смирившись с несправедливостью, он продолжал отстаивать свою честь. Президиум Верховного Совета СССР в январе 1942 г. снял с него судимость, вернул воинское звание и награды. С июня Ермаков был заместителем командующего 20-й армией Западного фронта, с марта до октября 1943 г. командовал этой армиией во время Ржевско-Вяземской операции. Позже командовал корпусами при освобождения Белоруссии и Прибалтики, в 1944 г. стал генерал-лейтенантом. Продолжал службу на руководящих должностях и после войны.

Грачёв Михаил Алексеевич (1897 - 1963) родился в г. Саратове, с 1914 г. служил в русской армии, участвовал в

Первой мировой войне, стал прапорщиком. С 1918 г. – в Красной армии, участвовал в боях против войск Краснова, Деникина, Врангеля. Позже продолжал воинскую службу: был военным комендантом Сталинграда, начальником штаба и командиром полка, заместителем командира дивизии, в 1937 г. окончил курсы «Выстрел». В 1941 г. в звании полковниеа командовал 217-й стрелковой дивизией, которая с июля входила в состав 28-й армии, но в наступлении от Рославля к Смоленску не участвовала и из окружения тогда не прорывалась. В августе-сентябре дивизия занимала оборону по левому берегу Десны на территории Рогнединского и Дубровского районов; со 2 октября она вела тяжёлые бои против превосходящих немецких войск, отступая на юго-восток через Дятьковский и север Жуковского районов. 10 октября Грачёв покинул части своей дивизии и, судя по официальной версии, был 12 октября пленён то ли где-то севернее Брянска, то ли на реке Рессете. В плену он находился до конца апреля 1945 г., когда был освобождён войсками союзников. После возвращения был осуждён на 10 лет лагерей, хотя в плену, по сведениям находившихся вместе с ним, вёл себя достойно. В 1956 г. Грачёва реабилитировали с возвращением воинского звания.

Шелудько Павел Григорьевич (1897 – 1974) начал службу в Красной армии в 1919 г., участвовал в Гражданской войне, в советско-польской войне, в боях с басмачами. За успешные действия во время войны с Финляндией был награждён орденом Красной Звезды. С июля 1941 г. полковник Шелудько командовал 279-й стрелковой дивизией, сформированной в основном из жителей Горьковской (ныне - Нижегородской) области. В августе дивизия вошла в состав 50-й армии Брянского фронта и заняла оборону на Десне к северу от Жуковки, а в начале сентября освободила около десятка селений на правом берегу Десны. За этот успех комдив был награждён орденом Красного Знамени. 2-3 октября во время начавшегося немецкого наступления дивизия понесла очень большие потери (к 16 октября вышли к Белёву лишь 400 человек), но всё же участвовала в обороне Тулы. Летом 1942 г. Шелудько командовал стрелковой бригадой в составе 2-й ударной армии, которая пыталась прорваться от Любани к Ленинграду, однако попала в окружение. Комбриг, собрав до 8 тысяч солдат и офицеров, возглавил группу прорыва, а когда успех уже был близок, наткнулся на минное поле, получил контузию и оказался в плену. Освобождённый в апреле 1945 г., он вскоре был оправдан, сохранив звание полковника.

С 279-й дивизией была связана судьба ещё одного заслуживающего доброй памяти офицера – капитана Иосифа Дмитриевича Маркова (1896 – 1942). Он родился в

крестьянской семье в с. Студенец Рославльского уезда, в период Первой мировой войны стал поручиком, в 1918 г. вступил в Красную армию и до 1920 г. воевал против деникинцев. Продолжал воинскую службу до 1939 г., затем работал в научно-исследовательском институте наркомата финансов СССР, стал кандидатом экономических наук. После начала Великой Отечественной войны в звании капитана служил в 1001 стрелковом полку 279-й дивизии и участвовал в боях севернее Жуковки. В период отступления 11 октября попал в окружение в районе станции Судимир, но сумел вырваться вместе с группой солдат и офицеров и вскоре вступил в Орджоникидзеградский партизанский отряд, где сначала был помощником командира Виноградова, а с серелины ноября – начальником штаба отряда. Относились к нему в отряде с уважением и почтением, удивляясь его многосторонней образованности. По официальной справке, капитан Марков, «проявив геройство и мужество, погиб в августе 1942 г.». Ни точная дата, ни обстоятельства гибели в документе не приводятся. Не указано и место, где он был похоронен «с отданием воинских почестей».

Полковник Мелешко Василий Иванович (1895 – 1941) командовал 278-й стрелковой дивизией, оборонявшейся в районе Жуковки и окрестных местах. Сведений о нём, к сожалению, почти нет. Названная дивизия формировалась в июле 1941 г. в г. Ливны Орловской области, в августе находилась в резерве севернее Брянска, а затем была выдвинута к Жуковке. В начале сентября участвовала в не очень удачном наступлении на правобережье Десны, со 2 по 5 октября вела тяжёлые бои западнее Жуковки и, понеся большие потери, была вынуждена оставить посёлок и отойти к юго-востоку. Вероятно, в это время и погиб комдив Мелешко, который числился пропавшим без вести с октября 1941 г. Уцелевшие бойцы 278-й дивизии вышли к Рессете, затем пробились из окружения к Белёву (к 23 октября в селениях восточнее города находилось около 350 её солдат и офицеров), а позже оборонялись близ города Ефремова.

Трубников Кузьма Петрович (1888 – 1974), родом из крестьян Ливенского уезда Орловской губернии. Служил в русской армии с 1909 г., участвовал в Первой мировой войне (в том числе – в известном «Брусиловском прорыве»), был одним из немногих, кто получил 4 Георгиевских креста и 4 Георгиевских медали. Стал поручиком и был награждён орденом Св. Анны. В 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию, участвовал в Гражданской войне и был награждён орденом Красного Знамени. В 1920-е гг. восемь лет командовал полком, а в 1935-1938 гг. - дивизией. Был арестован и около полутора лет находился под следствием, но в

апреле 1940 г. был освобождён и возвращён на воинскую службу в звании комбрига. В июле 1941 г. получил назначение командиром 258-й дивизии, формировавшейся в Орле, а затем направленной на территорию Жуковского района. В течение двух месяцев Трубников возглавлял оборону на реке Угость, где части его дивизии не позволили противнику прорваться к Брянску. Отход от рубежа обороны к востоку, бои на Рессете и при последующем продвижении к Белёву сопровождались потерей большей части личного состава и практически всей техники, но костяк дивизии сохранился. С ноября 1941 г. до мая 1942 г. Трубников командовал 217-й дивизией (с января – в звании генерал-майора). Почти всё последующее время Великой Отечественной войны Трубников был рядом с выдающимся полководцем К.К. Рокоссовским, являясь заместителем командующего 16-й армией, Донским фронтом, Центральным фронтом (в августе – сентябре 1943 г. стал участником освобождения южных районов Брянщины), помощником командующего Белорусским фронтом, заместителем командующего 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. Закончил войну в звании генерал-полковника. В послевоенные годы возглавлял группу войск, находившуюся в Польше. Был кавалером многих орденов. С 1951 г. в отставке.

Веденин Андрей Яковлевич (1900 – 1984), родом из крестьян Алатырского уезда Симбирской губернии, с 1919 г. служил в Красной армии, участвовал в Гражданской войне. С 1922 г. по 1937 г. его служба проходила в Средней Азии, где не раз пришлось воевать с басмачами. В предвоенные годы находился на руководяшей работе в органах Осоавиахима СССР. С июля 1941 г. – командир 999-го полка в составе 258-й дивизии, бойцы которого успешно вели оборонительные бои на рубеже Угости, а затем были вынуждены отступить к Белёву. С января 1942 г. Веденин командовал 118-й стрелковой дивизией, в августе-сентябре 1943 г. в звании генерал-майора командовал корпусом в ходе Смоленской наступательной операции; в 1944-1945 гг. горно-стрелковые корпуса под его командованием участвовали в освобождении Закарпатской Украины и Чехословакии. В 1953 г. генерал-лейтенант Веденин был назначен комендантом Московского Кремля и оставался на этом посту до 1967 г. Написал небольшую книгу воспоминаний «Годы и люди», изданную в 1964 г.

Серёгин Иван Фёдорович (1898 – 1959), родом из Мурминской волости Рязанской губернии, в декабре 1915 г. добровольцем поступил на службу в армию, с осени следующего года участвовал в боях в составе войск Северного фронта, в 1917 г. окончил Иркутскую школу прапорщиков. В 1918 г. был избран Мурминским волостным военным комиссаром, и с этого времени началась его служба в Красной

армии. В 1920 г. участвовал в боях с войсками Врангеля па Кубани. С 1925 г. более 10 лет служил в Курске, в 1939-1940 гг. командовал полком во время войны с Финляндией и был награждён орденом Красного Знамени. В августе 1941 г., полковник Серёгин формировал 299-ю стрелковую дивизию и в конце месяца прибыл вместе с нею в 50-ю армию (сведения о дивизии и её участии в боевых действиях уже приводились ранее). С конца октября до середины ноября Серёгин, командуя дивизией, участвовал в обороне Тулы, был ранен и долго находился в госпитале в Рязани. С июля 1942 г. командовал дивизиями на Сталинградском и Южном фронтах. В конце 1943 г. получил звание генерал-майора. Завершал войну, командуя дивизией во время Балатонской, Венской и Пражской наступательных операций. Продолжал воинскую службу до 1954 г. (последнее время – как преподаватель). Отзывы о Серёгине как командире и человеке противоречивы: от вполне положительных до отрицательных.

Кравченко Иван Яковлевич (1905 – 1942), родом из крестьян Киевской губернии, был призван в армию в 1925 г., обучался в военных школах и на курсах «Выстрел». В звании капитана участвовал в войне с Финляндией, где отличился в феврале 1940 г. при прорыве укрепрайона и был удостоен звания Героя Советского Союза. После тяжёлого ранения окончил Военную академию им. Фрунзе, стал майором. В августе 1941 г. он был назначен командиром 956-го полка 299-й стрелковой дивизии, но его отношения с комдивом не сложились. В октябре при прорыве из окружения Кравченко со своим полком двигался отдельно от других частей дивизии и сохранил основную часть личного состава, всю полковую артиллерию и обозы. Всего им было выведено к Белёву около 5 тысяч солдат и офицеров, большинство которых относилось к другим частям, но присоединилось к полку Кравченко во время выхода из окружения. Значение этого подвига можно понять, если учесть, что из воинов 50-й армии прорвалось к 20 октября, по разным сведениям, от 10 до 12 тысяч. «Наградой» майору Кравченко стало его отстранение от командования полком 23 октября по распоряжению комдива Серёгина. Но прибывший в Тулу командарм Ермаков приказал: «В должности оставить, из 299-й дивизии перевести. Поручить формирование сводного полка», а затем назначил Кравченко командовать Южным боевым участком обороны Тулы. Именно здесь в конце октября – в начале ноября был отбит самый мощный натиск передовых частей армии Гудериана на город. После новых доносов на Кравченко и ответных писем майора с его делом познакомился Сталин, назначивший его в марте 1942 г. командовать 324-й дивизией 10-й армии. Но уже 7 апреля комдив был смертельно ранен в бою на реке Жиздре.

Рякин Николай Васильевич (1894 – 1958), родом из крестьян Вятской губернии, в 1914 г был призван в армию, участвовал в боях с германскими войсками на Западном фронте, был награждён Георгиевским крестом. В 1915 г. был направлен в Омскую школу прапорщиков, по окончании которой вернулся на фронт и дослужился до звания поручика. В 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию, участвовал в боях с войсками Колчака, в советско-польской войне. Был награждён орденом Красного Знамени. В 1920-е гг., продолжая службу, командовал бригадами, полками, а в 1932 г. был переведен из РККА в ОГПУ и служил в пограничных войсках. С июля 1941 г. полковник Рякин командовал 290-й стрелковой дивизией, которая в августе вошла в состав 50-й армии Брянского фронта. Понеся тяжёлые потери при прорыве из окружения, дивизия сохранила боеспособность и поэже участвовала в обороне Тулы. В марте 1942 г. Рякин был назначен командиром 120-й дивизии и участвовал в Сталинградской битве в составе Донского фронта. Стал в 1942 г. генерал-майором. С лета 1943 г. по состоянию здоровья командных постов не занимал, был начальником военной кафедры в Центральном институте физической культуры.

Рассматривая итоги боевых действий частей 50-й армии и в целом Брянского фронта в августе-октябре 1941 г. приходится признать их неудачными. К концу октября 50-я армия потеряла более 80 % личного состава и почти всю технику, в 3-й и 13-й армиях положение было не лучше. Причинами этого стали не только ошибки, допущенные командованием Брянского фронта и лично Ерёменко, но и не всегда обоснованные решения Генерального штаба и Ставки Верховного Главнокомандования в условиях сохранения гитлеровским вермахтом общей стратегической инициативы.

Тем не менее бойцы и командиры 50-й армии, не раз проявляя мужество и стойкость, сумели в августе 1941 г. не допустить прорыва своих оборонительных позиций немецкими войсками, пытавшимися захватить Брянск – крупный промышленный и транспортный центр. Нужно воздать должное тем воинам 50-й, а также 3-й и 13-й армий, которые в октябре при отступлении и прорыве из окружения самоотверженно сражались с превосходящими силами противника. Они более чем на полмесяца сковали значительную часть сил 2-й танковой и 2-й полевой немецких армий, нацелившихся на Москву. А немногочисленные уцелевшие воины 50-й армии, измотанные предшествующими боями, стали главными защитниками Тулы и сумели вместе с жителями города не допустить его захвата врагом и, значит, внесли заметный вклад в срыв планов вермахта.

К середине октября 1941 г. территория Жуковского района, как и всех других районов Брянщины, была оккупирована немецкими войсками. Установленный оккупационными властями «новый порядок» коренным образом изменил жизнь местного населения, вынужденного как-то приспосабливаться к этим изменениям. При рассмотрении положения на оккупированных территориях следует учитывать и политику гитлеровского руководства в организации «нового порядка» (те цели, которые оно ставило на занятых территориях, и те средства, которые были использованы для их достижения), и отношение советских руководителей к гражданам собственного государства, попавшим под власть оккупантов. Не менее важно понять, как сами жители относились к «новому порядку», поскольку от этого зависело их поведение в изменившихся условиях.

На одном из совещаний летом 1941 г. А. Гитлер так определил главные направления немецкой оккупационной политики: «Перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, чтобы суметь, во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею, в-третьих, эксплуатировать её». Согласно нацистским установкам на оккупированных территориях прямому истреблению подлежали основные носители большевистской идеологии: партийные, советские и комсомольские работники, политкомиссары в армии, а также евреи и цыгане. Затем в число подлежащих уничтожению были добавлены партизаны и те, кто им помогал. Одной из наиболее бесчеловечных форм устрашения населения было полное уничтожение селений (вместе с их жителями), в которых или поблизости от которых совершались убийства оккупантов. Репрессиям (вплоть до расстрелов) подвергались и люди, саботировавшие решения оккупационных властей или выражавшие недовольство их действиями, а также родственники партизан. В то же время оккупанты понимали, что при использовании экономических и людских ресурсов занятых территорий не обойтись без привлечения части местного населения. Назначаемые оккупационными властями бургомистры, волостные старшины, старосты, работники уездных управ, а также полицейские и должны были обеспечить работу под контролем оккупантов местного самоуправления. В пропаганде главной заботой новых властей объявлялось обеспечение повседневных нужд населения, но в реальности основное внимание они были вынуждены уделять сбору продовольствия для гитлеровских войск и борьбе с партизанами.

В последние предвоенные месяцы 1941 г. вооружённые силы СССР, следуя указаниям государственного руководства, готовились не к оборонительной, а к наступательной войне (не

случайны слова из популярной песни того времени: «И на вражьей земле мы врага разобьём малой кровью могучим ударом»). Поэтому проводившаяся до середины 1930-х гг. подготовка организаторов и специалистов партизанской борьбы была свёрнута, а часть подготовленных кадров репрессирована. Ошибочность этого скоро стала очевидной. 29 июня 1941 г. была опубликована директива Совнаркома и ЦК ВКП(б), в которой ставилась задача «на занятых врагом территориях создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога складов и т.д., создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия». Но эта директива была только лозунгом: ни определённой организующей силы, ни материальных средств для боевых действий партизаны первоначально не имели, а установка на прямую вооружённую борьбу с хорошо оснащённым и организованным противником обрекала партизанские отряды на неизбежный разгром.

Эта директива предписывала также «при вынужденном отступлении» производить «безусловное уничтожение жилых домов, зданий заводов, электростанций, водопроводов, запасов продовольствия, скота». Сталин в своём обращении к советскому народу 3 июля 1941 г. тоже требовал «не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба,... хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должны быть уничтожены». При «безусловном» выполнении этих директивных требований (бывших по сути примером недостаточно хорошо продуманной пропаганды) населению оккупированных врагом территорий негде было бы жить и нечем питаться.

Характеризуя отношения жителей оккупированных районов к «новому порядку» следует признать, что оно не было единообразным. Часть населения (преимущественно – из тех, кто постралал от власти во время «великого перелома» и репрессий 1930-х гг.) была готова сотрудничать с оккупантами, т.е. стать на путь коллаборационизма. Приведём частный пример. Один из жителей д. Дорогинь обратился в январе 1942 г. в Речицкую волостную управу с просьбой зачислить его в местную полицию, приложив к заявлению свою биографию. Вот она (с сокращениями): «Я, Медведев Николай Ефимович, родился в д. Дорогинь в 1924 г. в семье крестьянина. Отец мой занимался земледелием, имел до революции две хаты, две лошади, одну корову, сад. В 1932 г. моего отца раскулачили, и он был осуждён на 2 года тюремного заключения. В 1934 г. прибыл в Дорогинь, где вступил в колхоз со своей семьёй в 7 душ и проработал в колхозе три года, а потом в 1937 г. отца взяли под стражу в НКВД, где Тройка присудила к тюремному

заключению на 10 лет». Можно добавить, что отец Николая, Ефим Егорович Медведев (1900), осуждённый в 1937 г. на 10 лет лагерей, был реабилитирован в 1989 г.

Значительно больше было среди рядовых советских граждан патриотически настроенных людей, которые, подчас не во всём поддерживая партийно-советское руководство, восприняли начавшуюся войну как Отечественную и не были настроены помогать оккупантам. Преобладающая часть молодёжи, получившая воспитание в советских школах и в комсомольских организациях, воспринимала оккупантов как врагов и была морально готова к борьбе с ними.

Но основная часть населения при настороженном отношении к оккупантам как бы присматривалась, можно ли будет ужиться с новой властью. На отношения людей существенно повлияли крупные поражения Красной армии в начальный период войны, подорвавшие у многих веру в прочность советского строя и побуждавшие их смириться с оккупационными порядками, чтобы выжить.

Конечно, эта характеристика является приблизительной и соответствующей в основном начальному периоду оккупации. Позже многое в настроениях людей будет меняться в зависимости от положения на фронтах (хотя информации об этом у населения почти не было) и от поведения оккупантов.

В первое послевоенное десятилетие о положении населения Брянщины в период оккупации писали довольно скупо, преимущественно - о героической борьбе партизан и о злодеяниях нацистов против мирного населения. В последующее время количество литературы о партизанском движении заметно выросло, но о некоторых неоднозначных в оценках проблемах по-прежнему умалчивалось. К тому же в немалом числе статей и мемуаров встречались неточности, особенно в датах и цифрах. В публикациях конца минувшего века и первых десятилетий века нынешнего, свободных от цензурных ограничений и опирающихся на значительное количество ранее засекреченных материалов, читатели смогли получить много новой информации, к сожалению, не всегда достаточно достоверной. Из литературы, которая наиболее известна жителям Жуковского района, значительный объём сведений о партизанах содержат уже упоминавшиеся книги Н.И. Русакова и В.Ф. Золотёнкова (последняя примечательна материалами о руководителях жуковских партизан, а также помещёнными в ней воспоминаниями С.С. Дёмина). Поэтому нет необходимости повторять то, с чем многие читатели могли познакомиться в ранее изданной литературе.

Поскольку с августа 1941 г. фронт уже проходил по территории Жуковского района и была угроза дальнейшего продвижения немецких войск, к 10 августа определился

первоначальный состав Жуковского партизанского отряда. Командиром и комиссаром отряда были утверждены начальник местного отделения НКГБ и второй секретарь райкома партии. Но в скором времени оба руководителя получили «по состоянию здоровья» разрешение покинуть прифронтовую Жуковку и уехать в тыл. Новым командиром отряда был назначен Ефим Михайлович Воробьёв, из числа местных хозяйственных руководителей, а комиссаром – первый секретарь райкома партии Алексей Николаевич Жданов, который в начале сентября был отозван в Орловский обком партии. Обязанности комиссара начал исполнять Иван Романович Белугин, работавший директором Жуковской средней школы (впрочем, комиссаром жуковских партизан он был недолго, а позже стал комиссаром Дубровского партизанского отряда). В ноябре комиссаром Жуковского отряда стал капитан Григорий Васильевич Мальцев, родом из шахтёрской семьи п. Юзовка (ныне – г. Донецк), а перед войной работавший в Жуковском райвоенкомате. На формировании отряда неоднократная смена руководства сказалась не лучшим образом. К тому же Воробьёв и Мальцев были людьми разных характеров и темпераментов. Воробьёв - человек осмотрительный, неплохой хозяйственник (что было полезно при выборе места стоянки отряда, при подготовке и укрытии нужных запасов), но к активным боевым действиям он не рвался, в отличие от Мальцева, человека энергичного и инициативного. Словом, долго совместно возглавлять отряд командир и комиссар вряд ли были способны.

Ещё до начала боевых действий жуковских партизан на территории района появился советский вооружённый отряд, начавший борьбу с оккупантами. Это был диверсионно-разведывательный отряд «Митя», возглавляемый Дмитрием Николаевичем Медведевым (1898 – 1954), уроженцем Бежицы, активным чекистом со времён Гржданской войны. Достойно пережив трудное время конца 1930-х гг., он с первых дней войны вернулся к чекистской деятельности, начав формирование и обучение отряда особого назначения, в составе которого было немало известных спортсменов. В конце августа отряд из 33 человек прибыл в Жуковку и 7 сентября перешёл линию фронта в районе с. Белоголовль. Далее путь отряда лежал в Клетнянские леса, где близ д. Сальниково был проведен первый удачный бой. Затем были диверсии на дорогах и другие боевые операции в Клетнянском районе, в соседних районах Могилёвской области в Белоруссии, а также сбор и передача в Москву важных разведывательных сведений. Отряд пополнялся новыми бойцами за счёт воинов-окруженцев и местных жителей, которые в действиях отряда «Митя» увидели наглядный пример возможности успешно

бороться с врагами и в условиях оккупации. В ноябре отряд из Белоруссии, пройдя через Клетнянский, Жуковский и Дятьковский районы, перебазировался к югу от г. Людиново и установил связь с соседними партизанскими отрядами, в том числе – с Жуковским. Медведев и его боевые сотоварищи не только проводили крупные операции силами своего отряда, выросшего до 300 человек, но и координировали действия располагавшихся поблизости местных партизанских отрядов.

В январе 1942 г. Медведеву вместе с основной частью своих бойцов было приказано вернуться в Москву, где вскоре было получено новое ответственное задание – сформировать и возглавить крупный отряд «Победители», которому предстояла далёкая и трудная «командировка» на северо-запад Украины. Уже после окончания Великой Отечественной войны Герой Советского Союза полковник Д.Н. Медведев в своих документально-художественных книгах «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга» поведал о героической борьбе местных партизан и подпольщиков, деятельность которых он направлял и координировал. Эти книги получили заслуженную популярность и стали весомым вкладом автора в дело увековечения памяти о многих почтп неизвестных ранее патриотах Отечества.

Позже через территорию Жуковского района проходило немало других рейдовых отрядов и специальных диверсионно-разведывательных групп, направленных в тыл противника. Наиболее известен среди них отряд «Славный» под командованием майора Анатолия Петровича Шестакова (1915 – 1944), уроженца Алтайского края, уже успевшего отличиться в боях под Москвой. Основную часть отряда составляли боевые офицеры и чекисты, а ещё более трети – прославленные спортсмены (отсюда и название отряда). 19 февраля 1942 г. отряд численностью в 49 бойцов перешёл линию фронта западнее ст. Сухиничи, прошёл южнее Людинова, а затем расположился западнее п. Ивот. Район начавшихся боевых операций отряда был обширным и включал Рогнединский, Дубровский, Жуковский, Дятьковский и Брянский районы, а также юго-запад Калужской земли. В мае 1942 г. отряд прорвался на правый берег Десны и, установив связь с местным партизанским отрядом «За Родину», расположился в Козёлкином Хуторе. С этого времени отряд вёл активные боевые действия в Жуковском, Жирятинском, Клетнянском и Мглинском районах. В мае 1943 - июле 1944 гг. бойцы отряда продолжали борьбу с оккупантами на территории Белоруссии. В Гродненской области и оборвалась жизнь Шестакова, под руководством которого отряд «Славный» за два с половиной года пребывания в тылу врага проделал боевой путь свыше 1500 км и нанёс противнику очень большой урон.

Наверняка не будет лишним напомнить имя ещё одного человека, который участвовал и в отряде «Митя», и в отряде «Славный» - Николай Фёдорович Королёв (1917 – 1974), неоднократный чемпион страны по боксу в довоенные и послевоенные годы. В отряде «Митя» он был адъютантом Д.Н. Медведева и в одном из боёв, где командир отряда получил серьёзное ранение в ногу, спас его, вынеся из-под огня.

Действия рейдовых отрядов способствовали заметной активизации партизанского движения. Однако основной силой, повлиявшей на результативность партизанской борьбы на севере Брянщины (включая Жуковский район), а также на соседних территориях Смоленской и Калужской земель, были воннослужащие Красной армии, которые при отступлении не смогли пробиться через линию фронта и перешли к партизанским действиям. Не случайно значительную часть партизанских командиров в названных регионах составляли бывшие офицеры – окруженцы: Г.И. Орлов, И.И. Мураль, С.С. Кабанов, И.А. Понасенков, Ф.С. Данченков, Н.В. Куликов, Н.С. Орешкин, И.В. Лосев, В.В. Шапкин и ряд других. Были, конечно, среди руководителей партизан и гражданские лица: уже упоминавшиеся ранее Виноградов и Воробьёв, а также А.С. Горбачёв, М.И. Дука, М.П. Ромашин и некоторые ещё, но всё же военных командиров в партизанских отрядах на севере Брянщины было значительно больше, чем гражданских. А судьбы отрядов, созданных из людей, не имевших военного опыта, порой были трагичными. В недавно опубликованных воспоминаниях И.И. Легчилина (1910), работавшего на заводе «Красный Профинтерн», сообщается, что организованный в Бежице «отряд Федченко при первой вылазке полностью погиб под Жуковкой» (вероятнее всего, в октябре 1941 г.).

В октябре – декабре 1941 г. численность партизанских отрядов была обычно невелика (от десятка до полусотни), что вполне объяснимо. Ведь первоначально партизаны никакой помощи (оружием, боеприпасами, медикаментами, одеждой, обувью, продовольствием) не получали – считалось, что они всё необходимое должны захватывать у оккупантов и их пособников, а также пользоваться поддержкой местного населения. По мере увеличения количества партизан трудности усугублялись, особенно с продовольствием. К примеру, рогнединские и дубровские партизаны, не успевшие заложить собственных баз, прибыли первоначально на территорию Жуковского района и расположились в лесах восточнее Жуковки, где уже находился Жуковский отряд, а также небольшие военные отряды Кабанова, Мураля и Куликова, пополнявшиеся за счёт окруженцев. Находившиеся здесь деревни Сидоровка, Новые Месковичи, Старое Лавшино, посёлки Поляковка, Красный Угол, Хизня были небольшими

по числу жителей и по размерам пашни и прокормить всех оказавшихся поблизости партизан были не в состоянии. Поэтому в феврале 1942 г. Рогнединский и Дубровский отряды ушли на территорию своих районов.

Неподалеку от стыка границ Жуковского, Дятьковского и Брянского районов, в урочище Клёновском, располагался воинский отряд Куликова. Это позволяло бойцам отряда успешно взаимодействовать с партизанами других отрядов на территории разных районов. В середине декабря 1941 г. бойцы Куликова вместе с частью жуковских партизан во главе с Воробьёвым совершили неожиданное для немцев нападение на использовавшийся ими аэродром близ п. Олсуфьево. Разгромив по пути полицейскую комендатуру, партизаны атаковали затем охранявших аэродром полицейских, которые разбежались. Гитлеровские лётчики бросились к самолётам, но из-за сильного мороза удалось поднять в воздух только 4 машины, а оставшиеся на земле 4 боевых и 13 транспортных самолётов были выведены из строя. А 30 декабря отряд Куликова (Кулика) вместе с Дятьковским молодёжным отрядом (им коандовал вожак местных комсомольцев В.С. Рябок, позже посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза) близ п. Старь из засады уничтожили около двух десятков прибывших туда немецких лётчиков.

В конце 1941 – начале 1942 гг. немецких войск на территории Жуковского и соседних районов было немного, поскольку основная часть армейских сил группы «Центр» участвовала в ожесточённом Московском сражении, где по существу решалась судьба всей войны. «Новый порядок» поддерживался обычно созданной оккупантами полицией из числа местных жителей. Однако полицейские отряды были лишь в крупных селениях, а во многих единственными представителями власти являлись назначенные оккупантами старосты, часть которых преданностью новым властям не отличалась и лишь поневоле им служила. Некоторые из старост и полицейских втайне помогали партизанам.

На рассвете 12 ноября 1941 г. жуковские партизаны двумя группами вошли в Жуковку, разгромили созданные оккупантами районную управу и полицейскую комендатуру, освободили более 20 арестованных и пленили полтора десятка полицейских, вскоре расстрелянных. Группа немецких солдат и офицеров, находившаяся за железной дорогой, не вступая в бой с партизанами, уехала на ст. Красная. Через месяц, 14 декабря, почти одновременно с олсуфьевской операцией, основные силы жуковских партизан, включая некоторые военные отряды, вновь ворвались в Жуковку и освободили посёлок, а находившийся здесь немецкий гарнизон, понеся в ночном бою немалые потери, отступил на ст. Красная.

Несмотря на неоднократные бомбёжки и попытки атак немецкой пехоты, партизаны удерживали посёлок в течение недели и лишь 20 декабря отошли в соседние селения.

Значительный немецкий отряд, помимо полицейского, находился в Овстуге, поскольку здесь с октября 1941 г. размещался лагерь советских военнопленных. Есть сведения, что подобный лагерь был и в соседней Речице, но достоверной информации о нём найти не удалось. Лишь командир Домашовского партизанского отряда (входившего в состав Орджоникидзеградского батальона Виноградова) И.С. Коренков упомянул в воспоминаниях «Трагедия домашовских партизан», что в феврале 1942 г. во время рейда по задеснянским селениям жители Речицы к партизанам отнеслись доброжелательно – «народ делился последним куском хлеба и миской борща». Лагеря пленных в это время в селе не было, а в Овстуге находился «лагерь военнопленных с усиленной охраной и батальоном полевой жандармерии».

Поскольку жители Овстуга, Речицы и соседних селений с партизанским движением близких связей не имели, то и репрессивных мер к ним оккупанты не применяли. Это же можно сказать и о некоторых других населённых пунктах, где находились вражеские укреплённые позиции и размещались немецко-полицейские гарнизоны: ст. Красная, ст. Олсуфьево, Летошники, Леденёво, Гришина Слобода. Впрочем, и в этих относительно спокойных для оккупантов, а также для населения местах не все смирились с новым порядком. Так, в п. Олсуфьево Алексей Михайлович Холявин установил связь с партизанами и пытался создать подпольную группу, но был раскрыт и расстрелян. Однако среди жителей посёлка и пленных, привлекаемых к обслуживанию аэродрома, оставались агентурные разведчики и собранные ими сведения через связных поступали в партизанские отряды и передавались далее. Добавим, что первый директор Олсуфьевской средней школы Устин Константинович Тараканов также участвовал в партизанском движении, но болезнь и ранение привели его к ранней кончине в 1942 г.

Родившаяся в д. Летошники Анна Афанасьевна Фролова (позже – Проничева) после окончания учительского института была направлена на работу в Жуковку, а вскоре после её окупации стала успешно действовавшей партизанской разведчицей, передавая, в частности, сведения о движении немецких войск по шоссе Рославль – Брянск. Позже многие годы работала учительницей в Летошницкой средней школе.

Оккупанты попытались ещё в конце 1941 г. организовать дополнительно опорные пункты в деревнях Ходиловичи и Казариновке (Заречье), где оказалось немало лиц, готовых помогать новой власти. По наводке одного из них, Антона

Денисова из Ходилович, в декабре были арестованы и казнены председатель колхоза Семён Артёмович Елисеев, председатель и секретарь Ходиловичского сельсовета Кирей Васильевич Бурденков и Степан Данилович Самохин и ещё два советских активиста. Вскоре Денисов был назначен начальником ходиловичской полиции, но затем ему пришлось бежать в Олсуфьево, так как партизаны Жуковского отряда вместе с военными отрядами Мураля и Куликова разгромили немецко-полицейскую комендатуру в Ходиловичах (здесь, по словам одного из местных жителей, в партизаны ушли 5 человек, а в полицию – около 70). Позже Денисов, назначенный начальником зареченской полиции, участвовал в действиях карателей в Фошне и Петуховке, а летом 1942 г. в казни в д. Приютино председателя колхоза Маркела Стефановича Иванина и ещё двух жителей за связь с партизанами. После изгнания немецких войск пособник оккупантов оказался в Германии, а в 1945 г. под видом насильно угнанного на работу гитлеровцами смог вернуться. Жил в Харьковской области и лишь в 1962 г. был, после разоблачения, расстрелян.

С января 1942 г., когда части Красной армии, отбросив немцев от Москвы и развивая наступление дальше на запад, начали приближаться к Брянской земле, партизанское движение в её северо-восточных районах стало шире и эффективнее, поскольку наладились более тесные контакты партизан и армейского командования. Произошло это после освобождения 11 января калужского города Киров частями 330-й дивизии 10-й армии (ею командовали генералы Ф.И. Голиков, а эатем – В.С. Попов). Разведывательная рота старшего лейтенанта А.Н. Галюги из этой дивизии, установив связь с партизанами и действуя совместно с Бытошским, Бутчинским и Косеватским отрядами, а также с отрядом особого назначения во главе с П.Г. Шемякиным, 23 января очистила от оккупантов и их пособников несколько селений к юго-западу от Кирова. Так появился «Кировский коридор» шириной около 10 км и длиной более 20 км, по которому до конца мая осуществлялась связь партизан и армии.

28 января в п. Ивот прошло совещание представителя политотдела 10-й армии М.П. Чазова с командирами партизанских отрядов (помимо трёх названных ранее, на нём были представлены Дятьковский, Жуковский и Людиновский отряды). О результатах своей первой поездки к партизанам Чазов доложил военному совету армии и получил указание вновь направиться в партизанский край вместе с другим сотрудником политотдела армии – М.П. Зиненковым. На этот раз представители армейского штаба побывали в д. Косилово, где встречались с комиссаром Жуковского отряда Мальцевым, а также установили связь с отрядами Мураля и Кабанова.

Второе подобное совещание состоялось 10 февраля в г. Кирове у Зиненкова, назначенного к тому времени военкомом и комендантом города. Помимо партийных руководителей из Смоленска и Кирова, а также из Дятькова на совещании присутствовало командиры и комиссары крупных отрядов и партизанских групп, сообщивших, в частности, о численности подчинённых им формирований. Вот основные участники этого совещания (в скобках – численность их отрядов): А.И. Виноградов и П.А Рыжков – командир и комиссар Орджоникидзеградского отряда (400 человек), В.И. Алексеев и И.Н. Селивановский – командир и комиссар Бытошского отряда (250 человек), Е.М. Воробьёв – командир Жуковского отряда (215 человек), Н.В. Куликов – командир воинского отряда (60 человек), Ф.А. Аксёнов – командир Косеватского отряда в Рогнединском районе (32 человека).

Позже и Чазов, и Зиненков немало помогали партизанам северных районов Брянщины. С этого времени штаб армии регулярно получал от партизан разведывательные сведения и, в свою очередь, организовывал снабжение партизан оружием, боеприпасами, медикаментами, а также доставку писем и газет.

Через «Кировский коридор» на оккупированные врагом территории проходили отряды особого назначения, разведывательно-диверсионные группы, а в противоположном направлении доставлялись раненые и больные партизаны, члены их семей, потерявшие родителей дети. Но особенно много было военнообязанных: призывная молодёжь из подконтрольных партизанам районов и бывшие окруженцы. Вот что писал о них В.А. Никольский, служивший в начале 1942 г. в разведотделе штаба 10-й армии (позже генерал-майор, автор воспоминаний): «Из лесов и окрестных деревень группами и в одиночку выходили так называемые окруженцы – бойцы и командиры разбитых немцами в период летнего наступления наших частей. Многие из этих бойцов создавали партизанские отряды и громили немецкие тылы. Некоторые разошлись по домам, пристроились в «зятья» и спешили, опасаясь репрессий, явиться в воинские части с просьбой предоставить им возможность сражаться с врагом. Хотя отношение к этой категории военнослужащих было не совсем благожелательным, поскольку немцы пытались под видом «окруженцев» засылать свою агентуру, тем не менее их приходилось брать для восполнения потерь, которые в ходе наступления были весьма велики». Число возвращавшихся в армию через «Кировский коридор» окруженцев составляло около 8 тысяч, а вместе с мобилизованной частью населения армию пополнило более 15 тысяч человек .

14 февраля произошло примечательное для северной Брянщины событие первых месяцев 1942 г. – партизаны без боя вошли в Дятьково (немецких войск в городе не было, а местная полиция разбежалась). Вскоре на всей территории района была восстановлена советская власть, которая, несмотря на многочисленные трудности, связанные с нехваткой всего необходимого, продолжала активно действовать до начала июня. Были восстановлены колхозы, поселковые и сельские советы, другие учреждения. Подобное положение несколько позже было установлено и на большей части Рогнединского района, а также на востоке Дубровского и на севере Жуковского районов.

В феврале - марте 1942 г. в Жуковском районе произошли заметные события разного характера. 19 февраля оккупантами была проведена первая на этой территории карательная акция устрашения - была сожжена д. Вышковичи (более 120 дворов) и уничтожено свыше 80 жителей этой деревни, а также посёлка Глинки и северо-западной окраины Жуковки. Так ответили нацисты на убийство партизанами двух немецких солдат из состава охраны железной дороги близ п. Глинки. Через два дня, 21 февраля, группа партизан Жуковского отряда на ст. Белоглавая подорвала шедший из Клетни состав из пяти вагонов и уничтожила около 40 немецких солдат и офицеров и 80 полицейских. Участвовали в этой операции и более 10 местных жителей во главе с И.А. Понасенковым, которые затем составили ядро партизанского отряда «За Родину». Главной потерей для партизан стала гибель возглавлявшего операцию старшего лейтенанта Николая Сергеевича Полякова (1905 – 1942), вышедшего ранее из окружения и вскоре получившего известность как руководитель успешно действовавших диверсионных групп. Похоронили его, уроженца с. Фошни, поблизости, на кладбище д. Велия, откуда была родом его жена, Варвара Васильевна, бывшая рядом с мужем в партизанском отряде, а затем полвека обучавшая и воспитывавшая жуковских школьников.

Во время белоглавской операции открыто проявились серьёзные разногласия между Воробьёвым и Мальцевым – командиром и комиссаром Жуковского отряда, что вскоре привело к образованию двух жуковских отрядов. Считая такое разделение нежелательным, Орловский обком партии направил бывшего первого секретаря Жуковского райкома партии Жданова, на месте разобраться со сложившейся ситуацией. 3 марта тот прибыл в п. Хизня, где в это время располагался отряд Воробьёва, а 5 марта туда нагрянул отряд карателей. В ходе боя партизаны потеряли 27 человек убитыми, в том числе – Жданова. Воробьёву и части его отряда удалось спастись, а Мальцев, приглашённый в Хизню, туда не явился.

С начала марта пути Воробьёва и Мальцева окончательно разошлись. Воробьёв с частью своего отряда продолжал базироваться близ д. Старое Лавшино, а другая часть отряда перешла в район д. Косилово. Руководили этой частью жуковских партизан старший лейтенант В.Е. Гомонов и Мальцев, командир и комиссар Жуковского отряда №2, близко знакомые по прежней совместной работе в райвоенкомате. Вскоре, по указанию Орловского обкома партии, в отряд Воробьёва влились военные отряды Кабанова и Мураля, который и был назначен комиссаром Жуковского отряда №1. Однако боевые офицеры не сработались с Воробьёвым и в июне ушли из отряда вместе с полутора сотней своих сторонников.

В марте-апреле 1942 г., в пору некоторого затишья в боевых действиях партизан отряда Гомонова – Мальцева, когда они были заняты обустройством лагеря на новом месте и помощью жителям подконтрольных селений в весеннем севе, была сделана попытка координации действий ранее разобщённых партизанских отрядов на северо-востоке Брянщины. Одним из её инициаторов и руководителей стал Георгий Ильич Орлов (1910 -1989), о котором следует сказать чуть подробнее. Родом он был из крестьян Петербургской губернии, вскоре после окончания школы был призван в армию, и воинская служба стала главным делом его жизни. Служил в кавалерийском и механизированном полках, в штабе Белорусского военного округа, участвовал в войне с Финляндией. Начало Отечественной войны старший лейтенант Орлов встретил в г. Белостоке на крайнем северо-западе Белоруссии. Далее были приграничные бои, прорыв из окружения, партизанские действия в Кличевском районе Могилёвской области и, наконец, прибытие в Брянские леса вместе с несколькими боевыми товарищами. К концу 1941 г. эта группа превратилась в небольшой партизанский отряд (около 20 человек), базировавшийся юго-западнее Дятькова. В конце января 1942 г. в п. Ивот по инициативе Орлова прошло совещание командиров военных партизанских отрядов и был образован штаб Дятьковского объединённого сводного отряда во главе с лейтенантом госбезопасности Н.М. Сентюриным, бывшим с сентября 1941 г. командиром Дятьковского партизанского отряда. В состав штаба вошёл и Орлов как заместитель командира сводного отряда по разведке. В конце февраля он был вызван в разведывательный отдел штаба Западного фронта, где сообщил о состоянии партизанского движения в северных районах Брянщины. Эти сведения доложили командующему фронтом Жукову, который дал указание «для руководства партизанским движением в районе севернее Брянска создать оперативный центр» с подчинением

ему всех действовавших там партизанских отрядов. Руководителем центра был назначен капитан Орлов.

В течение марта шла подготовительная работа. Ведь Орлов возвращался в Дятьково не один, а с четырьмя отрядами особого назначения численностью около 350 человек, большинство которых имело боевой и разведывательно-диверсионный опыт. Эта помощь была направлена Жуковым «для усиления партизанского движения». 6 апреля Орлов и отряды особого назначенпя прибыли в Дятьково. Однако местные партийные и советские руководители встретили их «весьма сдержанно». Ведь с созданием Дятьковского оперативного центра, подчинённого штабу Западного фронта, они теряли возможность возглавлять деятельность партизанских отрядов, располагавшихся на территории района. Лишь после ознакомления с радиограммой Жукова «о привлечении к ответственности всех, кто отказывается подчиняться оперативному центру», затягивание с подчинением местных отрядов прекратилось. В апреле Орлов побывал в нескольких крупных отрядах, в том числе – у жуковских партизан, и согласовал основные задачи на ближайшее будущее.

26 апреля жуковские партизаны под командованием Мальцева при участии дубровских партизан (ими командовал Белугин) попытались овладеть Жуковкой, но не смогли добиться успеха из-за наличия у немецко-полицейского гарнизона бронепоезда. Ещё одна попытка освобождения Жуковки была предпринята в мае (в воспоминаниях участников операции встречаются разные даты – 6, 9 и 10 мая) силами Жуковского отряда №2 при содействии Дубровского отряда. Было намечено провести наступление на посёлок с нескольких направлений. Основные события произошли в деревне Сидоровке, через которую на Жуковку должна была наступать группа жуковских партизан под командованием Дёмина. Буквально перед выступлением этой группы из Орловки в Сидоровку оттуда прибежала связная и сообщила, что в деревню пришли немцы. Как выяснилось позже, это был карательный отряд эсэсовцев численностью около 250 человек. В ходе неожиданного для карателей ожесточённого боя, продолжавшегося несколько часов до глубокой ночи, вражеский отряд был окружён подошедшими на помощь группе Дёмина другими партизанскими частями и, понеся большие потери, с трудом смог ночью вырваться в Жуковку. Однако от освобождения посёлка партизанам пришлось отказаться и вернуться основным составом отряда в д. Николаевку – главную базу в апреле – мае.

Характер последующих боевых операций отрядов, подчинённых Дятьковскому оперативному центру,

определялся приказом командующего Западным фронтом Жукова, где указывалось, что «главнейшей задачей всех крупных и мелких партизанских отрядов является не дать врагу подвозить к фронту горючее, продовольствие, боеприпасы». Далее в приказе прямо назывались меры по обеспечению этой задачи: «Прекратить временно борьбу за населённые пункты и все силы отрядов сосредоточить на железных, шоссейных, грунтовых дорогах для того, чтобы не дать врагу производить перевозку всех грузов и пополнения к фронту. Действовать главным образом засадами и смелыми налётами. Дороги минировать. На железных дорогах устраивать крушения поездов». В приказе было конкретно указано: «Персональную ответственность за недопущение движения по дорогам возлагаю за дорогу Рославль – Брянск – на Жуковский отряд, за дорогу Брянск – Зикеево, Брянск – Людиново – на Дятьковский отряд Орлова».

Одним из наиболее ярких примеров успешного выполнения поставленных в приказе задач стали действия подрывников из Жуковского отряда №2. По воспоминаниям Дёмина, 20 мая группа во главе с А.Б. Василевским направилась к железнодорожному перегону Глинки – Олсуфьево, а группа самого Дёмина – к перегону Тросна – Жуковка. И те, и другие сумели незаметно для охраны заложить и замаскировать взрывчатку, а также натяжные шнуры и в засаде начали ожидать приближение поезда. «Повезло» группе Василевского, которая заложила взрывчатку в трёх местах в интервале 50-60 метров, - приближался из Олсуфьево длинный эшелон со многими платформами и вагонами. Первый взрыв 20 кг тола прогремел под колёсами паровоза, а потом – ещё два. От платформ, перевозивших автомашины, танки и другую технику, и от вагонов с живой силой ничего не осталось, кроме большой искорёженной груды металла. А группе Дёмина пришлось довольствоваться немногим: двумя взрывами уничтожить трубы, пролегавшие под путями, и значительное количество рельсов. Но в воспоминаниях Дёмина, вероятнее всего, оказалась небольшая неточность – взрывы были произведены не 20 мая, а 18. Уточнить дату позволяет запись в дневнике главного нацистского пропагандиста Геббельса: «19 мая 1942 г. Партизаны взорвали железнодорожные рельсы на фронте группы армий «Центр» между Брянском и Рославлем в пяти местах – ещё одно подтверждение их крайне неприятной деятельности». Следовательно, потери после взрывов были настолько велики, что о них пришлось докладывать руководителям гитлеровского рейха.

Партизанское движение в задеснянской (правобережой) части Жуковского района развернулось только с конца

февраля 1942 г. (ранее здесь были подпольные патриотические группы), когда руководимый Иваном Александровичем Понасенковым отряд «За Родину» установил связи с жуковскими и дятьковскими партизанами. Официальное признание отряда произошло 1 апреля после получения из штаба Западного фронта радиограммы: «Партизанский отряд «За Родину» во главе с командиром И.А. Понасенковым и комиссаром И.М. Сухоруковым утверждён». Своего подготовленного лагеря отряд не имел и первое время чаще всего базировася в небольшом лесном посёлке Козёлкином Хуторе. Но боевые операции отряда охватывали значительные территории Жуковского и Жирятинского районов, а также прилегающие части Брянского, Почепского, Мглинского, Клетнянского и Дубровского районов. Большинство населения этих мест активно поддерживало партизан: помогало им продовольствием, вооружением и боеприпасами, оставшимися после отступления советских войск, а затем во многих селениях стали создаваться группы самообороны. В конце марта командование отряда получило сообщение, что в Логатинке, Столбах, Быковичах и Упрусах гитлеровцы забирают у населения скот и продовольствие. По тревоге конные группы партизан устремились в погоню за грабителями и настигли их неподалеку от Князичей. Бой был коротким: потеряв 6 убитых, немцы бежали, бросив обоз. Скот и всё награбленное было возвращено жителям. В апреле отряд значительно активизировал свою деятельность. Например, 17 апреля был разгромен значительный (около 50 человек) вражеский гарнизон в Князичах. 27 апреля партизаны между станциями Белоглавая и Красная взорвали шедший из Клетни поезд с пиломатериалами и перебили уцелевших охранников. А 17 мая большой отряд нацистских карателей совершил нападение на село Князичи. Находившиеся там партизаны и отряд самообороны оказали ожесточённое сопротивление, но силы были неравными. Каратели сожгли 116 сельских домов и убили 16 мирных жителей, но завершить расправу не успели из-за удара пришедших на помощь других партизанских частей.

Однако в целом при сравнении положения на подконтрольных партизанам территориях левобережья и правобережья Десны в конце мая – июне 1942 г. более предпочтительной была ситуация в районе действий отряда «За Родину» (к тому же в середине мая в Козёлкин Хутор прибыл уже упоминавшийся отряд Шестакова, что заметно увеличило силы партизан).

Тем временем германское командование начало готовить карательную операцию по ликвидации Дятьковского советского района и уничтожению располагавшихся там и поблизости партизанских отрядов. В конце мая немецкие

войска стали сжимать окружение к северу от Дятькова и захватили посёлок Бытошь. Дятьковский оперативный центр обратился к командованию Жуковского отряда №2 принять участие в операции по освобождению посёлка. Утром 27 мая 60 партизан этого отряда во главе с комиссаром Мальцевым вместе с бытошскими партизанами и бойцами военных отрядов начали обстреливать южное предместье Бытоши. Противник, понеся потери, отступил к центру посёлка и усилил сопротивление, так как получил значительное подкрепление. Операцию пришлось сворачивать. К тому же был серьёзно ранен Мальцев, и его срочно отправили в д. Копаль, а оттуда самолётом в госпиталь в г. Киров.

Тем временем партизанские разведывательные группы сообщали, что противник накопил крупные силы для наступления на территорию Дятьковского советского района и что ожидать начала карательных действий гитлеровцев нужно уже вскоре. 2 июня бюро Дятьковсеого райкома партии заслушало доклад Орлова «Об обстановке на границах советского района и о задачах партизанских отрядов». Докладчик подробно осветил положение на разных участках обороны, сообщил об огромном численном и техническом превосходстве сил гитлеровцев над партизанами и выразил мнение, что в подобных условиях нельзя ставить целью оборону города Дятьково. Для этого пришлось бы привлечь к защите города все партизанские отряды, что позволило бы врагам окружить их, блокировать и в конечном счёте уничтожить. Но большинство дятьковских руководителей не согласилось с таким мнением и своим решением обязало «командира оперативного центра в случае наступления противника город Дятьково оборонять». Орлов был вынужден заявить, что будет выполнять приказ командующего Западным фронтом, с которым решение бюро расходится. В результате последующие отношения между военными и партийными руководителями партизанского движения явно разладились, что повлияло на незаслуженно негативную оценку позднейших действий Орлова со стороны областных и районных партийных лидеров. Сказалось это и на отношении дятьковских руководителей к отрядам особого назначения и военным отрядам, подчинённым Орлову. При раздаче имевшихся в Дятьково запасов продовольствия эти отряды зерна не получили, в отличие от местных партизан.

5 июня разведкой было установлено, что с рассветом следующего дня противник начнёт наступление. Командование всех подчинённых оперативному центру партизанских отрядов было об этом оповещено или по телефону, или через связных. Получили это сообщение также Брянские городской и районный партизанские отряды под

командованием Дуки и Ромашина. Эти отряды во второй половине мая бвли вынуждены под напором карателей уйти из Навлинского района, а позже находились юго-западнее Любохны. Утром 6 июня жителей Дятькова, Ивота, Любохны разбудили массированные бомбовые удары немецкой авиации, и почти одновременно началось наступление вражеских пехотных и моторизованных частей при поддержке артиллерии и танков на разных направлениях. Партизаны мужественно защищались, но силы были слишком не равными. В первый день немецкого наступления пришлось оставить Любохну, Ивот, Старь, а наибольший отпор каратели получили в бою у деревни Ивоток, где силами партизан руководил Орлов. Утром 7 июня немецкие войска вступили в Дятьково. Отряды местных партизан ушли в лесной массив на севере района, где каратели активности не проявляли.

Наиболее трудным было положение тех отрядов, что находились на территории к юго-западу от Дятькова до Жуковки и Сельцо. Здесь оказались в окружении руководимые Орловым отряды особого назначения и воинские отряды, Жуковский отряд №1, несколько отрядов из объединённого Орджоникидзеградского отряда, а также Брянские отряды Дуки и Ромашина. Достоверных сведений об их положении во время июньской карательной операции гитлеровцев до недавнего времени почти не было. Только в 2016 г. появилась книга воспоминаний полковника Г.И. Орлова «Дятьковская партизанская бригада». Её автор более полувека назад передал текст воспоминаний Дятьковскому музею партизанской славы (ныне - историко-краеведческий музей), но районные и областные руководители не торопились их публиковать. Для них автор, более тридцати лет живший в Новосибирске, так и остался «чужаком», хотя и был в 1983 г. удостоен звания «Почётного гражданина города Дятьково». Некоторые правдивые сведения, имеющиеся в воспоминаниях, также не способствовали их публикации. Лишь благодаря стараниям руководителей дятьковских краеведов удалось издать, хотя и малым тиражом, книгу Орлова – одно из наиболее ценных свидетельств о партизанском движении на севере Брянщины.

Но любые, даже самые достоверные воспоминания не в состоянии дать полную информацию об описываемых событиях. Приведём два частных дополнения, заслуживающих внимания. Автор первого из них, Павел Тимофеевич Козлов (1909 – 1972), был уроженцем деревни Дуброславичи, войну встретил старшим лейтенантом в Белоруссии, попал в окружение, затем в плен, но сумел бежать и, оказавшись в родных местах, вступил в партизанский отряд «За Родину». В мае 1942 г. он был послан в Дятьково, где готовился как командир разведывательно-диверсионной группы для

отправления на территорию Унечского района. Но началась карательная немецкая операция, и о том, что было дальше, Козлов поведал в своих кратких воспоминаниях, присланных завучу Овстугской средней школы В.Д. Гамолину, - «Брод через реку Десну». Вот отрывок из текста воспоминаний (с малыми сокращениями): «С боями партизаны перешли в Жуковские леса и остановились в районе железнодорожной ветки на участке Ржаница – Тросна. Командиры партизанских отрядов майор Орлов, Ромашин, Горбачёв, Шестаков, Мальцев, Воробьёв, Дука и Мураль приняли решение уходить в белорусские леса. Был разработан боевой план перехода железной дороги между станциями Ржаница – Тросна 8 июня 1942 г. в час ночи, а переход реки Десны в 3 часа утра. Найти на Десне пеший брод и организовать переправу командование поручило старшему лейтенанту Козлову между деревней Дятьковичи и селом Вщиж. Партизанская группа в составе двадцати человек приступила к выполнению боевого задания. Переход через железную дорогу стал для группы неудачным – она была встречена неожиданным пулемётным огнём противника с двух сторон. Железную дорогу смогли перейти только шесть человек». О дальнейшем – сокращённо. Козлову и его уцелевшим товарищам удалось выйти к Десне, найти брод и оставить нужный указатель, но вернуться назад они не смогли. Словом – боевое задание выполнено не было. Позже Коэлов вернулся в отряд «За Родину» и продолжал участвовать в партизанской борьбе до осени 1943 г.

У отдельных читателей может появиться сомнение в достоверности этих сведений, тем более, что в них есть некоторые ошибки. На совещании командиров не мог присутствоавть Мальцев (он был в это время в госпитале), крайне мала вероятность участия в нём Шестакова (его отряд уже находился за Десной). Время предполагаемого прорыва через железную дорогу и переправы через Десну противоречит сведениям о событиях первых дней карательной операции. Однако нужно учесть, что воспоминания написаны пожилым человеком незадолго до кончины, когда в памяти могли появиться какие-то сбои, но «сочинять» что-то заведомо ложное он не стал бы (тем более, что факт невыполнения боевого задания вряд ли мог украсить биографию автора).

Ещё одним дополнением о трудных июньских днях 1942 г. являются воспоминания комиссара партизанского отряда имени Чапаева А.А. Тресикова. Его мемуарная статья «Чапаевцы», посвящённая отряду, сообщает, что именно в период немецкой карательной операции «стали тесно взаимодействовать» три партизанских отряда, возглавляемых А.С. Горбачёвым, С.Т. Денисовым и И.Н. Дёмочкиным. Второй из этих отрядов состоял из работников бежицкой милиции, а

партизанами двух других отрядов были жители Брянского района, но воевать им довелось не только в своём районе, но и в других местах (больше всего – в Клетнянских лесах). Далее цитата из статьи Тресикова: «Участвовали эти отряды и в знаменитом бою партизан 17 июня 1942 г. под Старым Лавшином, где были отбиты неоднократные психические атаки пьяных эсэсовцев и истреблено, по данным разведки, около батальона отборных гитлеровцев». Но почему-то этот, по словам Тресикова, «знаменитый бой» оказался вне поля зрения других авторов (лишь у Г.И. Орлова есть краткое упоминание, что партизанам «пришлось выдержать ряд тяжёлых боёв с превосходящими силами противника» - среди мест таких боёв названы Старое Лавшино, Фошня и у Святого озера). Завершая речь о трёх упомянутых отрядах, сообщим, что вскоре после боя у Старого Лавшина им удалось преодолеть Десну и через Жирятинский район добраться до Клетнянских лесов. Там они объединились в один отряд под командованием Андрея Сергеевича Горбачёва (1906 – 1963), о котором наиболее подробно написал недавно скончавшийся историк В.Н. Кучер. Вот как оценивал боевую деятельность Горбачёва штаб Западного фронта: «Тов. Горбачёв является одним из лучших организаторов партизанских отрядов. Боевой, смелый, решительный и инициативный командир». А мнение Кучера раскрывает другую сторону личности Горбачёва: «Это был поистине народный партизанский вожак, который хорошо знал быт и уклад сельского жителя, его представления о социальной справедливости». Сочетание положительных командирских и личных человеческих качеств позволило руководителю малого отряда (немногим более 20 человек) превратить его к лету 1943 г. в полноценную партизанскую бригаду численностью свыше тысячи человек.

Кроме трёх упомянутых отрядов, переправиться через Десну смогла лишь небольшая группа из отряда Ромашина, а основная часть этого отряда и отряд Дуки после упомянутого боя у Святого озера (8-9 июня) ушли в район Фошни, где встретили крупную группу карателей и после тяжёлого боя отошли ближе к станции Ржаница. По словам Орлова, отряды, «испытывая недостаток в боеприпасах и продовольствии, предприняли попытку перейти в Клетнянские леса», но сделать этого не смогли и 16 июня покинули Жуковский район. Им удалось обойти Брянск с востока и вернуться в знакомые Навлинские леса. Позже Брянские отряды действовали успешно, а их командиры стали Героями Советского Союза.

С середины июня, как сообщал Орлов, «против основной массы карателей в треугольнике Дятьково – Брянск – Жуковка остались и вынесли всю тяжесть маневренной борьбы отряды особого назначения, воинские отряды и отряды из

состава объединённого Орджоникидзеградского отряда. В непрерывных боях и ночных переходах люди были до крайности утомлены и истощены из-за недостатка продовольствия, но моральный и боевой дух партизан были высокими». В этой связи может вызвать недоумение отсутствие в перечне Жуковских отрядов. Однако такое молчание не случайно. Из отряда №1 под комадованием Воробьёва выделилась наиболее боеспособная часть партизан (преимущественно – военных) во главе с Муралём, Кабановым и ушла за Ветьму. Вскоре этот отряд вошёл в состав формировавшейся 3-ей стрелковой партизанской дивизии под командованием капитана Галюги (об этой дивизии – немного позже). А оставшаяся меньшая часть первого Жуковского отряда, скорее всего, «легла на дно», т. е. затаилась в глуши леса и активно себя не проявляла. Жуковский отряд №2 под командованием Гомонова до конца мая оказывал поддержку отрядам Орлова, но более тесные связи имел с дубровскими и рогнединскими партизанами, а затем вместе с ними вошёл в состав 3-ей партизанской дивизии. После начала немецкой карательной операции партизаны второго Жуковского отряда с 8 июня вели бои в Кончино, Саково, Фошне, Александровке, Николаевке, но силы были слишком не равными. Вскоре названные и соседние селения были сожжены карателями, но большинство местных жителей, наскоро собрав основные припасы, успело укрыться в лесах. Оказать им помощь партизаны были не в состоянии, поскольку командование отряда получило приказ направить основную часть своих партизан с вооружением и недельным запасом продовольствия в д. Косеват Рогнединского района. Здесь командирам собранных отрядов было объявлено, что их задача – оказать помощь прорывавшимся из окружения частям конного корпуса генерала П.А. Белова и воздушно-десантного корпуса генерала А.Ф. Казанкина. Прорыв намечался между станциями Снопоть и Бетлица в брянско-калужском приграничье. Обеспечить коридор для движения прорывавшихся войск должны были части 10-й армии Западного фронта, а 3-я партизанская дивизия и прибывшие к месту прорыва отряды смоленских и калужских партизан должны были прикрыть этот отход с флангов. С 15 по 25 июня около 18 тысяч конников и десантников, изголодавшихся и предельно уставших от длительных и трудных переходов, получили от партизан немало продовольствия и смогли после краткого отдыха с помощью местных проводников выйти к г. Кирову и вернуться в расположение частей Красной армии.

А партизанам, участвовавшим в этой операции, предстояли очень тяжёлые испытания. Семь немецких дивизий, преследовавших прорывавшиеся воинские части

Белова и Казанкина, окружили и блокировали партизнские формирования в не очень большом лесном участке – Раменная дача. Положение окружённых было крайне трудным из-за явного превосходства врагов в численности и военной технике, постоянных артиллерийских и миномётных обстрелов, бомбардировок с воздуха, почти полного истощения запасов продовольствия. О ситуации в Раменной даче стало известно находившемуся в госпитале в г Кирове Г.В. Мальцеву. Несмотря на недолеченное ранение, он убедил члена военного совети 10-й армии Чазова в необходимости быть рядом со своими боевыми товарищами, попавшими в окружение. На самолёте У-2 Мальцев был доставлен в Раменную дачу и стал вместе с другими командирами готовить прорыв из окружения. Первая попытка не принесла успеха. В подготовке новой попытки прорыва участие Мальцева было более значительным, и в ночь на 3 июля силами 3-й партизанской дивизии и немногих примкнувших бойцов оборона врагов была смята. К вечеру того же дня участники прорыва вернулись в Брянские леса и расположились в Косилове и Бацкине. А судьба тех смоленских и калужских партизан, которые не присоединились к прорывавшимся сотоварищам, а также оставшихся с ними мирных жителей оказалась трагичной. Несколько позже многие участники этой боевой операции были награждены орденами и медалями, в том числе орденом Ленина – руководители 3-й партизанской дивизии: командир А.Н. Галюга, комиссар М.П. Зиненков, начальник штаба И.Я. Корчма. Такую же награду получил и Г.В. Мальцев.

Вернёмся немного назад, к периоду формирования названной партизанской дивизии. Возглавляемый Орловым Дятьковский оперативный центр координировал и направлял боевую деятельность далеко не всех партизанских отрядов северо-востока Брянщины. Те партизанские отряды и группы, которые находились в Рогнединском районе и на примыкающих калужских территориях, до весны 1942 г. действовали разобщённо и не очень результативно. А ведь эти места были наиболее близкими к «Кировскому коридору» и представляли немалый интерес для командования соседней 10-й армии Западного фронта. В апреле 1942 г. военный совет этой армии с согласия фронтового командования сформировал группу офицеров-разведчиков и послал её в тыл противника, чтобы объединить и возглавить партизанское движение в упомянутых районах. В состав группы вошли Галюга, Корбут, Корчма, а также Зиненков из политотдела армии, который ещё в конце февраля общался с командирами некоторых местных отрядов. Офицерскую командную группу сопровождал отряд из 70 молодых бойцов. 30 апреля удалось без потерь перейти линию фронта и установить связь с местными партизанскими

отрядами. После встреч с руководителями дятьковских и бытошских отрядов, а также с Орловым Галюге и его товарищам стало ясно, что те не станут подчиняться офицерам из 10-й армии, а сохранят свой оперативный центр. Удалось лишь достичь разумной договорённости о примерном территориальном разграничении районов действий, о поддержании постоянной связи и обмене нужной информацией. Тем временем усилия прибывших офицеров стали давать результаты: с 8 по 15 мая местные партизанские отряды и группы установили контроль над 93 населёнными пунктами Рогнединского и некоторых прилегающих районов. 14 мая был освобождён районный центр Рогнедино и здесь начали действовать советские учреждения. Первоначально новый организованный военный центр не имел названия, и лишь в конце мая – начале июня стал именоваться 3-ей стрелковой партизанской дивизией. Вместо многих небольших отрядов были сформированы 7 батальонов, в которых насчитывалось около трёх тысяч человек. Каждый батальон имел свою базу, обычно связанную с одним из бывших отрядов. Штаб дивизии располагался в разных местах: в с. Бутчино, п. Бытошь, д. Копаль, д. Косеват. После боёв в Раменном лесу, когда каратели сожгли Косеват и Копаль, а части дивизии вышли к Косилово, штаб её сначала находился в этой деревне, а позже – в лесах у д. Кончино, близ с. Бацкино и у п. Ивот.

Если для партизан, действовавших на левобережьи Десны, июль 1942 г. был трудным, но всё же более спокойным месяцем по сравнению с предыдущим, то на правом берегу Десны обстановка начала меняться в худшую сторону. До середины июля инициативой в боевых действиях владели здесь отряды Понасенкова и Шестакова, проводившие порой довольно крупные операции. К примеру, в ночь на 15 июля были почти одновременно атакованы немецко-полицейские гарнизоны в Песочне, Красной, Летошниках, а наиболее упорный бой разгорелся в д. Леденёво. Партизаны смогли захватить и поджечь казармы, сторожевые посты, некоторые склады, но освободить пленных из размещавшегося на окраине деревни лагеря не получилось – во время боя оккупанты успели отвести пленных под охрану подкрепления, прибывшего из других гарнизонов. Пришлось прекратить бой и отступить. Вскоре гитлеровцы начали свою карательную операцию по «очистке» от партизан жирятинско-жуковских селений. 19 июля в штаб отряда «За Родину» поступили срочные донесения, что крупные колонны карателей движутся из Леденёва на Белоголовль, что другим немецким батальоном занят Козёлкин Хутор. Для отдельных рот отряда и групп самообороны возникла угроза быть отрезанными от лесного массива. В этих условиях отрядам самообороны было

приказано оказывать карателям упорное сопротивление, а затем отходить в лес к Новой Эстонии (посёлок находился на стыке Клетнянского, Жирятинского и Жуковского районов и более полувека назад обезлюдел). Основные же силы отряда получили приказ освободить Козёлкин Хутор, бой за который носил ожесточённый характер и закончился только к вечеру. Объединёнными силами отрядов Понасенкова и Шестакова «партизанская столица» была освобождена от врагов, но это было нужно лишь на время, которое требовалось для отхода групп самообороны. 20 июля пехотные части карателей при поддержке танков атаковали селения всей партизанской зоны и почти всюду встречали сопротивление. В д. Упрусы группа местной самообороны при поддержке белоголовльских и бобылёвских бойцов самообороны нанесла значительный урон гитлеровцам. В ответ каратели сожгли деревню и расстреляли 125 мирных жителей – почти всё местное население. Дальнейшее продолжение прямых боевых столкновений с превосходящими силами нацистов неизбежно вело бы к значительным людским потерям, и поэтому 21 июля отряд «За Родину», включивший в свой состав бойцов самообороны, и отряд «Славный» двинулись в леса Клетнянского района и первоначально остановились близ с. Каменец. Позже боевые действия отряда Шестакова уже не были связаны с Жуковским районом, а отряд Понасенкова, переросший затем в 4-ю Клетнянскую партизанскую бригаду, лишь изредка появлялся на Жуковской земле, и поэтому их успехи в борьбе с оккупантами и переживаемые в отдельные периоды трудности рассматриваться далее не будут.

Возвращаясь к обстановке на левом берегу Десны, можно отметить, что положение отрядов, оперативно подчинявшихся Дятьковскому центру во главе с Орловым, было намного труднее, чем у отрядов, входивших в состав 3-й партизанской дивизии. Хотя с конца июня 1942 г. крупных наступательных операций гитлеровцами долгое время не проводилось, «зачистки» отдельных лесных кварталов не прекращались. Но главное, как отмечал Орлов, были в другом: «С угоном и уничтожением населения партизаны лишились материальной поддержки продовольствием и одеждой, лишились и активно действовавшей сети агентурной разведки. В особенно тяжёлом положении оказались отряды, подчинённые оперативному центру – они не имели подготовленных баз и созданных запасов». Командование Западного фронта пыталось оказывать партизанам помощь и с конца июня начало присылать самолёты По-2 с вооружением и небольшим количеством продуктов и медикаментов (обратными рейсами они увозили партизан с тяжёлыми ранениями), но масштабы помощи были невелики.

Однако и в этих трудных условиях отряды, подчинённые оперативному центру, продолжали вести активную борьбу с оккупантами. В июле были конкретизированы для каждого отряда основные задачи на ближайшее время. В частности, Жуковскому партизанскому отряду № 1 было поручено «вести разведку немецко-полицейских гарнизонов Жуковки и ближайших населённых пунктов, аэродрома Олсуфьево, освещать перевозки противника на железной дороге Брянск – Рославль. Вести диверсионную работу на этой же железной дороге и организовывать засады на просёлочных дорогах, где проходит движение между гарнизонами». Наибольший объём боевых задач приходилось выполнять отрядам особого назначения и военным отрядам. Вот что писал о них Орлов: «Эти отряды были постоянно в движении, часто сталкивались с немецкими войсками, прочёсывавшими леса, и отвлекали на себя их внимание. Бойцы этих отрядов показали неиссякаемую энергию, выносливость, презрение к трудностям и опасностям. Находясь на временных стоянках в любую погоду до глубокой осени, никогда не имея крыши над головой, нормального питания, не говоря о том, что часто жили на голодном пайке. Они не знали усталости. Требовались поистине нечеловеческие усилия, чтобы совершить марш 20-40 км, а после 2-4-часового отдыха вступить в бой. Затем – снова марш на 10-20 км, неся с собой раненых и погибших товарищей, а через 2-3 дня или в тот же день уйти на задание в разведку или на диверсию в составе небольшой группы».

Среди командиров этих отрядов, действовавших и на территории Жуковского района, заслуживают упомянания старшие лейтенанты Степан Андреевич Кидяев, Григорий Яковлевич Есин, Андрей Игнатьевич Нагайчук (в отрядах особого назначения), Николай Васильевич Куликов, Виктор Васильевич Шапкин (в военных отрядах). Общая численность этнх отрядов к началу осени 1942 г. составляла немногим более 400 человек (примерно треть всего количества партизан, подчинённых оперативному центру Орлова), но ими было совершено более половины серьёзных диверсий на железных и грунтовых дорогах и нападений на врагов из засады.

13 июля был получен приказ Западного штаба партизанского движения разгромить станцию Ржаница и этим надолго сорвать перевозки по железной дороге Рославль – Брянск. Учитывая наличие на станции большого немецко-полицейского гарнизона и немалого количества укреплений, к операции, намеченной на 15 июля, были привлечены все отряды особого назначения, а также Жуковский отряд Воробьёва. Начало нападения было назначено ровно на 12 часов ночи, но неожиданно четвертью часа ранее на станцию прибыли два поезда. Двери в вагонах не открывались, и сигнал

к атаке был дан в назначенный срок. Хотя нападения противник не ожидал и сразу понёс заметные потери, бой принял ожесточённый характер и пошёл не по намеченному плану. Жуковский отряд, который должен был атаковать станционный посёлок с севера и отвлечь на себя часть сил, в бой вообще не вступил. А один из остановившихся поездов, как оказалось, перевозил войска, которые и начали обстреливать партизан, атаковавших станцию. Операцию пришлось сворачивать, не достигнув намеченной цели. Через месяц, 14 августа, несколько диверсионных групп из отрядов особого назначения успешно действовали на железной дороге юго-восточнее Ржаницы. Сначала одна из групп подорвала здесь вражеский эшелон, затем другая группа подорвала подходивший из Брянска вспомогательный поезд и, наконец, третья группа осуществила подрыв приближавшегося из Жуковки бронепоезда. К сожалению, 20 августа погиб главный организатор подобных операций – заместитель командира оперативного центра по диверсионной работе капитан Павел Николаевич Худяков.

23 августа штаб оперативного центра вместе с двумя отрядами (около 130 человек) прибыл к сожжённому карателями посёлку Красный Угол для приёма самолётов с боеприпасами и отправки раненых. Вечером бойцы отрядов копали картофель на оказавшемся бесхозным поле, а затем остановились на ночлег близ д. Суходоль. Здесь их выследил один из сотрудничавших с оккупантами жителей Ржаницы, который и донёс об этом немцам. В течение ночи немецкий батальон (около 600 человек) был поротно выведен проводниками из Ржаницы к разным местам вокруг ночёвки партизан. Внезапно напасть карателям не удалось, хотя их первая атака началась около 6 часов утра. Отбив ещё две яростных атаки врагов, бойцы отрядов по приказу Орлова организовали группу прорыва примерно из 30 автоматчиков, контратака которой оказалась успешной. Сохраняя порядок и взяв всех раненых, отряды вышли из окружения. Потери противника только убитыми превысили 50 человек.

С середины августа до начала ноября во многих местах Жуковского и Брянского районов, где действовали оперативно подчинённые Орлову отряды, а также в Рогнединском районе, куда они не раз были вынуждены заходить в поисках продовольствия, происходили довольно часто серьёзные боевые столкновения партизан с немецко-полицейскими отрядами на хлебных и картофельных полях. Такие столкновения были, в частности, близ Старого Лавшина, Умыслич, Ново-Николаевки, а посланная копать картофель на поле у сожжённого посёлка Хизня группа партизан первого Жуковского отряда наткнулась на засаду карателей и потеряла

12 человек. Однако добытое продовольствие покрывало и то с трудом лишь текущие нужды партизан-орловцев, а создать какие-то запасы им не удалось. В этом отношении положение отрядов, входивших в состав 3-й партизанской дивизии, было намного предпочтительнее.

В октябре 1942 г. начались перемены в организации партизанского движения. Вместо прежних военизированных формирований стали создавать партизанские бригады. Приказом главнокомандующего партизанским движением К.Е. Ворошилова Дятьковский оперативный центр был расформирован, а подчинявшиеся ему отряды вошли в состав Бытошской и Дятьковской партизанских бригад. Местом дислокации Бытошской бригады в приказе названы леса юго-западнее Людинова, а Дятьковской бригады – леса западнее и юго-западнее Дятьково. Командиром Дятьковской бригады был назначен майор Г.И. Орлов, комиссаром – батальонный комиссар (позже – майор) Е.М. Козлюк, начальником штаба – капитан В.А. Серебряков. В состав Дятьковской бригады первоначально входило 11 отрядов, из которых наибольшими по численности были Дятьковский и Орджоникидзеградский (в каждом – около 250 партизан), а в Жуковском отряде Воробьёва осенью 1942 г. насчитывалось около 120 человек. Любохонский, Старской, военные отряды и отряды особого назначения были меньше – от 50 до 100 человек.

Месяцем раньше, в сентябре, произошли перемены в руководстве 3-й партизанской дивизии. Её прежний командир Алексей Николаевич Галюга (1916 – 1985) был направлен в Клетнянские леса для организации объединённого штаба действовавших там партизанских отрядов, комиссар Зиненков и начальник штаба Корчма отозваны в штаб армии, Новым командиром дивизии стал майор Иван Владимирович Корбут, уроженец Белоруссии. С августа 1941 г. он воевал в должности командира отдельной разведывательной роты 330-й дивизии. Так сошлись военные судьбы Галюги и Корбута, в скором будущем возглавивших 3-ю партизанскую дивизию как командир и его заместитель. Ближайшими помощниками Корбута после его назначения командиром дивизии стали прежние руководители второго Жуковского отряда: Гомонов – заместителем командира, Мальцев – комиссаром. А начальником штаба дивизии стал майор И.И. Мураль.

Потребовалось полностью обновить руководство второго Жуковского отряда: командиром был назначен В.Ф. Платонов, комиссаром – А.Б. Василевский, начальником штаба – С.С. Дёмин. Наиболее заметной операцией отряда осенью 1942 г. было проведенное в середине ноября нападение на немецко-полицейский гарнизон в д. Заречье, в ходе которого большая часть гарнизона была уничтожена, но

завершить разгром не удалось в связи с подходом вражеского подкрепления из Олсуфьево. Были потери и у партизан, к тому же серьёзное ранение получил командир жуковцев Платонов, который надолго оказался в госпитале. Это привело к новым переменам в руководстве отряда. Командиром Жуковского отряда № 2 назначили Василевского, комиссаром перевели Дёмина, а начальником штаба был назначен Н.С. Пёркин.

В последние месяцы 1942 г. 3-я партизанская дивизия значительной боевой активностью не отличалась, поскольку её отряды были в основном заняты заготовкой продовольствия и подготовкой лагерей к зиме. Но в отдельных случаях, когда требовала обстановка, приходилось вести бои с оккупантами. Например, ближе к середине декабря жители рогнединской деревни Каменки стали срочно покидать свои дома и, захватив скот и основные пожитки, уходить в окрестные леса – дело в том, что в деревню вступала немекая танковая колонна. А всего в нескольких километрах от Каменки в жуковских посёлках Белёво и КИМ находились штаб 3-й партизанской дивизии и лагерь второго Жуковского отряда. Были приведены в боевую готовность ближайшие отряды 3-й дивизии, а к расположенному рядом с Каменкой посёлку Занеголовка выдвинут сводный отряд примерно из 40 человек с пулемётами и пушкой. В этом посёлке и близ него и развернулась оживлённая перестрелка между партизанами и боевым охранением танковой колонны, которая, оказывается, перебазировалась от Людинова к Рославлю. В конце этой перестрелки случайным осколком был убит Василий Егорович Гомонов, бывший первый командир Жуковского отряда №2. Похоронили его с воинскими почестями на кладбище родной деревни Приютино. А примерно через месяц на этом же кладбище обрёл свой последний приют скончавшийся от тифа командир второго Жуковского отряда Александр Борисович Василевский, которого из-за его молодости боевые товарищи называли Сашей и долго сохраняли о нём добрую память.

С наступлением осенних холодов трудности для отрядов, входивших в состав Дятьковской бригады, стали ещё более усугубляться. Отряды особого назначения до конца октября ночевали под открытым небом из-за отсутствия своих лагерей, у большинства других отрядов лагеря носили временный характер и к зимним условиям приспособлены не были. Отсутствовало зимнее обмундирование, а летнее обтрепалось и почти пришло в негодность. Крайне малы оказались и продовольственные запасы. Как отмечал Орлов, «перспективы на получение продовольствия и обмундирования из Западного штаба партизанского движения были мало обнадёживающими, так как снабжение этим штабом даже медикаментами оставляло желать много лучшего. Ожидать помощи и

поддержки на месте было неоткуда. Небольшое количество населения, скитавшегося по лесу в районе действия бригады после карательной экспедиции, теперь само нуждалось в помощи партизан». В таких условиях в конце октября началось строительство общего зимнего партизанского лагеря. Место для него было выбрано в лесу севернее сожжённой карателями деревни Умысличи. Уже в начале ноября были построены добротные землянки для размещения бойцов отрядов особого назначения, штаба бригады, госпиталя. Появилась и баня. Позже лагерь продолжал расширяться, поскольку в декабре в него перебазировались Дятьковский, Старской и Орджоникидзеградский отряды, а затем – Любохонский отряд и военный отряд Шапкина. Продолжавшие оставаться в своих лагерях Жуковский отряд Воробьёва и военный отряд Куликова находились в близком соседстве с главным лагерем, занимавшим большую площадь – около 16 квадратных километров. Каждому из находившихся в лагере отрядов отводился определённый участок обороны, на просеках и основных тропах были оборудованы дзоты с установленными там станковыми и ручными пулемётами, вырыты окопы. Был организован пошив одежды из парашютных мешков, в которых сбрасывались боеприпасы, и из захваченного немецкого обмундирования. Вёлся также ремонт обуви. А 10 декабря самолётами была доставлена первая партия зимней одежды и обуви – несколько десятков полушубков и валенок.

В середине декабря командиру Дятьковской бригады Орлову пришлось вылететь на «Большую землю» для лечения в госпитале. Вернулся он оттуда 8 марта 1943 г. и застал, по словам позднейших воспоминаний, бригаду в тяжёлой обстановке: «Большое количество раненых после боя в Гришиной Слободе (о нём чуть позже – В. К.). Нет продуктов. На исходе боеприпасы – на винтовку по 8-10 патронов». Кроме трудностей материальных – ненормальность в межличностных отношениях среди командиров. Комиссар Козлюк, исполнявший в отсутствии Орлова обязанности командира бригады, по своему характеру и отношению к подчинённым явно не годился для руководства. К примеру, 28 февраля во время разговора с командиром отряда особого назначения Нагайчуком он в присутствии других лиц допустил словесное оскорбление заслуженного и всеми уважаемого командира (награждённого двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды). Не видя иных способов защитить офицерскую честь, капитан Нагайчук застрелился. В целом Козлюк, по словам Орлова, «отрицательно влиял на моральное состояние командиров и бойцов бригады» и поэтому сразу после возвращения командира из Москвы был снят и покинул бригаду. Орлов немедленно связался с Западным штабом

партизанского движения, сообщил о необходимости срочной помощи, и уже в ночь на 10 марта самолётами было доставлено большое количество боеприпасов и взрывчатки и вывезены в советский тыл все тяжелораненые. В ближайшие дни в ходе двух военных операций удалось захватить некоторое количество продовольствия и около ста коров, что на какое-то время улучшило положение.

Но вернёмся к упомянутому бою в Гришиной Слободе. 5 марта большинство отрядов Дятьковской бригады было привлечено к операции по разгрому немецко-полицейского гарнизона в д. Гришина Слобода. Деревня была важным опорным пунктом, прикрывавшим Жуковку и Олсуфьево с находившимся там запасным аэродромом, и имела основательные укрепления, включая несколько дзотов. Ближе к вечеру 5 марта отряды собрались севернее п. Хизня и оттуда начали движение, предполагая к часу ночи выйти к Гришиной Слободе и внезапной атакой ворваться в деревню. Но проводник в лесу заблудился (вероятнее всего, преднамеренно), так что ударная группа партизан подошла к деревне лишь к рассвету. Отряды вошли в Гришину Слободу, не встретив сопротивления, но, как оказалось, здесь их уже ждали. Немцы, ночевавшие в домах местных жителей, по тревоге срочно перебрались в центр деревни, к школе, где и подготовились к обороне. Там же находилось и большинство полицейских. Вот как запомнился начавшийся в деревне бой медсестре Дятьковского отряда К.В. Курлаповой: «Как только стали подходить к школе, где были основные силы немцев, по нам со всех сторон ударили пулемёты. Взрывом мины меня оглушило. Через несколько минут пришла в себя, увидела, что бой кипит со всех сторон. Кругом крики, стоны, кровь. Найдя в себе силы, перевязала нескольких раненых, оттащила их к саням. Отходили очень трудно. Стрельба повсюду. Ребята не успевали забрасывать пулемётные гнёзда гранатами и сами падали, сражённые пулями. Это был поистине кромешный ад, из которого трудно было выбраться. В лагерь вернулись с большими потерями». Эмоциональный рассказ медсестры дополним некоторыми документальными сведениями. По данным партизан, их потери составили 15 убитых (в том числе врач С.Ф. Скребков), не считая пропавших без вести. По немецким документам, было убито 30 партизан. Среди 30 с лишним раненых оказались командиры, возглавлявшие ударную группу: Серебряков, Кидяев, Шапкин и некоторые другие. Тяжело ранен и контужен был и командир военного отряда Куликов, сочтённый партизанами за убитого. Он остался жив, но попал в плен. Долгое время о нём ничего не было известно, недавно кое-какие сведения появились.

Николай Васильевич Куликов родился в 1913 г., был призван в Красную армию в 1938 г. Струнинским райвоенкоматом Ивановской области. Осенью 1941 г. отряд из 30 воинов-окруженцев во главе с лейтенантом Куликовым пришёл из Белоруссии в Жуковский район Брянщины и вскоре проявил себя активными действиями (некоторые из них уже упоминались ранее). Краткая характеристика командира отряда в официальной справке вполне положительна: «Опытный кадровый лейтенант-танкист Куликов – смелый, тактически грамотный, волевой, требовательный командир». Подтверждало такое мнение и его награждение в феврале 1942 г. орденом Красного Знамени. С большой теплотой отзывался о Куликове Г.И. Орлов, считавший, что «в его лице бригада потеряла боевого, инициативного командира, скромного и общительного товарища, пользовавшего авторитетом и уважением бойцов и командиров».

Раненого командира доставили в бежицкое отделение гестапо, где его в окровавленном мундире видела партизанская разведчица Антонина Кузнецова. Первоначально гестаповцы не знали фамилии и должности раненого, но показания других пленных позволили установить, что это – командир отряда капитан Куликов. Приняв меры по первичному лечению раненого, немецкие контрразведчики уже 8 марта приступили к его допросам и получили довольно обширную информацию о партизанских отрядах к северу от Брянска. Сведения об этом впервые появились в опубликованной в 2012 г. статье А.В. Кукатова и германского историка С. Штоппера «Николай Куликов». Нетрудно предположить, что, находясь в тяжёлом физическом состоянии, пленник «сломался» и пошёл на сотрудничество с врагами. Но не стоит спешить с выводами. Рассмотрим, какие сведения получили от Куликова гестаповцы. Он перечислил все действовавшие на левобережье Десны севернее Брянска партизанские формирования, назвал их примерную численность (порой – выше реальной), указал фамилии всех командиров отрядов, привёл общие сведения о боевой оснащённости отрядов, о районах их дислокации. Словом, перед противником были раскрыты все карты. Но так ли на самом деле? Куликов наверняка понимал, что общие сведения о партизанских отрядах и их руководителях гестапо имеет и постоянно их обновляет от своих агентов, от перебежчиков и пленных, поэтому скрывать такие данные нет смысла. Создать же у допрашивающих впечатление об «откровенности» своих показаний можно с помощью сведений, гестаповцам неизвестных, но урона партизанам не наносящих (вроде факта самоубийства Нагайчука). В то же время цена некоторых «откровенных» показаний Куликова отнюдь не велика. Им, в частности, были названы (и даже указаны на

карте) места расположения отдельных отрядов, но фактически – это места бывших временных лагерей, а о месте главного общего зимнего лагеря никаких данных гестаповцы не получили. Гитлеровцев особо интересовали сведения о разведывательной деятельности партизан, но ничего существенного им узнать не удалось. Куликов сообщил, что связь в направлении Жуковки была длительное время полностью прервана из-за того, что на мине подорвалась учительница, бывшая главным информатором, но фамилия её названа не была, как не был назван никто из агентурных разведчиков или связных. Всё это позволяет сделать вывод, что, находясь в плену, Куликов не запятнал честь советского офицера и не стал реально сотрудничать с оккупантами. Те, в свою очередь, также убедились в бесперспективности дальнейшей работы с пленным капитаном, и, вместо одного из офицерских лагерей в Германии (подобно попавшему ранее в плен майору Галюге), направили его в июне 1943 г. в брянскую тюрьму, где он либо скончался от последствий тяжёлого ранения, либо был расстрелян.

Остаётся неясным одно – как могло получиться, что Куликов, бывший осенью 1942 г. лейтенантом, в начале марта 1943 г. стал капитаном (так его именуют и немецкие документы, и знавшие его разведчица А. Кузнецова и попавший в плен партизан Б. Симов)? Вероятно, в августе или сентябре 1942 г. Г.И. Орлов направил представление о присвоении Куликову звания старшего лейтенанта, но тот получил его только после отъезда Орлова в госпиталь. Затем уже Козлюк представил Куликова к званию капитана, и в начале марта 1943 г. появилось такое решение. Это предположение наиболее вероятно. Остаётся добавить, что отряд Куликова в бою в Гришиной Слободе понёс особенно большие потери: были убиты или тяжело ранены более половины его бойцов. А оставшиеся в строю вскоре были включены в отряд Шапкина, также имевший потери.

Если оценивать общее положение действовавших на территории Жуковского района партизанских отрядов весной – летом 1943 г., то его можно назвать тяжёлым. Начнём с Рогнединской партизанской бригады (так с февраля именовали бывшую 3-ю партизанскую дивизию). Диверсионные группы партизан этой бригады неоднократно спускали под откос вражеские эшелоны; действуя крупными силами, её отряды разгромили немецко-полицейские гарнизоны в д. Вороново и с. Рековичи Дубровского района. Оккупанты не раз пытались занять подконтрольные партизанам селения и в конце марта сумели некоторые из них захватить (в том числе – Косилово и Хапиловку в Жуковском районе). Но главная карательная операция против

Рогнединской бригады (ею командовал Мураль, смепнивший отозванного в Москву Корбута) началась в конце апреля. Первые бои были в Погореловке и Приютино, затем в соседних селениях и в районе лесных партизанских лагерей. Не сумев разгромить и уничтожить окружённых в лагерях партизан (тем через болото удалось вырваться), каратели всю свою злобу обрушили на мирных жителей. 20 мая ими была сожжена д. Матрёновка и уничтожено практически всё её население - 279 человек. Чудом спаслись пятеро. От них и стало известно о матрёновской трагедии. Тогда же был окончательно уничтожен соседний посёлок Белёво, где погиб в ноябре 1941 г. 141 житель, а после возрождения посёлка – ещё 132 человека в мае 1943 г. (итого - 273) и не оказалось спасшихся. В послевоенные годы Матрёновка возродилась более чем на полвека и сюда ещё приезжали потомки жертв гитлеровских палачей, а посещать белёвское пепелище было некому.

О понесённых мирными жителями Жуковского района потерях ещё будет речь впереди, а пока мысленно вернёмся в Дятьковскую партизанскую бригаду. Главной проблемой здесь оставались трудности с продовольствием. Обратимся к мнению заместителя командира авиационной эскадрильи, капитана А.И. Борисова, находившегося в Дятьковской бригаде в конце апреля – начале мая 1943 г. Будучи человеком честным и порядочным, капитан счёл необходимым направить письменный рапорт своему начальству о «чрезвычайно тяжёлом продовольственном положении бригады»: «Не будет преувеличением сказать, что партизаны сейчас голодают. В конце апреля и в начале мая врачами отмечено крайнее истощение бойцов-партизан. От систематического недоедания люди стали пухнуть. Немцы выжгли все окружающие партизанские лагеря деревни, оставив только наиболее надёжные населённые пункты, где фашистам удалось завербовать большое количество полицейских и усилить их своими воинскими гарнизонами. Кроме этого, в последнее время немцы понастроили дзоты и огневые точки и стали широко применять на дорогах засады. Нападение на эти населённые пункты с целью добычи там питания связано для партизан с тяжёлыми боями и большими потерями. Немцы за последнее время сильно укрепили охраной все большаки и железные дороги, по которым идёт движение транспорта. Все эти обстоятельства резко сократили для партизан возможность добывать себе питание за счёт врага». Отметив далее, что «на большой земле не хотят считаться с доводами командования бригады» и тем самым ставят её «в отчаянное положение», Борисов очень высоко отозвался о её бойцах. Вот его мнение: «В бригаде находится отборный состав преданных патриотов Родины. Больше половины личного состава награждены

орденами и медалями. Ядро бригады составляют бойцы и командиры регулярных частей Красной Армии, находящиеся в тылу врага полтора года. Это до мозга костей преданные Родине воины, неоднократно уже показавшие своё мужество и отвагу в тяжёлой борьбе с врагом и готовые биться с немцами до последней капли крови».

7 мая в Дятьковской бригаде была забита и съедена последняя лошадь. Больше питаться бойцам было нечем, кроме съедобных трав: щавеля, молодой крапивы и прочих. Но в тот же день одна из разведывательных групп обнаружила, что в посёлок Ивот пригнали стадо коров для немецкого гарнизона. Было решено совершить нападение для захвата этого стада, хотя в Ивоте находилось более 700 оккупантов, да в соседнем посёлке Старь ещё около 300, а из бойцов бригады могли участвовать в попытке захватить стадо не более 500 человек. Но операция прошла успешно, и к вечеру 8 мая более ста коров было пригнано в лагерь бригады. Ослабевшие бойцы стали получать молоко и мясо и постепенно пошли на поправку. Однако уже вскоре их ждали самые трудные дни.

Командование бригады не оставило без внимания участившиеся полёты немецких самолётов-разведчиков и приказало бойцам вырыть окопы и щели для укрытия от бомбёжек и артобстрелов – противник наверняка определил места, где располагались партизанские лагеря. Разведчики бригады установили скопление больших вражеских сил с артиллерией и танками на двух направлениях: Дятьково – Ивот – Любохна и Жуковка – Ржаница – Сельцо. Было очевидно, что эти войска изготовились к новой карательной операции для окружения и уничтожения партизан. Она и началась 20 мая с массированных бомбардировок лагерей и их обстрелов из дальнобойных орудий. Заранее принятые предохранительные меры сыграли свою роль – убитых и раненых от вражеских бомб и снарядов не оказалось. Бомбардировки и артобстрелы продолжались ещё три дня, а с 22 мая каратели начали сжимать кольцо окружения, заняв сожжённые ранее Дорожёво, Домашово, Липово и вступив в бой с партизанской засадой близ посёлка Суходоль между Ржаницей и Старым Лавшино. На следующий день бой шёл уже на месте этой сожжённой деревни, а 24 мая каратели подошли к лагерю и попытались ворваться в него, но были отброшены. К вечеру лагерь блокировали два немецких полка с танками, а ещё один полк с танками находился близ д. Умысличи – выход из лагеря на поле этой деревни был специально оставлен открытым, чтобы после штурма лагеря завершить разгром партизан на этом поле.

Медлить было нельзя, и в час ночи 25 мая все отряды бригады бесшумно покинули дагерь и через умысличское поле

были выведены разведчиками, минуя немецкие посты, к п. Суходоль. Утром 25 мая была получена радиограмма из штаба Западного фронта, разрешавшая бригаде переправиться через Десну, но предупреждавшая, что и там немцы проводят карательную операцию. На собранном совещании командиров и комиссаров всех отрядов в присутствии секретаря Дятьковского окружкома партии С.Г. Туркина комбриг Орлов сообщил о полученной радиограмме и о своём решении попытаться переправиться на правый берег Десны южнее Ржаницы. В случае неудачи – идти на восток, в уже «зачищенные» карателями места и, переправившись через Болву, выйти в леса северо-восточнее Брянска. Туркин и комиссар Дятьковского отряда Качалов не согласились с таким решением и заявили о намерении идти с Дятьковским и Старским отрядами на старую базу севернее Дятькова. Орлов не стал препятствовать этому, и два названных отряда ушли на север, но в районе урочища Клённого столкнулись с силами карателей и в ожесточённом бою понесли большие потери (в Старском отряде они составили около 70 погибших и пропавших без вести). Остальные отряды бригады утром 26 мая выступили в юго-восточном направлении ближе к реке Сериже. Вскоре от разведки поступило известие, что навстречу по той же дороге движется колонна немецкой пехоты. Рассредоточившись по обе стороны дороги, отряды бригады внезапно обрушили огонь пулемётов и автоматов на вражескую колонну и уничтожили около 50 немецких солдат и офицеров из 18-го гренадерского полка. В числе убитых оказался майор, в полевой сумке которого была обнаружена карта с нанесённым планом карательной операции и другие документы. Тем временем бежавшие от партизан гренадеры соединились с переправившимися через Серижу основными силами своего полка, который начал обходить бригаду с юга. Одновременно разведка донесла о приближении войск противника с севера. Бригада вновь оказывалась в окружении. По приказу Орлова бригада приготовилась к прорыву. Главный удар должны были нанести первый и второй отряды особого назначения, за ними выводились раненые, больные и тыловые службы, остальные отряды обеспечивали прикрытие с флангов, а в арьергарде находился Жуковский отряд. Прорыв и последующее продвижение нужно было совершить очень быстро, «в стремительном темпе». В основном всё прошло по плану за одним исключением. Командир Жуковского отряда Воробьёв промедлил, его отряд оторвался от остальных, был окружён немцами и большей частью уничтожен.

Позже руководители Дятьковского окружкома партии попытались обвинить в случившемся Г.И. Орлова, приписав ему «отсутствие руководства и помощи отрядам». Ничем иным,

кроме явной предвзятости и недоброжелательства, объяснить подобные безосновательные обвинения нельзя. Жаль, что покойный В.Ф. Золотёнков в оценке этих событий доверился партийным документам Дятьковского окружкома и допустил несправедливость в отношении комбрига. Впрочем, некоторые эпизоды в описываемых событиях остаются «белыми пятнами». Каким образом удалось не допустить пленения тяжелораненого и получившего контузию Воробьёва, а затем отправить за линию фронта в госпиталь? Несомненно, что первую помощь ему оказали находившиеся в отряде врач И.А. Айбиндеров и медсестра Т.П. Сапачёва, но оба они вскоре погибли: молодая медсестра – 27 мая, а врач – 31 мая. Причём Иосиф Абрамович Айбиндеров (1917 - 1943) отдал свою жизнь, прикрывая огнём из пулемёта выход из окружения небольшой уцелевшей группы партизан Жуковского отряда. Было это возле Фошни, где павший геройской смертью врач похоронен в братской могиле. По словам врача Дятьковской партизанской бригады И.Т. Батюнина, «он всегда был с бойцами, всегда спешил им на помощь, вместе с ними лёг в родную землю». Что касается Е.М. Воробьёва, то он долго лечился в госпитале, а затем получил инвалидность первой группы.

Основную часть вырвавшихся из окружения бойцов Дятьковской бригады каратели попытались преследовать, но, потеряв около 30 человек, преследование прекратили. После ознакомления с захваченными немецкими документами командование бригады знало, где находятся основные силы карателей и каковы их планы. Это позволило отрядам бригады, не встречая противника, войти в густой лес близ п. Суходоль и хорошо замаскироваться там, хотя всего в паре километров находилось немецкое танковое подразделение. Вражеские самолёты-разведчики несколько дней тщетно искали «пропавших» партизан. К началу июня каратели покинули леса Жуковского района. К бойцам бригады начали изредка прилетать советские самолёты, доставлявшие боеприпасы и увозившие тяжелораненых. Но продовольственной помощи по-прежнему почти не оказывалось.

В ходе майской карательной операции значительные потери понесли все партизанские бригады, действовавшие на севере Брянщины. Из Бытошской бригады, окружённой карателями, уцелело лишь около 200 человек, а остальные, включая командира и комиссара, погибли. Но Западный штаб партизанского движения решил сохранить бригаду, пополнив её за счёт более многочисленной Дятьковской бригады. В июне в Бытошскую бригаду были включены Дятьковский и Любохонский партизанские отряды, а также немногие уцелевшие из Старского и первого Жуковского отряда (всего около 300 человек). Около трёх десятков партизан из прежнего

отряда Воробьёва были объединены с Любохонским отрядом и действовали уже за пределами Жуковского района.

А в Дятьковской бригаде после эвакуации раненых и больных осталось немногим более 400 бойцов, входивших в состав пяти отрядов: двух – особого назначения, одного военного, Орджоникидзеградского, а также «штрафного». В этом отряде находились добровольно пришедшие к партизанам бывшие полицейские, военнослужащие РОА (Русской освободительной армии) и других подобных формирований, решившие искупить свою вину перед Отечеством активным участием в боях с оккупантами. Позже «штрафной» отряд был расформирован, а те, кто себя положительно проявил, пополнили другие отряды.

Несмотря на многие трудности, особенно с питанием, бойцы бригады с лета 1943 г. вновь активизировали диверсионную и разведывательную деятельность. Только в июле, во время главных боёв на Курской дуге, диверсионные группы бригады подорвали 6 вражеских эшелонов на участке Жуковка - Брянск. Ежедневно в Западный штаб партизанского движения направлялись по радио сводки о немецких перевозках на железных и шоссейных дорогах. Велось постоянное наблюдение за аэродромом Олсуфьево, на котором с июня начали базироваться вражеские бомбардировщики. В июле отсюда ежедневно поднимались десятки самолётов, и партизанские наблюдатели отмечали, сколько их взлетает и сколько возвращается, радуясь, если возвращалось на 15-20 % меньше. К концу месяца активность авиации явно снизилась – сказались потери самолётов и лётного состава. В начале августа Дятьковская и Рогнединская бригады участвовали в операции «Рельсовая война», взорвав большие участки железнодорожного полотна и нарушив многие линии связи. Конец июля, август и начало сентября - время новых боёв партизан на хлебных полях, в основном – в Рогнединском районе. А последние бои бригад с отступавшими оккупантами происходили в начале второй декады сентября. О них - в рассказе об освобождении северо-восточной части Брянщины.

Наступательная Брянская операция, проведенная в сентябре 1943 г., остаётся для многих не очень известным военным событием, не выделяющимся среди большого количества подобных. В действительности же наступательную операцию Брянского фронта можно по всей справедливости отнести к числу наиболее успешных, в чём несомненная заслуга командующего фронтом генерал-полковника (затем – генерала армии) Маркиана Михайловича Попова (1902 – 1969). Талантливый полководец не оставил, к сожалнию, подробных воспоминаний о своём боевом пути, но в немногих статьях сделал некоторые общие выводы: «Наступательная операция,

которая привела к освобождению Брянска от гитлеровских захватчиков, ни по масштабам, ни по результатам не принадлежит к числу наиболее выдающихся операций Великой Отечественной войны, отчего о ней написано мало. Брянск был освобождён при помощи хитрого манёвра, реализованного нашим фронтом. И врагу, не сумевшему разглядеть замыслы нашего командования, не оставалось ничего другого, как спешно убираться от Брянска, даже не успев подорвать подготовленные к взрыву здания и предприятия города». Прежде чем раскрыть суть «хитрого манёвра», упомянутого М.М. Поповым, вернёмся немного назад. Успешно завершив Орловскую операцию, Брянский фронт продолжал наступление и 15 августа после тяжёлых боёв освободил Карачев. Продолжая продвижение на запад, войска наткнулись на хорошо подготовленный немецкий оборонительный рубеж «Хаген», на прорыв которого фронт не имел достаточных сил и средств. По первоначальному плану Ставки Верховного Главнокомандования войска Брянского фронта должны были нанести два удара: севернее и южнее Брянска, создав угрозу оперативного окружения брянской группировки противника. Но начавшая наступление 22 августа южнее Жиздры 50-я армия (комадующий – генерал И.В. Болдин) не смогла прорвать глубоко эшелонированную немецкую оборону, и 24 августа командующий фронтом решил прекратить операцию.

Нужно было искать другие варианты. Прежде всего, пришлось отказаться от двух одновременных ударов и сосредоточить усилия фронта на одном направлении к северу от Брянска. Не найдя слабых мест в обороне противника в полосе своего фронта, М.М. Попов после ознакомления с прилегающим участком соседнего Западного фронта сделал вывод, что район близ города Киров может быть более перспективным. Ставка согласилась с доводами командующего фронтом и прирезала территорию, прилегающую к г. Кирову, к Брянскому фронту. Сюда и стали скрытно перебазироваться части 50-й и 3-й армий под командованием Болдина и А.В. Горбатова, а также 2-й гвардейский кавалерийский корпус В.В. Крюкова. 4 сентября было решено провести разведку боем для выявления оборонительной системы противника и его огневых точек. Результаты разведки боем оказались не очень обнадёживающими: противник, вероятно, сумел обнаружить перемещение к Кирову большого количества советских войск и успел значительно укрепить свою оборону, а также подтянуть резервы. Но вопрос о наступлении уже был согласован со Ставкой, и Попов отдал приказ о его начале 5 сентября.

Позже он вспоминал: «Настроение у меня было невесёлое: я был уверен, что оборону врага под Кировом мы

прорвём, но, судя по всему, крупных потерь избежать не придётся». В ночь на 5 сентября на глаза находившемуся в штабе фронта Попову попалось только что полученное сообщение, что 4 сентября части 10-й армии Западного фронта овладели двумя важными высотами близ села Дубровки в 30 километрах западнее Кирова и что среди захваченных пленных оказались нестроевые солдаты. Интуиция подсказала – не там ли слабое место в обороне противника? Выехав тут же на командный пункт командующего 10-й армией В.С. Попова, Маркиан Михайлович окончательно утвердился в своём мнении. Заручившись согласием командующего Западным фронтом В.Д. Соколовского на временную «аренду» части полосы 10-й армии, М.М. Попов передал свои соображения в Ставку, но оттуда сообщили, что для переноса места и сроков операции нужно согласие Верховного Главнокомандующего. Было ещё одно осложнение: против переноса операции выступил член Военного совета фронта Л.З. Мехлис. Но разговор с Верховным оказался коротким – тот дал «добро» на перенос наступления, но не позже 7 сентября.

Теперь нужно было с собюдением строжайших мер маскировки в течение двух ночей перебросить к новому месту три дивизии 50-й армии, 2-й гвардейский кавалерийский корпус и находившиеся близ Кирова полки гвардейских миномётов – «катюш». Ствольную артиллерию согласился временно предоставить командующий 10-й армией при условии самостоятельного обеспечения снарядами. При этом остававшиеся у Кирова части должны были создавать видимость активной подготовки к наступлению именно здесь.

К утру 7 сентября войска, предназначенные для наступления, были на новом месте. В 11 часов после мощного удара бомбардировочной авиации и основательной артподготовки устремились в атаку при поддержке танков пехотинцы 369-й и 324-й стрелковых дивизий, встречая слабое сопротивление. В короткое время и почти без потерь оборона врага была прорвана. Несколько позже для развития успеха и обеспечения левого фланга ударной группировки была введена в бой 108-я стрелковая дивизия, а затем в прорыв пошёл 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Конники-гвардейцы, смяв отступавшие части и тыловые формирования противника, прорвались к Десне и захватили плацдармы на её западном берегу. Были освобождены Гришина Слобода, Жуковка, Олсуфьево, Голубея, Рековичи и соседние селения, перерезана железная дорога Брянск – Рославль, захвачены многие трофеи. 11 сентября на ст. Олсуфьево были захвачены два эшелона с военным имуществом, а на аэродроме уничтожено 16 самолётов противника. Возникла реальная угроза для

брянской группировки врага (тем более, что наступавшие на южном фланге войска Брянского фронта 7 сентября освободили Навлю и приближались к Десне южнее Брянска), а также войскам, оборонявшимся на рубеже Людиново – Дятьково. Противник начал отход с этого рубежа, что облегчило продвижение частей 3-й и 11-й армий Брянского фронта, наступавших южнее 50-й армии.

Тем временем резко осложнилось положение советских конников, которые в ходе стремительного рейда к Десне оторвались от пехотных дивизий. А немецкое командование срочно перебрасывало к захваченным конниками плацдармам резервы из Брянска и Рославля. Одновременно угроза тылам конников нарастала от немецких дивизий, отступавших под ударами 3-й армии от Дятькова и Любохны. Сначала они пытались пробиться на западный берег Ветьмы, но близ деревень Приютино, Погореловки и Казариновки в двухдневных боях 12-13 сентября не смогли преодолеть сопротивления одного из кавалерийских полков и жуковских партизан под командованием Мураля. Позже часть этой немецкой группы стала пробиваться севернее – через Бацкино и Косилово, а основные силы повернули на юг и вновь захватили Гришину Слободу, Жуковку, а также деревню Бараниху рядом с Олсуфьево. Более двух суток конники Крюкова вели тяжёлые бои в условиях окружения, но заденянский плацдарм с Голубеей и Рековичами, а также Олсуфьево удержали. Главную помощь конникам, испытывавшим нехватку боеприпасов, продовольствия и имевших много раненых, оказали воины 108-й дивизии под командованием полковника П.А. Теремова, сменившие 13 сентября части конного корпуса на задеснянском плацдарме. Кавалеристы, измотанные в предшествующих боях, отошли на отдых в леса между Олсуфьево и Жуковкой, а основную тяжесть боёв за удержание плацдарма приняли на себя воины 108-й дивизии.

Главные бои эдесь развернулись 14-15 сентября, и каждый из этих дней мог стать решающим. На рековичском плацдарме, где ещё происходила смена кавалеристов бойцами 108-й дивизии, днём 13 сентября противник силами двух батальонов пехоты и 10 танков нанёс удар и кое-где вклинился в оборону. Лишь к вечеру удалось отбросить противника, потерявшего 4 танка, на исходные позиции. 14 сентября немецкая пехота при поддержке танков и артиллерии четырежды пыталась прорваться на плацдарм, но в конечном счёте все атаки были отбиты. Вечером ситуация значительно ухудшилась. Севернее Олсуфьево немецкие войска, оттеснив небольшое тыловое прикрытие, захватили д. Вязовск, а чуть позже и д. Семёновку. Возникла серьёзная угроза тылам

дивизии, а также рековичскому плацдарму. К тому же в предшествующих боях бойцы дивизии израсходовали более половины боеприпасов, а из-за очень малого запаса продовольствия питание бойцов пришлось урезать более чем наполовину. В медсанбате скопилось 800 раненых, большинство которых было принято от кавалеристов, но за последние дни добавилось немало и собственных.

Ранним утром 15 сентября бойцы 108-й дивизии попытались отбить у противника Вязовск, но в двухчасовом ожесточённом бою успеха добиться не смогли. А противник, воспользовавшись напряжённым боем в Вязовске, атаковал все участки задеснянского плацдарма силами двух полков при поддержке 30 танков. Немцы пытались прорваться и в центре, и на флангах, и на отдельных участках им удалось вклиниться в нашу оборону. Как вспоминал Теремов, «день был отчаянно трудный. Над плацдармом громыхала артиллерийская гроза, в которой ухо улавливало временами разноголосые шумы ближнего боя». В середине дня на помощь защитникам плацдарма прибыл срочно вызванный комдивом полк, ранее прикрывавший переправы через Десну. Полученный полком приказ – освободить Вязовск, был выполнен: две ударные группы полка одновременно ворвались в деревню с севера и юга и в уличных боях уничтожили оборонявшийся батальон. А вечером и ночью этот же полк помог другим полкам дивизии полностью очистить задеснянский плацдарм. 16 сентября новых атак уже не было (как установлено позже, за дни боёв с пехотной и танковой немецкими дивизиями воины 108-й дивизии вывели из строя 27 танков и более полутора тысяч солдат и офицеров противника). Вечером 16 сентября воины 108-й дивизии, у которых почти не осталось боеприпасов и продовольствия, встретились с другими частями 50-й армии. Рассмотрение дальнейшего боевого пути дивизии не входит в нашу задачу. В 1965 г. это сделал в книге «Пылающие берега» генерал-майор Пётр Алексеевич Теремов, где особое внимание уделено боям на Десне.

В эти же дни напряжённые бои на жуковском направлении вели бойцы 3-й армии генерала Горбатова. Как вспоминал позже командарм, «малоизвестная заболоченная речка Ветьма оказалась настоящей «Ведьмой», как называли её солдаты. На ней шли ожесточённые бои в течение трёх суток. Деревни и сёла по её берегу по нескольку раз переходили из рук в руки». Сломив упорное сопротивление прорывавшихся на запад немецких войск, части 3-й армии 18 сентября освободили Жуковку и вышли к Десне, а затем и переправились через неё. В тот же день они, «преодолевая сильное огневое сопротивление, прорвали оборону противника и оседлали шоссейную дорогу Брянск – Рославль».

Одновременно наступавшие южнее войска 11-й армии генерала И.Г. Федюнинского, освободившие днём ранее Бежицу и Брянск, после освобождения посёлка Сельцо очистили от оккупантов Овстуг, Речицу, Шамордино, Песочню, Молотино, Новосёлки и соседние селения. 19 сентября были освобождены Летошники, Белоголовль, Столбы. Этот день стал днём полного освобождения Жуковского района. 19 - 20 сентября были освобождены Дубровка, Жирятино, Клетня – последние из соседних с Жуковкой районных центров (Дятьково и Рогнедино были освобождены раньше – 15 и 17 сентября).

Сообщим ещё некоторые сведения о завершении партизанского движения на территории Жуковского района. Бойцы Рогнединской партизанской бригады после тяжёлых боёв на Ветьме отдыхали недолго –уже 15 сентября появился приказ о включении бригады в состав войск Западного фронта. 16 сентября бойцы Бытошской и Дятьковской бригад встретились с частями 50-й армии Брянского фронта, а затем были направлены в 202-й запасной стрелковый полк 10-й армии Западного фронта. Таким образом, в последующих боях по освобождению Брянщины бывшие партизаны названных бригад участия не принимали. А вот партизаны 4-й Клетнянской бригады «За Родину» в эти дни ещё продолжали активную борьбу с отступавшими немецкими войсками и их пособниками. Перечислим некоторые боевые операции бригады в сентябре на территории Жуковского района и поблизости. 4 сентября партизаны второго полка бригады (им командовал старший лейтенант И.А. Ильиных) разгромили автомастерские и авиабазу немцев в д. Молотино. Через десяток дней ими же было совершено несколько успешных диверсий на шоссе Рославль – Брянск от Песочни до Леденёва, в результате чего движение немецкого транспорта здесь было парализовано и вражеским машинам пришлось двигаться по просёлочным дорогам. Но и там в боях с партизанами в деревнях Шишковка и Нешковичи немцы потеряли убитыми более 150 солдат и офицеров и 27 грузовых автомашин с военным имуществом. 18 сентября бойцы бригады продолжали вести бои с отступавшими немецкими войсками в Мглинском и Почепском районах, а 19 сентября в партизанский лагерь прибыла группа конных разведчиков из 3-й армии генерала Горбатова. Вскоре состоялась встреча командарма с командованием бригады, и партизаны передали бойцам армии 100 лошадей и 6 грузовых автомашин, а также оказали помощь разведчиками. Завершился путь бригады «За Родину» 2 октября близ д. Издежичи, где более 1860 её бойцов были переданы в состав 11-й гвардейской армии генерала И.Х. Баграмяна, вместе с которой им предстояло направиться ближе к Прибалтике.

Коротко – о последующих судьбах некоторых партизанских руководителей. Илья Иванович Мураль (1907 – 1971) участвовал в боевых действиях до конца войны, стал полковником; продолжая службу в армии, в 1956-1960 гг. был военным комиссаром Брянской области. Григорий Васильевич Мальцев (1913 – 1963) вскоре после освобождения Жуковки, уже в звании майора, был назначен военным комиссаром Жуковского района и пользовался авторитетом среди населения, но что-то не сложилось (возможно, с местным руководством) и, оставив воинскую службу, он переехал в Навлю, где стал одним из хозяйственников. Дела на руководимом Мальцевым заводе шли успешно, и он получил приглашение перебраться в Москву. Но поездка туда окончилась трагически (обстоятельства гибели до конца раскрыты не были). Похоронили его в Навле.

Иван Александрович Понасенков и Николай Макарович Сухоруков, командир и комиссар партизанской бригады «За Родину», позже также находились на хозяйственной работе. Иван Афанасьевич Ильиных, родившийся в 1901 г. на Урале, был участником Гражданской войны, после окончания института красной профессуры работал в Москве, где преподавал историю в Высшей школе профдвижения и институте цветных металлов. Летом 1941 г., вступив в народное ополчение, оказался в окружении и добрался до брянских лесов, где вступил в отряд «За Родину». После войны вернулся к прежней профессии и многие годы преподавал историю в Гомельском педагогическом институте. Написал книгу воспоминаний «Шестьсот дней в боях и походах» (второе, дополненное издание вышло в 1970 г.), с большим количеством фактов и фамилий.

Не упоминался ранее, но заслуживает доброй памяти Николай Михайлович Бекушев, родившийся в 1914 г. и бывший одним из организаторов, а затем начальником штаба Косеватского партизанского отряда (в середине 1942 г. – самого крупного из отрядов в Рогнединском районе). После войны капитан Бекушев вернулся к учительской работе и около двух десятков лет заведовал Трубачёвской начальной школой близ Олсуфьева. Начал писать воспоминания, но тяжёлая болезнь и преждевременная смерть помешали завершить эту работу. Его жена, Анастасия Даниловна, также бывшая партизанкой, многие годы работала учительницей начальных классов в Олсуфьевской средней школе.

А теперь обратимся к редкому для военных лет документу – дневниковым запискам будущего академика и директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Николая Николаевича Иноземцева (1921 – 1982). Он в сентябре 1943 г. в звании старшины командовал

взводом управления 106-й гаубично–артиллерийской бригады большой мощности, входившей в состав 3-ей армии Брянского фронта. Вот некоторые из записей, сделанных 13 сентября: «Население рассказывает об отличных действиях партизан, о переходе на их сторону большого количества власовцев. Большинство девушек – в партизанах. Старик один обижается: «Партизан столько, что всех коров им скормили».

Дополним запись строками из письма, написанного в тот же день: «Немцы, отступая, многое сжигают и уничтожают, остаётся только то, что они не успевают уничтожить, благодаря нашему быстрому продвижению. Довольно много наших бывших военнопленных. Немцы их использовали в обозах и на хозяйственных работах. При первой возможности они перебегают к нам. Сдаются в плен без боя поляки, чехи».

Запись от 17 сентября: «Встреча с партизанами. Партизаны гражданские и военные. Централизация управления отрядами и бригадами. Бои с регулярными войсками. Большие трофеи. В отрядах много девушек и женщин. Больных и раненых на У-2 отправляют в тыл. Командиры отрядов – кадровый комсостав Красной Армии. Многие из партизан награждены орденами, но у большинства пока ещё справки вместо орденов. Конвоирование власовцев. Тысячные партизанские отряды, идущие на отдых в Киров».

Из записей с 21 по 25 сентября: «Переезд в Жуковку. Станция, пакгауз, завод разрушены нашей авиацией в марте этого года. Остальное – сожгли немцы при отходе. Мы пока остаёмся в лесу. Строительство землянок. Прекрасные немецкие печки, взятые со склада. Оставшиеся в Жуковке девушки и женщины предельно нахальны – результат общения с немцами. Танцплощадка, являющаяся местом сбора, вызывает только отвращение, хотя там и много наших, особенно из штаба. Скорее бы на передовую».

Записи между 26 и 30 сентября: «Работа на железной дороге. Перешивка линий, восстановление стрелок и крестовин. Мои 40 человек перекрывают все нормативы. Знакомство с гражданским населением. Встречи с партизанами. Рассказ о москвичах - военнопленных, охранявших железную дорогу, перебивших немцев и соединившихся с партизанами. Знакомство с партизаном-железнодорожником, подорвавшим 3 моста и 2 эшелона».

Брянская наступательная операция, успешно продолжавшаяся до начала октября, привела к полному освобождению всей территории Брянщины, а также значительной части Могилёвской и Гомельской областей Белоруссии. Среди других наступательных операций советских войск она выделялась высокими среднесуточными темпами наступления (около 8 км) и наименьшими безвозвратными

потерями в личном составе (менее 2,5 % от первоначального состава). Ни в одной операции по освобождению территории СССР от оккупантов войска других фронтов не имели таких минимальных потерь. Главная заслуга в сохранении многих тысяч жизней советских воинов принадлежит, несомненно, командующему Брянским фронтом Маркиану Михайловичу Попову. К сожалению, имя этого талантливого полководца не получило заслуженного признания и остаётся неизвестным большинству жителей Брянщины. Не станем останавливаться на причинах этой исторической несправедливости (их отчасти затронул О.С. Смыслов в изданной в 2015 г. книге «Забытый полководец»). Завершим словами генерала Горбатова (в связи с расформированием Брянского фронта): «Было жаль расставаться с Маркианом Михайловичем Поповым – большим мастером военного дела, товарищем по оружию, боевым другом. Мы многому у него научились, в частности – беспристрастному, хорошему отношению к людям, которое, безусловно, содействовало успеху боевых действий».

Основная часть Жуковского района была освобождена войсками 50-й и 3-й армий, которыми командовали генералы Болдин и Горбатов. О них и пойдёт далее речь. Иван Васильевич Болдин (1892 – 1965) родился в Инсарском уезде Пензенской губернии, был участником Первой мировой войны (последнее звание – старший унтер-офицер). Был награждён двумя Георгиевскими крестами. С 1919 г. служил в Красной армии: командовал полком, дивизией, был преподавателем тактики в Военно-политической академии, затем – начальником Объединённой школы переподготовки начальствующего состава оборонной промышленности. С 1936 г. был инспектором управления боевой подготовки РККА, а с апреля 1937 г. вновь командовал стрелковой дивизией. С февраля 1936 г. имел звание комбрига. Следующие звания (комдива и комкора) были им получены позже, а в 1940 г. он стал генерал-майором. Нет необходимости перечислять, где, когда и кем служил Болдин (основные вехи биографии отмечены им в книге воспоминаний «Страницы жизни», изданной в 1961 г.). Великую Отечественную войну он встретил, будучи заместителем командующего Западным военным округом, войска которого подверглись самому массированному удару германской армии и понесли огромные потери. Болдин, вылетевший в Белосток, вскоре оказался в окружении и, объединяя попавших в окружение офицеров и солдат, сумел преодолеть вместе с ними 700 км по занятой врагом территории и вывести через линию фронта более 1650 бойцов. Можно, впрочем, заметить, что свыше половины из этого количества выходили из окружения в группе, возглавляемой бригадным комиссаром Н.А. Шляпиным, передавшим

командование своей группы Болдину как старшему по званию. Вскоре Шляпин был назначен членом Военного совета 50-й армии Брянского фронта и погиб в боях на реке Рессете. А в воспоминаниях генерала погибший комиссар даже не упомянут. Сам И. Болдин, назначенный заместителем командующего Западным фронтом, в октябре опять попал в окружение, но сумел вырваться и на этот раз. В ноябре 1941 г. сменил Ермакова в качестве командующего 50-й армии и оставался во главе этой армии до февраля 1945 г. В конце войны был заместителем командующего 3-им Украинским фронтом в звании генерал-полковника. Продолжал службу на командных постах и в послевоенные годы.

Александр Васильевич Горбатов (1891 – 1973) родился в крестьянской семье Вязниковского уезда Владимирской губернии, участвовал в Первой мировой войне как унтер-офицер кавалерии. С 1919 г. служил в Красной армии; участвуя в Гражданской войне, командовал эскадроном, полком, отдельной кавалерийской бригадой. С 1933 г. командовал кавалерийской дивизией, в 1937 г. комбриг Горбатов назначен помощником командира кавалерийского корпуса, а в конце года арестован. Находясь в Лубянской и Лефортовской тюрьмах, приписываемой ему вины не признал и никого не оклеветал, несмотря на применяемые пытки. В мае 1939 г. был осуждён на 15 лет лагерей и отправлен на Колыму, а в марте 1941 г. освобождён с возвращением воинского звания. В годы войны находился на разных командных должностях, а с июня 1943 г. и до конца войны командовал 3-й армией. Вместе с её войсками участвовал в Орловской и Брянской наступательных операциях, в освобождении Белоруссии и Польши, в разгроме гитлеровцев во время Восточно-Прусской и Берлинской операций. В апреле 1945 г. удостоен звания Героя Советского Союза, с 1955 г. – генерал армии. В своих воспоминаниях «Годы и войны», написанных в период хрущёвской «оттепели», Горбатов оказался единственным из крупных военачальников, кто правдиво описал и аресты безвинных людей, и допросы «с пристрастием», и пребывание в колымских лагерях. Этим они существенно отличаются от упомянутых ранее воспоминаний Болдина, в которых немало умолчаний не только о предвоенных годах, но и о времени войны.

Обратимся к одному из эпизодов в воспоминаниях Горбатова. В камере Лефортовской тюрьмы, куда его доставили после отказа подписывать ложные показания, находились ещё двое (один из них – комбриг Б.). Они, испытав допросы «с пристрастием», уже подписали подготовленные следователями показания на себя и на других и советовали Горбатову сделать то же, но он сказал, что лучше умрёт, чем оклевещет себя и других. Начались допросы «с пристрастием»,

после которых арестанта порой доставляли в камеру на носилках. Но он оказался одним из тех, очень немногих, кто, пройдя через все «круги ада», не сломился. Когда в мае 1939 г. Горбатова с вещами вызвали на выход, сокамерники сочли, что его освобождают. Комбриг Б. передал ему московский адрес жены и просил навестить её. Вернувшись с Колымы, Горбачёв не забыл этой просьбы и пришёл по данному адресу, где его встретил бывший комбриг Б. в генеральском мундире. Он рассказал, что его ещё подержали в Лефортовской тюрьме, а потом отпустили. Не называя фамилию бывшего комбрига Б., Горбачёв не хотел класть «пятно» на биографию военачальника и наверняка понимал, что цензура не пропустит подобное упоминание. И всё же он попытался дать читателям «подсказку», сообщив, что в 1945 г., когда сам Горбатов был комендантом Берлина, комендантом Вены был бывший комбриг Б. Но советские цензоры проявили бдительность и не пропустили в печать это упоминание, которое появилось только во втором издании книги «Годы и войны» (1992), где все цензурные изъятия были восстановлены. А комендантом Вены в 1945 г. был генерал-полковник Болдин, который в своих воспоминаниях об этом не сообщал. К сожалению, лучший знаток судеб советских военачальников 1930-х гг. Н.С. Черушев в своей статье «Тайна комбрига Б.» (2016) не обратил внимания на второе издание воспоминаний Горбатова, а использовал первое издание.

Несомненно, что дать распоряжение об освобождении Болдина, уже признавшегося в своих «преступлениях», мог только Сталин после ходатайства кого-то из своего окружения, с чьим мнением он считался. Наиболее вероятно, что им был Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. Болдина он знал и ценил как командира и преподавателя в военных учебных заведениях. Поэтому в период, когда «большой террор» пошёл на спад и дела некоторых ранее осуждённых начали пересматриваться, счёл воэможным поставить перед вождём вопрос об освобождении Болдина как опытного и знающего командира. Сталин, с уважением относившийся к Шапошникову и внимательно прислушивающийся к его мнениям, дал, вероятно, соответствующее указание Берия, а также распорядился уничтожить дело, заведенное на Болдина. Вот почему ни в каких работах, связанных с репрессиями 1930-х гг., фамилия Болдина не упоминается.

Ещё одним военачальником, отличившимся при освобождении Жуковского района, был командовавший 2-ым гвардейским кавалерийским корпусом генерал Владимир Викторович Крюков (1897 – 1959). О его нелёгкой судьбе можно узнать в статье «Страницы жизни генерала В.В. Крюкова» во втором томе «Истории Севска и окрестных мест»

(2013, второе издание). Замечу лишь, что содержащиеся в статье нелестные отзывы о генерале армии И.А. Серове оказались не вполне обоснованными, а положительное мнение о К.Ф. Телегине нуждается в коррективах.

Огонь войны высветил судьбы многих тысяч советских людей, одни из которых получили широкую известность, другие оказались известны намного меньше или вскоре были забыты, а воинский или трудовой героизм третьих вообще остался безвестным. Так что не будет лишним напомнить ныне живущим хотя бы о некоторых из тех, кто достойно проявил себя в годы военного лихолетья.

Начнём с уроженцев Жуковской земли, удостоенных звания Героя Советского Союза. Егор Иванович Новиков (1915 – 1941), уроженец д. Косилово, после окончания школы ФЗУ работал в Жуковке. В 1938 г. призван в армию и направлен в Борисоглебскую военную авиационную школу. Участвовал в советско-финской войне, с июня 1941 г. – в Великой Отечественной войне. Летал на истребителях И-16 на Ленинградском фронте. 17 сентября четвёрка советских истребителей, ведомых Новиковым, встретилась с 12 немецкими самолётами и вступила с ними в бой. Один из бомбардировщиков был сбит Новиковым, но вскоре вражеский снаряд попал в его самолёт. Охваченную пламенем машину советский лётчик направил навстречу немецкому бомбардировщику, совершив «огненный таран». Звание Героя Советского Союза было присвоено Е.И. Новикову посмертно.

Сергей Владимирович Афанасьев (1925 – 1963) родился в крестьянской семье в д. Никольская Слобода. На фронте с лета 1944 г. Был пулемётчиком в стрелковой дивизии и особенно отличился в боях за г. Даугавпилс, где с группой бойцов проник в тыл противника и сумел отважными действиями нарушить вражескую оборону. В этом бою был дважды ранен и оказался в госпитале, где и узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза. После войны вернулся в родную деревню и работал в местном колхозе.

Кузьма Иванович Стёпин (1913 – 1982), родом из крестьян д. Погореловки; окончив машиностроительный техникума работал на военно-обозном заводе в Жуковке. В Красной армии с 1935 г. После окончания авиационного училища специализировался как штурман и наблюдатель-разведчик. Осенью 1941 г. капитан Стёпин был штурманом бомбардировочного полка, участвовавшего в обороне Москвы, а затем назначен штурманом авиационного полка дальних разведчиков. Им было обнаружено множество вражеских боевых объектов, ставших целями для советской авиации и артиллерии. Звание Героя Советского Союза К.И. Стёпину

присвоено в сентябре 1943 г. Продолжал воинскую службу до 1960 г., стал полковником. Позже жил и работал в Липецке.

Дмитрий Сергеевич Езерский (1917 – 2014) родился в рабочей семье в Жуковке. После окончания школы пилотов был направлен в гражданскую авиацию и занимался транспортными перевозками – был, по словам лётчика, «воздушным извозчиком». С августа 1941 г. начал выполнять боевые задания, доставляя боеприпасы и другие грузы партизанам, в том числе – и на территории Брянщины. В конце 1943 г. сумел в труднейших условиях вывезти из Крыма около 300 детей, бежавших от гитлеровцев в лагеря местных партизан. Более 100 раз летал к югославским партизанам, доставляя боеприпасы, продовольствие и вывозя раненых. Наградами отважному лётчику стали югославская Золотая партизанская медаль и звезда Героя Советского Союза (1945). В послевоенные годы работал в Московском центральном аэропорту. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Борис Васильевич Белявский (1924 – 2014), родом из рабочей семьи в Жуковке, учился в Московском механическом техникуме, но учёбу прервала война. В мае 1942 г. призван в армию и отправлен осваивать гвардейские миномёты («катюши»). С осени того же года Белявский в составе гвардейского миномётного дивизиона участвовал в боях под Ржевом. Поэже были бои под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, на Украине, на Ленинградском фронте. Особенно отличился Белявский в боях на Висле и Одере. Звания Героя Советского Союза был удостоен в апреле 1945 г. В послевоенные годы продолжал служить в армии, закончил Московскую военно-политическую академию, ушёл в отставку в 1986 г. в звании генерал-лейтенанта. Умер в Петербурге.

Герой Советского Союза Василий Леонтьевич Дегтярёв (1915 – 1942) не был связан с Жуковской землёй, но всё же жителям района следует знать о нём. Василий Дегтярёв, уроженец г. Пятигорска, после окончания лётного училища был в июне 1942 г. направлен в штурмовой авиационный полк Западного фронта. На своём штурмовике молодой лейтенант успел совершить 8 вылетов, во время которых уничтожил 2 вражеских самолёта, подавил 8 огневых точек противника, нанёс значительный урон его боевой технике. Его девятый вылет на штурмовку вражеского аэродрома в Олсуфьево, совершённый 9 июля, оказался последним. Советские штурмовики, среди которых был и самолёт Дегтярёва, вышли на цель и нанесли удачные удары по вражеским самолётам и аэродромным сооружениям, но зенитный снаряд попал в штурмовик Дегтярёва. Дымящийся самолёт приземлился на левом берегу Десны поблизости от села Голубея. В селе в это время находился немецкий учебный батальон, бойцы которого

поторопились захватить раненого советского лётчика, но многие из них были сражены огнём самолётного пулемёта или разбежались. Дегтярёву удалось выбраться из горящего самолёта и укрыться в кустах поблизости. Но его выследил один из местных полицейских. Для захвата лётчика был направлен взвод солдат, а переводчику поручено объявить, что, если русский сдастся добровольно, ему будет сохранена жизнь. Ответом стали взрывы брошенных лётчиком гранат. Стреляя из автоматов, гитлеровцы стали приближаться, но четверо из них были остановлены пистолетными выстрелами. А последнюю пулю Дегтярёв сберёг для себя. Далее произошло неожиданное – командир немецкого батальона распорядился похоронить советского лётчика с воинскими почестями. Его могила первоначально находилась близ места его последнего подвига, но позже останки героя были перезахоронены с воинскими почестями в селе Голубея, рядом с местным храмом и братской могилой советских воинов, погибших здесь в 1941 и 1943 гг. Впервые к званию Героя Советского Союза В.Л. Дегтярёв был представлен ещё в 1943 г., но появился такой указ только в ноябре 1990 г. Почему же автор счёл нужным сообщить о лётчике-герое? Судите сами: объектом последней штурмовки Дегтярёва был аэродром в Олсуфьево; места его последнего подвига, гибели и первого захоронения находились на левом берегу Десны, а это – территория Жуковского района.

Ещё один Герой Советского Союза, Пётр Владимирович Кучеров (1921 – 1089), также не был напрямую связан с Жуковской землёй. Родился он в крестьянской семье в д. Непряхино Карачевского района, в 1940 г.был призван в армию и попал в кавалерийские части. Войну встретил на границе с Румынией, потом были бои на Украине, под Москвой, а в сентябре 1943 г. в составе гвардейского кавалерийского корпуса генерала Крюкова оказался в Жуковском районе, участвовал в освобождении Олсуфьево, в боях на задеснянском плацдарме. Свой главный подвиг сержант Кучеров совершил уже в Германии, когда ему вместе с расчётом станкового пулемёта и небольшой группой бойцов приказали оседлать один из участков шоссе, чтобы преградить путь отходящим немецким войскам. Шесть атак отбили советские бойцы в первый день, но самым трудным был день второй, когда у командира группы не осталось в живых никого из боевых товарищей, когда закончились пулемётные ленты, а остались только гранаты да автомат с одним диском. Тем временем к окопу, где находился тяжелораненый Кучеров, начала приближаться группа немецких десантников под прикрытием самоходного орудия. Последним усилием воли он бросил гранаты под гусеницы самоходки, а, когда услышал русскую речь, потерял сознание. Перед спасшими Кучерова конниками

предстало поле, устланное множеством трупов гитлеровцев. В конце марта, когда Кучеров находился в госпитале, ему сообщили о присвоении звания Героя Советского Союза. После войны жил и работал в Белых Берегах. В 1965 г. был приглашён в Олсуфьево и ему на торжественной линейке был повязан красный галстук как почётному пионеру дружины Олсуфьевской школы.

Далее речь пойдёт о двух сотрудниках госбезопасности, которым в период немецкой оккупации довелось работать среди партизан северо-восточной части Брянщины. Жизненный путь одного из них, Георгия Михайловича Брянцева (1904 – 1960), был не совсем обычен. Выходец из казачества, он до революции успел окончить начальную школу и три класса гимназии в Новочеркасске; во время Гражданской войны его отец воевал против «красных», а затем эмигрировал в Болгарию; следовательно, сам Георгий был «социально чуждым» для власти большевиков человеком. Однако он смог вступить в партию, а вскоре после призыва в армию был направлен служить в особый отдел. В начале 1930-х гг. был сотрудником ОГПУ в Якутии, с 1936 г. – помощником начальника особого отдела в 6-ой Орловской стрелковой дивизии, а в 1937 г. переведен в Управление ГБ по Орловской области. Возможно, это спасло Брянцева от прямых репрессий (в 1938 г. 15 человек из командного состава Орловской дивизии были расстреляны) – дело ограничилось лишь его увольнением со службы. В 1940 г. он был восстановлен на работе в Управлении НКВД по Орловской области, а после оккупации осенью 1941 г. гитлеровцами большей части области не раз посылался в немецкий тыл с секретными заданиями (чаще всего – на север Брянщины). Восемь раз ему пришлось переходить линию фронта, дважды (в марте 1942 и 1943 гг.) его доставляли в тыл самолётами – словом, он руководил борьбой с вражеской агентурой и сбором разведовательной информации не из кабинета, а работая на месте. В частности, в 1942 г. он «осуществил операцию по разоружению и переходу на сторону партизан 75 полицейских», а в 1943 г. занимался разложением частей РОА. В конце войны вёл чекистскую работу за пределами СССР. Был награждён орденами и иедалями. Но главная известность Брянцева началась с конца 1940-х гг., когда он обратился к труду писателя, положив в основу своих военно-приключенческих рассказов, повестей и романов собственные впечатления и опыт времён войны. Широкой популярностью, особенно среди молодых читателей, пользовались его книги «По ту сторону фронта», «Конец «осиного гнезда», «Тайные тропы», «Это было в Праге», «По тонкому льду». Похоронили писателя на Новодевичьем кладбище в Москве.

Павел Иванович Шурухин (1912 -1956) родился в Поволжье в бедной крестьянской семье, несколько лет скитался беспризорником, потом устроился на завод в Таганроге. После призыва в армию был направлен в пехотное училище в г. Орджоникидзе (ранее и ныне - Владикавказ), затем служил в Костроме, Горьковской области, а с 1938 г. – в Москве, в воинских частях НКВД. Участвовал в войне с Финляндией. Великую Отечественную войну встретил, командуя батальоном в звании капитана. Особенно отличился в июле в боях у г. Бобр северо-восточнее Минска. Батальон отбил несколько атак превосходящих сил врага и стойко держался даже в условиях окружения, а затем сумел вырваться и уйти в места, где действовали партизаны. За проявленное в этих боях мужество комбат был награждён орденом Красной Звезды. Продолжая вести партизанские действия, бойцы под командованием Шурухина вышли на север Брянщины, где встретились с возвращавшимся из рейда отрядом «Митя» во главе с Медведевым. Вскоре Шурухин стал комендантом этого отряда и вместе с ним вернулся в Москву. Его направили на работу в Центральный штаб партизанского движения, а затем – в Брянский ЩПД во главе с А.П. Матвеевым, где он возглавлял отдел кадров, но иногда одновременно руководил партизанскими формированиями (в ноябре-декабре 1942 г. командовал крупной партизанской бригадой «Смерть немецким оккупантам» в Навлинском районе). В декабре 1942 г. Матвеев, представляя Шурухина к званию подполковника, отмечал, что он «пользуется заслуженным авторитетом среди работников штаба и партизан». В марте 1943 г. он был назначен начальником оперативной группы партизанских отрядов, действовавших на северо-востоке Брянщины (ему были подчинены и работавшие там чекисты во главе с майором Брянцевым). Но проявленная Шурухиным принципиальность (особенно в связи с делом командира Орджоникидзеградского отряда Рыжкова, которого он хотел арестовать за его неблаговидные действия, а Матвеев негласно поддерживал) привела к увольнению Шурухина из Брянского ШПД. С июля 1943 г. он командовал полком в составе 40-й армии Воронежского (позже – 1-го Украинского) фронта, дважды (в ноябре 1943 и в марте 1945 гг.) был удостоен звания Героя Советского Союза, уже после войны стал в 1953 г. генерал-майором.

Аркадий Саввич Винницкий (1914 – 1996) родился в Москве, окончил радиотехнический техникум, затем в 1939 г. – Московский институт инженеров связи. После нескольких изобретений работал старшим инженером лаборатории ультравысоких частот в НИИ связи. С августа 1941 г. был начальником связи артполка 279-й дивизии 50-й армии, в

октябре попал в окружение, а затем оказался в составе партизан-виноградовцев. Оттуда был направлен в разведотдел 10-й армии, где получил рацию и задание установить радиосвязь с партизанскими отрядами для сбора разведывательной информации. Сначала он находился в жуковском отряде Воробьёва, в апреле 1942 г. перешёл за Десну в отряд Понасенкова и обосновался в Упруссах и Козёлкином Хуторе. Им была создана агентурная сеть от Рославля до Брянска, имевшая связь с партизанскими отрядами и подпольными группами восьми районов Брянщины, но после июльской карательной операции её работа была нарушена и переместилась в Клетнянский район. Имел боевые награды. После войны Винницкий стал доктором технических наук, профессором, работал начальником лаборатории НИИ приборостроения в Москве. В середине 1980-х гг., будучи больным, уехал в США, где и скончался.

Был в годы войны орден, которого не могли получить генералы и офицеры, а получали только солдаты и сержанты, проявившие особую личную храбрость – орден Славы. Он имел три степени, и наиболее почётным являлось награждение орденами всех трёх степеней. Однако число полных кавалеров ордена Славы намного меньше, чем Героев Советского Союза, и причины этого понятны. Из уроженцев Жуковской земли полным кавалером ордена Славы стал только один – Василий Антонович Дольников из деревни Леденёво.

Общее число награждённых боевыми орденами и медалями уроженцев Жуковского района, а также воевавших на этой земле бойцов воинских частей и партизанских отрядов вряд ли когда-то удастся установить хотя бы приблизительно. Лишь немногие из них были награждены несколькими орденами. О судьбе одного, родом из д. Приютино, Григория Даниловича Васюткина (1923 – 1952), в сентябре 1943 г. участвовавшего в боях на задеснянском плацдарме, поведал в очерке «Гроздья калины алые» В.Ф. Золотёнков. В Жуковке сохраняется память о 14-летнем партизанском разведчике Володе Филатове, посмертно награждённом орденом Красной Звезды. Медалью «Партизану Отечественной войны» был награждён юный Витя Харитонов из Жуковки. А Миша Куприн из д. Званки близ Косилово, который повёл карателей в противоположную сторону от партизанской стоянки и был ими после жестоких издевательств расстрелян, никакой награды не получил. Нет сведений о награждении и юного партизана из Жуковского отряда Коли Горбачёва, который, пожертвовав жизнью, подорвал вражеский эшелон, а также замученного нацистами Жени Барсукова из Фошни. Сколько было ещё взрослых и юных патриотов Отечества, чьё участие в борьбе с оккупантами осталось безвестным, – не скажет никто.

Многие из этих людей погибли от рук карателей и их пособников. Согласно официальной справке, подготовленной в Брянске в 1945 г., в Жуковском районе за время оккупации было замучено, повешено и расстреляно около 1200 мирных жителей, но реальное число жертв нацистского террора было наверняка больше. В справке, в частности, не указаны погибшие мирные жители в Крыжино, Олсуфьево, Приютино и некоторых других селениях. Ранее уже были упомянуты Вышковичи, Белёво и Матрёновка, уничтоженные нацистами вместе с жителями. Из других селений наибольшее число мирного населения погибло в Фошне (97), Косилово (95), Старом Лавшино (78), Петуховке (38), Тросне (28, в том числе – все учителя местной школы), Кончино (26), Поляковке (26), Белоголовле (22), Ржанице (17), Александровке (16), Саково (16), Лелятино (14, по другим сведениям – 13 семей). Число сожжённых гитлеровцами в районе домов превышало 4 тысячи, более всего - в Ржанице и Тросне.

Ещё один тяжёлый след оккупации – перемещение большого числа жителей в чужие места, включая Германию. Однако не все перемещённые лица могут быть отнесены к пострадавшим от оккупантов. В конце 1941 г. и в 1942 г. было немало тех, кто добровольно поехал на работу в Германию, поверив немецкой пропаганде. Не случайно в январе 1943 г. Дятьковский окружком партии признал, что в Жуковском районе «много населения мужского пола служит в полиции, а остальная часть уехала на работу в Германию». Хотя это утверждение страдает преувеличением, но реальное положение оно отражает. Намного больше было тех (включая женщин и детей), кого оккупанты в ходе «зачисток» района от партизан насильственно выселяли на далёкие тыловые территории либо отправляли на работу в Германию и захваченные ею страны. Но были и те, кто покидал родные места вместе с отступавшими немецкими войсками или чуть раньше, - кто служил оккупантам и предвидел неизбежность репрессий за такое сотрудничество. К примеру, «в Гришиной Слободе в партизанах не было ни одного человека, а в полицейском отряде особого назначения насчитывалось свыше 100 человек». Участники этого отряда и их семьи покинули свою деревню и позже оказались в Германии. Кто-то из них там и остался, кто-то безвестно сгинул, но большинство уцелевших вернулось (часть – после лагерей).

Может быть, не стоило о них и вспоминать, если бы не обстоятельства конца минувшего века, когда власти Германии начали выплачивать компенсацию бывшим малолетним узникам нацистских концлагерей. Этим воспользовались бессовестные люди, не имевшие прав на такие льготы, но добывшие ложные «подтверждения» пребывания в лагерях.

Содействовали этому халатность, а порой и прямое попустительство центральных и местных чиновников. Например, глава администрации Жуковского района П.Г. Чертков подписал 1 сентября 1994 г. распоряжение: «Считать действительным факт нахождения на территории г. Жуковка с мая 1942 г. по сентябрь 1943 г. лагеря для мирных жителей, заключённых во время карательных операций, на территории обозного завода и тюрьмы для содержания арестованных партизан и членов их семей в районе шпалопропиточного завода». Вопиющая некомпетентность автора распоряжения очевидна: устанавливать какие-то исторические факты (без ссылок на архивные или другие документы) – вовсе не дело администратора.

По данным архива УФСБ по Брянской области в Жуковке в период оккупации находились: «1. Тюрьма гестапо. Функционировала с октября 1941 г.по сентябрь 1943 г., располагалась в здании НКВД, в заключении содержались пленённые партизаны, подпольщики, командиры Красной Армии и члены их семей. 2. Сборный лагерь для мирных граждан. Функционировал с мая 1942 г. по июнь 1943 г. Располагался в двух бараках школы механизаторов. 3. Лагерь для военнопленных и мирных граждан. Располагался в здании шпалопропиточного завода. Действовал с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. 4. Сборный пункт. Функционировал с мая по сентябрь 1943 г. Располагался на территории обозного завода».

Фактически распоряжение Черткова давало право лицам, находившимся на сборном пункте обозного завода, считать себя заключёнными лагеря, хотя в краткий период своего пребывания там (до отъезда из Жуковки) никаким репрессиям они не подвергались и к работам не привлекались, в отличие от помещённых в сборный лагерь в бараках школы механизаторов родственников партизан. Этим не замедлили воспользоваться многие жители Гришиной Слободы, в том числе – родственники немецких пособников. Из 84 проверенных дел малолетних узников лагерей по этой деревне лишь в 4 делах документы соответствовали нормам, а в остальных были явные нарушения. Но в Жуковке нашлись защитники «лжеузников», а глава районной администрации Н.С. Лучкин даже счёл возможным отнести Гришину Слободу к числу наиболее пострадавших от карателей.

Впрочем, подобных «лжеузников» было немало и в других местах, и вести дальше о них речь незачем. Для мошенников, которые были, есть и будут, людское осуждение - что с гуся вода.

Вернёмся ко времени последних военных лет. Отдавая должное боевым подвигам партизан и других жителей Брянщины и стремясь обеспечить скорейшее восстановление

экономического потенциала этого региона, руководство страны приняло решение образовать отдельную Брянскую область и 5 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал соответствующий указ. В состав новой области были включены все те города и районы, что есть в ней и сейчас, плюс Понуровский район (позже преобразован в Воронокский, а затем включён в состав Стародубского района).

Летом того же года советские войска (в том числе - армии, освобождавшие Жуковскую землю), завершили освобождение Белоруссии. Многие жители Жуковского района, перемещённые туда оккупантами, получили возможность вернуться в родные места. Возвращаться приходилось зачастую на пепелища, строить землянки и лишь постепенно переселяться в заново построенные избы. Жизнь была трудной, полуголодной, с острой нехваткой всего необходимого, но зато – без пригнетающего надзора оккупантов, которые могли по своему усмотрению отправить в чужие места или расстрелять.

Основой жизни был тяжёлый, изнурительный труд. Постоянно, почти без отдыха работали все – женщины, старики, инвалиды, а также подростки и дети, совмещавшие повседневный труд с учёбой во вновь открывшихся школах, где не было первоначально ни учебников, ни тетрадей, ни других школьных принадлежностей, а зимой было так холодно, что замерзали чернила в чернильницах. Силами учащихся было восстановлено и приступило к работе Жуковское фабрично-заводское училище. Начались восстановительные работы на обозном заводе. Вновь начал давать продукцию мелоизвестковый завод близ Гостиловки. И всё же основные тяготы продолжавшегося военного лихолетья вынесло русское крестьянство, частью которого являлись труженики постепенно возрождавшихся к жизни жуковских колхозов. Из-за острой нехватки сельхозтехники, малого количества уцелевших лошадей основную часть земли приходилось пахать или на коровах (хотя и их было мало), или впрягшимся в плуг женщинам, старикам и подросткам (вспомним картину братьев Ткачёвых «Русское поле»), или вскапывать лопатами многие гектары. Вручную выполнялись и все другие сельские работы. Порой война сурово напоминала о себе, когда от неразорвавшися ранее мин и снарядов люди (чаще всего – подростки) гибли или получали увечья. Такова была суровая действительность того трудного времени, но всё равно - жизнь возрождалась, с надеждами на близкую Победу, на более счастливое и мирное будущее.

8. В послевоенные десятилетия

Последняя глава книги окажется довольно короткой. Касаться она будет в основном не каких-то событий в жизни Жуковского района, а тех его уроженцев и жителей, которые заслуживают доброй памяти (со многими из них автору довелось общаться). Поэтому и строиться она будет не строго по хронологии, а более свободно, по типу эссе. События конца прошлого века, со времени «перестройки», а также века нынешнего рассматриваться не будут – этот период станет подлинной историей лишь для будущих поколений. Исключение составят некоторые биографические сведения.

Рассматриваемое время можно условно разделить на два отличающихся не только по продолжительности периода: «сталинский» (с весны 1945 г. до весны 1953 г.) и «хрущёвско-брежневский» (примерно 30 последующих лет).

Победоносное завершение Великой Отечественной войны ещё не означало полного перехода страны к мирной жизни. Значительная часть солдат и офицеров, вместо ожидаемой демобилизации, была оставлена на востоке Германии и Австрии, а также в Польше, где были размещены Группы советских войск, или перебрасывалась на Дальний Восток для участия в предстоящей военной операции против милитаристской Японии. Возвращались на Родину более полутора миллиовов военнопленных и около 2,7 миллионов гражданских лиц, оказавшихся в Германии и соседних странах. Но после пребывания в фильтрационных лагерях или пунктах многие из них далеко не сразу смогли вернуться в родные места. Около 15 % военнопленных, в основном – служивших в формированиях, помогавших немцам, были отправлены в лагеря; часть была восстановлена в рядах Красной армии и включена в состав строительных батальонов, направленных на восстановление разрушенных оккупантами предприятий, в частности – шахт Донбасса (почти весь крепёжный лес для шахт поставляла Брянщина, в том числе – Жуковский лесхоз). Из репатриантов (и гражданских, и военных) многие были направлены на спецпоселение на 6 лет в те места, где была наибольшая потребность в рабочей силе, но к осуждённым эти люди не относились. В стране продолжали действовать указы, запрещавшие переход с одного предприятия на другое, предусматривавшие уголовное наказание за самовольное оставление рабочего места, и другие подобные.

Но особенно трудным было положение в российской деревне, разорённой в годы войны и оккупации. К тому же сильная засуха, поразившая в 1946 г. южные и центральные районы страны, усугубила трудности – с лета 1946 г. до лета 1947 г. люди голодали, но об этом голоде в то время нигде не

упоминалось. Однако и в другие годы сельские жители, обеспечивая страну продуктами питания, сами жили впроголодь. Главные причины этого в политических решениях руководства страны, в первую очередь – в налоговой политике. За годы войны число жителей значительно сократилось (на Брянщине – примерно на треть), и в условиях острой нехватки сельхозтехники и лошадей немалая часть пашни оставалась не обработанной. Однако обязательные для колхозов поставки государству (по очень низким ценам) исчислялись по общей площади колхозной пашни, а не по фактически засеянной. В результате сумма поставок государству, восстанавливавшимся МТС, а также засыпка семенных фондов нередко превышали собранный урожай, так что начислять на трудодни было нечего, да ещё колхоз попадал в должники к государству.

В таких условиях главным для выживания оказывалось личное хозяйство колхозников, но и оно облагалось государственным натуральным налогом в форме обязательных поставок зерна, картофеля, мяса, молока, яиц, шерсти по ценам, в десятки раз ниже государственных. В случае невыполнения поставок недоимки переносились на слелующий год, а затем крестьянское имущество могло быть описано в пользу государства. Кроме натуральных поставок, крестьянское хозяйство облагалось денежным налогом, средняя сумма которого в 1940 г. составляла 112 рублей, а через десяток лет превысила 500 рублей, хотя земли и скота было меньше, чем раньше. К тому же денег на трудодни колхозники почти не получали. Значит, нужно было часть произведенных в хозяйстве продуктов продать на рынке или искать какие-то другие формы заработка, что сдерживалось действием указа военного времени о судебной ответственности за невыполнение установленного минимума трудодней. Были серьёзные издержки и у начавшегося с 1950 г. сокращения числа колхозов за счёт ликвидации «неперспективных деревень». Словом, сложившаяся после войны система управления сельской жизнью вызывала у многих отторжение.

Это же можно сказать и о начавшемся с 1946 г. «закручивании гаек» в области идеологии и культуры. Недовольство существующим положением порой было заметно и у недавних фронтовиков, и у молодых юношей и девушек, но в открытой форме оно проявлялось редко. Вот два примера, связанных с Жуковским районом. Одним из офицеров, награждённых во время войны боевыми орденами и медалями, был уроженец Овстуга Яков Иванович Поздняков (1909). Он имел среднее образование и после демобилизации в 1946 г. был назначен директором Жуковского лесхоза, но отношения с местным руководством не сложились. Иначе трудно объяснить такой факт: в начале 1950 г. в Министерство

финансов СССР поступили анонимные письма о злоупотреблениях со стороны директора Жуковского лесхоза и, хотя при проверке все содержавшиеся в письмах сведения оказались ложными, решением бюро райкома партии Поздняков был снят с работы и получил строгое партийное взыскание. Считая это решение несправедливым, бывший глава лесхоза направил секретарю ЦК партии Г.М. Маленкову и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику анонимные письма, содержавшие нелицеприятные сведения о некоторых областных руководителях, которые «покрывают взяточников и жуликов». Авторство писем было раскрыто, а «правдоискательство» Позднякова закончилось исключением из партии и ссылкой на север. Несколько раньше в Брянском областном суде рассматривалось дело Валентина Фроловича Терехова (1928), проживавшего в п. Суходоль, который в 1947-1948 гг. направил по разным адресам несколько анонимных писем, содержавших, по словам судебного дела, «злостную клевету на Советскую власть, руководителей партии и правительства». Итог – 10 лет лагерей.

Перемены к лучшему начались вскоре после смерти Сталина. Летом 1953 г. по предложению Маленкова, ставшего главой правительства, был принят ряд мер для облегчения положения крестьян: списывались прежние долги с колхозов и колхозников, намного снижались размеры денежных налогов и обязательных поставок с личных хозяйств, повышались закупочные цены на сельхозпродукцию. Вот тогда и появилась частушка, что «товарищ Маленков дал нам хлеба и блинков». Впрочем, вскоре его оттеснил на второй план Н.С. Хрущёв.

Перечислим наиболее примечательные, на наш взгляд, события из жизни Жуковского района, начиная с 1953 года:

1953 – открытие Жуковского сельского профтехучилища;

1957 - открытие первого музея Ф.И. Тютчева в Овстуге;

1959 – присоединение к Жуковскому району значительной части упразднённого Жирятинского района (восстановлен в 1985 г.);

1961 (май) – начало выпуска велосипедов на Жуковском велосипедном заводе;

1961 (июнь) - проведение в Овстуге первого Тютчевского праздника поэзии, ставшего традиционным;

1962 (август) – Жуковка стала городом;

1963 – открытие Жуковской музыкальной школы;

1965 – открытие Дома культуры ЖВЗ;

1966 – начало движения электропоездов между Брянском и Жуковкой;

1973 – открытие историко-краеведческого музея в ДК ЖВЗ;

1974 – начало работы детско-юношеской спортивной школы в Жуковке;

1975 – проведение в Жуковке Всесоюзного слёта школьных лесничеств.

Даже этот далеко не полный перечень событий, произошедших на Жуковской земле в «хрущёвско-брежневский» период, является свидетельством многих положительных перемен, которые были в то время, хотя идеализировать его вряд ли нужно.

Лучше вспомним тех людей, которые своими делами оставили добрые следы на Жуковской земле. Начнём с некоторых участников войны, сумевших и в мирной трудовой деятельности проявить свои незаурядные способности. Алексей Климентьевич Шугуров (1911 – 2000), родом из с. Пригорье Рославльского уезда, после окончания Могилёвского пединститута начал работать в школе, но в 1940 г. был призван в армию, в 1941 г. в звании лейтенанта служил в Бресте, где и встретил начало войны. Был в числе организаторов обороны Брестской крепости, дважды ранен и контужен. 27 июня его, почти без сознания, подобрали немецкие солдаты, а затем он был отправлен в лагерь в Германию. Дважды бежал из лагеря, второй раз – удачно, попав в расположение американских войск. После фильтрации был зачислен в строительный батальон и направлен в г. Кизел Молотовской (ныне – Пермской) области, но пробыл там недолго. С 1947 г. жил и работал в Жуковском районе: завучем Олсуфьевской средней школы, а с 1961 г. – директором Жуковской средней школы, новое здание которой ему довелось строить и обживать. Уважаемый руководитель педагогического коллектива, Алексей Климентьевич оставил также добрую память у многих тысяч своих учеников. Кроме того, он стал одним из главных инициаторов и организаторов создания историко-краеведческого музея в Доме культуры Жуковского велосипедного завода.

Надёжным помощником Шугурова в руководстве школьным коллективом был Иван Семёнович Артюхов, работавший завучем и учителем математики, а в годы войны являвшийся офицером в действующей армии, награждённым боевыми орденами и медалями. Но особого уважения заслуживает его общественная природоохранная деятельность (возможно, повлиял пример отца, работавшего колхозным садоводом в д. Шамордино). По инициативе Артюхова в Жуковской средней школе в конце 1940-х гг. был организован отряд зелёных патрулей, позже переросший в первое не только на Брянщине, но и в стране школьное лесничество, о делах которого лучше всего почитать в книге Ю.И. Когинова «Повесть, написанная вместе с 500 соавторами» (1981 г.).

Можно только добавить, что дочь и сын Ивана Семёновича стали учёными-биологами.

Деятельность Жуковского школьного лесничества, а также подобных, созданных в ряде других школ района, не могла бы достичь хороших результатов без организующей роли Жуковского лесхоза и подведомстенных ему лесничеств. Жуковке повезло, что среди директоров лесхоза работали неравнодушные люди, о которых и пойдёт дальше речь.

Владимир Андреевич Николаюк (1923 – 2008) родился в д. Лелятино в учительской семье. В 1941 г. после окончания с отличием Жуковской средней школы добровольцем ушёл на фронт, а закончил войну в составе советских войск, освобождавших Прагу. Затем была учёба в Брянском лесохозяйственном институте, после окончания которого (с отличием) был в 1951 г. направлен в Жуковский лесхоз, где работал старшим лесничим, а затем – директором. Именно в это время он поддержал просьбу И.С. Артюхова о выделении участка леса для созданного отряда зелёных патрулей. В Жуковке Николаюк работал недолго, поскольку в 1953 г. был назначен начальником управления лесного хозяйства Брянской области, а в 1963 г. переведен в Москву. Там он работал заместителем министра лесного хозяйства РСФСР, и по его предложению коллегия министерства рассмотрела представление о работе зелёных патрулей и приняла решение впредь называть их школьными лесничествами, дав право носить форму лесной охраны. Позже Николаюк работал первым заместителем председателя Гослесхоза СССР, стал кандидатом сельскохозяйственных наук, был удостоен звания «Заслуженный лесовод РФ».

С 1961 г. в течение многих лет директором Жуковского лесхоза работал Николай Владимирович Гущинский (1923 - 1993), в годы войны – ефрейтор, награждённый двумя орденами и медалями; затем – выпускник Брянского лесохозяйственного института, создавший в Жуковке для школьного лесничества «Музей леса». Он был истинным патриотом русского леса, посвятившим ему десятки талантливых пейзажей. Подробнее – в книге Золотёнкова.

Павел Алексеевич Быков (1923 – 1990) родился в д. Мужиново Клетнянского района, после окончания школы 17-летним подростком приехал в Мурманскую область, где начал сотрудничать в кандалакшской районной газете, но вскоре был призван в армию и направлен в Свердловское офицерское пехотное училище. С 1942 г., после окончания училища, он в действующей армии – на Западном, Калининском, 1-ом Прибалтийском фронтах. В перерывах между боями писал стихи, которые охотно печатали дивизионные и армейские газеты. Был дважды ранен, окончил войну в звании капитана.

В послевоенные годы продолжал службу в частях Бакинского военного округа, стал майором. После демобилизации в 1947 г. вернулся на Брянщину, был редактором рогнединской и клетнянской районных газет, многие годы сотрудничал с жуковской районной газетой как корреспондент, заведующий отделом и автор стихов. С 1951 по 1964 г. были изданы четыре небольших стихотворных сборника Быкова, но ещё больше его военно-патриотических и юмористических стихов и басен было напечатано в газетах, журналах и альманахах. Похоронен он в Клетне, а в 2003 г. был посмертно издан сборник его стихов «Край Клетнянский, партизанский».

Устин Трофимович Шереметьев (1913 – 2003) родился в селе Милечь Почепского района, после окончания Почепской средней школы и Кокинского сельхозтехникума работал агрономом, а в 1938 г. был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке в авиационных частях, последнее звание – старшина-авиамеханик. Участвовал в войне с Японией. После демобилизации вернулся в Почепский район, где вновь начал работать агрономом, а в 1947 г. был избран вторым секретарём Почепского райкома партии. Но в 1950 г. его перевели в Жуковку, которая более чем на полвека стала местом жизни, работы и творчества. Был первым секретарём райкома партии, затем с 1958 г. – свыше 15 лет редактором районной газеты. Первые публикации Шереметьева появились ещё на Дальнем Востоке, но его настоящее литературное творчество связано с Жуковской землёй. С 1957 по 1974 г. было издано семь сборников его стихов, поэм, рассказов и повестей, в основном посвящённых сельской жизни. Был членом Союзов писателей и журналистов. Похоронили его в Жуковке.

После Шереметьева первыми секретарями Жуковского райкома партии, реальными руководителями районной власти, были Лев Николаевич Жилин и Иван Прокопович Савкин, мнение о которых было у населения в целом положительным. Успешно работали в это время и многие хозяйственные и прочие руководители. Среди них следует выделить директора Жуковского велосипедного завода Фёдора Кузьмича Шеина (1916 – 1993), при котором это предприятие не только начало выпуск велосипедов и добилось немалых производственных достижений, но и стало главным градообразующим, существенно влиявшим на всю социально-культурную жизнь Жуковки и района. В 1974 г. Шеин был переведен в Брянск, где стал начальником производства Брянского автозавода, получил звание «Заслуженный машиностроитель».

Наиболее крупное сельскохозяйственное производство было организовано в совхозе «Коммунар» (центр – в Гостиловке), которым многие годы успешно руководили директора совхоза Пётр Сергеевич Аветисян и Павел

Моисеевич Вершилов. В послевоенные годы этот совхоз был в районе единственным, но в 1950-х - 1970-х гг. часть колхозов была преобразована в совхозы (продолжалось и укрупнение колхозов). Эти преобразования, а также другие меры по развитию сельского хоэяйства способствовали заметному росту производства, но их социальные последствия нельзя назвать положительными. Российская деревня, потерявшая в годы войны значительную часть жителей, продолжала их терять и в послевоенные десятилетия, когда бесследно исчезли многие селения, а другие почти обездюдели. Большинство колхозов и совхозов уже не обходилось без помощи горожан при заготовке сена, уборке картофеля.

Добрую память у жителей Жуковского района оставила Нина Ивановна Печиборщ, в девичестве – Бунина (1926-2008). Родилась она в Жуковке в семье железнодорожника. Во время войны оказалась в Саратовской области, где после окончания курсов начала работать трактористкой. Закончив экстерном среднюю школу, поступила в Саратовский ветеринарный институт, по окончании которого была направлена в Брянскую область и в 1949 г. назначена главным ветврачём Жуковского района. Опираясь на небольшой коллектив сотрудников, она сумела не только значительно сократить заболеваемость среди скота, но и создать материальную базу ветеринарной службы в районе. Проработала в должности главного ветврача района 41 год, стала заслуженным ветеринарным врачём РФ. Но был в её работе небольшой перерыв, когда в 1960 г. Нину Ивановну избрали председателем Жуковского райисполкома. Из многих дел нового районного руководителя выделим одно – именно Н.И. Печиборщ направила ходатайства Брянскому облисполкому и Совету Министров РСФСР о присвоении посёлку Жуковка статуса города, что и произошло в 1962 г.

Не останавливаясь далее на положительных примерах работы хозяйственных руководителей и специалистов, обратимся к тем, кто свою жизнь посвятил делу обучения и воспитания детей и молодёжи (некоторые из заслуживающих доброй памяти педагогов уже упоминались). В 1960-х – 1980-х гг. заведующими Жуковским РОНО были Николай Николаевич Мишин, Галина Александровна Дробкова, Маргарита Николаевна Антонова. Ранее они работали директорами школ и поэтому со знанием дела влияли на жизнь педагогических коллективов, тем более, что среди школьных руководителей было немало умелых организаторов и творчески работавших педагогов. Помимо упомянутого А.К. Шугурова, назовём Анатолия Иосифовича Зятева (Жуковская средняя школа № 1), Тамару Кирилловну Алдухину (Летошницкая средняя школа), Алексея Прохоровича Степанова (Овстугская средняя школа), Ивана Александровича

Рыжикова (Ходиловичская средняя школа), Григория Ивановича Гришенка (Троснянская средняя и Вышковичская 8-летняя школы). Этот перечень школьных педагогов, оставивших добрую память у своих учеников, можно было бы ещё долго продолжать. Длительное время профессионально и успешно руководили своими коллективами директор Жуковской музыкальной школы Николай Иванович Русаков и директор Жуковской детско-юношеской спортивной школы Виктор Васильевич Битков, мастер спорта по гимнастике.

Многих добрых слов заслуживают работники Жуковской районной больницы. Из них в первую очередь должен быть назван Евгений Васильевич Чижиков, родившийся в 1932 г. в п. Супонево. После окончания Смоленского мединститута с 1961 г. работал в Жуковской районной больнице хирургом, а в 1971 г. был назначен её главным врачём и оставался на этом посту до 1994 г. Именно на этот период приходится время формирования больничного городка Жуковской ЦРБ, состоящего из комплекса зданий, оснащённых современным медицинским оборудованием. Среди большого коллектива врачей, медсестёр и обслуживающего персонала было много не просто квалифицированных специалистов, но и людей, помогавших больным теплом своего сердца. Звания «Заслуженный врач РФ» были удостоены Е.В. Чижиков, врачи-педиатры Галина Дмитриевна Подсобляева и Людмила Алексеевна Серёгина, хирург Эдуард Евгеньевич Ермошко, возглавлявшие детское и хирургическое отделения Жуковской ЦРБ. А врач-педиатр Ирина Николаевна Бельская, заведовавшая ранее детской консультацией, с 1980 г. работала многие годы главным врачём Жуковского областного тубсанатория. Умелым организатором проявил себя Семён Анатольевич Эпштейн, бывший в течение многих лет директором Жуковского дома отдыха, преобразованного при нём в санаторий.

Стоит напомнить и о некоторых примечательных уроженцах Жуковской земли, которым позже довелось жить и работать в других регионах нашего Отечества. Иван Дмитриевич Колесов, родившийся в 1909 г. в Жуковке, после окончания школы и технического вуза работал инженером на военных заводах в Новосибирске и поэтому на фронт не попал, но свой вклад в Победу внёс. Будучи главным инженером завода, он организовал выпуск ракет М-31 для нового типа гвардейских миномётов (солдаты прозвали их «Ванюши» или «Иван - долбай»). Был удостоен Сталинской премии и генеральского звания. Позже продолжал работать в военно-технической области, был избран членом-корреспондентом Академии артиллерийских наук, но из-за секретного характера деятельности сведений о нём почти нет.

Александр Александрович Фетисов (1912 – 1991) родился в с. Фошне в семье фельдшера, который через два года был призван в армию, в 1918 г. ненадолго вернулся и перевёз семью в родное село Госаму, а затем отправился на фронт против «белых». Позже отец Александра работал фельдшером в п. Сельцо, а сам Александр в 1927 г. поступил в Брянский индустриальный техникум, по окончании которого работал в Мурманске и в Белоруссии. В середине 1930-х гг. учился в Ленинградском институте водного транспорта и одновременно работал диспетчером Балтийского морского пароходства. Окончив институт, с 1938 г. работал главным диспетчером Дальневосточного морского пароходства, но вскоре был призван на военно-морскую службу. В звании инженер-капитана II ранга участвовал в войне с Японией, в частности – в десантных операциях на Южном Сахалине и Курильских островах, имел боевые награды. После демобилизации в 1954 г. переехал в Москву и начал работать в Центральном НИИ экономики водного транспорта. Но круг его научных интересов был значительно шире (включая философию и кибернетику), а критическое отношение к положению в советской науке, особенно проявившееся в «Красной книге» (Докладной записке в Президиум АН СССР) и в статье «Назревшие проблемы политической экономии», вызвало резко отрицательные отзывы учёных и привело к негативным последствиям. В 1960 г. Фетисов был арестован, обвинён в «антисоветской агитации и пропаганде» и отправлен в психиатрическую больницу в Ленинград. Там к бывшему морскому офицеру отнеслись гуманно и уже к осени 1961 г. курс лечения закончили. Вернувшись в НИИ, Фетисов создал «Общество изучения теории систем», члены которого выступали с лекциями в НИИ и вузах, но с 1965 г. эти выступления уже не допускались. Фетисов был вынужден уйти из института, устроился рабочим на завод, вскоре вышел из партии, а в 1968 г. был вновь арестован и отправлен в психиатрическую больницу под Казанью, где и провёл около 20 лет. Только в годы «перестройки» его сотоварищи добились освобождения Фетисова, но мыслящую личность в нём «залечили». Судить о его взглядах и научной деятельности трудно, ибо все сохранившиеся работы были напечатаны лишь в 1990-е гг. в малотиражных сборниках «Хомосапиенсология».

Василий Пахомович Телепнёв родился в 1918 г. в крестьянской семье в посёлке Тросна. Окончил Бежицкий рабфак, начал работать в Жуковке в районной газете и поступил на заочное отделение Ленинградского института журналистики, но в 1938 г. был призван в армию. Служил в авиационных частях, где вскоре был привлечён к газетным делам, и с тех пор военная журналистика стала его судьбой.

Среди тех, кому молодой журналист оказал поддержку, был его ровесник, политрук Леонид Мирошин, чьи стихи начала печатать газета авиаторов (после войны он стал председателем Брянской областной писательской организации, а дружеские отношения между Телепнёвым и Мирошиным долго сохранялись). В годы войны Василий общался со многими известными лётчиками, в том числе – с А.И. Покрышкиным (о нём и его боевых товарищах была позже написана книга «Ведущий и ведомые»). В конце войны воздушная армия, в которой служил Телепнёв, была преобразована в ВВС союзной Польши, но в 1946 г. журналист её покинул. Довелось ему служить и на Кубе в период Карибского кризиса, о чём свидетельствуют книги его очерков «Кубинские встречи» и «Высокая цель» (1963-1964). Выйдя в отставку в звании полковника, Телепнёв обосновался в Киеве, где сотрудничал с журналом «Радуга». Стал членом Союза писателей Украины, но, когда после распада СССР здесь усилились антирусские настроения, вышел из его состава. Он писал, что «с радостью уехал бы в Брянск», но возраст и семейные проблемы ие позволили этому сбыться. Больше сведений о нём нет.

Евгений Яковлевич Евдокимов (1924 – 1998) родился в д. Ковали Жуковского района в семье лесного рабочего. В 17 лет добровольцем ушёл на фронт. Воевал юный танкист, ставший потом сержантом, на Южном фронте, под Харьковом и Сталинградом. В 1942 г. был тяжело ранен и после лечения в госпитале уволен в запас. С 1944 по 1949 г. учился в БИТМе, а затем работал на БМЗ. В 1961 г.был избран председателем исполкома Брянского горсовета (говоря иначе –мэром города) и работал на этом посту до 1986 г. За четверть века работы Евдокимова во главе городской власти в Брянске было очень много сделано для жилищного строительства, развития социально-культурной сферы и благоустройства города, что дало ему заслуженный авторитет среди населения. В 1985 г. Евгений Яковлевич стал почётным гражданином г. Брянска.

Станислав Никифорович Бондарев (1930 – 1983) был уроженцем села Белоголовль. После войны семья переехала в Жуковку, где Станислав окончил среднюю школу. Затем были: учёба в Тульском механическом институте, 4 года работы инженером на Томском электромеханическом заводе, а в 1958 г. – возвращение на Брянщину. Конструкторские способности инженера особенно проявились с 1964 г., когда Бондарев начал работать главным конструктором Брянского завода ирригационных машин, а затем начальником ЦКБ по мелиоративным машинам. Под его руководством были сконструированы и запущены в производство два вида землеройных машин, пользовавшихся большим спросом не только внутри страны, но и в ряде стран Азии, Африки и

Латинской Америки. Их создатель получил несколько медалей ВДНХ, стал обладателем 20 патентов на свои изобретения.

Виктор Константинович Волков родился в 1931 г. в д. Матрёновке. Когда началась война, отец Виктора, офицер Красной армии, был на фронте, а мать вступила в партизанский отряд. В трагический день 20 мая 1943 г., когда Матрёновка вместе с жителями была сожжена, Виктор был в деревне вместе с дедом (мать накануне ушла в разведку) и чудом спасся – в момент расстрела дед, падая, прикрыл своим телом внука, который после ухода немцев сумел добраться до партизан. Позже Виктор учился в Олсуфьевской средней школе, которую окончил с золотой медалью, и в Московском авиационном институте. Работал в НИИ в подмосковном городе Жуковском, где был инженером-конструктором, руководил научно-техническим отделом, имел печатные статьи, участвовал в создании космических кораблей, но из-за работы по «закрытой» тематике сведений о его жизни мало.

Ту же Олсуфьевскую школу и тоже с золотой медалью окончил Владимир Андреевич Денисенков (1937 – 2011), родившийся в примыкающем к Олсуфьево посёлке Никитёнке. В 1960 г. окончил с отличием Высшее военно-морское училище подводного плавания в Ленинграде, а затем – Военно-морскую академию. Во время службы на Балтике поддерживал связь с малой родиной, в частности – в 1967 г. и позже приезжал на проходившие в Олсуфьевской средней школе встречи выпускников разных лет и был одним из активнейших их участников. В 1980-е гг. командовал дивизией подводных лодок, базировавшейся в г. Лиепая в Латвии. С 1987 г. служил на Черноморском флоте и был начальником нахимовского училища в Севастополе, но в сентябре 1991 г. его, всеми уважаемого контр-адмирала, по приказу министра обороны Украины отстранили от командования в связи с заявлением: «Вторую присягу принимать не стану». Позже был начальником нахимовского училища в Новороссийске. Похоронили его в г. Ломоносове Ленинградской области.

Анатолий Спиридонович Романюк (1931 – 2005), родом из д. Леденёво, учился в Бордовичской семилетней школе, Бежицкой школе ФЗО, в Хотылёвском сельхозтехникуме, в школе военно-морских водолазов, в Новозыбковском пединституте. Поэтому и работал во многих местах: токарем на заводе, агрономом на Брянщине и на Кубани, в период военно-морской службы – водолазом на судах Балтийского, Черноморского и Северного флотов, водолазом-спасателем Брянского обкома ДОСААФ, учителем в школах Брянска, редактором в Брянском отделении Приокского книжного издательства. Но главным делом жизни стал труд писателя. Первый его роман «Полюшко-поле» был издан в 1981 г. Позже

вышли роман-дума «Крик чибиса», несколько сборников рассказов, повестей и стихотворений. Похоронен Анатолий Спиридонович в посёлке Ивановка Брянского района.

Александр Васильевич Малахов (1942 – 2000) родился в деревне Погореловке (ныне – Бережки, почти обезлюдевшие). Мать его в 1943 г. была отправлена в Германию, а заботу о малыше в пору лихолетья взяла на себя бабушка Марфа (позже Александр посвятил ей немало добрых поэтических строк). После школы работал электриком на автозаводе, служил в армии, заочно окончил Литературный институт, сотрудничал в брянских газетах, был ответственным секретарём выгоничской районной газеты. Начиная с юности, писал стихи, но печатали их не очень часто. Первый маленький сборник «Чистота» вышел в 1973 г., второй («Сентябрины») – только в 1990 г. Небольшие подборки его стихов появлялись в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Был членом Союзов писателей и журналистов. В 1990-е гг. в его лирике стали часто прорываться тревожные ноты («Время наших надежд истекает...»). Похоронен поэт в Брянске, а подготовленный им итоговый сборник «Горюч-камень» издан через полтора десятка лет после его смерти.

Продолжая вспоминать тех людей, кто своими делами или творчеством был связан с Жуковской землёй, можно назвать ещё многих, не обязательно родившихся здесь. К примеру, Алексей Васильевич Яшенко (1941 – 2012) был из крестьянской семьи д. Субовичи Клинцовского района, после окончания Суражского педучилища его направили учителем в с. Княвичи (тогда – Жуковского, ныне – Жирятинского района), а через два года призвали в армию. Во время службы в спецчастях поступил заочно на философский факультет МГУ (закончил позже с отличием). Затем – недолгая работа завучем в Крыжинской школе и избрание в 1965 г. первым секретарём Жуковского райкома комсомола. Пять лет он работал в этой должности и один из видимых следов работы – заложенный под его руководством в 1968 г. сквер, существующий и поныне. Позже Яшенко был секретарём обкома комсомола, вторым секретарём Навлинского райкома партии, председателем Мглинского райисполкома, редактором мглинской районной газеты – и всюду люди вспоминали о нём по-доброму. С юности писал стихи, но первые их сборники были изданы только в 2002 и 2008 годах. А ещё один сборник («Печаль моя светла») вышел в 2012 г. уже после смерти автора. Подготовила его вдова, а особенность сборника – в нём помещены воспоминания друзей и коллег, нашедших немало тёплых слов об Алексее Васильевиче и его стихах.

Юрий Иванович Когинов (1924 – 2000) родился в Бежице, а с Жуковкой познакомился в середине 1930-х гг.,

когда летом приезжал отдыхать в заводском пионерском лагере. В 1942 г. был в составе разведывательной группы заброшен в Брянский лес и стал радистом в Брянском районном партизанском отряде Ромашина. Участвовал в боях с карателями в Навлинском районе; позже, находясь на фронте, дошёл до Берлина. После войны работал в редакции «Брянского рабочего», учился в Петрозаводском университете, был корреспондентом «Комсомольской правды» и «Советской России». С 1966 г. около 20 лет был специальным корреспондентом «Правды». Работал и на телевидении. Не раз бывал в Жуковке, Овстуге, приезжал в Олсуфьево. Кроме газетных публикаций, стал автором многих книг. Уже упоминалась его небольшая, но богатая фактическими сведениями о Жуковском районе и его людях «Повесть, написанная вместе с 500 соавторами». Памятью о партизанской юности были книги «Имя города известно» и «Берестяная грамота» (о Дятьковской земле в годы войны). Позже главным жанром его книг стали художественно-биографические повествования, в том числе – о Ф.И. Тютчеве и его дочери Марии Фёдоровне, об А.К. Толстом, об И. Фокине.

Георгий Васильевич Метельский (1911 – 1996) родился в Стародубе, городе, который он любил и посвятил ему немало страниц, начиная с книги «Листья дуба». После школы он закончил Липецкий горнометаллургический техникум, затем – Московский железнодорожный институт, стал кандидатом технических наук, но обрёл себя не в науке, а в журналистике и писательском творчестве. Ещё в предвоенные годы стал корреспондентом «Комсомольской правды» по Сибири и Дальнему Востоку, а в конце 1944 г. был направлен в Вильнюс, в редакцию газеты «Советская Литва». И как журналист, и как писатель-профессионал он объездил всю страну, что дало обильный материал для очерков, рассказов, повестей, романов, а также стихов, хотя в них преобладали личные мотивы. Не раз приезжал в родной Стародуб, посещал Красный Рог, Овстуг. В последние годы жизни, когда в Литве перестали нздавать книги на русском языке, руку помощи пожилому писателю протянула малая родина – Брянщина. Он ещё успел подержать в руках вышедшие в брянском издательстве «Придесенье» в 1995 г. книги «Сергей Мальцов. Повесть о миллионере-подвижнике» и «Заря вечерняя. Повесть о последней любви Ф.И. Тютчева», а также изданный в начале 1996 г. итоговый сборник стихов «Одолевая высоту» (в нём немало стихов о Тютчеве и Овстуге). Все эти книги появились благодаря поддержке В.П. Парыгина, руководившего названным издательством, и овстужан: В.Д. Гамолина (он редактировал итоговый сборник) и Б.М. Копырнова. Скончался Георгий Васильевич в августе 1996 г. и был похоронен в Вильнюсе. А

теперь – немного личного. Повесть «Заря вечерняя» автор этой книги получил с таким четверостишием В.Д. Гамолина:

Нет, Россия не обездолена.
Друже милый, как можешь-живёшь?
От Метельского и Гамолина
И от Копырнова тож.

Итак, ход повествования привёл снова к Овстугу, который уже не раз упоминался ранее. Но правильнее, наверно, вести речь не только об уроженцах этого села, но и некоторых близких к нему селений, входивших ранее в состав Овстугской волости. Начать стоит с давно запустевшей деревни Чечуновки (Чучуновки), которая за три века существования не раз исчезала, а последний раз ненадолго возродилась в 1918 г., когда её вновь населили два десятка крестьянских семей из соседней деревни Молотино. Был среди новосёлов и Пётр Афанасьевич Ткачёв, который в то бурное и тревожное время стал одним из примкнувших к большевикам активистов и заведовал первым социалистическим клубом в Овстуге. В этом клубе занимались ликвидацией неграмотности, ставили самодеятельные спектакли, к которым народ проявлял большой интерес. Но в 1919 г. всех членов Овстугского волостного исполкома, включая Ткачёва, арестовали и осудили на 5 лет заключения. В чём была их вина – неизвестно, но вскоре по амнистии они были освобождены как «неопытные социалисты». После Пётр Афанасьевич от общественных дел отошёл. К тому же росла семья, где двое из сыновей получили позже широкую известность: Сергей (1922) и Алексей (1925).

Будущие художники жили в деревне недолго, так как в 1931 г. Ткачёвы переехали в Бежицу (там уже давно работал на заводе глава семьи), но детские впечатления о красоте среднерусской природы, о жизни и труде простых русских людей не прошли бесследно. В изокружке при бежицком Доме пионеров Сергей и Алексей приобщились к изобразительному искусству и всегда сохраняли глубокую благодарность своим наставникам. Потом были трудные годы войны (Сергей сражался на фронте и был ранен, подростку Алексею довелось работать на «Уралмаше» в Свердловске), учёба в Московском художественном институте имени В.И. Сурикова, жизнь профессиональных художников. С 1952 г. братья начали работать совместно. В том же году их картины появились на Всесоюзной художественной выставке. Позже было участие ещё во многих выставках, включая персональные, а их картины «Между боями», «Матери», «В колхоз», «Детвора», «В трудный год войны». «Осень. Пора свадеб» и другие пополнили коллекции ряда ведущих художественных музеев страны. С середины 1970-х гг. художники всё чаще стали навещать родные места, особенно Овстуг, где останавливались

в гостеприимном доме Гамолиных. Итогом творческой работы братьев Ткачёвых стала серия «По тютчевским местам». Особо стоит выделить картины «На древнем Вщиже» и «Май сорок пятого» (обе известны в разных вариантах). Автору этой книги довелось наблюдать за работой братьев-художников в соседней с Овстугом деревне Дубославичи, где оставался один дом. В качестве фронтовика, вернувшегося с войны, им позировал брянский художник В.В. Лаворько. Многие из написанных в те годы работ братья, уже ставшие именитыми (с 1978 г. – действительные члены Академии художеств, с 1983 г. – народные художники СССР), подарили Овстугу и Музею братьев Ткачёвых в Бежицком районе Брянска.

А теперь обратимся к книге братьев-художников «50 лет вместе», в частности – к помещённым там дневниковым записям, относящимся к июлю 1981 г. (в них упомянуты Вщиж, Дубославичи, Овстуг, Молотино, Речица, деревня Клинок – родина В.Д. Гамолина). Вот отрывки из этих дневников:

5 июля. Остановились в доме Василия Лаворько. Он стоит на взгорке, откуда просматривается Десна, реликтовое озеро, в котором мальчишки собирают водяные орехи, бесконечные лесные дали.

6 июля. В 6 утра уже на Вщижском раскопе. И толчёмся на нём до захода солнца… Красиво выглядит Вщиж с Десны, особенно при закате.

7 июля. Вышли на Вщижский бугор, от которого веет жуткой древностью. Писали этюды заходящего солнца.

8 июля. На фоне древностей писали портрет древней старушки, 96-летней Дарьи Михайловны Кузнецовой. Про себя мурлыкала какие-то сказания или песни.

Писали с натуры Веру – доярку, 1933 года рождения, клянёт и ругает власти, что Вщиж гибнет.

В деревне Клинок 34 дома, где проживают 24 старухи.

Печальная участь ждёт и древний, сказочный Вщиж. Здесь масса пустующих домов, участков земли. Оживляется село лишь в субботу и воскресенье, когда к разнесчастным старухам приезжают их дети, внуки, правнуки. Суббота и воскресенье - сплошной праздник. Все веселятся и, как говорят, отдыхают. А на самом деле пьют водку. В эти дни там страшно находиться.

13-го в Овстуге был день поэзии, посвящённый Ф.И. Тютчеву. На нём были Е.И. Сизенко, умненький, культурный, хорошо чувствующий людей партийный деятель. Поэт Грибачёв Николай Матвеевич. В годах уже, лысый. Вёл себя демократично, не выпячивался. Хорошо пьёт водку и закусывает. В общем, крепкий мужик.

Приезжие писатели, в основном – посредственные, читали скучные стихи. Жаль, что мало хороших поэтов

приезжает в Овстуг. Народу собралось на праздник тысяч пять-шесть. Среди пёстрой толпы выделяются местные жители – загорелые, обветреные, какие-то иконные. Был хороший концерт местной самодеятельности. Пели и танцевали старые женщины в своих доподлинных, не бутафорских, а русских костюмах и устроили настоящий брянский карогод.

На этом дневниковые записи, включённые в книгу братьев Ткачёвых, заканчиваются. Поскольку последний отрывок был посвящён тютчевскому празднику поэзии, есть смысл на время отойти от биографических сведений о братьях-художниках и коснуться жизни того человека, который стоял у истоков этих праздников. Речь пойдёт об уже упоминавшемся Владимире Даниловиче Гамолине (1930 – 2003). Родился он в деревне Клинок Жирятинского района, но в 1932-1939 гг. она входила в состав Жуковского района, так что перевод отца Володи, Данилы Васильевича, из колхоза в Клинке, где он был председателем, в более крупный овстугской колхоз того же района был делом естественным. Но отец Володи был не только хозяйственником, но и книгочеем и особенно любил стихи Тютчева. Во время войны, уходя на фронт, Данила Васильевич сложил книги как главное богатство в сундук и закопал его. Появившиеся вскоре в Овстуге нацисты, обнаружив захоронение, сожгли книги, что стало для старшего Гамолина, вернувшегося с войны и снова ставшего председателем колхоза, большим личным горем. Но и в пору послевоенного лихолетья Данила Васильевич жил «не хлебом единым» и во время поездки в Москву купил у букинистов двухтомник Тютчева, который передал сыну.

Этот отцовский подарок Владимир Данилович хранил всю жизнь, с него фактически определилась судьба юноши. Далее были учёба на филологическом факультете Ленинградского педагогического института, завершённая с отличием, служба в армии на Сахалине и возвращение в Овстуг учителем русского языка и литературы (а затем и завучем) местной средней школы. А впереди было главное дело жизни – восстановление зримой памяти о замечательном русском поэте Ф.И. Тютчеве, что и удалось осуществить. Трудно перечислить хотя бы основные вехи подвижнической деятельности Владимира Даниловича от создания первого тютчевского музея до превращения Овстуга в один из главных культурных центров Брянщины. Ограничимся мнениями людей, близко его знавших. Братья Ткачёвы: «Владимир Данилович – русский талант, подлинный самородок, связал свою судьбу с родным селом, с музеем Тютчева. Всё в этом музее воссоздано его умом и талантом. Блестящий тютчевед, все свои познания о поэте щедро отдаёт людям. К тому же, В.Д. Гамолин – прекрасный поэт, влюблённый в свой край». Когинов: «Вряд

ли найдётся на нашей родной земле ещё один современник, который сделал так много для развития её культуры, для неразрывной связи прошлого с настоящим».

Эти оценки (особенно вторая) могут показаться в чём-то преувеличенными. Ведь В.Д. Гамолина поддерживали, помогали ему словом и делом, трудились вместе с ним, своим умом и творчеством дополняли и расширяли поле его деятельности ещё многие десятки других людей. Всё это так, но зачинателем большого культурного дела стал именно Владимир Данилович, а всегда присущие ему энтузиазм и целеустремлённость привлекали к нему тех, кто не был равнодушен к отечественной культуре. Среди них нужно назвать его жену, учительницу Анну Сергеевну, других педагогов Овстугской средней школы во главе с директором Алексеем Прохоровичем Степановым (математик по специальности, он знал и любил русскую поэзию), руководителей местного колхоза. Потом их число стали пополнять писатели, художники, работники библиотек и музеев, журналисты, краеведы, некоторые из руководителей района и области; нашлась поддержка и в центральных ведомствах. Всё это позволило установить в 1978 г. памятник Ф.И. Тютчеву работы брянского скульптора Алексея Ивановича Кобилинца, а в 1980-е гг. воссоздать усадебный дом Тютчевых, где разместилась основная музейная экспозиция.

Что же касается тютчевских праздников поэзии, которые начали проводиться в Овстуге с 1961 г., то очень скоро эти праздники получили широкую известность. Среди приезжавших в Овстуг гостей были видные тютчеведы: правнук великого поэта Георгий Васильевич Пигарёв, Вадим Валерьянович Кожинов, Геннадий Васильевич Чагин; поэты-фронтовики Владимир Жуков, Егор Исаев, Виктор Кочетков, Николай Старшинов, а также Глеб Горбовский, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев и другие известные поэты, не считая авторов, родившихся или живших на Брянщине.

Из тех благотворителей, которые оказали В.Д. Гамолину наиболее существенную поддержку, остановим внимание на двух. Владимир Петрович Черкас (1927 – 1082), уроженец Жуковки, едва не погибший от рук гитлеровцев во время войны, позже закончил Елецкое художественное училище и отделение графики и живописи в Московском педагогическом институте и работал учителем рисования в Жуковской средней школе. Он и стал главным помощником В.Д. Гамолина при оформлении экспозиции в первом музее Ф.И. Тютчева, который размещался в здании школы, построенном благодаря дочери поэта, Марии Фёдоровне. Всего он передал музею около 20 своих работ. Кроме школьных уроков, В.П. Черкас вёл изокружок при Жуковском доме культуры. Особенно велика

заслуга художника в оформлении историко-краеведческого музея в ДК ЖВЗ. Там же были помещены написанные им портреты военачальников, освобождавших Жуковский район, а также партизан и других героев-жуковцев (нужно лишь исправить допущенную в «Истории земли Жуковской» ошибку – Болдин, Горбатов, Крюков художнику не «позировали», а он писал их портреты по фотографиям). Память о рано ушедшем из жизни художнике в Жуковке сохраняется, о чём свидетельствует открытие в 2006 г. картинной галереи В.П. Черкаса в Жуковской средней школе № 3.

Борис Моисеевич Копырнов был, несомненно, самым главным сотоварищем В.Д. Гамолина в большинстве его подвижнических трудов. Он родился в 1948 г. в д. Шамордино, однако всей своей жизнью и деятельностью был и, слава Богу, остаётся неразрывно связанным с селом Овстуг. Здесь он окончил среднюю школу, сюда в 1971 г вернулся после окончания Курского сельскохозяйственного института и работал в местном колхозе главным инженером, заместителем председателя, а затем в течение 18 лет председателем колхоза (позже – производственного сельхозкооператива «Овстуг»). Вот мнение о нём братьев Ткачёвых: «Б.М. Копырнов не только умело хозяйствует, но и большое внимание уделяет вопросам культуры. При его непосредственном участии воссоздана усадьба Ф.И. Тютчева, функционируют художественный и краеведческий музеи. Именно безмерная любовь к земле-матушке, к людям, которые на ней трудятся, отличает Б.М. Копырнова от тех временщиков-хапуг, которые готовы всё на свете распродать, лишь бы получить выгоду лично для себя». В 1997-2003 годах Борис Моисеевич, ставший кандидатом сельскохозяйственных наук и получивший звание «Заслуженный работник сельского хозяйства», являлся первым заместителем губернатора Брянской области. Это позволило ему значительно расширить деловые контакты с теми, кто был в состоянии помочь дальнейшему развитию тютчевского музея в Овстуге в период приближавшегося 200-летия великого поэта. Накануне юбилея были восстановлены плотина, пруд с водяной мельницей, хозяйственный флигель, благоустроен парк, вновь появился пруд в д. Неготино, а в 2003 г. в Овстуге освящена воссозданная церковь Успения Пресвятой Богородицы. Литературный музей получил статус «Государственного мемориального историко-литературного музея-заповедника Ф.И. Тютчева «Овстуг». Вот мнение бывшего председателя Брянского облисполкома И.Я. Поручикова: «В этой большой работе непосредственное участие на всех её стадиях принимали организатор и бессменный в течение 50 лет директор музея Ф.И. Тютчева Владимир Данилович Гамолин и Борис Моисеевич Копырнов,

связанные поэзией Тютчева и более чем тридцатилетней дружбой. Их бескорыстная, активная, подвижническая деятельность во многом способствовала осуществлению намеченных планов». Ближайшей помощницей Гамолина в музейных делах стала в последние годы его жизни супруга Копырнова – Лидия Александровна. Она же после кончины Гамолина стала директором музея-заповедника и находилась на этом посту восемь лет. Сам же Борис Моисеевич, уйдя на заслуженный отдых, серьёзно увлёкся художественной фотографией и выпустил в 2013 г. прекрасный фотоальбом «Овстуг – колыбель поэта».

Нельзя не упомянуть хотя бы кратко о некоторых жителях Брянщины, внёсших существенный вклад в сохранение памяти о тютчевских местах и о великом поэте. Это, в первую очередь, заслуженный архитектор РФ Василий Николаевич Городков (1914 – 1997). Уроженец древней Владимирской земли, выпускник Академии художеств, прошедший затем «гвардейцем бесконечно длинную дорогу страшных дней войны», а в послевоенные годы закончивший факультет усовершенствования Московского архитектурного института – таковы были начальные вехи его жизненного пути до приезда в 1949 г. на Брянщину, ставшую на полвека главным местом его жизни и деятельности. Здесь по его проектам были построены многие здания (в том числе – Брянской областной библиотеки), здесь он четверть века (1970-1995) возглавлял Брянское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и многое сделал для реставрации ряда объектов (в частности – храмов), стал автором нескольких книг. По его проекту был восстановлен и усадебный дом Тютчевых в Овстуге.

Владимир Григорьевич Деханов (1939 – 2022) родился в Бежице. После школы начал работать на БМЗ, отслужил в армии, а затем закончил БИТМ и работал инженером-конструктором. Позже были – учёба в Горьковской ВПШ, работа в партийных органах, но одновременно всё заметнее проявлялось увлечение историей и литературой. Первым подготовленным им изданием стал небольшой сборник «Современники о Ф.И. Тютчеве» (1984). В 1990-е гг. Деханов стал сотрудником «Брянской газеты», где вёл страницу «Исторический клуб». В последующие годы был автором или составителем многих книг, из которых назовём лишь связанные с жизнью великого поэта: «Ф.И. Тютчев: день за днём», «Ф.И. Тютчев. Мысли о России», «Ф.И. Тютчев среди близких и друзей», «Венок Ф.И. Тютчеву». Издал также несколько книг об А.К. Толстом и об истории Брянского края.

Владимир Петрович Алексеев, родившийся в 1953 г. в д. Ольховке Выгоничского района, после окончания Орменской

средней школы поступил на историко-филологический факультет Гомельского университета, который окончил с отличием в 1976 г. В том же году начал работать научным сотрудником в Брянском краеведческом музее, где и трудится уже почти полвека. Был заместителем директора по научной работе, директором музея (в 1991-2007 гг.), затем вновь стал заместителем директора. Фактически с конца 1980-х гг. Владимир Петрович, заслуженный работник культуры РФ, является главным организатором всего музейного дела в области. Очень многое сделано им для Овстугского музейного комплекса, а его книга «Тютчевский Овстуг» является лучшим литературно-краеведческим исследованием по тютчевской тематике. Богаты фактическим материалом и другие историко-краеведческие работы Алексеева. Можно лишь добавить, что и он, и покойный Деханов, были постоянными участниками проходивших в Овстуге научных конференций.

Ныне (уже более десятка лет) директором Овстугского музея-заповедника является О.М. Шейкина, бывшая выпускница Жуковской средней школы № 1, а научные сотрудники музея В.А. Шевардин и Н.Н. Амелин стали авторами нескольких интересных статей.

В состав музея-заповедника, кроме Овстуга, вошли и некоторые соседние территории, в том числе – древнее село Вщиж. Накануне 200-летнего тютчевского юбилея там также были проведены некоторые работы: появились памятные знаки, часовня на одном из сохранившихся курганов, здание прежней церковно-приходской школы переоборудовали в Тихвинскую церковь с небольшой музейной экспозицией по истории Вщижа. Всё это неплохо, но, к большому огорчению, главный археологический памятник – «Вщижское городище» (в дневниках братьев Ткачёвых – «раскоп») – оказался безвозвратно утраченным, хотя и считался охраняемым государством. В 1990-е годы основную часть его территории заняли дома, гаражи и другие надворные постройки, а также огороды двух новых «хозяев». Небольшой незанятый участок оказался превращённым в свалку строительных отходов. Ни жуковские районные власти, ни областные чиновники, отвечающие за охрану памятников культуры, ничего не сделали, чтобы пресечь это безобразие.

Возвращаясь к жизни и творчеству братьев Ткачёвых, нужно отметить, что их пребывание в соседних с Овстугом селениях сопровождалось невесёлыми размышлениями о судьбах русской деревни. Они, по собственному признанию, «впервые остро почувствовали, что происходит неладное», что «многострадальная русская деревня, над которой экспериментировали много лет, переживает не лучшие времена, что с исчезновением с карты России старых сёл и

деревень исчезнет и культура народная: традиционные народные промыслы, устное, в том числе песенное творчество». Итог их раздумий горек: «Мы слишком далеко зашли в своём духовном опустошении». Не случайно во многих картинах братьев Ткачёвых, написанных в середине 1980-х гг. и позже («Дети войны», «Сыновья», «Лихолетье. Русское поле», «Милосердие», «Похороны ветерана». «Деревенский крест», «Судьба ветерана») жизнь народа показана с суровой правдивостью. Примечателен отзыв одного из посетителей персональной выставки художников в 1992 г.: «Грядущие поколения поймут по вашим картинам, что было в России в XX веке, и добрым светлым словом помянут русских людей, сумевших остаться людьми даже в нечеловеческих условиях». На рубеже минувшего и нынешнего веков братья Ткачёвы ещё не раз бывали на Брянщине. Свидетельством этому стали их картины: «Туман над Десной» (1998), «По дороге во Вщиж» (1999), «Липа вековая. Вщиж» (2002), «У тютчевского тополя. Гамолин» (2002). Последние годы братья жили в Тверской области, где и скончались, чуть-чуть не дожив до ста лет: Сергей Петрович – в 2022 г., Алексей Петрович – в 2025 г. Похоронены в д. Салпа Вышневолоцкого района.

Окрестности Овстуга и Вщижа привлекали и других художников, родившихся на Брянщине. Юрий Андреевич Махотин (1930 – 2025) родился поблизости – в старинном селе Страшевичи Брянского района, но в следующем году семья Махотиных была раскулачена и перебралась в Бежицу, а во время войны находилась в Башкирии. В 1945-1951 гг. Юрий учился в Орловском художественном училище (в г. Ельце), затем служил в армии в Карелии, и суровый северный край помог ему лучше почувствовать красоту среднерусской природы. В 1956-1970 гг. работал художником-оформителем на разных предприятиях Брянска и преподавал в Брянском культпросветучилище. С 1970-х гг. начался наиболее плодотворный период творчества Махотина, когда им были созданы пейзажи «Через века». «За землю русскую», «У Чашина кургана», «Пора цветения» и ряд других, с философским осмыслением жизни. К этому периоду относится также цикл работ «По тютчевским местам». Из них можно выделить «Когда повеет вдруг весною…», «Овстуг в апреле», «День угасает. Овстуг», которые проникнуты элегическим настроением, нередким в пейзажной лирике Тютчева. В 1988 г. художник передал в дар Овстугскому музею 23 картины из названного цикла. В его работах, написанных на рубеже веков («Одинокая старость», «Кресты на окнах», «Звонят, звонят колокола России»), стали заметными тревожные ноты. В 2006 г. Юрию Андреевичу было присвоено звание «Народный художник РФ». Скончался совсем недавно – в октябре 2025 г.

Василий Васильевич Лаворько (1941 – 2023), уже упоминавшийся ранее, родился в селе Нижнем Стародубского района, после средней школы поступил на художественно-графический факультет Орловского педагогического института, который закончил в 1967 г. С этого же года жил и работал в Брянске. Его ранние пейзажи обычно были городскими или индустриальными, но с середины 1970-х гг. в творчестве художника стало преобладать лирическое начало, связанное с сельскими пейзажами (он подолгу жил и работал во Вщиже). Не забывал он и своей малой родины (серия картин «Земля Стародубская»), но основной настрой его пейзажей определялся тютческими местами и тютчевской пейзажной лирикой. Это проявилось на двух персональных выставках Василия Васильевича: в 1997 г., где была представлена серия «Белый снег России», и в 2002 г., приуроченной к 200-летнему юбилею Ф.И. Тютчева. Позже более 50 своих картин он подарил Овстугскому музею-заповеднику. В 1998 г. был удостоен звания «Заслуженный художние РФ».

Природа тютчевских мест привлекала и других мастеров пейзажной живописи, в том числе – родившихся в Брянске Евгения Васильевича Фетисова (1959) и Бориса Михайловича Яшина (1951). Оба они не являются только художниками-пейзажистами (у Фетисова немало удачных портретов, а Яшин больше известен работами в декоративно-монументальном искусстве), но их пейзажи, написанные в Овстуге и Вщиже, роднит явное лирическое настроение. Работы Фетисова составили серии «Тютчевский Овстуг» и «Древний Вщиж», а из пейзажей Яшина, написанных в 2915-2019 гг., можно назвать «Золото осени. Вщиж», «Вщижские дали», «Грустная пора. Вщиж», «Водяная мельница. Овстуг», «Весна. Овстуг».

Не мог пройти мимо этих мест и родившийся в Жуковке в 1948 г. Владимир Васильевич Волков. К искусству он приобщился в изокружке районного Дома культуры под руководством В.П. Черкаса, сохранив в последующие годы чувство благодарности своему учителю. Окончив Жуковскую среднюю школу, поступил на художественно-графический факультет Орловского педагогического института (закончил его в 1971 г.). В 1978-1983 гг. он обучался на факультете монументальной живописи Харьковского художественно-промышленного института. Дарование Волкова-художника многопланово: он успешно работает и в монументальном искусстве, и в религиозных росписях храмов и монастырей Брянщины, и в станковой живописи. Картины его разнообразны по жанрам, но особое внимание художника обращено к историко-религиозной тематике с философским подтекстом (картины «Набат», «Молитва» и ряд других). Их автор как бы подводит зрителей к мысли, что духовной опорой

русского народа была и должна оставаться православная вера. Есть у него и картины, связанные с войной («Матрёновка»). Его работы «Древний Вщиж», «Вщиж XII века. Зима» можно оценить как историко-архитектурную реставрацию средствами живописи. Есть у Волкова и пейзажи, навеянные тютчевской лирикой («На родине Ф.И. Тютчева», «Погост в Неготино»). Художник и сам не чужд поэзии: им изданы сборники стихов «Я родился в России» (1991) и «В краю Бояна. И кистью, и пером» (2006). В 2010 г. Владимиру Васильевичу присвоено звание «Заслуженный художник РФ».

Ранее уже упоминалось немало примечательных уроженцев Овстуга и соседних селений, но их число можно дополнить ещё некоторыми. Юрий Александрович Формин (1953 – 2012) родился в Овстуге. Его отец, плотник и столяр-краснодеревщик, играл на многих музыкальных инструментах, мать прекрасно пела, и родительские задатки перешли к Юрию, который позже стал и музыкантом, и певцом, а также поэтом. После школы поступил в Брянский институт транспортного машиностроения (БИТМ), одновременно обучался на вечернем отделении музыкального училища. Окончив институт, работал инженером на Брянском автозаводе, но музыкальные интересы взяли верх над производственными. Юрий возглавлял эстрадный оркестр в ДК им. Медведева, был заместителем директора центра эстетического воспитания «Родники», заведовал музыкальной частью в Брянском театре драмы, работал в областном управлении культуры. Издал несколько сборников песен для детей и взрослых, в том числе – на собственные стихи. Умер после тяжёлой болезни. К годовщине смерти мужа вдова издала его нотно-поэтический сборник «Русский характер».

Валентина Ивановна Чирок (1951 – 2019) родилась в крестьянской семье в с. Вщиж. После школы окончила филологический факультет пединститута и 17 лет работала в сельских и городских школах, а потом столько же – в многотиражных, районных и областных газетах. Издала четыре сборника стихов и два сборника прозы. Была лауреатом нескольких всероссийских литературных конкурсов. Последние годы жила в Жуковке, где и похоронена.

Валентина Александровна Крисанова родилась в 1954 г. в запустевшей ныне деревне Хоробровичи, училась в Овстугской средней школе, в Брянском культпросветучилище. Работала директором Дома культуры в п. Тросна, корреспондентом ряда газет, сотрудником музея братьев Ткачёвых. Стихи пишет со школьных лет, первый сборник «Имени твоему» был издан в 1985 г. В 1992 г. Крисанова закончила (заочно) Московский литературный институт. Позже появились новые сборники «Русалочьи песни», «Синий

колодец», «Волшебная свирель», где помещена посвящённая любимому учителю В.Д. Гамолину поэма «Признание». С 2007 г. живёт в Жуковке, активно участвует в деятельности районного литературного объединения «Стожары».

Евгений Владимирович Кодин родился в 1957 г. в Овстуге (относится к одной из старинных фамилий местных крестьян). Окончив Овстугскую среднюю школу, поступил на исторический факультет Смоленского пединститута. После завершения учёбы с 1980 г. работал учителем в одной из сельских школ в Руднянском районе. С 1984 г. начал работать в Смоленском пединституте, пройдя путь от лаборанта и ассистента до декана факультета, зав. кафедрой истории России и проректора. В 2007 – 2017 гг являлся ректором Смоленского государственного университета. Доктор исторических наук (1999), профессор, автор более 80 научных работ (в том числе – 5 монографий). В 2009 г. был главным организатором проведения на базе Смоленского университета международной научной конференции «История сталинизма: репрессированная российская провинция» (на конференции довелось выступать и автору этой книги).

От уроженцев тютчевских мест обратимся вновь к тем, кто своим рождением или жизнью связаны с Жуковкой. Василий Васильевич Головачёв (1948 – 2025) родился в Жуковке, здесь же окончил среднюю школу, а затем учился в Рязанском радиотехническом институте, где получил специальность инженера-конструктора. В 1972-1974 гг. служил в армии на Дальнем Востоке. Затем работал инженером, начальником отдела Украинского проектного института «Металлургоавтоматика». С конца 1960-х гг. начал активно заниматься литературным и художественным творчеством в жанрах научной фантастики. Его рассказы печатались в областных газетах, в научно-популярных журналах, а в 1979 и 1982 гг. в Днепропетровске были изданы две первые книги. В 1989 г. оставил работу в проектном институте и начал жизнь писателя-профессионала. Очень скоро получил широкую известность как автор многих романов, повестей и рассказов научно-фантастического характера. В 1996-1997 гг. в Нижнем Новгороде было издано собрание сочинений Головачёва в 11 томах, а в Москве – трёхтомник избранного. С 1990-х гг. жил в г. Орехово-Зуево, но регулярно поддерживал связь со своей малой родиной. Здесь же на кладбище в Жуковке он и похоронен, скончавшись в сентябре нынешнего года.

Наталья Семёновна Шитикова (1956 – 2023) родилась в Жуковке в семье ветерана войны, закончила Жуковскую среднюю школу и Брянский политехнический техникум, а затем вернулась в Жуковку, где и работала более 30 лет на велосипедном заводе. Стихи начала писать в школьные годы,

но серьёзно обратилась к литературному творчеству только в начале нынешнего века. Первая книга её стихов была издана в 2008 г., а затем – ещё более 10 книг стихов и прозы. Многие стихи Шитиковой отличаются высокой гражданственностью. Она одной из первых отозвалась на геноцид украинских националистов по отношению к русскому населению Донбасса и Новороссии. В изданном в начале 2023 г. коллективном поэтическом сборнике «С мечом и молитвой Победа придёт!» - 16 стихотворений Натальи Семёновны, которая скоропостижно скончалась в апреле того же года в Жуковке.

Владимир Семёнович Леонов родился в 1949 г. в г. Рославле, но со школьных лет был связан с Жуковкой, а среди его друзей в годы юности и позже были названные ранее Василий Головачёв и Владимир Волков. В 1966 г. окончил Жуковскую среднюю школу №1, затем учился в Московском институте инженеров сельскохозяйственного производства на факультете электрификации. Окончив институт, работал инженером-электриком в жуковском совхозе «Коммунар». Там совершил своё первое научно-техническое открытие: разработал диэлектрический сепаратор для выделения элиты семян. Опытная партия таких сепараторов вскоре была изготовлена на Жуковском велозаводе, а затем начался их выпуск уже другими предприятиями. Позже получил ещё более 50 патентов на сделанные изобретения. В 1980 г. стал кандидатом технических наук. Работал в Москве генеральным директором конверсионного НПО «Электробиотехнология», но когда к науке стала «липнуть» криминальная коммерция – ушёл. Продолжал активно вести научные исследования (к концу века В. Леоновым было издано более 200 работ), что не осталось без внимания – в 1996 г. он был удостоен премии правительства России в области науки и техники. Но ни от Академии наук России, ни от «Роскосмоса» реальной поддержки учёный не получил. Большее понимание его труды нашли в Белоруссии в Академии наук и Госкомитете по науке и технике (не случайно такие работы Леонова как «Теория упругой квантовой среды» и «Новые источники энергии» были изданы в Минске в 1996-1997 гг.). В 1998 г. был избран действительным членом Международной академии экологии. Вернувшись в Москву, руководил лабораторией исследований фундаментальных взаимодействий в космическом пространстве, издал книгу «Электрическая природа ядерных сил» (2001). Однако основные идеи учёного: квантования вакуума для извлечения экологически чистой энергии, «оседлания» гравитационных волн, - рассматривались российской властью и большинством учёных как весьма сомнительные или фантастические. В то же время Кембриджский университет в Англии издал двухтомный труд с

изложением основных идей Леонова. Учёному не раз поступали приглашения приехать в США или Англию и получить там финансовую поддержку, необходимое оборудование и другие условия для продолжения научных исследований, но вместо этого он приехал в Жуковку, купил дом и начал обустраивать в нём научную лабораторию. Об этом (а заодно и о многом другом в связи с идеями Леонова) можно почитать в книге известного брянского журналиста и писателя А.Т. Нестика «Явь громосветная» (2021).

Иван Иванович Крышев родился в Жуковке в 1950 г. Там же окончил среднюю школу, а затем поступил на физический факультет МГУ, специализируясь по биофизике (окончил в 1973 г.). Более 10 лет работал в Научно-исследовательском технологическом институте близ Ленинграда. Под его руководством был организован первый в СССР регионально-экологический мониторинг местной АЭС. С 1986 г. - доктор физико-математических наук. Участвовал в изучении последствий аварии на Чернобыльской АЭС, что нашло отражение в монографии «Радиоэкологические последствия Чернобыльской аварии» (1991). Под научным руководством Крышева и при его участии впервые в мировой практике разработаны рекомендации по определению контрольных уровней содержания радионуклидов в морских и пресных водах, донных отложениях и почве, обеспечивающих сохранение благоприятной наружной среды. В соавторстве с Е.П. Рязанцевым издал монографию «Экологическая безопасность ядерно-энергетических комплексов России». Последнее место работы доктора наук, профессора Крышева – главный научный сотрудник НПО «Тайфун».

Григорий Владимирович Белый родился в 1948 г. в Жуковке. После окончания вечерней школы рабочей молодёжи поступил в БИТМ, который закончил в 1972 г. Был направлен на работу в г. Кременчуг на сталелитейный завод. Там исследовательские способности инженера были замечены и его перевели в НИИ, где вскоре назначили старшим научным сотрудником. За успехи в развитии теории и практики теплоэнергетики был удостоен медалей ВДНХ, стал лауреатом премии ЦК ВЛКСМ. В 1986 г. вернулся на Брянщину, работал на заводах в Брянске, а затем вновь оказался в Жуковке. Был обозревателем газеты «Жуковские новости», там же публиковались его стихи и проза (более ранние публикации были на Украине и в Белоруссии). В 2005 г. издал сборник стихов «Из далёкой дали». Многие годы руководит районным литературным объединением «Стожары».

Приближаясь к завершению этой книги, автор просто не имел права пройти мимо места своей 15-летней работы – Олсуфьевской средней школы (некоторые из её выпускников

уже были упомянуты). Эта школа была построена и начала работать в 1937 г., когда рядом с посёлком появился военный городок для обслуживания запасного военного аэродрома. В годы войны оккупанты превратили здание школы в госпиталь, а с 1944 г. занятия в школе возобновились.

Чем же отличалась Олсуфьевская школа от других средних школ района? Главное отличие – в ней обучались школьники из двух десятков селений трёх районов: Жуковского, Дубровского и Рогнединского. В начальных классах школы обучались дети, чьи родители жили в Олсуфьево и в доме офицерского состава в соседнем военном городке; в пятых классах к ним присоединялись те, кто заканчивал соседние начальные школы: Бараниховскую (Берёзовскую), Загорскую (вскоре закрытую) и Трубачёвскую в Жуковском районе, а также Вязовскую, Голубеевскую и Коробковскую в Дубровском районе. Наконец, восьмые классы пополнялись частью выпускников семилетних школ: Зареченской Жуковского района и Семёновской Рогнединского района (эти же старшеклассники, как правило, проживали в пришкольных интернатах). Таким образом, состав учащихся Олсуфьевской школы был достаточно «пёстрым».

Когда в 1964 г. автор этой книги был избран директором Олсуфьевской школы, в ней обучалось около 500 учеников и работало более 30 педагогов. Учителя в своём большинстве имели опыт работы, были профессионально грамотными и добросовестно относившимися к своему делу людьми. Шесть из них ранее работали директорами школ в разных местах, двое являлись участниками Великой Отечественной войны, а подполковник в отставке Михаил Фёдорович Алхимов участвовал в войне с Японией. К сожалению, психологический климат в педколлективе был довольно напряжённым, но сравнительно быстро молодому директору удалось изменить ситуацию к лучшему. Помогла этому активизация различных форм внеклассной работы, в которую были вовлечены и педагоги, и учащиеся. Впрочем, лучше обратиться к мнениям бывших выпускников школы.

Вот отрывок из размещённого в 2006 г. в Интернете материала: «В нашей школе была особая аура. Для преподавателей и ребятишек она была вторым домом. Учителя делали всё, чтобы нас тянуло в этот уютный дом. Помню: прибежишь домой, портфель бросишь, пообедаешь – и назад. Школа притягивала, согревала, радовала. Домой возвращались часов в семь-восемь вечера. Всё было так интересно, увлекательно. Необычные школьные вечера всегда получались отменными. Мы и за порядок отвечали сами – было очень развито школьное самоуправление. Педагоги воспитывали в нас самостоятельность, ответственность за собственные

поступки. Очень хорошо было поставлено трудовое воспитание. Был большой приусадебный участок, мы ухаживали за фруктовым садом. Интересной была спортивная жизнь. Мы всегда чувствовали уважение к себе, интерес к нашим судьбам». Автор очень тепло отзывается о своей первой учительнице Зое Ивановне Шпилевской, об учителе физики Николае Анисимовиче Новикове, о преподавателе физкультуры Владимире Митрофановиче Фролове, о директоре школы. Учителя, по его словам, были «настоящими воспитателями, они не только давали детям знания – они учили жить по совести». Автор материала – выпускник Олсуфьевской средней школы 1966 г. Владимир Филиппович Городецкий.

А вот ещё одно «Слово о школе» (так названа одна из глав в книге «Перекрёстки» другого выпускника школы – Александра Егоровича Митяева): «В юбилейные даты в школе собираются выпускники разных лет. Всех объединяет желание побывать в родной школе, встретиться со своим детством, юностью. Объединяет желание прильнуть памятью к тому истоку, к тому роднику, что напитал и продолжает питать духовную жизнь каждого. Каким звонким, весёлым и радостным видится теперь этот родник!» С особой теплотой автор вспоминает свою первую учительницу – Валентину Михайловну Моисееву, учителя математики Семёна Фёдоровича Моисеева, который «глубоко знал, а главное – любил свой предмет и учеников, ценил простые и доступные для школьников программы и учебники и сам написал учебник по математике». К слову, учебник этот занял третье призовое место на Всероссийском конкурсе, но издан не был. «Самые тёплые воспоминания» автор сохранил об учительнице русского языка и литературы Елене Гавриловне Мартыновой – классном руководителе: «Завтрашние выпускники тянулись к ней, как к доброму старшему товарищу, доверяя свои мысли и планы». Приведу и ещё одно мнение автора: «Глубокое уважение всех нас вызывал бывший в то время директором школы Владимир Викторович Крашенинников – человек высокой культуры и эрудиции. Учитель по призванию, он ещё и исследователь, издал несколько книг по краеведению». Упомянул автор «Перекрёстков» и ещё некоторых учителей, которые «учили нас не только школьным предметам: они учили сопереживать, быть справедливыми». Далее – об упомянутых авторах.

Владимир Филиппович Городецкий родился в 1948 г. в Починковском районе Смоленской области, но когда малышу было четыре месяца, родители переселились в Олсуфьево, где и прошли детские и юношеские годы Володи. Окончив школу с серебряной медалью, он собирался поступить в военное училище, но был там отсеян медицинской комиссией по

состоянию здоровья. Поскольку сроки поступления в вузы прошли, Владимир был вынужден поступить на вечернее отделения БИТМа и одновременно начал работать на заводе ирригационных машин. На третьем курсе был переведен на дневное отделение института, учёба в котором была им окончена с красным дипломом в 1972 г. Был направлен на работу на Новосибирский комбинат стройиндустрии, где трудился старшим мастером, начальником цеха, секретарём парткома. Затем работал вторым секретарём Первомайского РК партии г. Новосибирска и председателем Первомайского райисполкома. В 2000 г. был избран мэром Новосибирска, а затем дважды (в 2004 и 2009 гг.) переизбирался на этот пост. С 2003 г. по 2014 г. являлся президентом Ассоциации сибирских и дальневосточных городов. В 2014 г. был избран губернатором Новосибирской области и оставался им до осени 2017 г.

Занимая высокие должности, Владимир Филиппович не забывал того места, откуда он вошёл в большую жизнь. Свидетельства этому - и цитиронанный ранее материал из Интернета, и его приезды в 2012 и 2017 годах в Олсуфьево вместе с женой, Раисой Иосифовной (в девичестве – Якимкиной), также окончившей Олсуфьевскую школу, на традиционные встречи выпускников. Сейчас супруги Городецкие живут в Москве, а Владимир Филиппович с 2018 г. является членом Совета Федерации от Новосибирской области.

Александр Егорович Митяев родился в 1949 г. в п. Олсуфьево. После окончания школы работал на Брянском автомобильном и Жуковском велосипедном заводах, служил в армии на территории Чехословакии. Там же впервые начал публиковаться в армейской газете. Вернувшись в Олсуфьево после воинской службы, Александр начал работать в дубровской районной газете «Знамя труда». Литературный сотрудник, заведующий отделом, заместитель редактора – таковы были ступени роста Митяева как газетчика с 1971-го до 1995-го года, а затем - 13 лет работы главным редактором газеты в весьма непростое время на рубеже веков. В 1977 г. закончил факультет журналистики МГУ (заочно). Со школьных лет Александр «заболел» шахматами, которые стали его главным увлечением. Участвовал в областных и республиканских соревнованиях, стал кандидатом в мастера, трижды становился чемпионом области в нгре по переписке. Как литератор стал автором немалого числа рассказов и очерков (порой – мемуарного характера), частично опубликованных в книгах «На братских могилах не ставят крестов…», «Через годы, через расстояния», «Радуге над Дубровкой сиять», «Есть селенье над речкой Белизной», «И мужество, как знамя, пронесли», «Перекрёстки». Главное внимание в них – судьбам простых, но достойных людей.

Встречи выпускников разных лет – это ещё одна примечательная особенность Олсуфьевской школы. Впервые мысль о проведении подобной встречи появилась в 1967 г., когда школе исполнялось 30 лет. Главным энтузиастом её организации и проведения стала Зоя Ивановна Шпилевская и во многом благодаря её поискам смогли приехать из разных концов страны и впервые собраться вместе значительно более ста выпускников разных лет. Следующие встречи в 1977 и 1987 годах привлекли ещё большее количество участников. Даже развал Советского Союза и начавшийся в 1990-е гг. в России политический, хозяйственный и социальный кризис не помешали проведению в 1997 г. очередной встречи выпускников, хотя и с меньшим числом приехавших.

А в нынешнем веке эти встречи стали более частыми: в 2007, 2012, 2017, 2022 годах. Но теперь в них появился заметный привкус горечи. Главная причина – в тех негативных для Олсуфьева и школы переменах, которые произошли в конце прошлого века. Пустым и заброшенным стал военный городок, закрылась железнодорожная станция, ликвидировано лесничество, нет больше местного совета и в условиях фактического безвластия некому заниматься благоустройством – вот и бушует кругом бурьян. Закрылись все соседние начальные школы, а Олсуфьевская школа, в которой осталось меньше 30 учащихся, превратилась в филиал Жуковской средней школы № 2. Вторая причина – всё меньше видишь на этих встречах знакомых лиц. Из тех педагогов, с кем автор книги начинал работать, не осталось никого. К сожалению, преждевременно покинули этот мир и многие бывшие мои ученики. На все прежние встречи выпускников обязательно приезжали Валентина Владимировна Петракова, закончившая школу в 1965 г. с золотой медалью, а позже работавшая врачём, и Юрий Иванович Голиков, выпускник 1966 г., бывший в начале нынешнего века председателем Жуковского районного Совета народных депутатов, но на последних встречах их уже не было.

Вероятнее всего, в недалёком будущем традиция этих встреч угаснет. Дай лишь Бог, чтобы светлая память о педагогах Олсуфьевской школы и её воспитанниках, независимо от того, с какой профессией они связали свою жизнь, сохранялась у потомков как о добрых, трудолюбивых и порядочных в своём большинстве людях, дела которых были полезными для окружающих и для Отечества – России.

Источники и литература

Публикуемый далее список значительно сокращён по сравнению с реальным перечнем материалов, использованных при подготовке этой книги. В нём отсутствуют летописи, включённые в «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), известные труды наиболее видных российских историков от В.Н. Татищева до Л.Н. Гумилёва, цитируемые сочинения В.И. Ленина, И.В. Сталина, других политических деятелей, учёных, писателей. Из документальных и мемуарных источников, а также исторических исследований включены лишь те, где есть прямые сведения о Брянском уезде (включая Овстугскую и Фошнянскую волости) и Жуковском районе. Если два или более подобных материалов помещены в одном сборнике, то его название и приводится в списке. Отдельно указаны только архивные документы, а все опубликованные источники приведены в общем списке вместе с исследованиями.

а) Архивные документы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), г. Москва

ф. 350, оп. 2, д. 435
ф. 405, оп. 1, дд. 2445, 3683
ф. 466, оп. 1, дд. 1642, 1779
ф. 545, оп. 2, д. 245
ф. 1029, оп. 1, дд. 10233, 10235
ф. 1335, оп. 1, д. 955; оп. 2, д. 209

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

ф. 5, оп. 1, дд. 90, 127, 200

Государственный архив Брянской области (ГАБО)

ф.1, оп. 1, дд. 1, 43; оп. 2, дд. 5-10, 12-16, 19, 22, 25, 26, 28, 38, 48, 56, 60, 61, 69, 83, 84, 87, 138, 139, 141-143, 146
ф. 4, оп. 1, дд. 35, 69, 81, 158, 163, 173, 250, 302, 345, 482, 504, 509, 564
ф. 5, оп. 2, дд. 243, 256, 414, 691
ф. 376, оп. 1, дд. 4, 89, 130
ф. 448, оп. 1, д. 50
ф. 523, оп. 1, дд. 271, 512, 513, 976
ф. 545, оп. 2, дд. 245, 346
ф. 111, оп. 2, д. 5; оп. 3, д. 129
ф. р-112, оп. спр., д. 273
ф. 486, оп. 1, 109; оп. 2, дд. 71, 109
ф. 2213, оп. 8, дд. 22, 46, 85, 98, 104, 105, 115-118, 129, 130, 135-138, 145-148, 157, 158, 163, 164, 175, 176, 186, 195.

б) Опубликованные источники и исследования

Абатуров В.В. 1941. На Западном направлении. М, 2007.
Акты Московского государства. Т. I. СПб, 1890.
Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. IV. СПб, 1851.
Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XV. СПб, 1892.
Алексеев В.П. Брянские люди XVII века. Брянск, 2001.
Алексеев В.П. Тютчевский Овстуг. Брянск, 2000.
Археологическая карта России. Брянская область. М, 1998.
Афонин В.И. Брянский набат. Брянск, 2009.
Афонин В.И. Эстафета детей войны детям мира. Брянск, 2005.
Болдин И.В. Страницы жизни. М, 1961.
Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М, 1979.
Братья Ткачёвы. 50 лет вместе. М, 2002.
Брянская губерния в цифрах. Краткий статистический справочник. Брянск, 1924.
Брянская губерния в цифрах. Сельское хозяйство. Брянск, 1925.
Брянский краевед. Вып. 1-4. Брянск, 2016-2024.
Брянский край. Историко-краеведческий альманах. Брянск, 2012.
Брянщина в годы Великой Отечественной войны. Люди. События. Факты. Сборники 1-6. Брянск, 2008-2012.
Брянщина в годы Первой мировой ввойны. Брянск, 2021.
Веденин А.Я. Годы и люди. М, 1964.
Вехи истории Брянского края. Брянск, 2014.
Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI, ч. 5. Орловская губерния. СПб, 1852.
Горбатов А.В. Годы и войны. М, 1992.
Дворянские усадьбы Брянского края. Т. I. Брянск, 2018.
Деснинские древности. Вып. I-X. Брянск, 1995-2021.
Древняя Русь. Город, замок, село. М, 1985.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л, 1950.
Ерёменко А.И. В начале войны. М, 1965.
Золотёнков В.Ф. Калинов куст. Брянск, 2013.
Золотые звёзды Брянщины. Брянск, 1992.
Из истории Брянского края. Брянск, 1995.
Ильиных И.Д. Шестьсот дней в боях и походах. Тула, 1970.
Иноземцев Н.Н. Цена победы в той самой войне. М, 1995.
И пусть поколения знают. Жуковка, 2003.

Исайчиков Ф.С. Учёные Брянской области. Сб. 1-3. Брянск, 2002-2003.

Историческое описание церквей и приходов Брянского уезда. Брянск, 2008.

История Брянского края. Ч. 1. С древнейших времён до конца XIX века. Ред. В.В. Крашенинников. Брянск, 2000.

История Брянского края. XX век. Ред. В.В. Крашенинников. Клинцы, 2003.

История крестьянства западного региона РСФСР. 1861-1917. Ред. Ф.Я. Филимонов. Калуга, 1993.

История крестьянства западного региона России.1917-1941. Ред. Ф.Я. Филимонов. Калуга, 2002.

Киселёва Е.В. Власть Советов: у истоков создания образа. Брянск, 2013.

Когинов Ю.И. Повесть, написанная вместе с 500 соавторами. М, 1981.

Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927 – 1937). Ред. Д.И. Будаев. Смоленск, 1968.

Кондратенко С.Ю. Разгром Брянского фронта. М, 2019.

Крашенинников В.В. Взгляд через столетия. Очерки истории Брянского края. Тула, 1990.

Крашенинников В.В. Из истории селений Брянского района. Изд. 2-е. Брянск, 2004.

Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест. Тт. I-II. Изд. 2-е. Брянск, 2013.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М, 1995.

Кузнецов Д.В. Гербы дворянских родов Брянского края. М, 2017.

Кукатов А.В., Геец Н.Я. Орловский военный округ. 1938 - 1941. Тт. 1-2. Брянск, 2019.

Кучер В.Н. Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941-1943 годы. М, 2014.

Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный Центр. 1861-1895 гг. М, 1972.

Литовская метрика. Отдел первый. Книга записей. //Российская историческая библиотека. Т. XXVII. СПб, 1910.

Материалы для истории церквей Брянского края. Брянск, 2010.

Митяев А.Е. Перекрёстки. Брянск, 2012.

Михеенков С.Е. Остановить Гудериана. М, 2013.

Населённые пункты Брянского края. Словарь. Сост. О.Р. Вязьмитин. Брянск, 2012.

О героях былых времён. Клинцы, 2010.

Орлов Г.И. Дятьковская партизанская бригада. Дятьково, 2016.

Орловская губерния. Списки населённых мест по сведениям 1866 года. СПб, 1871.

Орловская область в цифрах. Орёл, 1940.
Панков Ф.Д. Огненные рубежи. М, 1984.
Партизанское движение в Дятьковском районе в 1941-1943 годах. Дятьково, 2012.
Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов. Тула, 1970.
Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Брянск, 1959.
Партизаны и армия: вместе к победе. М, 2019.
Первая Всероссийская перепись населения России 1897 г. Т. XXIX. Орловская губерния. СПб, 1904.
Полозовы В.И. и Д.В. Возвращаюсь к тебе, Голубея. Брянск, 2013.
Полозов И.М. За землю Брянскую. Брянск, 2000.
Поляков Г.Н. Брянский район в контексте Российской истории. Брянск, 2005.
Пясецкий Г.М. История Брянской епархии с древнейших времён до 1820 г. Брянск, 2011.
Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Тт. 1-4. Орёл, 1994-1998.
Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска. //Археографический ежегодник за 1972 г. М, 1974.
Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. II. Среднерусская географическая область. СПб, 1902.
Русаков Н.И. История земли Жуковской. Брянск, 2008.
Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж.//По следам древних культур. Древняя Русь. М, 1953.
Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М, 1982.
Соловьёв Ю.П. Военный Брянск в 1914-1917 годах. // «Тема», № 9, 2014.
Списки населённых мест Брянской губернии. Брянск, 1928.
Статистика Российской империи. Главнейшие данные поземельного статистического обследования 1887 г. Вып. XXXII. Орловская губерния. СПб, 1897.
Теремов П.А. Пылающие берега. М, 1965.
Тихановские чтения. Вып. I-III. Брянск, 2007-2012.
Хохлов В.Г. В тылу врага. Изотов А.С. Освобождение. Брянск, 1995.
Чагин Г.В. Тютчевы. СПб, 2003.
Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного района России. Рязань, 2003.
Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. Брянск, 1995.

Послесловие

Подводя итог тому, что удалось завершить и сделать доступным для читателей, автор считает нужным подчеркнуть, что эта книга – не учебное пособие для школьников и не популярная работа об исторических достопримечательностях района и достижениях его жителей. Она адресована, в первую очередь, тем думающим читателям, которые привыкли мыслить самостоятельно, а не следовать сложившимся ранее канонам, пропагандистским штампам или появляющимся порой «новациям». Многие содержащиеся в книге сведения будут для большинства новыми, поскольку основаны на материалах редких и малотиражных изданий или вообще впервые вводятся в научный оборот по архивным документам. Поэтому книга может оказаться полезной для преподавателей школ и других учебных заведений, студентов - историков, библиотечных, музейных и архивных работников, журналистов, краеведов и всех прочих читателей, кто по-настоящему интересуется историческим прошлым своего Отечества и собственной малой родины.

Не пытаясь «объять необъятное», автор из всего комплекса исторических сведений о Среднем Подесенье, Брянском княжестве, Брянском уезде и Жуковском районе уделил главное внимание людям, жившим на этих территориях. Всё остальное, включая политические события, хозяйственную жизнь, социальные отношения, деятельность органов власти – рассмотрено более бегло, без многих подробностей. Ведь в основе своей история любой страны или отдельного региона – это прошлая жизнь людей, которые там обустраивались, трудились, растили детей, в случае необходимости – обороняли от врагов, а потом ложились в освоенную ими землю. От многих поколений, живших в Среднем Подесенье в догосударственный период, никаких зримых или именных следов не осталось. Первые одиночные упоминания княжеских имён связаны с Вщижским княжеством и относятся к середине XII века, а сведения (очень краткие) о первых дворянских фамилиях – к концу XVI века. О людях других сословий (духовенства, крестьянства), живших здесь, кое-что можно узнать из документов, начиная с XVIII века. Именно с конца этого столетия, а особенно в следующем столетии у лучших представителей правящего дворянства появляется понимание, что главная опора страны - в крестьянстве, которое не только её кормит и защищает, но и сохраняет вековые нравственные и духовные традиции, создаёт и бережёт народную культуру. Не отрицая значительной роли других сословий, а также рабочих и интеллигенции в развитии страны, нужно признать, что

родовые крестьянские корни дали наиболее многочисленную людскую поросль, вместе с которой поднималась, расширялась и крепла Россия. Достаточно посмотреть сведения об уроженцах и жителях Жуковской земли в прошлом веке, чтобы в этом убедиться.

Но многие проводившиеся властью в минувшем веке преобразования. связанные с российской деревней. носили не созидательный, а разрушительный характер и привели в конце концов к исчезновению русского крестьянства. Присущие ему черты ещё сохранялись частично среди советских колхозников, а среди сельских работников в современных агрофирмах или немногочисленных фермеров связующие начала прежней крестьянской жизни утрачены безвозвратно. Дело не в том, что машинные «лошадиные силы» заменили живых лошадей, а в утрате творческого начала, которое было присуще всему укладу прежней крестьянской жизни и в трудовой страде, и во время отдыха. Самому определять, как лучше организовать те или иные работы; самому украшать избу деревянной резьбой и благоустраивать прилегающую к ней усадьбу; самому на деревенских праздниках петь, плясать, участвовать в хороводе, а не только смотреть и слушать – всего этого практически больше нет. Утраченными оказались и многие трудовые навыки, и прежние духовно-нравственные устои крестьянского быта, и прежняя народная культура, питавшая своими живыми соками лучшие достижения отечественной литературы, изобразительного искусства, музыки. А пришедшая им на смену так называемая «массовая культура» направлена только на бездумное развлекательство, на оглупление и обеднение чувств и мыслей её потребителей.

От этих не очень весёлых размышлений вернёмся к представленной вниманию читателей книге. Степень достоверности имеющихся в ней сведений различна, но в основном это зависело от наличия (или отсутствия) заслуживающих внимания исторических источников. Общая закономерность такова – чем дальше в глубь веков, тем меньше достоверных сведений. Впрочем, не стоит забывать, что реальная история России постоянно, начиная с летописей, преднамеренно искажалась, приспосабливаясь к политическим пожеланиям князей, царей, императоров, вождей.

Отсюда – необходимость критического отношения не только к исторической литературе, где порой допускалась прямая фальсификация, но и к историческим источникам. Задача историка – не пытаться что-то или кого-то возвеличить или принизить (и в сответствии с этим подбирать нужные материалы), а с равной степенью заинтересованности рассматривать, анализировать, сопоставлять различные документальные, мемуарные и другие источники, чтобы

приблизиться (только приблизиться!) к реальной правде исторических фактов, вне зависимости от политических установок власти. В своей работе над книгой автор и стремился быть максимально объективным, не допускать «лакировки» или «очернительства» и в то же время «не кривить душой», не замалчивать «неудобные» или неоднозначные по оценкам факты – ведь преднамеренное «умолчание» сродни фальсификации. Удалось ли автору добиться этой цели – судить читателям.

Относятся размышления автора о желательности избегать «умолчаний» и к материалам наиболее обширной главы книги о Великой Отечественной войне. Казалось бы, что обилие опубликованной к настоящему времени литературы о событиях 80-летней давности даёт основание считать, что каких-то «белых пятен» в истории войны не осталось. В масштабах страны это, возможно, и так, но по отношению к отдельным территориям, особенно оказавшимся под временной вражеской оккупацией, ситуация далека ещё от полной ясности. Если вести речь о Жуковском и соседних районах, то, на наш взгляд, нуждаются в дополнительном кропотливом изучении и тяжёлые бои 50-й армии в октябре 1941 г., и жизнь населения в условиях оккупации, и особенности разных периодов партизанского движения, и судьбы многих участников войны.

Несомненно, что будущие исследователи, изучая архивные документы и другие ещё не опубликованные материалы, наверняка смогут внести существенные дополнения и уточнения также и в иные периоды истории Жуковской земли, и автор этой книги искренне желает им успеха в деле сохранения и преумножения памяти о людях, живших и трудившихся на этой земле. Дай Бог здоровья, сил и удачи во всех добрых делах читателям этой книги, а также жителям Жуковского района, Брянской области и всей великой России в нынешние сложные времена.

Моя отцовская благодарность сыну Константину, набиравшему первые главы этой книги, и дочери Надежде, внёсшей немало дополнений в сведения об отдельных упоминаемых в книге людях. Выражаю признательность всем другим родным и друзьям, которые поддерживали автора в период работы над книгой, а также сотрудникам Брянской областной научной библиотеки.

А завершить эту книгу и все помещённые в ней размышления хочу словами своего давнего стихотворения: «Храни тебя Господь, Россия – мать моя!»

Оглавление

Слово к читателям..... 3
1. Из глубины веков..... 7
2. В княжеские времена..... 14
3. В составе Московского государства (XVI-XVII вв.)..... 43
4. В составе Российской империи во времена крепостного права..... 73
5. От реформ 1860-х годов – к гибели Российской империи..... 112
6. На путях и распутьях социалистического переустройства жизни (1917-1940 гг.)..... 150
7. В годы Великой Отечественной войны..... 208
8. В послевоенные десятилетия..... 282
Источники и литература..... 312
Послесловие..... 316

В.В. Крашенинников

Из истории Жуковского района

Подписано в печать 08.12.2025.
Формат 148 х 210. Бумага офсетная, печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 2103-2025.
Отпечатано: цифровая типография «Аверс»
г. Брянск, ул. Софьи Перовской, д. 83
Тел. (4832) 41-84-30
аверс32.рф, аверскниги32.рф